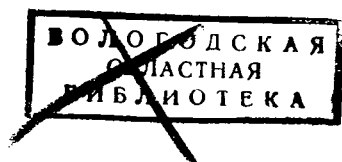

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ж 4355

3

1 9 5 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Поталов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10.

Подписано к печати 30. IX. 1953 г. Т07609 Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $7^{1/2}$
Печ. л. 20,55 + 1 вклейка. Заказ № 1434. Уч.-изд. листов 24,9. Тираж 2325 экз.

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ЗА ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЭТНОГРАФОВ И ИСТОРИКОВ

Марксистско-ленинская историческая наука исходит из того, что история общества это — прежде всего история развития производства, история народных масс, непосредственных производителей материальных благ. Еще великий русский революционный демократ В. Г. Белинский, один из предшественников марксизма в России, критикуя тех историков, которые ограничивали свое изложение исторических событий описанием смены династий, войн и роли великих полководцев, писал: «Политическая сторона должна быть только рамою истории, а не содержанием ее»¹. Буржуазная историография, не заинтересованная в подлинном раскрытии законов исторического развития, творческой роли народных масс, не могла и не хотела выйти за рамки фактологического перечисления имен и династий. Только марксистская историческая наука впервые выдвинула на первый план изучение жизни народных масс, подлинных творцов истории, и показала действие объективных законов исторического процесса.

Советская историческая наука в своем развитии проделала сложный и противоречивый путь, путь борьбы с буржуазной историографией, преодоления вульгаризаторских социологических построений школы Покровского и накопила, заново осветила огромный фактический материал по истории народов СССР и зарубежных стран. Знаменательными вехами на этом пути явились замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника истории СССР (1934) и выход в свет Краткого курса истории ВКП(б) (1938).

Однако при всех серьезных достижениях в работе советских историков имеются еще крупные пробелы и недостатки. Как справедливо указывает передовая статья журнала «Вопросы истории»², в ряде исторических трудов роль народных масс принижается и преувеличивается роль личности в истории. «При освещении национально-освободительных войн русского народа нередко остается в тени главное действующее лицо истории — народ. Упускается из виду, что исход войн в конечном счете решают не способности и воля полководцев, даже самых выдающихся, а совокупность экономических и социальных условий и участие в войне народных масс». Слабо раскрывается роль народных масс в сводных трудах по истории отдельных народов СССР (первый том «Истории Грузии», макет «Истории Киргизской ССР» и др.). «Изложение истории по царям, ханам, губернаторам и т. п. имеет место в ряде работ, посвященных всеобщей истории». И даже в трудах по истории советского общества недооценивается деятельность народных масс и чрезмерное внимание уделяется отдельным личностям. Передовая журнала призывает советских историков решительно преодолеть эти недостатки.

Необходимо в связи с этим указать на один существенный пробел в исторических работах — отсутствие в них характеристики культуры и быта народов. Исторические работы должны давать всестороннюю характеристику жизни народа. История народа — это не только история добывания

¹ В. Г. Белинский, Соч., т. 12, стр. 344.

² «Вопросы истории», 1953. № 6.

средств к жизни, она включает в себя историю его жилища, одежды, пищи, его семейного уклада, форм быта в широком смысле этого слова. История народа — это не только история его борьбы за свои идеалы, это, вместе с тем, история его мировоззрения, народных знаний и суеверий, обрядов и обычаев.

Исключительно большое значение для изучения жизни народа имеет его устное поэтическое творчество. В условиях классового общества, особенно в эпоху рабства и феодализма, трудящиеся не имели никаких иных форм выражения своих взглядов на жизнь, своих чаяний и надежд, кроме устного творчества. Господствующие же классы никогда не были заинтересованы в том, чтобы правильно представить мировоззрение эксплуатируемых. Поэтому устное народное творчество является иногда единственным достоверным источником, раскрывающим духовный мир народа.

Народная жизнь многогранна, и только изучение всех сторон этой жизни позволит создать подлинно научную историю. Без подробного освещения различных сторон народной жизни, материальной и духовной культуры народа невозможно правильно понять чаяния и устремления народных масс, невозможно проникнуть в глубь исторического процесса. Великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский, 125-летие со дня рождения которого не так давно отмечала наша страна, почти сто лет тому назад писал:

«Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, складывается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилище, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби. Из этих элементов только немногие до сих пор введены в состав рассказа о жизни человечества. Так называемая политическая история, т. е. рассказ о войнах и других громких событиях, до сих пор преобладает в рассказе историков, между тем как на деле она имеет для жизни рода человеческого только второстепенную важность»³.

Надо сказать, что эта блестящая мысль великого русского ученого и критика, как назвал его К. Маркс, еще не нашла своего воплощения в трудах советских историков. Даже далеко не совершенная в этом отношении «История Латвийской ССР», в которой нашло свое место описание различных сторон материального быта и культуры латышского крестьянства в период разложения барщинного хозяйства, является скорее исключением. Если мы раскроем любой из учебников истории СССР как для высшей, так и для средней школы, то не найдем почти ничего о народной жизни. Учащийся, проштудировав эти учебники, так и не узнает, как жил народ в ту или иную эпоху — какими орудиями труда он добывал средства к жизни, каков был его семейный и общественный быт, чем отличались отдельные социальные слои в своем жилище, одежде, пище и т. д. Возьмем к примеру учебник для вузов «История СССР», т. I (изд. 1947 г.). В разделе «Закавказье в XI—XII вв.» учащийся прочитает о деятельности Баграта III, Давида Строителя, Георгия III, царицы Тамары, узнает кое-что о социально-экономических отношениях и останется в полном неведении относительно того, как жила основная масса грузинского народа — крестьянство. Или откроем другой учебник, изданный уже в 1952 г., — «История средних веков» (т. I, под редакцией акад. Е. А. Косминского и члена-корреспондента АН СССР С. Д. Сказкина). В нем правильно указывается на необходимость изучения народной культуры, подчеркивается, что «вопрос о народной культуре как раннего, так и развитого феодализма во всей широте был рассмотрен в работах совет-

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. 3, 1947, стр. 356.

ских историков»⁴. Но читателя и здесь ждет горькое разочарование: вся народная культура сведена только к музыке и поэзии. Мы могли бы увеличить количество примеров, но они не изменили бы общей картины.

Надо признать, что существенная часть вины за эти пробелы в исторической науке лежит на этнографах.

До недавнего времени советские этнографы занимались преимущественно или главным образом проблемами первобытного родового общества. И поскольку многие из народов нашей многонациональной страны до победы Октябрьской социалистической революции находились на последних этапах родового строя, исследования этнографов дали большой материал для освещения истории этих народов. В равной мере это относится и к отсталым народам колониальных и зависимых стран. Этнографические исследования по народам Африки, Азии, Австралии и Океании, по коренному населению Америки позволили более полно осветить историю этих народов. Но что касается более развитых народов, уже прошедших стадию первобытно-общинного строя и находящихся на разных этапах развития классового общества, то здесь этнографические исследования всегда являлись отстающим участком. Крестьянский быт эпохи феодализма и капитализма привлекал внимание этнографов главным образом наличествовавшими в нем пережитками родового строя, а культура и быт рабочего класса совсем ускользали из поля зрения этнографов. В этнографической литературе отсутствуют, например, сводные работы по культуре и быту русского, украинского и белорусского крестьянства эпохи феодализма.

Но даже и те материалы, которые были собраны и так или иначе сведены, оказались мало пригодными для целей исторических обобщений, так как в них игнорировался важнейший принцип исторических исследований — анализ классового содержания изучаемых явлений. Любовь стариной, приверженность к патриархальщине, которые характеризуют очень многие дореволюционные этнографические работы, совершенно стирали в них классовые различия в культуре и быту отдельных социальных слоев крестьянства. Крупнейшим недостатком многих этнографических работ является отсутствие в них точной хронологической датировки описываемых явлений. Когда читаешь многие из этих работ, нельзя составить представление о том, является ли тот или иной тип жилища, одежды и т. п. массовым, распространенным или сохраняется в виде реликтов в немногих пунктах.

Этот недостаток, к сожалению, свойствен и многим современным этнографическим исследованиям. В течение ряда лет Институт этнографии АН СССР готовит и до сих пор не может издать этнографический сборник, посвященный восточнославянским народам. По замыслу этот сборник должен дать сводку материалов по жилищу, одежде и другим сторонам материальной культуры русского, украинского, белорусского крестьянства. Подготовленные авторами статьи были признаны неудовлетворительными именно потому, что страдали указанными выше пороками: отсутствием анализа классовой принадлежности описываемых элементов материальной культуры и недостаточно четкой хронологической датировкой приводимых в сборнике материалов.

Преодоление этих крупных недостатков в работе советских этнографов — важнейшая, насущная задача. Не разрешив этой задачи, советская этнография не сможет сыграть той роли в разработке исторических проблем и в составлении трудов по истории отдельных народов СССР, которая по праву принадлежит ей. Институт этнографии АН СССР и другие этнографические учреждения нашей страны должны в своих планах научно-исследовательской работы предусмотреть издание специальных трудов, посвященных культуре и быту народов нашей

⁴ «История средних веков», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 597.

страны на разных этапах их исторического прошлого. Новой для этнографов задачей является освещение этих вопросов в отношении рабочего класса. Опубликованная в журнале «Советская этнография» (1953, № 1) статья В. Ю. Крупянской «Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в.» должна явиться первой попыткой в серии этих исследований. Приведенные в статье материалы показывают, как много может дать этнография для изучения истории рабочего класса.

Еще более ответственны и велики задачи советских этнографов в изучении современной культуры и быта народов.

Цитировавшаяся выше передовая журнала «Вопросы истории» справедливо указывает, что «во многих работах по истории советского общества деятельность народных масс освещается крайне слабо, бледно, поверхностно, а все изложение истории строится вокруг отдельных лиц». Чтобы изложение не было слабым, бледным и поверхностным, не только этнографические, но и исторические работы должны содержать всестороннее описание современной социалистической культуры и быта народа, раскрывать процессы социалистической перестройки, происходящие в гуще народной жизни, в борьбе нового, передового со старым и отживающим в быту, которое держится так упорно и цепко.

Советские этнографы проделали в этом направлении уже значительную работу. Собран и частично опубликован большой фактический материал по современной культуре и быту различных народов СССР. Однако, как уже не раз указывалось на страницах нашего журнала, работы эти страдают тем существенным пороком, что они носят поверхностный, описательный, фактографический характер, что они не раскрывают закономерности развития культуры и быта в условиях социализма, не показывают борьбы старого и нового, не раскрывают направляющей роли партии, роли рабочего класса как передового класса социалистической нации. В этих работах нередко теоретическая мысль подменяется бесстрастным описанием фактов, без их должной научной оценки, без глубокого анализа. Надо указать также и на то, что большинство этих публикаций посвящено узким и случайным темам. Не свободны отдельные работы и от некоторых методологических ошибок. В ходе обсуждения работы журнала «Советская этнография» на Бюро Отделения истории и философии АН СССР указывалось, в частности, на статью казанского этнографа профессора Н. И. Воробьева «К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства» («Советская этнография», 1952, № 1), в которой содержится неправильное утверждение о том, что «национальные формы социалистического быта обычно создаются в деревне». Такое утверждение по существу ведет к отрицанию ведущей роли рабочего класса в социалистическом переустройстве общества.

Бюро Отделения в своем решении по работе журнала обратило внимание на необходимость серьезного повышения теоретического уровня работ, посвященных социалистической культуре и быту. Задача коренного улучшения этих исследований приобретает особую значимость сейчас, после важнейших постановлений 5-й сессии Верховного Совета СССР и сентябрьского пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Эти решения, обеспечивающие быстрый рост благосостояния советского народа, вызовут, несомненно, ускорение темпов перестройки всех сторон быта не только колхозного крестьянства, но и рабочего класса и интеллигенции.

Это налагает на советских этнографов еще большую ответственность. Этнографические исследования процесса перестройки народного быта, проведенные достаточно тщательно и на высоком научном уровне, имеют не только теоретическое, но и непосредственно прикладное значение, они могут служить основанием для практического решения многих вопросов.

В чем основная, главная причина существенных пробелов в работе советских этнографов? Эта главная причина состоит, как уже неоднократно на это указывалось, в том, что этнографы еще не до конца преодолели пороки старой дореволюционной этнографии и не овладели в совершенстве научной, марксистской методологией. Все еще наблюдается начетнический подход к марксизму, когда собственная мысль подменяется цитатой, иногда не совсем подходящей.

Советским этнографам следует глубоко понять, что необходимым условием преодоления указанных выше недостатков является творческое овладение марксистско-ленинской теорией. Задача состоит не в том, чтобы знать, что классики марксизма писали по тому или другому вопросу, относящемуся к области этнографии, не в том, чтобы уметь найти и привести в работе соответствующие цитаты, а в том, чтобы уметь анализировать этнографические явления с марксистской точки зрения. Овладение марксистской теорией — этой всегда развивающейся, полной творческих исканий наукой — позволит советским этнографам преодолеть наблюдающуюся робость и неуверенность в постановке больших научных проблем.

Одним из серьезных пробелов в работе Института этнографии АН СССР является недостаточная координация его работы с деятельностью других гуманитарных учреждений, в первую очередь с институтами истории и археологии. Нельзя признать нормальным, например, что многотомник «История СССР» пишется в Институте истории без участия этнографов, а многотомное издание «Народы мира» готовится Институтом этнографии без участия Института истории АН СССР. Нельзя признать нормальным и то, что такая актуальная и сложная проблема, как формирование социалистических наций в СССР, разрабатывается рядом институтов без какого-либо согласования планов и координации усилий.

За последнее время резко ослабли столь необходимые по линии изучения ранних этапов человеческой истории связи этнографов и археологов. Весьма полезный опыт совещания по методологии этногенетических исследований, проведенного Институтом этнографии в 1951 г. совместно с археологами и лингвистами, не закреплен и не получил дальнейшего развития. Решение совещания о создании комиссии по координации этногенетических исследований не выполнено, а между тем для всех понятно, что без такой координации дело изучения происхождения народов не может быть успешно продвинуто вперед.

В Институте этнографии имеются кадры научных работников, изучающих этнографию народов колоний. Если еще недавно они изучали отсталые колониальные народы с целью выяснения проблем истории первобытно-общинного строя, то сейчас они заняты преимущественно изучением современной жизни народов.

В связи с этим перед ними встали такие актуальные и вместе с тем сложные проблемы, как причины и характер отсталости отдельных народов, пути формирования таких этнических общностей, как народность и нация в условиях колониального режима, и другие. Этнографические материалы иногда, ярче всех статистических выкладок рисуют влияние империалистического господства на жизнь колониальных народов. И тем не менее этнографические исследования ведутся вне постоянной, организованной связи с историками, изучающими проблемы национально-освободительного движения в колониях.

Бюро Отделения исторических наук не выполняет своей непосредственной задачи — объединения усилий ученых различных исторических дисциплин в разработке важнейших проблем исторической науки. Вместе с дирекциями институтов и Бюро Отделения эту вину разделяет также и редакция журнала «Советская этнография». К работе журнала слабо привлекаются ученые смежных научных дисциплин, а редакцион-

ная коллегия журнала состоит исключительно из сотрудников Института этнографии.

Привлечение к работе в журнале представителей смежных дисциплин потребует от редакции более глубокой и систематической работы с авторами, что, к сожалению, до настоящего времени проводилось далеко недостаточно.

Редакция журнала слабо связана со своими читателями.

Уже в течение ряда лет не проводились читательские конференции, которые могут явиться серьезным средством связи с историками, археологами и лингвистами, с учеными других смежных специальностей; такие конференции помогут не только учесть запросы этих ученых, но и привлечь их к активному участию в работе журнала.

С сожалением приходится отметить почти полное отсутствие критических обзоров журнала «Советская этнография» на страницах наших ведущих исторических журналов. Со своей стороны редакция журнала «Советская этнография» должна решительнее и смелее вскрывать недостатки в работе этнографических учреждений и в первую очередь ведущего этнографического учреждения нашей страны — Института этнографии АН СССР, не ограничиваясь, как это имело место до сих пор, хроникальными обзорами его работы. Общеизвестно, что без критического и самокритического отношения к работе невозможно движение никакой науки вперед.

Коренное улучшение работы журнала — одно из необходимых условий повышения всей этнографической работы до уровня требований, предъявляемых к ней нашей действительностью.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

ПРОТИВ АНТИМАРКСИСТСКИХ ИЗВРАЩЕНИЙ В ОСВЕЩЕНИИ ВОПРОСОВ ПЕРВОБЫТНОГО МЫШЛЕНИЯ И ПЕРВОБЫТНОЙ РЕЛИГИИ

В своем выдающемся труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин подверг уничтожающей критике взгляды Марра на проблему соотношения языка и мышления и назвал их «труд-магической тарбарщиной»¹. Эти слова И. В. Сталина привлекают внимание советских исследователей к одному из компонентов концепции Марра, который до сих пор не был подвергнут основательной критике, а именно к так называемой труд-магической теории, которая связана со взглядами Марра на первобытную религию.

Что же представляет собой «труд-магическая теория» Марра, а главное — в чем ее вред для советской науки?

Обращаясь к работам Марра, приходится прежде всего отметить имеющуюся в них путаницу в отношении понятий, которыми он оперировал, развивая эту «теорию». Путаница проявляется прежде всего в отношении понятия магии.

Марр связывал магию, с одной стороны, с культом, а с другой — с производством. Один из его тезисов гласит: «Культовый характер речи. Магизм как фактор производства и охотничий язык»².

Углубляясь в вопрос о происхождении языка, Марр произвольно конструировал теорию кинетической, ручной или линейной речи, которая-де была средством общения, а «звуковая речь впоследствии становится общедной речью, раньше же она была культовой речью»³.

По мысли Марра, происхождение звукового языка вообще было вызвано не потребностью в общении, а иными причинами. «Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства»⁴.

Марр исходил из совершенно несостоятельной гипотезы первоначальной ручной речи. И. В. Сталин разъяснял с предельной четкостью: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народа, будь он таким же или

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 38.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 7.

³ Там же, стр. 85.

⁴ Там же.

ещё более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»⁵.

Приведенные положения И. В. Сталина озаряют ярким светом сложнейшую проблему возникновения речи, над которой успешно работают советские исследователи — антропологи, историки первобытного общества, лингвисты и этнографы⁶.

Марр же предлагал идеалистическое решение этой проблемы, выводя звуковую речь из магических действий и определяя ее как культовую.

Далее Марр развивал и другое положение, столь же явно идеалистического характера. Марр считал «магическое действие», в котором он соединял две надстроечные формы — религию и искусство, началом, определяющим материальный процесс, производство первобытного общества — охоту и собирательство⁷. В то же время Марр пытался отождествить магию с трудовым процессом, доходя до предела идеализма и путаницы.

Понятие «магического действия», в котором соединяются музыка, песня и пляска⁸, Марр заимствовал у известного русского буржуазного ученого Александра Веселовского, который ввел в историю литературы и искусства теорию «первобытного синкретизма»: по мнению Александра Веселовского, литература, музыка, пение, танец, театр начались с нерасчлененного комплекса, в который входили элементы всех этих искусств и который имел религиозно-мистическую окраску. Александр Веселовский сконструировал свой «первобытный синкретизм» в значительной мере умозрительно; лишь в весьма незначительной степени он пытался опереться на этнографические и археологические данные. Но главное, Веселовский не связывал искусство с материальной жизнью первобытного общества, ни с техникой, ни с экономическим базисом, ни с родо-племенным строем.

Марр, заимствовав эту позитивистскую концепцию, попытался придать ей материалистическую окраску. Назвав «первобытно-синкретическое» действие «магическим», Марр поставил знак равенства между магией, «магическим действием» и трудовым процессом. Такого рода эклектический прием, разумеется, ничего общего с материалистической наукой не имеет.

Марр широко применял термин «производственная магия», вкладывая в него произвольный смысл. В этнографической науке употребляется сходный термин «промысловая магия»; здесь имеется в виду комплекс колдовских обрядов, которые по представлению выполняющих их сверхъестественным образом должны обеспечить им желанный результат в производственной деятельности — на охоте, при изготовлении орудий, сооружении жилища и т. п. Такие обряды возникли у первобытных людей вследствие низкого уровня их техники. Коллективный труд, накопление общественного положительного опыта в общем развивали производственную деятельность, вели к успехам, благодаря которым первобытное общество прогрессировало. Но в повседневной борьбе за существование, требовавшей огромных усилий, успех был часто неверным.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46.

⁶ См., например, статью В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии» в сборн. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, 1951, стр. 266—267.

⁷ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 89.

⁸ Там же, стр. 86.

В охоте, рыбной ловле и собирательстве первобытные люди часто терпели грозившие им гибелью неудачи, причины которых были им непонятны. Поэтому наряду с развитием производственной деятельности, трудовых навыков, реально обеспечивавших жизнь общества, возникла и совокупность приемов, основанных на ложном представлении о возможности достигнуть желаемого сверхъестественным путем — подражательными действиями, заклинаниями и т. п. Марр не понимал этой диалектической взаимосвязи, он извращенно толковал производственную деятельность первобытного общества как сплошное колдовство. В этом извращении проявилась типичная для Марра (как и для всех идеалистов-метафизиков и адептов вульгарного социологизма) тенденция видеть одну сторону общественных явлений.

Извращенное освещение магии и вообще роли религии в первобытном обществе типично для откровенных идеалистов. Но Марр пытался также совместить несовместимое — вложить материалистическое содержание в культовые обряды, трактуя их как трудовые процессы. Это не только путаница, но и опощение марксизма.

Марр не удивлялся неправомерным применением понятия магии. Он усугубил путаницу, введя для характеристики первобытного мышления еще одно понятие религиозного характера — тотем, тотемизм, также придав ему произвольный смысл.

Одной из наиболее несостоятельных гипотез Марра было положение о так называемых «четырех элементах», якобы лежащих в основе языков всего мира. И эти вымышленные им начальные элементы речи Марр связывал с магией и тотемизмом. «Значение... трудового процесса сводится к тому еще, что каждый из этих четырех элементов в магическом восприятии сигнализировал одинаково с другими тремя главную таинственную силу магии, покровителя и тотема определенной социальной группы, впоследствии тотема племени, бога»⁹.

В основе тотемизма лежит представление об общем происхождении и кровном родстве человеческого коллектива — рода или фратрии — с видом животных или растений, реже — с предметами неорганической природы. У многих народов то или иное животное выделялось, почитание его распространялось среди всего племени и даже многих племен, например, медведь у народов Севера. Последнее, однако, имело место в обществах, где первобытно-общинный строй был уже близок к распаду. Приравнивать тотем к богу вообще неправомерно: эти образы религиозной фантазии сильно различаются и по приписываемым им свойствам и по отношению к ним верующих. Тотемисты относятся к почитаемому животному или растению как к сородичу, равному им члену родовой общины; здесь нет преклонения перед высшим существом и умиловления, характерных для обращения верующих к богу.

Тотемизм, несомненно, играл значительную роль в общественных представлениях первобытно-общинного строя как одна из форм превратного отражения реальных связей общества с окружающей природой.

Но Марр и в особенности его ученики многократно оговаривались, что «тотем» Марра не имеет ничего общего с «этнографическим» или «этнологическим» тотемизмом, что у Марра тотемизм — не религиозное понятие. Марр и его ученики утверждали, что создатель «нового учения о языке» якобы создал и новое понятие тотема. Но какое же содержание вкладывали Марр и его последователи в свое понятие тотема?

Марр говорил о «тотеме коллектива, впоследствии племени, о символе коллектива, боге, который является хранителем прав собственности данной социальной группы»¹⁰. Определение тотема как бога — символа коллектива близко к теории «богостроителей», Богданова и Луначар-

⁹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 89.

¹⁰ Там же, стр. 102.

ского, пытавшихся вложить в понятие о боге комплекс идей, организующих социальные чувства. Как известно, Ленин в письме к Горькому вскрыл ложность и реакционность такого определения¹¹.

В то же время марровское понимание тотема напоминает концепцию французского буржуазного ученого, главы так называемой «социологической» школы — Эмиля Дюркгейма: «Тотем является, с одной стороны, внешней и чувственной формой того, что мы называем тотемическим началом или богом. Но, с другой стороны, он также символ данного определенного общества, которое именуется кланом... Но раз тотем есть одновременно символ бога и общества, то разве это происходит не потому, что бог и общество — это одно и то же?»¹².

Из основного порока Дюркгейма — идеализма вытекает отсутствие у него правильного понимания общества: Дюркгейм и его последователи рассматривали общество абстрактно, вне связи с производством. Ложное, метафизическое понимание общества привело Дюркгейма и к претенциозно-идеалистическому освещению тотемизма, не имеющему ничего общего с реально существовавшими у народов всего мира религиозными формами. Подобно Дюркгейму, и Марр уходил от реально существовавшего тотемизма. Марр измыслил тотемизм как «космическое мировоззрение, астральное начало» — метафизическую фикцию. Поэтому марровское понятие тотема ничуть не лучше дюркгеймовского, оно также научно несостоятельно.

Марр пытался утверждать, что употребляемые им термины и стоящие за ними понятия имеют особый смысл, не связанный с религией: «Магия не религия, не мистика. Ни религии, ни мистики в те эпохи еще не было»¹³, писал Марр о первобытном обществе. Религиозному началу Марр противопоставлял «мировоззрение с астральным представлением тотема», как он характеризовал представления первобытного общества. Первоначально будто бы возникло понятие «солнца», а из него образовались понятия «огня», «глаза»¹⁴. Подобным же образом якобы возникло сначала понятие «неба», а потом «головы»¹⁵. Представление о воде, о реке, по мнению Марра, «не относится специально к стихии-матери, ее природному движению в виде реки, а к движению космоса...»¹⁶. Идя по тому же пути, Марр дошел до утверждения, что приручение животных имело характер лишь «производственной процедуры, так называемого ритуала, обряда»¹⁷. Одомашнение кошки, по мнению Марра, имело культовый характер¹⁸. Так взгляды Марра сближаются с ультраидеалистической теорией культового приручения животных, которую проповедывали буржуазные историки культуры Эдуард Ган и Джевонс.

Джевонс привлекал данные этнографии к истории культуры, но при этом ставил факты на голову. Так, он считал, что первые зачатки приручения животных возникли вследствие тотемических табуаций и почитания животных-тотемов. Ган выводил приручение рогатого скота и использование его в пахоте из культовых обрядов проведения первой борозды, из подражания ритуальным церемониям, в которых влекомый быком плуг играл роль фаллоса по отношению к матери-земле и т. д. и т. п. В действительности зависимость, конечно, обратная. Тотемизм,

¹¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 92—93.

¹² Em. Durkheim, Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912, стр. 294—295.

¹³ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 271.

¹⁴ Там же, стр. 272.

¹⁵ Н. Я. Марр, В тупике ли история материальной культуры? «Известия ГАИМК», вып. 67, 1933, стр. 74, 95, 128.

¹⁶ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 288.

¹⁷ Н. Я. Марр, В тупике ли история материальной культуры?, стр. 32.

¹⁸ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 288.

как и религия в целом, возник вследствие бессилия дикаря в борьбе с природой. В тотемизме, с одной стороны, отразилась та огромная роль, которую играли животные и дикорастущие плоды в жизни первобытных охотников, занимавшихся также собирательством. В тотемистических представлениях о кровном родстве человеческих коллективов с породой животных или видом растений нашли также превратное отражение кровно-родственные отношения, которыми были связаны члены первобытной родовой общины. Аграрные культы, существовавшие у всех земледельческих народов, возникли как фантастическое отображение зависимости человека на ранних ступенях развития от плодородия земли, от стихий. Только прирученного уже быка можно было запрягать в обрядовую колесницу, только после того, как начали пахать с помощью быка, вола, возникли ритуальные процессии со священными плугами, проводящими первую борозду.

Подобно Гану и Джевонсу, и Марр ставил факты на голову. Первобытные люди познавали окружающую природу по мере ее освоения в процессе производства. Движение воды, течение реки познавались прежде всего в практических действиях во время рыбной ловли, при необходимости переплывать поток. Именно движение реального водного потока должно было возникать в представлении в первую очередь, а не обобщающий образ движения космоса.

Животные привлекали к себе внимание первобытных людей прежде всего как потенциальный запас пищи. Поэтому тот или иной зверь выступал в представлении первобытных людей раньше всего как объект охоты, непосредственно связанный с повседневным промыслом, а не как предмет почитания, культа. Марр не понимал определяющей роли производства, труда, — отсюда непомерное выпячивание культового начала. Правда, Марр пытался утверждать, что, кроме религиозного культа существует «производственный культ» и что-де «надо различать эти два культа»¹⁹. Какое реальное содержание может заключать в себе понятие «производственного культа», этого, конечно, ни сам Марр, ни его ученики не объяснили, да и не могли объяснить.

Но еще больше, чем к Дюркгейму, Джевонсу и Гану, близок Марр к буржуазному ученому-идеалисту — Люсьену Леви-Брюлю. Эту близость Марр не скрывал, он неоднократно ссыался на работы Леви-Брюля. Именно Марр предпослал первому русскому изданию работ Леви-Брюля хвалебное предисловие²⁰.

Марр, правда, критиковал Леви-Брюля в этом предисловии, но как? По мнению Марра, следовало бы первобытное мышление назвать не «мистическим», а «магическим». Разумеется, такая «поправка» не улучшает положения. Главное же состоит в том, что Марр заимствовал от Леви-Брюля его научно несостоятельную и реакционную концепцию «дологического» первобытного мышления. Марр вслед за Леви-Брюлем утверждал, что мышление первобытного человека «абсолютно» отличается от мышления современного человека. «Качественно оно являлось абсолютно иным, противоположным всем нашим представлениям и понятиям, всей системе нашего мышления и речи»²¹.

Реакционная концепция Люсьена Леви-Брюля уже подверглась справедливой критике в советской печати²². Однако для полнейшего разоблачения остатков марризма в вопросах, касающихся первобытного мышления, нелишне подробнее разобрать глубокие пороки теории «дологического мышления».

¹⁹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 273.

²⁰ Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, 1931, стр. 1—2.

²¹ Н. Я. Марр, В тупике ли история материальной культуры?, стр. 720.

²² Ф. Н. Шемякин, Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции. «Философские записки», т. V, М.—Л., 1950.

Надо отметить, что концепция Леви-Брюля на протяжении жизни ее автора эволюционировала и привела его к саморазоблачению. Сам Леви-Брюль показал, куда ведет его «рабочая гипотеза», как он ее назвал. В последней, предсмертной работе «Мистический опыт и символы у первобытных людей» Леви-Брюль как бы подвел итоги, изложил свое философское кредо. И здесь уже без всяких прикрытий обнажается махровый идеализм всей его концепции. Леви-Брюль провозглашает приоритет вымысла над реальным миром и пытается утверждать, что этот вымысел в виде «мистического опыта» был источником всей культуры и якобы имел прогрессивное значение.

«Опыт примитивных,— пишет Леви-Брюль,— приобрел двойственный характер». «Что предметы могут быть иными, чем они суть, эта идея могла родиться только из мистического опыта...— заявляет Леви-Брюль.— С того дня, как человек стал не только приходить в ужас от появления необычайного и странного, но и стал испытывать ту характерную эмоцию, которая возникает, когда приходит в действие аффективная категория сверхъестественного, решающий шаг был сделан»,— утверждает Леви-Брюль. «И что из того, что в течение долгих столетий и тысячелетий ум человеческий барахтался, бился и развлекался в нелепостях, противоречиях, ребяческих выдумках, глупостях и путанице, пытаясь представить себе этот другой мир, который был заселен мифологией. Раз первобытный человек почувствовал различие между природой и сверхъестественным, перед ним открывалось безграничное поле»²³.

Леви-Брюль не видел, да и не в состоянии был увидеть, что развитие духовной культуры, прогресс мышления и познания на всем протяжении истории человечества протекали как раз в ожесточенной борьбе положительного опыта с превратным восприятием мира, что этот прогресс был обусловлен ростом производительных сил в человеческом обществе, ростом общественного производства.

При ознакомлении со всеми работами Леви-Брюля бросается в глаза, что огромный этнографический материал, привлекаемый им для обоснования своей теории, с одной стороны, расходится с основными выводами автора, а, с другой стороны, весьма часто бьет дальше и более метко, чем это делает сам автор.

Как ни стремился Леви-Брюль обработать и истолковать свой материал в определенном духе, ему не удалось доказать,— ибо это недоказуемо и противоречит действительности,— что у людей могло существовать когда-либо особое «дологическое» и насквозь «мистическое» мышление. Сам Леви-Брюль еще в своей первой книге «Мыслительные функции низших обществ»²⁴ вынужден был признать, что «рассматриваемый индивидуально в той мере, в какой он мыслит и действует независимо, если это возможно, от коллективных представлений, первобытный человек будет чувствовать, рассуждать и вести себя чаще всего так, как мы этого от него ожидаем. Заключение и выводы, которые он будет делать, будут такими, какие и нам кажутся вполне разумными для данной обстановки. Если, например, он убил две штуки дичи и подобрал только одну, то он задаст себе вопрос, куда девалась вторая, и всячески будет искать ее. Если его захватит врасплох дождь, то он станет искать убежища. Если он встретит дикого зверя, то он постарается убежать от него и т. д. и т. п.»²⁵. Таким образом, Леви-Брюль сам признавал, что первобытный человек в своей повседневной жизненной практике и в своем индивидуальном мышлении не мог не подчиняться законам логики. Называя первобытное мышление «дологическим», Леви-Брюль ссылаясь на господ-

²³ L. Lévy Bruhl, L'expérience mystique et les symboles chez les primitifs, Paris, 1938, стр. 95.

²⁴ L. Lévy Bruhl, Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, Paris, 1910.

²⁵ Л. Леви Брюль, Первобытное мышление, М., 1931, стр. 50.

стве в первобытном мышлении «коллективных представлений», которые якобы имеют дологический и мистический характер.

Леви-Брюль заимствовал понятие «коллективных представлений» у упоминавшегося выше французского социолога Эмиля Дюркгейма. Дюркгейм, а за ним и Леви-Брюль превратили общество, взятое абстрактно, вне времени и пространства, в некий коллективный субъект, стоящий над индивидами и отличный от них, неизвестно, каким путем и из чего творящий свою идеологию и неизвестно, каким путем навязывающий свою идеологию этим индивидам. Из этого лишенного научного содержания понимания общества вытекает и идеалистическое понятие «коллективных представлений».

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин разоблачил идеалистические извращения Богданова по вопросу об общественном сознании. Ленин приводит положения Богданова, весьма близкие установкам Дюркгейма и Леви-Брюля: «...социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая... Социальность нераздельна с сознательностью. Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны»²⁶. Ленин разъясняет всю ложность этого положения:

«Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*; чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию... Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»²⁷.

Поэтому и «коллективные представления» Леви-Брюля, взятые вне всякой связи с конкретно-историческим обществом, с его материальными условиями существования, лишены корней, они повисают в воздухе. Совершенно неправомочно противопоставление сознания индивидуума «коллективным представлениям», как принципиально, структурно противоположным. Ведь если раскрыть содержание «коллективных представлений» вне того условного смысла, который Леви-Брюль вкладывал в это понятие, то они суть не что иное, как общественное сознание, традиции примитивных обществ, совокупность представлений индивидов, составлявших это общество. Но ведь общество как некий особый субъект — метафизическая фикция. Свой коллективный или, вернее, общественный характер эти представления приобретают потому, что они вырабатываются индивидами, принадлежащими к замкнутой общественной группе, к однородной общественной среде с одинаковыми экономическими условиями. Почему и каким образом коллективные представления, или, точнее, общественное сознание логически мыслящих индивидуумов, оказываются лишенными логики, — этого не объясняет, да и не может объяснить Леви-Брюль, потому что это противоречит действительности.

Неверно и антинаучно также определение Леви-Брюля «коллективных представлений» или, вернее, общественного сознания как «мистических по своему существу». У первобытных людей существовали ложные представления о том, что можно достигнуть успеха в производстве магическими приемами, но они, как известно, не ограничивались магией. Этнография и археология показывают, что, несмотря на низкий уровень техники, люди каменного века проявляли большую изобретательность и замечательное приспособление к окружающей обстановке. Свой ум, изобретательность, терпение, ловкость первобытные люди посвящали реальной борьбе за существование, общественному труду, который вел

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 308.

²⁷ Там же, стр. 309.

их по пути развития, и именно общественная практика отражалась в первую очередь в сознании первобытных людей. Отображение бытия и положительного опыта членов первобытного общества формировалось в общественное сознание, которое способствовало дальнейшему прогрессу техники и экономики, самой жизни первобытного общества. Ни история, ни этнография не знают общественных групп, в которых мышление и поведение были бы «дологическими», т. е. находящимися за пределами логики. Такие общества просто напросто вымерли бы, их существование невозможно себе представить.

Множество фактов, приводимых Леви-Брюлем и часто цитируемых по его работам, относительно языка и счисления у первобытных народов, свидетельствует отнюдь не о том, что первобытное мышление является «дологичным», что оно не анализирует и не систематизирует, неспособно к логике. В той мере, в какой первобытный человек что-то мог и что-то знал, — а он что-то мог и что-то знал, иначе первобытное человечество не выжило бы и не развивалось бы дальше, — он мыслил так же логично и рассуждал так же рационально, как и мы. Но дело в том, что он очень мало знал и мало мог. Сфера непосильного и непознанного у первобытного человека преобладала над освоенной им областью, и именно к этой сфере относятся бесчисленные «алогизмы», примеры которых так щедро разбросаны в книгах Леви-Брюля. Но для того чтобы объяснить их, совершенно излишне конструировать особое «дологическое» и «мистическое» мышление, как нелепо выводить бесчисленные алогизмы последователей современных религий из «дологического» мышления.

В «Философских тетрадах» Ленин пишет: «...уже самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира»²⁸. Ленин подчеркивает, что всякое слово обобщает, что уже само образование слов вносит логический элемент в сознание человека. Как ни мала та роль, которую играли отвлеченные понятия в мышлении первобытного человека, как ни далеко отстоит от нас мышление людей, живших при первобытно-общинном строе, обобщение, а с ним и «сознание закономерности, объективной связи мира» не могло не быть присущим и первобытному человеку. Именно это сознание закономерности и объективной связи мира и было причиной того, что возникло представление «естественного» (закономерного, обычного) и «сверхъестественного» (нарушающего закономерный, обычный ход вещей). Понятие сверхъестественного, вернее фантазия о сверхъестественном, могло возникнуть лишь на известном этапе развития общественной практики, некоторого прогресса техники. Осознание бессилия и его отражение в ложных представлениях об окружающем могло родиться лишь из осознания некоторых, пусть еще самых минимальных, возможностей преодоления трудностей в борьбе с природой. Вот почему существование дорелигиозного периода, подтверждаемое археологией, логически вытекает из исследования процесса развития общественного сознания. Различение между естественным и сверхъестественным и фантазия о сверхъестественном, характеризовавшие первобытный идеализм — анимизм, породили религию. Возникновение представлений о сверхъестественном, как фантастическое отражение в головах людей тех сил, которые господствовали над ними в их повседневной жизни, ощущение бессилия в борьбе с природой — эти элементы надстройки первобытно-общинного строя так же, как и развитие первобытной техники, развитие хозяйственно-экономических связей общества, свидетельствуют о том, что мышление первобытного человечества не могло не подчиняться тем же законам логики, что и мышление современного человека.

²⁸ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 153.

* * *

Рассмотрев положения Марра относительно идеологии первобытного общества, приходим к следующим выводам.

1. Марр неправильно рассматривал вопрос о развитии мышления. И. В. Сталин разъяснил, что теория стадийного развития языка неверна, «так как она признаёт необходимость внезапных взрывов, как условия перехода языка от старого качества к новому»²⁹. И. В. Сталин показал далее, что Марр неправильно отрывал мышление от языка. Следовательно, в развитии мышления также не могло быть стадий с внезапными взрывами, с изменением качества.

Никакого органического различия между мышлением людей при первобытно-общинном строе и современным не могло существовать. Не существовало никакого особого первобытного мышления, как бы его ни называть — «дологическим» или «космическим». Накопление положительного опыта, познание закономерности явлений окружающей природы, освоение природы — эти процессы, хотя и в минимальных масштабах, в крайне медленном темпе начали развиваться вместе с началом труда.

Ленин указывал, что «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней»³⁰.

О познавательной работе ума первобытного человека свидетельствуют хотя бы древнейшие каменные орудия. Для того, чтобы выбрать из всех окружающих пород именно кремь (там, где он есть), для того, чтобы найти наиболее подходящую форму ручного рубила, потребовалась огромная работа ума — анализирующая и синтезирующая. Современный человек понимает, какие свойства кремня привлекли к нему внимание синантропа и неандертальца, какие физические законы обуславливают целесообразность миндалевидной формы ашёльских рубил и мустьерских скребел, — уже это одно свидетельствует о единстве законов логики с начала истории человечества.

Несомненно, мышление развивалось. Ленин прекрасно обрисовал этапы развития мышления в соответствии с развитием общества. «Перед человеком — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»³¹. Но то, что дикарь не выделял себя из природы, вовсе не значит, как полагал Марр, что у человека раньше возникли понятия космических сил, а потом уже представления об окружающих его природных элементах. Нельзя представить себе, что раньше возникло понятие неба и солнца, а из последнего уже позже — огня. Гораздо вернее думать, что уже после того, как человек познал свойства огня — свет, тепло и научился пользоваться им, он мог в своем представлении связать огонь с солнцем.

Марр подобно Леви-Брюлю утверждал, что первобытное мышление не способно к отвлечениям, что оно имеет исключительно конкретно-образный характер. Факты, приводимые Леви-Брюлем, на которые так охотно спешил ссылаться Марр, неоспоримы сами по себе, но интерпретировались они и Леви-Брюлем и Марром тенденциозно, а потому ссылки на них несостоятельны. Наблюдаемое в языках современных отсталых народов обилие терминов для обозначения тонких различий в предметах и явлениях природы говорит об исключительной наблюдательности людей, производство которых связано непосредственно с природой, с миром жи-

²⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

³⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 166.

³¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1938, стр. 94.

вотных и растений и которые ограничены общением с узким кругом людей одного с ними рода и племени. Это познание подробнейших деталей предметов и явлений и тончайших оттенков действий способствует яркости и конкретности образов, возникающих в представлении, склонности к олицетворению. Эту склонность отметил еще Чернышевский: «Дикарь или полудикий человек не представляет себе жизни иной, как та, которую знает он непосредственно, как человеческую жизнь; ему кажется, что дерево говорит, чувствует, наслаждается и страдает, подобно человеку; что животные действуют так же сознательно, как человек, — у них свой язык; даже и на человеческом языке не говорят они только потому, что хитры и надеются выиграть молчанием больше, нежели разговорами. Точно так же он воображает себе жизнь реки, скалы; скала — это окаменевший богатырь, сохранивший чувства и мысль; река — это наяда, русалка, водяной»³².

Однако Ленин вовсе не считал эту склонность к олицетворению присущей лишь первобытным людям. Наоборот, он подчеркивал, что и у современных людей она существует. «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?»³³.

Поэтому, если даже Марр и подразумевал под своим «космическим» и «тотемистическим» мышлением богатство ярких образов, стремление к олицетворению, то это не дает основания говорить об абсолютном отличии первобытного мышления от современного.

2. Марр неправильно подходил к первобытной религии, неправильно определял место религиозной надстройки при первобытно-общинном строе. С одной стороны, Марр пытался придать религиозным понятиям несоответствующий им смысл. По существу Марр отводил магии, т. е. религии в первобытном обществе, первенствующую роль: из магии якобы возникли звуковая речь, искусство; в основе всей идеологии поставлен тотем — некое фантастическое начало, вмещающее и олицетворение космоса и самообожествление коллектива.

Марр маскировал свою идеалистическую концепцию, пытался прикрывать ее словами о производственном начале и т. п. Эта прикрытая поповщина сыграла особенно вредную роль при распространении учения Марра.

С другой стороны, Марр утверждал, что первобытная религия является «культово-хозяйственным мышлением классовой организации магов»³⁴, т. е. по существу отрицал наличие религии в первобытном обществе, что также неверно. Как образно сказал Ленин: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»³⁵ Именно борьба с природой и ограниченность общественных связей превратно отразились в магических представлениях о возможности определенными действиями вызвать изменения в природе, поразить на расстоянии врага и т. п. Ленин вскрыл гносеологические корни идеализма и религии. «А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого

³² Н. Г. Чернышевский, Эстетические отношения искусства к действительности, Госполитиздат, 1948, стр. 32.

³³ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 307—308.

³⁴ Н. Я. Марр, Избр. работы, т. IV, стр. 4.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

познания»³⁶. Отрицать существование первобытного идеализма, религии при первобытно-общинном строе — это, прежде всего, противоречить фактам, данным археологии и этнографии; вместе с тем это значит за деревьями не видеть леса, как об этом говорит Ленин несколько выше в приведенном отрывке.

Религиозная фантастика и магический культ, несомненно, занимали большое место в первобытном обществе и не могли не занимать его в силу неразвитости, ограниченности сознания, в силу «тупой придавленности силами природы» (Ленин). Существование первобытного идеализма, религии в доклассовом обществе, засвидетельствованное археологическими памятниками, однако, вовсе не говорит о полном засилии первобытного сознания мистикой. Общественная практика, накопление положительного опыта были ведущим началом в развитии общественного сознания.

Самое возникновение религиозной фантазии, противопоставление естественному сверхъестественному свидетельствует об установлении в первобытном сознании понятия закономерности, объективной связи явлений природы.

3. Марр исходил не из теории отражения, а из «восприятия природным инстинктом видимости предмета» — здесь он выступает как явный махист. Прикрываясь нагромождением громких слов о микрокосме и смене мировоззрений, Марр призывал искать в мировоззрении первобытного общества отражения космических восприятий, «а не натуралистически воспринимаемых стихий или сил природы»³⁷. Для Марра не действительны основополагающие высказывания •Ленина о том, что существуют две линии философского мировоззрения: «Одна линия — что чувства дают нам верные изображения вещей, что мы знаем *самые эти вещи*, что внешний мир воздействует на наши органы чувств. Это — материализм, с которым не согласен агностик. В чем же *суть* его линии? В том, что он *не идет дальше* ощущений, в том, что он *останавливается по сю сторону явлений*, отказываясь видеть что бы то ни было «достоверное» за пределами ощущений»³⁸.

Декларативно называя свою теорию материалистической, Марр на деле выступал против основных положений диалектического материализма. Выводы из рассмотрения положений Марра, касающихся первобытного мышления и первобытной религии, неопровержимо доказывают, что Марр и в этих вопросах, как и в других, сочетал идеализм с вульгарным материализмом. Он пытался называть магию трудовым процессом, а тотем — производственным коллективом. Но это лишь искажение основ марксизма.

4. Марр кичливо провозглашал себя основателем «нового учения о языке», твердил о вновь открытых горизонтах и непроторенных путях. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «труд-магическая теория» с тотемом, космосом и т. п. представляет собой эклектическое сочетание из лженаучных теорий буржуазных ученых — Леви-Брюля, Дюркгейма, Гана, Александра Веселовского. В своем противопоставлении магии религии и отрицании наличия религии в первобытном обществе Марр стоял близко к идеалистической концепции Дж. Фрэзера, неправильно определявшего религию и сближавшего магию с наукой.

* * *

Несмотря на явно антимарксистский характер и научную несостоятельность, «труд-магическая теория» все же имела значительное распро-

³⁶ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 330.

³⁷ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. III, стр. 25.

³⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 95.

странение в советской науке и нанесла определенный вред в этнографическом исследовании вопросов первобытной религии и первобытного мышления.

Наиболее близко следовал Марру И. И. Мещанинов, который в своей работе «Верхний палеолит» воспринял и основные положения и терминологию своего учителя относительно первобытной идеологии, так же вульгарно механистически связывая ее с производством и экономикой: «Экономика верхнего палеолита, судя по имеющимся археологическим материалам, опиралась на магическое мышление», писал Мещанинов³⁹.

И. И. Мещанинов развил концепцию Марра о стадиях мышления. Он пытался установить целых пять стадий, качественно различных одна от другой: «космическая», «микрокосмическая», «мифологическая» «этнологический тотемизм» и «этнографический тотемизм»⁴⁰. Мещанинов выводит искусство из религии. По мнению Мещанинова, искусство — не что иное, как обращение к тотему, способ общения с тотемом⁴¹.

Магическая теория происхождения искусства, истолкование памятников живописи и скульптуры каменного века исключительно как памятников магии, выражающих «тотемическое» или «космическое» мировоззрение, были в значительной степени распространены в советской археологии и оказали отрицательное влияние на ее достижения.

Примером могут служить написанные до выхода в свет труда И. В. Сталина работы одного из крупнейших советских археологов — А. П. Окладникова. Как признает сам А. П. Окладников, он вслед за Марром считал, что история мышления может быть разделена на два принципиально различных этапа или две стадии: 1) «конкретно-образное» и 2) «формально-логическое» мышление⁴². В труде по истории Якутии⁴³ автор трактовал памятники первобытного искусства в духе Марра.

Сложная проблема возникновения и первоначального развития первобытного искусства требует специального исследования. В настоящей статье мы останавливаемся на не менее сложной проблеме первобытного мышления и религии, как она ставится А. П. Окладниковым в «Истории Якутии». А. П. Окладников утверждал, что «мышление первобытного человека по сравнению с мышлением современного человека было качественно отличным, не абстрактно-логическим, а конкретно-образным»⁴⁴. Окладников разделял ложное положение Марра, которое он приводит здесь же: «для древнейших времен не существовало отвлеченных идей»⁴⁵. Наряду со ссылками на Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, А. П. Окладников пользовался тенденциозно подобранными данными Леви-Брюля⁴⁶, ложной концепции которого автор «Истории Якутии» следовал.

Описывая произведения искусства каменного века Якутии и реконструируя на основании их мировоззрение первобытных охотников Якутии, А. П. Окладников устанавливал в нем две темы: «Первая тема — космическая... Космическая тема в современном фольклоре звучит очень приглушенно и слабо, но тем драгоценнее даже и разрозненные обрывки древнего мировоззрения, указывающие на совершенно необычные

³⁹ И. И. Мещанинов, Верхний палеолит, «Известия ГАИМК», т. XI, 1931, стр. 22.

⁴⁰ И. И. Мещанинов, Язык и мышление в доклассовом обществе, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 9—10, 1934.

⁴¹ См. И. И. Мещанинов, Верхний палеолит, стр. 25.

⁴² А. П. Окладников, К вопросу о происхождении искусства, «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 7.

⁴³ «История Якутии», т. I, Якутск, 1949.

⁴⁴ «История Якутии», стр. 201.

⁴⁵ Н. Я. Марр, О лингвистической поездке в Средиземноморье, «Известия ГАИМК», вып. 89, 1934, стр. 89.

⁴⁶ См. «История Якутии», стр. 201.

с нашей точки зрения представления древних местных охотников о связи образа лося со вселенной»⁴⁷. Следуя за Марром, А. П. Окладников ставил культ космического тотема в центр общественной жизни древних насельников Якутии⁴⁸.

Следование Марру приводило А. П. Окладникова к ложным положениям: «Все сюжеты-зарисовки, выходящие за пределы магических записей, связанных с охотничьим культом, в том числе и чисто исторические, несомненно, преследовали практические цели: они должны были закреплять магическими средствами те или иные результаты или обеспечивать их»⁴⁹.

Таким образом А. П. Окладников при интерпретации памятников культуры древнейших насельников Якутии неоправданно преувеличивал культовое начало.

Влияние Марра в освещении первобытной религии оказалось весьма вредным для книги А. П. Окладникова. Впервые осуществленный, большой, сложный и очень нужный труд по восстановлению первых этапов истории Якутии — в прошлом отсталой окраины, которой буржуазные историки вообще отказывали в истории, — выполнен А. П. Окладниковым с большим талантом. Тем больше приходится сожалеть, что такой содержательный и интересный труд, облеченный в блестящую литературную форму, обесценен интерпретацией описанных памятников культуры в духе Марра.

А. П. Окладников признал свою ошибку в освещении первобытного мышления и дал развернутую критику теорий Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и Леви-Брюля о стадиях мышления⁵⁰. Осознание несостоятельности ранее развивавшихся им взглядов помогло А. П. Окладникову правильно осветить духовную культуру неолита и бронзового века Прибайкалья.

Влияние Марра проявилось и в другом труде А. П. Окладникова, а именно в статье о находке неандертальца в пещере Тешик-Таш⁵¹.

Говоря о зачатках религиозных представлений, А. П. Окладников писал: «...эти зачатки были столь же широкими по семантическому своему охвату и по содержанию, как и расплывчатыми, «диффузными» по своему характеру и оформлению. Здесь сказывалась, как выразился Н. Я. Марр, целиком «диффузная природа первобытного мышления, дологического, обязательно конкретного, но не дифференцирующего понятия»⁵².

Однако, выявляя вред влияния концепции и Марра, нельзя обесценивать целиком научные исследования советских ученых, подпадавших под это влияние. Некоторые сложные проблемы первобытной идеологии вызывают научные споры независимо от того, проявляется ли или нет влияние Марра в их освещении. Советская наука руководствуется положением И. В. Сталина: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»⁵³. Поэтому в научной полемике нельзя огульно квалифицировать как «марризм» все взгляды, вызывающие сомнения или возражения критикующих. Это относится в данном случае к дискуссии по вопросу о неандертальских погребениях, открытой на страницах журнала «Советская этнография» в 1952 г. В ходе этой дискуссии А. П. Окладникова обвиняли в марризме как за указанную выше работу 1949 г.,

⁴⁷ Там же, стр. 89.

⁴⁸ Там же, стр. 92—93.

⁴⁹ Там же, стр. 211.

⁵⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 287—288.

⁵¹ «Тешик-Таш», Сборник под ред. М. А. Гремяцкого и М. Ф. Нестурха, изд. МГУ, М., 1949, стр. 79.

⁵² Там же.

⁵³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

так и за статьи, в которых он признал свои ошибки и отказался от освещения вопросов первобытной идеологии в духе Марра.

Для того, чтобы не обвинять автора огульно, надо разобраться в сущности поднятой проблемы.

В своей статье в сборнике «Тешик-Таш» А. П. Окладников развил ряд положений относительно своей находки: 1) в Тешик-Таше имело место намеренное культовое захоронение; 2) с культом мертвеца связан культ животных, а именно — горного козла и 3) с обоими этими культами связан третий — солярный культ, проявляющийся в том, что найденные вблизи человеческого костяка рога архара окружали его кольцом.

В открытой на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии по вопросу «о так называемых неандертальских погребениях» С. М. Плисецкий в своей статье⁵⁴ обвиняет буржуазных французских и немецких археологов в фальсификации, а советских ученых — Г. А. Бонч-Осмоловского, А. П. Окладникова и В. К. Никольского — в низкопоклонстве перед западноевропейской лженаукой. Трактовку А. П. Окладниковым тешик-ташской находки как захоронения М. С. Плисецкий отрицает и оспаривает правильность самого описания, данного открывшим эту стоянку Окладниковым.

Ответ А. П. Окладникова подвергнут критике в рецензии И. Б. Астахова⁵⁵, посвященной главным образом разбору другой работы этого же автора «К вопросу о происхождении искусства».

Оставляя в стороне проблему возникновения искусства, остановимся лишь на вопросе о датировке и характере наиболее ранних форм религии. Как и М. С. Плисецкий, И. Б. Астахов связывает признание неандертальских погребений с низкопоклонством перед «учеными попами» и считает его проявлением влияния Марра.

Направление критики по этому вопросу — и аргументация М. С. Плисецкого, и дальнейшее ее развитие в статье И. Б. Астахова — вызывает некоторое недоумение. Если описаниям мустьерских стоянок, данным зарубежными археологами, по словам М. С. Плисецкого и И. Б. Астахова, нельзя верить, потому что эти буржуазные ученые, будучи большей частью клерикалами, фальсифицировали факты, то такое недоверие недопустимо по отношению к советским археологам. Огульное отрицание фактов, в особенности обстоятельно изложенных А. П. Окладниковым в его ответе М. С. Плисецкому, отнюдь не может помочь установлению истины. Задача ученых, интересующихся проблемой неандертальских погребений, состоит в том, чтобы, опираясь на факты, добытые археологами, в первую очередь советскими исследователями, осветить эту сложную проблему на основании учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Нельзя при этом исходить из предвзятой мысли о том, что признание неандертальских погребений означает отказ от дорелигиозного периода.

Кстати, М. С. Плисецкий в данном случае рассуждает нелогично: поскольку он не признает человеком неандертальца так же, как и питекантропа и синантропа, то возникновение религии в верхнем палеолите совпадает, с его точки зрения, с началом истории человечества; следовательно, по Плисецкому, человечество не знало дорелигиозного периода. Окладников же видит дорелигиозный период у питекантропа, синантропа и гейдельбергского человека и подчеркивает, что труд возник раньше религии.

А. П. Окладников отошел от марровского освещения первобытного мышления и выясняет действительные предпосылки зарождения религиоз-

⁵⁴ М. С. Плисецкий, О так называемых неандертальских погребениях, «Советская этнография», 1952, № 2.

⁵⁵ И. Б. Астахов, Рецидивы марровской «теории» в разработке вопросов происхождения искусства, «Вопросы истории», 1952, № 1.

ных представлений. «Религия... уходит своими истоками в глубину первобытного времени, когда у человека существовали темные и неправильные представления о действительности, обусловленные низким уровнем общества и его производительных сил, слабостью человека в борьбе с природой, гнетом природы над человеком, зависимостью его от природы»⁵⁶.

А. П. Окладников не определяет неандертальские погребения как проявление развитого религиозного культа. Он показывает их место. «В отличие от более древних находок, мустьерские погребения свидетельствуют о первоначальном возникновении зачатков религиозных верований как комплекса ложных фантастических представлений человека о самом себе и о природе, как первобытного идеализма. Но это еще вовсе не настоящая сколько-нибудь оформленная религия, хотя бы и первобытная... Это в полной мере исходное состояние, где причудливо переплетаются смутные и неопределенные фантастические образы и представления, из которых много позже вырастают настоящий культ мертвых и вера в духов, культ животных»⁵⁷.

Развитая А. П. Окладниковым концепция возникновения зачатков первобытного идеализма отнюдь не заслуживает тяжелых обвинений, которые предъявляет ее автору И. Б. Астахов. Концепция Окладникова в целом соответствует учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о религии как надстройке и правильно освещает основные этапы формирования религиозных верований и культа.

Наоборот, некоторые положения И. Б. Астахова о первобытной религии вызывают недоумение и существенные возражения. По мнению И. Б. Астахова, существовала «стадия первобытного фетишизма, непосредственного природного идолопоклонства», при которой «идолами, то есть объектами поклонения... являются... предметные формы непретворенной природы (растения, камни, животные, горы, солнце, луна и т. п.)»⁵⁸. Несколько ниже И. Б. Астахов снова говорит о поклонении животным⁵⁹.

Определение древнейшей религии как «природного идолопоклонства» вряд ли соответствует ее характеру потому, что на раннем этапе религии не существовало поклонения. Лишь с началом расслоения первобытной родовой общины зачатки отношений господства и подчинения отразились в возникновении образов высших духов и богов и в смене магического культа умиловительным. Лишь в этот сравнительно поздний период возникло идолопоклонство.

Таким образом, упрек в неверном освещении возникновения религии и ранних этапов ее развития следует возратить самому И. Б. Астахову.

Возвращаясь к статье А. П. Окладникова о неандертальских погребениях, следует, однако, признать, что в трактовке тешик-ташской находки сказываются некоторые пережитки влияния Марра.

Когда А. П. Окладников утверждает, что рога козла имели характерное расположение на небольшой площади вокруг костяка ребенка, нет оснований оспаривать его данные, потому что именно он и производил раскопки. Сосредоточение нескольких пар рогов, сохранивших связь «вилкой», причем одна из них должна была быть поставлена вертикально, может говорить об особом отношении к главному объекту охоты живших здесь неандертальцев. Ведь представление о родстве животных с людьми

⁵⁶ А. П. Окладников, О значении захоронений неандертальцев, «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 173.

⁵⁷ Там же, стр. 179.

⁵⁸ И. Б. Астахов, Происхождение и развитие искусства в свете марксистско-ленинской эстетики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1953, стр. 8—9 (Разрядка наша.— Б. Ш.).

⁵⁹ Там же, стр. 11.

должно было возникнуть у первобытных охотников очень рано, вполне возможно, что еще у неандертальцев.

Но почему тот факт, что рога окружали скелет, должен свидетельствовать о наличии культа солнца? Круг, окружность, окружение по кольцу — явления, часто распространенные как в неорганической, так и в органической природе. Окружение кольцом — вообще наиболее естественная форма ограждения. Между тем ассоциация окружности с солнцем и связывание с ним огня кострища могли появиться лишь на такой ступени развития человечества, когда человек стал выделять себя из природы, что, трудно допустить у неандертальцев. Кострище, вероятнее всего, воспринималось как необходимое условие повседневного существования. В гипотезе о культе солнца сохранились еще остатки марровского представления о «космическом мышлении» и уходящих еще глубже реминисценций мифологической школы.

Маловероятно также предположение, что неандерталец связывал положение мертвеца с западом или с востоком. Сам же А. П. Окладников находит вполне реальное объяснение этому факту: «Возможно, это зависит от того, что покойники лежат всегда поперек, а гроты эти преимущественно открыты на юг, то есть на солнечную сторону»⁶⁰. Поэтому напрасно сам автор на следующей странице опять возвращается к утверждению, что труп укладывали с намеренной ориентировкой⁶¹.

Указанные моменты нарушают общую правильность трактовки тешикташской находки как погребения и ослабляют аргументацию в защиту неандертальских захоронений.

Подробный разбор работ одного из крупнейших советских археологов и исследователей первобытной культуры показывает, какое вредное влияние оказала концепция Марра хотя бы в одном вопросе — в вопросе первобытной религии.

Вредное влияние Марра сказалось и в работе другого крупного советского археолога — П. И. Борисковского. В книге, которая до сих пор используется в качестве учебного пособия⁶², автор освещает духовную культуру первобытного человечества в духе Марра, принимая его концепцию о «коренных сменах в мышлении», о диффузном состоянии⁶³.

Влияние концепции Марра и Леви-Брюля о дологическом характере первобытного мышления сказалось и в истории искусства. Так, в широко распространенной «Всеобщей истории искусств» М. В. Алпатова автор пишет: «Первобытный человек не умел логически строить понятия, он был неспособен к обобщениям». И далее М. В. Алпатов, без ссылок на Леви-Брюля, развивает его теорию о сопричастности явлений, о «таинственной связи явлений, замеченных первобытным человеком»⁶⁴. Но сам же М. В. Алпатов противоречит себе, когда он совершенно правильно замечает, что в произведениях палеолитического искусства сказалось «умение выделить из богатства впечатлений наиболее существенное»⁶⁵.

Не меньший вред нанесло распространение труд-магической «теории» этнографическому исследованию материальной культуры. Ярким примером могут служить работы Н. П. Гринковой, написанные в 30-х годах, особенно статья «Очерки по истории развития русской одежды». Гринкова рассматривает здесь пояса с украшениями. Анализируя с точки зрения пресловутых четырех элементов Марра название поясных подвесок — «махры», «подмахорники», Гринкова возводит это название к слогу

⁶⁰ А. П. Окладников, О значении захоронений неандертальцев, стр. 167. Примечание.

⁶¹ Там же, стр. 168.

⁶² П. И. Борисковский, Начальный этап первобытного общества, Л., 1950.

⁶³ Там же, стр. 112—113.

⁶⁴ М. В. Алпатов, Всеобщая история искусств, т. I, М.—Л., 1948, стр. 36.

⁶⁵ Там же, стр. 43.

«хор-с», сближая его с наименованием славянского божества. Не удовлетворяясь этим, Гринкова пускается в сопоставления этого «элемента» чуть ли не во всех языках мира. В результате русское слово «махры» возводится к халдским и баскским терминам, якобы означающим космическое начало, небо⁶⁶. Интересно, что в своей более ранней работе Н. П. Гринкова употребляла слово махры в самом обычном значении («концы с махрами» у платка)⁶⁷ и не считала их ни пережитком культа солнца, ни знаком тотема. Но влияние Марра оказалось весьма вредным, и Гринкова договорилась до следующего «открытия»: «Повидимому, в первоначальной стадии мышления пояс являлся действительно сам по себе магическим оберегом, но постепенно он получает и утилитарное значение, а в связи с усложнением и развитием способов производства и усложнением человеческой трудовой практики, а вслед за этим усложнением идеологических моментов, пояс, как магический оберег, также осложняется»⁶⁸. Оказывается, человек, подпоясываясь, сначала носил пояс как знак тотема и только после догадался, что это вещь удобная! Гринкова настаивает, что пояс возник как оберег, способствующий благополучию и удаче в том или ином производстве⁶⁹. Приводимый ею пример прикрепления к поясу оберега — куриных костей — вовсе не доказывает, что самый пояс начали носить только для того, чтобы использовать его для амулета.

Трактовка элементов костюма, в особенности вышивки, орнамента и прочих украшений как оберега была широко распространена среди советских этнографов, исследователей одежды. История искусства действительно знает факты ритуального орнамента; например, в русской вышивке и в кружевах запечатлелись в стилизованной форме древние обряды и образы религиозной фантастики — богиня-мать или «древо жизни» между двумя всадниками, дохристианские храмы и пр. Но последователи Марра не утруждали себя добросовестным исследованием реальных корней данного конкретного орнамента. Они объявляли магической каждую вышивку вокруг ворота («колдовская защита от проникновения злых сил за ворот»), вышивку на поликах («защита плеч») и т. п. При этом они презрительно третировали эстетическую роль вышивки — стремление ритмически выделить каймой ворот, оплечья, подол. Объяснение вышивки или подвесных деталей как украшений по существу рассматривалось последователями Марра как идеализм; выводить же пояс из оберега признавалось за верх материалистического исследования.

Можно было бы не возвращаться к статьям Н. П. Гринковой, написанным около 20 лет назад. Однако некоторые факты свидетельствуют о том, что связанные с концепциями Марра положения, развитые в этих работах, до сих пор находят отклик в советской этнографии. Так, в своей книге, вышедшей в свет уже после опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», Т. А. Крюкова пишет о нарукавной вышивке: «Эта локализация вышивки вполне подтверждает выдвинутое Н. П. Гринковой предположение о связи наружной ornamentации в прошлом со стремлением человека повысить производительность руки, ее мощностъ»⁷⁰. В статье, на которую здесь ссылается Т. А. Крюкова, мы читаем: «магическое значение руки нам прекрасно показывает Н. Я. Марр в ряде своих работ ...Палеонтология

⁶⁶ Н. П. Гринкова, Очерки по истории развития русской одежды, «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 84.

⁶⁷ Н. П. Гринкова, Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии, «Известия пед. ин-та им. Герцена», вып. 8, Л., 1928, стр. 167.

⁶⁸ Н. П. Гринкова, Очерки по истории русской одежды, стр. 84.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Т. А. Крюкова, Марийская вышивка. Под редакцией Л. П. Потапова, Изд. АН СССР, Л., 1951, стр. 22.

речи воочию вскрывает бесспорное культовое значение рук, как орудия производства и творческой магической силы, физически указания и космически знамения неба и божества»⁷¹. Подобная пропаганда «труд-магической теории» Марра совершенно недопустима в советской этнографии; необходимо преодолевать последние остатки влияния Марра, разъясняя их вред. Между тем, В. Н. Белицер в своей рецензии на книгу Т. А. Крюковой не указала на отмеченный нами факт⁷².

Влияние «труд-магической теории» на этнографию было явно отрицательным, оно уводило исследователей от подлинно научного анализа и обобщения фактов к своего рода гаданию на кофейной гуще.

Только ясное и четкое раскрытие И. В. Сталиным всей порочной сущности концепции Марра в целом помогло советской науке освободиться и от ее отдельных проявлений, в частности и от «труд-магической теории», ничего общего не имеющей с наукой и опошляющей марксизм.

Учение о базисе и надстройке, развитое И. В. Сталиным в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», дает возможность полностью изжить все остатки влияния концепций Марра не только в лингвистике, но и во всех областях общественных наук, в том числе в археологии, этнографии и истории религии. Развитие творческого марксизма поднимет и эти области науки на более высокий уровень, достойный советской науки в целом.

⁷¹ Н. П. Грипкова, Отражение производственной деятельности руки, «Советская этнография», 1935, № 1, стр. 61.

⁷² См. В. Белицер, рецензия на книгу Т. А. Крюковой, «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 221.

М. В. ВИТОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Поселение является одним из важных предметов этнографического изучения. Очередная задача этнографии — создание сводных работ по различным элементам культуры. Эти работы естественно, могут быть выполнены лишь при пользовании общей методикой, одинаковыми приемами работы. Однако методика изучения поселений до настоящего времени еще не разработана.

Прежде чем изложить некоторые мысли о приемах и аспектах изучения поселений классового общества, необходимо вкратце охарактеризовать те основные положения, из которых исходили исследователи этого вопроса в обобщающих теоретических работах.

1

Буржуазную западноевропейскую историографию можно грубо подразделить на два этапа. Для первого характерной фигурой является Мейтцен¹, подытоживший разрозненные эмпирические сочинения своих предшественников; для второго — Заборский² и Цвиич³, представители антропогеографической школы.

Происхождение поселений привлекало внимание исследователей уже в XVIII в.; тогда же возникли первые попытки увязать существующие формы поселений с различными этническими группами.

Юстус Мёзер⁴, живший во второй половине XVIII в., высказал предположение, что одиночные дворы, которые распространены на его родине, в Вестфалии, являются исконной германской формой поселения. Взгляды Мёзера и близких ему исследователей вызвали резкую критику со стороны К. Маркса: «Идиотский вестфальский юнкерский взгляд (Мёзер и т. д.), что немцы поселялись каждый в отдельности и лишь впоследствии образовывали села, волости, опровергается совершенно»⁵.

Датчанин Олуфсен (1764—1827), собрав материал по поселениям, как предполагают, в юго-западной части Шлезвиг-Голштинии (Вагрии), высказался за большие замкнутые деревни, как за первобытную форму поселения. Вопросом о поселениях занимались Гансен, Гакстгаузен, Вайтц, Лампрехт, Якоби, Ландау и др.⁶

Реакционный немецкий историк А. Мейтцен (1822—1910) подвел итог исследованиям своих предшественников в трехтомной работе, ос-

¹ A. Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*, Berlin, 1895.

² B. Zaborski, *O kształtach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu*, Warszawa, 1928.

³ J. Цвиич, *Балканско Полуострво и јужнословенске Земље*, Београд, 1922.

⁴ Justus Möser, *Die Osnabrückische Geschichte, Sämmtliche Werke*, VI—VIII, Berlin, 1893; его же, *Patriotische Phantasien, S. Werke*, I—V, Berlin, 1842—1843.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XXIV, стр. 28.

⁶ Краткое изложение взглядов перечисленных авторов можно найти в указанных работах Мейтцена и Заборского.

нованной на изучении огромного картографического материала. Исследование Мейтцена содержит много фактических данных, но теоретическая часть работы в корне порочна, так как проникнута идеализмом и антиисторизмом. Автор исходит из того, что поселения почти не изменяются во времени и сохраняют свои первобытные особенности. Мейтцен пишет: «На самом деле, до известной степени в каждой деревне мы бродим среди развалин древних времен; и притом таких развалин, которые по возрасту далеко оставляют за собой романтические обломки средневековых замков и городских стен. На каждом шагу, и в усадьбе, и в поле мы можем встретить следы древнейшего устройства, а топографические карты владений являются своеобразным письмом, как в иероглифах передающим нам идеи и цели основателей»⁷.

Мейтцен ставит вопрос о том, отражает ли современное положение вещей древний, исконный характер поселений, и отвечает на него положительно⁸. Все изменения в поселениях, которые происходили после окончания переселения народов, были, по Мейтцену, незначительны.

В другой работе тот же автор пишет: «...большую часть сохранившихся до настоящего времени поселений с существующим в них распределением земли во всех их существенных чертах можно и должно отнести к периоду первоначального заселения в начале средних веков, если только нельзя доказать более позднего их происхождения. Главные черты в расположении поселений и земельных участков служат древнейшими фактическими памятниками, дающими нам сведения о существовавших некогда жизненных потребностях, народных воззрениях, экономических и политических идеях. Наряду с языком они являются наиболее убедительными свидетельствами древнейшей народной жизни и древнейшего народного духа»⁹.

Это положение не выдерживает критики. За время, прошедшее с начала средних веков до написания Мейтценом его работы, сменились две социально-экономические формации. Несомненно, изменения, которые произошли за это время в способе производства, отразились на зависящих от него общественных явлениях, в частности на характере земле-владения и типах поселения. Это будет проиллюстрировано в дальнейшем на конкретных примерах.

Исходная антиисторическая точка зрения привела Мейтцена и ко второму заблуждению. Признав глубокую древность существовавших в его время форм поселений в северной части Европы, Мейтцен приписал их неизменный вид различным этническим группам, перешедшим к оседлому образу жизни после переселения народов. Раз возникнув, этнический, или национальный, как чаще говорит Мейтцен, тип поселения не меняется на протяжении всего средневековья, будь то однодворные деревни кельтов, кучевые — германцев и т. д.

Теоретическая несостоятельность этой концепции ясна из того, что народы и племена никогда не застревают на каком-нибудь одном уровне развития производительных сил и производственных отношений и не могут остановиться на каком-то исключительно только им присущем поселении. К тому же известно, что у каждого народа бывает по несколько разных форм поселений.

Закономерно поэтому, что теория Мейтцена оказалась несостоятельной перед новыми конкретными этнографическими данными. Уже после появления книги Мейтцена было обнаружено сплошное распространение кучевой деревни с нивовым укладом полей (исконно германской, по Мейтцену) на Украине, в южной Польше и т. д. Некоторые положе-

⁷ А. Meitzen, Указ. соч., стр. 279.

⁸ Там же, т. I, стр. 15 и сл.

⁹ А. Мейтцен, *Формы расселения. Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков.* Под ред. В. Э. Дена, СПб., 1899, стр. 279.

ния Мейтцена были основаны на недостаточном знании материала; так, Мейтцен считал, что в южной Великороссии и на Украине распространены однодворные поселения¹⁰.

Подчеркивая полное непонимание Мейтценом законов общественного развития, отметим, что общину он считал исключительно славянским институтом, вызванным к жизни психическими особенностями славянского племени¹¹. В ряде его высказываний нашел отражение и германский национализм. В России теория Мейтцена была поддержана В. Э. Деном¹². Впрочем, работа его представляет собой лишь популяризацию и самостоятельного значения не имеет.

Работы представителей антропогеографической школы являются, как отмечалось выше, другим важным этапом в западноевропейской буржуазной историографии. Представители этой школы стали выдвигать географический фактор как доминирующий в общественном развитии. Они изучали влияние характера местности, воды, солнца, ветра и пр. на величину, плотность и другие особенности поселений. Наиболее характерной для антропогеографической школы является книга Б. Заборского о польских поселениях. Он так определяет свою задачу: «Главной целью нашей работы мы считаем исследование условий, под влиянием которых деревни приняли свою современную форму и получили свое теперешнее распространение в пределах Польши, причем главную роль мы должны отвести географическим факторам». Далее он рассматривает влияние различных элементов географической среды, но первенствующее значение среди них отводит воде и рельефу местности. «Среди физико-географических факторов преобладающее влияние на густоту, форму и положение сельских поселений, без сомнения, имеют вода и характер ландшафта»¹³. Меньшее значение имеют ветер, солнце и пр.

Наряду с влиянием географической среды Заборский признает зависимость особенностей поселений от общественных факторов, причем последние обнаруживаются, по автору, яснее всего там, где сильнее действуют географические влияния¹⁴, и являются, таким образом, второстепенными. Кроме того, следует отметить, что «общественный фактор» Заборский понимает не в последовательном историко-материалистическом смысле, а запутывает это понятие, смешивая в одну кучу, как явления одного порядка, обычаи, общественную структуру, величину хозяйства, дороги, колонизацию, парцелляцию и пр. Все эти «общественные факторы» он привлекает главным образом тогда, когда та или иная особенность поселений находится в явном противоречии с географией и не может быть ею объяснена.

С переоценкой географического фактора у Заборского, как и у некоторых других представителей антропогеографической школы, сочетается чисто формальная классификация самих поселений. Она построена на делении поселений почти исключительно по их форме в сочетании с непоследовательно подобранными историческими признаками (кучевая деревня, уличная, рядовая, однодворная и пр.). Выделяются как переходные типы даже близкие геометрические формы — овальная деревня, круговая (последняя — в двух разновидностях) и пр. Сам Заборский называет эту классификацию геометрическо-генетической, хотя второе определение вряд ли законно.

В некоторых отношениях (например, вследствие менее внимательно-то отношения к экономическим вопросам) работы представителей антро-

¹⁰ A. Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen...*, т. II, стр. 265.

¹¹ Там же, стр. 214 и сл.

¹² В. Э. Ден, Лекция, прочитанная в Моск. университете 12 марта 1898 г. Оттиск.

¹³ B. Zaborski, *Über Dorfformen in Polen und ihre Verbreitung* (нем. перевод), Breslau, 1930, стр. 27.

¹⁴ Там же, стр. 36.

погеографической школы являются даже шагом назад по сравнению с исследованием Мейтцена.

Марксистская наука не отрицает влияния географической среды на явления общественной жизни. О влиянии природных условий на развитие капиталистического строя Маркс писал: «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности»¹⁵.

Однако классики марксизма-ленинизма отрицательно отвечают на вопрос о решающем влиянии географической среды на жизнь общества.

«Географическая среда,— указывает И. В. Сталин,— бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества,— она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является **определяющим** влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»¹⁶.

Поселения, прежде всего, представляют собой социальное явление, поэтому все, что сказано И. В. Сталиным о влиянии географического фактора на развитие общества вообще, относится также к воздействию этого фактора на одно из проявлений общественной жизни — поселение.

За последнее тридцатилетие за рубежом появилось несколько новых работ, посвященных поселениям различных областей¹⁷. Однако ничего существенно нового в теоретическом отношении они не дают.

2

Первую своего рода классификацию русских поселений предложил в XVIII в. И. Г. Георги: «Жилища россиян суть: города, предместья, крепости, волости, местечка, села, деревни, погосты, сельцы, хуторы, усадьбы, колонии, или чужестранцев поселения, мызы, загородные дворы, дачи, остроги». Все эти разновидности поселения автор выделяет, основываясь главным образом на внешних признаках: «Села так именуются потому, что имеют одну или больше церквей; погосты также; деревни, где нет церквей; сельцы и усадьбы, где боярский дом бывает без церкви... Слободы то же, что и деревни: но в некоторых бывают и церкви, и слободы бывают, а особливо на Украине, населены, большей частью, вольными людьми...»¹⁸

¹⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 516—517.

¹⁶ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 587.

¹⁷ Например, K. Mielke, Die altslavische Siedlung, «Zeitschrift f. Ethnologie», 1923, Heft 1—4, S. 59—79; его же, Entstehung und Ausbreitung des Strassendorfes, там же, 1926, Heft 1—2, S. 193—217; его же, Siedlungskunde des deutschen Volkes und ihre Beziehung zu Menschen und Landschaft, München, 1927; Glenn Th. Trewartha, Types of Rural Settlement in Colonial America, «Geographical Review», Oct. 1946, No. 4; G. Nikander, Kulturskeden och bebyggelseformer i Finland, «Folk-liv», «Acta ethnologica et folkloristica Europae», t. XIV—XV, 1950—1951.

¹⁸ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. IV, СПб., 1799, стр. 132—133 (1-е изд. СПб., 1776—1777).

Но серьезный научный интерес к сельским поселениям, как и вообще к материальной культуре русского народа, выявился значительно позднее — во второй половине XIX в. А. Шапов, близкий к народничеству, в шестидесятых годах высказал несколько мыслей о влиянии географической среды и экономического быта на размещение поселений и на психический склад их обитателей¹⁹.

В 1909 г. А. И. Воейков классифицировал поселения Восточно-Европейской равнины по признаку их населенности²⁰.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский был, повидимому, первым, кто классифицировал поселения Восточно-Европейской равнины с точки зрения расположения их на местности. В основу своей классификации он положил географический фактор и, исходя из этого, попытался понять природу поселений²¹. Семенов-Тянь-Шанский сочувственно приводит слова Шапова: «Русская колонизация сама носит на себе глубоко-пассивный отпечаток топографических условий местности»²².

Особенности поселений в различных местах Семенов-Тянь-Шанский объясняет физико-географическими особенностями — расположением пригодных почв, наличием воды и пр. Выделяя типы заселения, Семенов-Тянь-Шанский учитывает также их экономическую направленность, правда, в самой общей форме. При выделении же подтипов автор пользуется только географическими признаками.

Семенов-Тянь-Шанский называет три основных типа заселения: «1) центральный, нечерноземный и северо-западный, земледельческий по преимуществу, руководимый водораздельным положением наиболее удобных почв, при равномерном орошении территории поверхностными и грунтовыми водами; 2) северный, промысловый по преимуществу и лишь в слабой степени земледельческий, руководимый течениями рек и берегами озер... и соответствующий наиболее развитой сети сплавных рек; наконец, 3) южный, черноземный, исключительно земледельческий, жмущийся к речным долинам, как единственно надежным источникам питьевой воды»²³.

Я не буду приводить подтипов этой классификации, так как принцип ее достаточно ясен.

Различия в типах заселения объясняются стремлением к освоению почвы, наиболее удобной для обработки. В условиях севера такая почва лежит только вдоль речных долин, тогда как водоразделы покрыты болотами и лесами. Географическими условиями объясняются также южный и среднерусский типы заселения. «Одним словом, русский человек в данном случае уподобился лесу, который и на крайнем севере и на крайнем юге Восточно-Европейской равнины жметя к речным долинам, в средней же полосе занимает водоразделы»²⁴.

Я уже остановился на критике географического фактора, как решающего в истории; сказанное частично применимо и к классификации типов заселения, данной Семеновым-Тянь-Шанским и его последователями. Надо, однако, иметь в виду, что влияние географического фактора на расположение поселений на местности, чем занимался Семенов-Тянь-Шанский, несравненно сильнее, чем на планировку, которую западно-европейские

¹⁹ А. Шапов, О влиянии гор и моря на характер поселений, «Русское слово», 1864, № 3; его же, Историко-географическое распределение русского народонаселения, там же.

²⁰ А. И. Воейков, Людность селений Европейской России и Западной Сибири. «Изв. РГО», т. XLV, вып. I—III, СПб., 1909.

²¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Город и деревня в Европейской России, СПб., 1910.

²² А. Шапов, Историко-географическое распределение русского народонаселения, стр. 274.

²³ В. Семенов-Тянь-Шанский, Указ срч., стр. 13.

²⁴ Там же.

антропологеографы особенно настойчиво пытались связать с природными условиями.

В советское время этнографы, историки и археологи почти не занимались теоретическим исследованием поселений. Можно назвать только несколько работ²⁵.

Первыми советскими исследованиями поселений феодальной эпохи являются работы Н. Н. Воронина²⁶. В первом исследовании Н. Н. Воронин выделил основные стадии развития, которые проходило поселение феодальной эпохи. Далеко не со всем в этой работе можно безоговорочно согласиться (вопрос о слободе, толкование некоторых грамот и пр.), но это был первый опыт разрешения проблемы феодального поселения с материалистических позиций. Основное достоинство работы в том, что автор подошел к поселению как к явлению социальному, переживающему ряд изменений в зависимости от экономического развития.

В работах Н. Н. Воронина впервые дается классификация социально-экономических разновидностей сельского поселения (погост, слобода, село, деревня), которые в процессе исторического развития сменяют одна другую и являются, таким образом, стадиями.

Особую ценность в первом исследовании Н. Н. Воронина представляет глава о погосте, в которой вскрывается общинная мирская основа этого института, тогда как прежде погост обычно рассматривался лишь как административная искусственная единица. Впрочем, первым на общинную основу погоста указал Н. П. Павлов-Сильванский. Однако в отличие от Н. П. Павлова-Сильванского, который устанавливал тождество северного погоста и верви, Н. Н. Воронин считает, что верви юга отвечает печище севера. Правда, в позднейшей работе «Поселение», где Н. Н. Воронин касается только древнерусских поселений, он, очевидно, изменяет первоначальной точке зрения, объединяя в понятии соседской (или сельской) общины не только погост, но и вервь.

Поселениям Северо-Восточной Руси эпохи развитого феодализма посвящена работа С. Б. Веселовского²⁷. Эта работа чрезвычайно богата конкретным историческим документальным материалом и интересными, важными наблюдениями по частным вопросам, связанным с поселениями (например, об их укрупнении со второй половины XV в.)²⁸, но никакой классификации и типологии поселений Веселовский не выдвигает. Проблема средневековых поселений не может быть разрешена вне связи с историей общинного строя. А именно в этом вопросе С. Б. Веселовский следует за реакционным направлением, отрицавшим древность общинного строя²⁹. О возникновении поселений С. Б. Веселовский пишет: «В качестве пионеров земледельческой культуры на первом плане и в первых ролях являются не волость, не монастырь и даже не группы и союзы крестьян, а слободчики и отдельные крестьяне, которые селятся на расчищенных от леса участках однодворными деревнями, иногда отец и сын порознь»³⁰.

Насколько эти взгляды противоречат материалистическому понима-

²⁵ В 1928 г. была опубликована статья С. В. Киселева «Поселение» — социологический очерк [РАНИИОН. Институт археологии и искусствознания, Труды секции теории и методологии (социологической), т. II, М., 1928]. Это исследование выходит за хронологические рамки настоящего обзора: С. В. Киселев рассматривает основные этапы развития поселений, начиная с каменного периода и кончая эпохой, предшествовавшей появлению государств у кельтов, германцев и славян.

²⁶ См. Н. Н. Воронин, К истории сельского поселения феодальной Руси, Л., 1935; его же, Поселение, в кн. «История культуры древней Руси», т. I, 1948.

²⁷ См. С. Б. Веселовский, Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. (Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений). М.—Л., 1936.

²⁸ Там же, стр. 131.

²⁹ Там же, стр. 107.

³⁰ Там же, стр. 120.

нию истории, видно из приведенного выше высказывания К. Маркса о Мёзере. Таким образом, в работе Веселовского могут быть использованы лишь конкретные данные о поселениях феодальной эпохи.

Форма поселений, планировка, бегло описывается во многих статьях, где речь идет о народном жилище, но в данном очерке нас интересуют только общие работы.

Выделяется статья Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова о поселениях Рязанской области³¹. В основу своего описания авторы кладут «форму поселений, рельеф местности, связь с историей края, с социально-экономическими условиями и сравнительное историческое развитие каждого типа селения»³². Статья Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова выгодно отличается от многих работ по поселению использованием картографического материала XVIII—XIX вв. Авторы выделяют кучевые, круговые и линейные планы; эти типы планировки в свою очередь распадаются на разновидности. Происхождение каждой формы поселения авторы связывают с социально-экономическим строем, частично — с географическими факторами.

Конкретных выводов статьи (иногда удачных, а иногда весьма рискованных) о происхождении тех или иных типов я совершенно не касаюсь, но то, что авторы свели изучение типов поселений к изучению типов планировки, предопределило известную ограниченность статьи. Эту ограниченность сознают, видимо, и сами авторы, отмечая, что «одна форма селений (без анализа социально-экономических отношений, без связи с географической средой и без датировки) ничего не говорит»³³. Тем не менее перечисленные условия они рассматривают лишь постольку, поскольку роль идет о планировке. Других самостоятельных аспектов изучения поселений Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов не рассматривают, хотя порой невольно на них наталкиваются. Так, они выделяют кучевую форму поселения и характеризуют эту форму тем, что дома стоят группами, кучками, «нередко на порядочном расстоянии друг от друга». Авторы не замечают, что они отступают от принципа своей классификации; действительно, кучевая «форма» выделяется уже не по своей форме, а по способу группировки поселений.

Традицию В. Семенова-Тян-Шанского в изучении расположения поселений на местности продолжила в 1946 г. И. И. Сорочинская-Горюнова³⁴. Автор принимает классификацию В. Семенова-Тян-Шанского и на территории восточного Приладожья выявляет несколько подтипов.

3

Итак, изучением поселений занимались различные специалисты — археологи, этнографы, историки, географы, причем за определенными специальностями закрепилось изучение какой-либо одной стороны проблемы. Формы поселений, т. е. их планировку, изучают, например, по преимуществу этнографы, не затрагивая других сторон вопроса; социально-экономической проблематикой, изучением главным образом средневековых сел, деревень, посадов и пр. занимаются исключительно историки; изучение поселений с точки зрения расположения их на местности стало областью географов. Все эти аспекты изучения поселений до

³¹ Н. И. Лебедева и Н. И. Милонов, Типы поселений Рязанской области (По документам Рязанского областного архива и научного архива Рязанского краеведческого музея), «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 107—132.

³² Там же, стр. 112.

³³ Там же, стр. 132.

³⁴ И. И. Сорочинская-Горюнова, Типы населенных пунктов восточного Приладожья, «Изв. ВГО», т. 78, вып. 2, Л., 1946, стр. 183—192.

сих пор не сводились вместе³⁵. Каждый аспект изучения поселений привел к созданию соответствующих классификаций. Это в то же время обусловило полный произвол в терминологии³⁶.

Во избежание этой путаницы, по нашему мнению, следует называть типами поселений социально-экономические разновидности поселений (село-хутор, слобода, погост и т. д.); типами заселения — расположение поселений на местности в зависимости от физико-географических условий (долинный тип, водораздельный и т. п.); формами поселений — их планировку (уличная, беспорядочная, рядовая и т. п.)³⁷.

Эти классификации еще не исчерпывают всех существенных сторон, которые должны быть изучены. Следует еще различать типы расселения, т. е. особенности группировки поселений (скупенный тип, гнездовой, разбросанный и т. д.).

Сами по себе, вне связи друг с другом и вне связи с изучением социально-экономических отношений конкретного населения, которое обитает в тех или иных поселениях, все подобные классификации являются формалистическими. Например, основной порок упоминавшейся работы Заборского заключается даже не в том, что происхождение отдельных форм поселений истолковывается им не материалистически, а в самой постановке вопроса: в попытке рассматривать формы поселений (т. е. планировку) изолированно от других сторон изучения поселений.

Изучение поселений буржуазной исторической наукой ведется в отрыве от процесса развития общества, а исследование обществ отрывается от той конкретной материальной обстановки, в которой они существуют: поселения без общества и общество вне поселения. Отсюда однобокость и произвольность в выборе предмета исследования. У одних, например, национальная принадлежность поселений считается решающей в их определении (Мейтцен), другие, наоборот, исследуют поселения в полном отрыве от этнической принадлежности их обитателей.

Изучение поселений должно основываться на марксистском положении о зависимости социального строя от степени развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Производственные отношения и социальный строй являются основными факторами, определяющими характер поселений. Поселение — одно из материальных выражений социальной жизни. Приведем несколько вытекающих отсюда предварительных соображений.

Во-первых, типы поселений нельзя рассматривать как вечные и неизменные. Один и тот же термин в разные эпохи нередко имеет совершенно различное социально-экономическое содержание. Примером может служить термин «село», который обозначал в средней полосе России феодальной эпохи центр поместного землевладения. Характерным признаком был двор феодала. В XIX в. под «селом» понимается обычно поселение с церковью, а в настоящее время просто крупное, часто торговое поселение — в отличие от деревни.

Во-вторых, в одно и то же время одинаковые термины в разных концах нашей страны часто обозначают разные понятия. Возьмем то же

³⁵ Попыткой свести воедино эти разные аспекты проблемы на материале северных средневековых поселений является кандидатская диссертация автора настоящей статьи (см. автореферат «Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. как предмет этнографического изучения», М., 1951).

³⁶ Различия в планировке селений чаще всего называют формами поселений, но также типами расселения, типами поселения и т. д.; разновидности самих селений (село, слобода, хутор и т. д.) называют типами поселений, видами поселений и т. п.; различия в расположении на местности называют характером заселения, типами расселения и пр. Таким образом, разные понятия обозначают часто одним термином и, наоборот, одинаковые понятия — разными.

³⁷ В дальнейшем предложенные термины используются только в указанном значении.

«село». Если в средней полосе это поселение с церковью (XIX в.), то на Украине и в Белоруссии так обозначалось поселение вообще, вне связи с церковью. «Хутор» на Кубани и в северной части страны — совершенно разные типы поселения.

В-третьих, необходимо решительно отказаться от утвержденного Мейсеном антиисторического взгляда на неизменность планировки. Даже за короткий промежуток времени, часто в зависимости от тех или иных социально-экономических условий, форма поселений претерпевает решительные изменения. Например, в настоящее время на севере Восточно-Европейской равнины, помимо некоторых других форм поселений, распространены две планировки: так называемая «уличная», при которой два ряда домов образуют «улицу», т. е. обращены фасадами друг к другу, и прибрежно-рядовая, характеризующаяся тем, что один или несколько рядов зданий обращены окнами к реке. Рядовая деревня часто состоит из двух рядов («порядков», «слобод») зданий, и в таком случае все отличие от уличной деревни заключается в ориентировке главных фасадов ближайшего к реке порядка. Авторы описаний не всегда обращают внимание на ориентировку фасадов и часто смешивают обе формы. Между тем на севере Восточной Европы эти формы являются двумя стадиями. Это устанавливается при изучении смешанных, переходных форм поселений, которые в настоящее время чрезвычайно широко распространены. Часто в плане одной и той же деревни можно обнаружить разные принципы планировки, например, в рассматриваемом случае — уличную и прибрежную рядовую, когда вытянутая вдоль реки деревня состоит из двух рядов, причем на одном конце деревни оба ряда ориентированы фасадами друг на друга, т. е. на улицу, а на другом конце обращены окнами к реке, т. е. окна второго ряда выходят на зады первого.

Много смешанных форм зафиксировано мной в бассейне Онеги на Кенозере (например, Выползово в Нименьге, Корзово в Устьмошье, Горы на Кенозере и др.). Смешанная планировка возникала после пожара, уничтожившего часть деревни, которая и была затем перестроена по-новому. Во всех замеченных случаях прибрежная рядовая деревня перестраивалась в уличную и никогда — наоборот.

Переход от рядовой деревни к уличной связан с внедрением сухопутного транспорта. Не река, в прошлом — единственная дорога на севере, а сухопутная дорога осознается как основной путь. По мере развития производства, с увеличением плотности населения, вырубаются суземье, осваивается водораздел, и проселочная дорога приобретает все большее значение. Тогда-то, при случае, и происходит изменение планировки.

При изучении поселений, по нашему мнению, не следует ограничиваться отдельными поселениями, а брать комплекс, группу поселений, которые образуют органическое, исторически сложившееся единство; другими словами, серьезное внимание следует обращать на рассмотрение особенностей взаимной группировки поселений.

Можно сразу же заметить, что существуют различные типы группировки или типы расселения. На севере Европейской части СССР распространен гнездовой тип: мелкие деревни разбросаны небольшими группами на значительном расстоянии. Гнезда поселений разделены незаселенной территорией. На юге СССР очень большие села более или менее равномерно покрывают всю территорию. В западной Прибалтике господствуют отдельно стоящие хутора.

В отдельных случаях тип расселения и тип поселения могут совпадать, когда поселение является четкой экономической и морфологической формой и соответствует социальной организации (например, столыпинский хутор).

Внимательное изучение взаимной группировки поселений показывает, что она отражает различные стадии развития общества в конкретных

географических и исторических условиях. Древнейшим типам расселения соответствует родовая община, последующим — соседская община, иногда патронимия и т. п. Разумеется, стадии социального строя, как правило, универсальны, а типы расселения складываются под воздействием местных географических условий и направленности хозяйства. В одном случае это большой родовой дом, в другом — круглое поселение; соседской общине на русском Севере соответствует гнездовой тип расселения, а той же общине на Юге — скученный. Боярские феодальные владения в южной России состояли из отдельных сел, боярщины средней полосы состояли из сел с тяготеющими к ним деревнями. Во всех случаях тип расселения — это «материальное оформление» общественного строя в местных условиях.

Классификация по типам расселения указывает, таким образом, на связь поселения с общественным строем, с уровнем и направленностью развития производительных сил.

Учитывая особенности группировки поселений, мы избегаем необоснованного объединения явлений различного порядка, исходящего лишь из единства названий и формального сходства, например: столыпинский хутор и однодворная северная или сибирская деревня (в официальных документах тоже иногда именуемая хутором), возникавшая как заимка в XVI—XIX вв.; село Украины XVIII—XIX вв. и современное ему село средней полосы, которое представляет собой центральное поселение своеобразной группы, куда входят, кроме того, тяготеющие к этому селу деревни, и т. д.

Как этого требует диалектический метод, необходимо изучать поселение в его историческом развитии, а также во всем многообразии и взаимосвязи характеризующих его признаков. Поэтому следует использовать все перечисленные принципы классификации, учитывая, что они имеют неодинаковое значение. Впрочем, о значении того или иного принципа классификации на данном этапе работы говорить еще трудно. Перечисленные принципы классификации необходимы хотя бы для систематизации материала. Но по мере возможности классификация поселений должна уже теперь отражать не только существующее разнообразие типов, но и их генезис в связи с социально-экономической историей.

Несмотря на неизбежный схематизм из-за недостатка, а иногда и трудной сравнимости материала, следует избегать чисто формальной классификации, объединения лишь внешне схожих форм (например, распространенного объединения рядовой планировки и уличной и т. п.). В то же время при существующем запасе сведений вряд ли целесообразна значительная дробность классификации.

В качестве опыта можно предложить следующую сводную классификацию.

Исторически сложившимися типами сельских поселений Восточно-Европейской равнины являются: погост, деревня, починок (иногда выставка), село (сельцо), слобода, хутор, становище, станица, околица. Посады, рядки обычно представляют собой промежуточные ступени между сельскими поселениями и городскими, основная масса населения в них занята не в сельском хозяйстве, а в промышленности, ремесле, торговле. За основу классификации по типам заселения можно взять приведенную выше схему В. П. Семенова-Тян-Шанского, которая нуждается в серьезных дополнениях и уточнениях³⁸.

В классификации по формам поселений следует избегать, во-первых, излишней дробности, во-вторых, объединения под одним термином форм внешне близких, но различных по происхождению.

I. Беспорядочные формы: 1) кучевая деревня; 2) малодворная, беспорядочно разбросанная деревня (сюда же относятся и однодворные деревни).

³⁸ См. И. И. Сорочинская-Горюнова, Указ. работа.

II. Рядовые формы: 1) прибрежно-рядовые (однорядные и многорядные); 2) овражно-рядовые; 3) рядовые деревни, ориентированные «на лето», т. е. обращенные фасадом к югу.

III. Замкнутые формы: 1) квадратные с центральной площадью; 2) круглые и овальные.

IV. Уличные формы: 1) собственно-уличные в трех вариантах: одноулочном, двухулочном, в том числе «вилочном», и многоулочном (квартальном); 2) радиальные, концевые и др.

V. Деревни позднего происхождения, распланированные под влиянием администрации.

Классификация по типам расселения не разработана. Вопрос этот требует специального изучения. Пока что можно выделить: 1) гнездовой тип (на севере); 2) скученный (села на Украине); 3) скученно-гнездовой (села с «тянущими» к ним деревнями средней полосы); 4) разбросанный (хуторской).

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. М. АБРАМЗОН

ОПЫТ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КИРГИЗСКОГО КОЛХОЗА *

*(Сельскохозяйственная артель имени Ворошилова
Покровского района, Иссык-Кульской области Киргизской ССР)*

В 1951 г. по поручению Института этнографии Академии наук СССР группа сотрудников¹ посетила некоторые районы Северной Киргизии с целью выбора колхоза, который мог бы явиться объектом монографического описания в плане общей проблемы изучения культуры и быта колхозного крестьянства СССР, разрабатываемой Институтом этнографии. Среди других был посещен колхоз имени Ворошилова, расположенный в Покровском районе Иссык-Кульской области. Этот колхоз позднее и был намечен в качестве главного объекта изучения.

Основанием для такого выбора послужил целый ряд обстоятельств. Во-первых, киргизское население сельских районов Прииссыккулья относительно хорошо сохранило комплекс национально-бытовых особенностей, что позволяет с наибольшей отчетливостью раскрыть типические черты культуры и быта киргизского колхозного крестьянства. Во-вторых, со стороны направления своей хозяйственной деятельности колхоз имени Ворошилова достаточно типичен для значительной части горных районов республики. Ведущими отраслями его хозяйства являются животноводство и возделывание зерновых культур. В-третьих, колхоз имени Ворошилова является одним из передовых колхозов области. В-четвертых, преобладающая часть колхозников с семьями проживает в большом компактном поселке Дархан, имеющем 40-летнюю историю, с электрифицированными жилыми домами, радиоузлом, средней школой и другими культурными учреждениями.

Наконец, при выборе колхоза учитывалось еще и то обстоятельство, что с.-х. артель имени Ворошилова расположена неподалеку от русских колхозов, что местное население уже давно испытывает на себе благотворное культурное влияние соседнего русского населения. Надо отметить, что киргизское население Прииссыккулья в середине XIX в. добровольно присоединилось к Русскому государству.

* Статья была написана по материалам, собранным в 1952 г. В 1953 г. в жизни селений Дархан и Чичкан и колхоза имени Ворошилова произошел ряд перемен: перестроена организация труда (укрупнены бригады), возведены новые здания и т. д. В состав группы входили: научный сотрудник Ин-та этнографии АН СССР Е. И. Махова, художник А. А. Сагай, лаборант А. Ниязов и автор настоящей статьи.

Во время первой поездки в колхоз имени Ворошилова, состоявшейся в сентябре 1951 г. и носившей рекогносцировочный характер, были собраны некоторые предварительные материалы. Они давали общее представление об особенностях хозяйственной жизни колхоза, культуры колхозного села, об отдельных чертах домашнего и семейного быта населения. Опираясь на эти данные, в 1952 г. развернула широкую собирательскую работу значительная группа научных и вспомогательных сотрудников, направленная в колхоз Институтом этнографии². В этой работе принял некоторое участие и Киргизский филиал Академии наук СССР³. В течение августа-сентября 1952 г. материал собирался почти по всем вопросам жизни и быта колхозного села.

Колхоз имени Ворошилова — один из крупнейших в районе: на 1 января 1952 г. в нем насчитывалось 627 дворов с общим количеством населения в 2588 человек. Это население проживает в двух поселках: Дархан (где расположен центр колхоза) и Чичкан (отстоит от с. Дархан в 8 км; здесь живут колхозники с семьями, составляющие две полеводческие бригады колхоза); оба селения образуют Дарханский сельсовет. Основная масса населения — киргизы; русские, татары, узбеки и дунганы составляют немногим более 2% ко всему населению. Сел. Дархан расположено на южном побережье оз. Иссык-Куль, в нескольких километрах от самого озера, в 15 км от районного центра — с. Покровки и в 40 км от областного центра — г. Пржевальска.

Работа по изучению колхоза в 1952 г. не ограничивалась территорией названных селений. Группа сотрудников совершила поездку на отдаленные высокогорные летние пастбища колхоза (так называемые «сырты»), расположенные на высоте около 3500—3700 м. Там они познакомились с бытом животноводов. С той же целью был совершен выезд в местность Чичкан-башы (в 25 км от колхозного поселка), где находится производственный центр МТФ и «горной» полеводческой бригады. Отдельные сотрудники побывали в соседнем киргизском селении Саруу (колхоз имени Куйбышева) и в русском селе Светлая поляна (колхоз «Победа»).

Работа по изучению колхоза имени Ворошилова еще не закончена, и продолжается в 1953 г. Однако уже сейчас имеется возможность охарактеризовать тот скачок от патриархально-феодальных отношений к социалистическим, минуя мучительный путь капиталистического развития, который произошел в жизни местных крестьян в результате Великой Октябрьской социалистической революции и в особенности после утверждения колхозного строя. Этот скачок стал возможным потому, что киргизскими трудовыми массами руководила Коммунистическая партия, опиравшаяся на объективные экономические законы, осуществлявшая ленинско-сталинскую национальную политику. Глубокие преобразования, происшедшие в быту и в культуре киргизского колхозного крестьянства, были обеспечены постоянной братской поддержкой великого русского народа, многообразной помощью социалистического города. Утверждение новых, социалистических производственных отношений в киргизском аиле происходило в борьбе с враждебными действиями остатков эксплуататорских классов, троцкистско-бухаринского охвоста, наиболее злых врагов киргизского народа — буржуазных националистов. Тем величественнее и ощутимее победы, одержанные колхозным крестьянством Киргизии вместе со всем киргизским народом, со всеми народами СССР.

² В нее вошли: научные сотрудники Ин-та этнографии Г. П. Васильева, Е. И. Махова, аспиранты Института Е. М. Тошакова и Р. Г. Кузеев, художник В. Н. Лазаревская, фотограф И. Н. Бируков, лаборант З. Белекова, студент И. Могилевцева и автор настоящей статьи.

³ В состав группы была включена К. И. Антипина, научный сотрудник Музея национальной культуры.

Некоторые особенности общественного хозяйства артели и производственного быта колхозников ⁴

В своем подавляющем большинстве киргизское население Прииссык-куля, как и других горных районов Киргизии, вело в недавнем прошлом полукочевой образ жизни; весьма значительная его часть продолжала сохранять этот образ жизни почти до самой коллективизации. Из 993 киргизских хозяйств Заукинской волости, на территории которой расположен ныне колхоз имени Ворошилова, только 65 хозяйств было зарегистрировано в 1913 г. в качестве оседлых ⁵. Однако из этого не следует, что все остальные хозяйства занимались только животноводством. Оно сохраняло роль основного занятия для большинства населения, но 88% всех киргизских хозяйств производили посевы. Правда, эти посевы были небольшими, составляя в среднем всего 1,4 десятины на одно хозяйство. Земледелие носило примитивный характер, в нем преобладала крайне отсталая, рутинная техника, что в особенности относилось к бедняцким хозяйствам. Не случайно старики рассказывают, что площадь посева иногда измерялась не десятинами, а количеством высеянного зерна, причем единицей измерения была шапка «тебетей».

Однако в местном земледелии наблюдались уже и прогрессивные явления, появившиеся под влиянием соседнего русского населения, новых экономических условий. Так, наряду с 447 старинными деревянными пахотными орудиями «буурсун», в 1913 г. насчитывалось 323 железных плуга и 287 железных борон (борон с деревянными зубьями было 440). Применялся уже и колесный транспорт (33 повозки и 37 арб), имелось 106 саней.

Большое развитие получила заготовка сена для скота. Уборкой сена занималось 850 хозяйств. Кроме того, 15 хозяйств уже производили посевы люцерны.

Хотя зимний подкорм скота и играл некоторую роль, все же основой животноводческого хозяйства являлось круглогодичное использование сезонных пастбищ. Распоряжалась этими пастбищами фактически байско-манапская верхушка кочевых общин. При этом пользоваться лучшими отдаленными просторными пастбищами имели реальную возможность лишь богатые и зажиточные хозяйства, остальные вынуждены были пастись скот на очень ограниченных ближайших пастбищах. Это приводило к сужению возможностей для развития животноводства, к углублению имущественного неравенства и к частичному оседанию бедноты на землю. Как оседавшие на землю, так и остальные бедняки жестоко эксплуатировались местными баями на основе издольщины и различных форм отработок. Страшным бичом животноводства являлись периодически повторявшиеся массовые падежи скота («джут»), вызывавшиеся бескормицей, наступавшей зимой или ранней весной. В зиму 1912/13 г. в Пржевальском уезде от джута погибла $\frac{1}{3}$ всего скота ⁶.

Проникновение в киргизское хозяйство капиталистических отношений вызывало постепенное ослабление его натуральных основ, рост товарности, приводило к еще большей поляризации классовых сил в киргизском гиле. Для иллюстрации этого положения воспользуемся данными уже цитировавшегося обследования и сравним две группы хозяйств, располагавшихся компактно на зимнем стойбище. В группу, возглавлявшуюся

⁴ В данном разделе использован материал по колхозному производству, собранный и обработанный научным сотрудником Ин-та этнографии Г. П. Васильевой.

⁵ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. VIII. Пржевальский уезд. Киргизское хозяйство. Петроград, 1916, стр. 358. Приводимые в дальнейшем статистические сведения почерпнуты из этого источника.

⁶ Л. И. Ракитников, Центральный Тянь-шань и Иссык-Кульская котловина, М.—Л., 1936, стр. 92.

Джаманакон Уралиным⁷, входило 10 хозяйств, в том числе 3 оседлых, т. е. уже не имевших возможности самостоятельно кочевать. У этих 10 хозяйств насчитывалось 18 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота, 296 овец и коз. 7 хозяйств занимались заготовкой сена; они собирали 387 копен. 7 хозяйств производили посевы, которые составляли в общей сложности 6,6 десятин. Перед нами характерная группа бедняцких и маломощных середняцких хозяйств. В другую группу, возглавлявшуюся Байгазы Исабековым⁸, входило 12 хозяйств, которым принадлежало 450 лошадей, 28 верблюдов, 190 голов крупного рогатого скота, 4965 овец. Ими было заготовлено 1100 копен сена, а 2 хозяйства заготовили, кроме того, 1300 снопов люцерны. Посевная площадь 12 хозяйств составила 40,6 десятин. 5 хозяйств нанимали 8 работников и пастухов. Сообщения, полученные от колхозников, не оставляют сомнения в том, что львиная доля перечисленного скота, посевов, сена принадлежала Байгазы. Перед нами типичная верхушечная группа, состоящая из нескольких крупных байских хозяйств (самого Байгазы и его родственников), окруженных бедными зависимыми однообщинниками.

Для более полной характеристики классовый дифференциации следует добавить, что 209 хозяйств, или свыше 23% сеющих хозяйств Заукинской волости, не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря⁹, следовательно, были вынуждены брать его у баев на условиях отработки. 19 хозяйств уже занимались торговлей и предпринимательством¹⁰, а 130 хозяйств (или более 13%) числились «отпускающими батраков», т. е. по существу уже были хозяйствами пролетарского и полупролетарского типа. Батраки работали не только в хозяйствах киргизских баев, но и у крупных русских кулаков. Что представляла собой эта обездоленная группа киргизского населения, видно из рассказов колхозников, записанных сотрудниками экспедиции. Так, Данияр Саяков рассказывал:

«Мой отец Саяк и шесть его сыновей, в том числе и женатые, с детьми, работали батраками у крупного предпринимателя Антона Бодягина и его сыновей Степана и Ивана, живших в с. Покровке. У Бодягина было 40—50 десятин земли, магазин, мельница, 60 лошадей, несколько сот овец. У Саяка и его сыновей не было ни скота, ни земли. Имелась только одна юрта, в которой скученно жила вся эта большая семья. Работали с восхода до заката солнца; обрабатывали хозяйскую землю, пасли скот, обслуживали домашнее хозяйство, зимой рубили и возили лес. Жить было очень трудно, заработанных денег не хватало. Питались впроголодь, в основном болтушкой из муки. Уйдя от Бодягина, я стал работать у киргизского бая Чекир-аджи. Здесь работа была еще более тяжелая. Бай обращался со мной как с собакой, унижал меня, давал рваную одежду, за работу платил гроши. Через 6 месяцев, не выдержав, я бежал в г. Каракол (Пржевальск), где нанялся в работники к купцу Сабиту. Я долго не имел возможности жениться, потому что нечем было заплатить калым»¹¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла первый мощный удар по этому строю безысходной нищеты и бесправия, байско-манапской и кулацкой кабалы и эксплуатации. Но окончательно его похоронил тот глубочайший переворот, «равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.»¹², каким явилась коллективизация сельского хозяйства.

Современное многоотраслевое хозяйство с.-х. артели имени Ворошилова основано на плановом сочетании различных его отраслей. Оно

⁷ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области», стр. 116—119.

⁸ Там же, стр. 120—123.

⁹ Там же, стр. 418.

¹⁰ Там же, стр. 416.

¹¹ Запись Р. Г. Кузеева.

¹² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

имеет полеводческо-животноводческое направление, причем по доходности полеводство занимало в 1951 г. первое место. Одну из основных особенностей колхоза можно видеть в том, что он представляет собой крупнейшее в области районное семеноводческое хозяйство. Посевная площадь под зерновыми культурами составляет свыше 2000 га, в том числе под пшеницей около 1500 га. Спецификой колхозного полеводства, связанной с большой ролью животноводства, является значительная укосная площадь многолетних трав. Она занимает 760 га. Как и во многих других колхозах Прииссыкулья, в полеводстве колхоза имени Ворошилова видное место занимает возделывание лекарственного мака. Имеется огородное хозяйство и сад.

Животноводство в колхозе основано главным образом на отгонно-пастбищной системе выпаса. Основными видами разводимого скота яв-

Рис. 1. На высокогорном пастбище колхоза
Здесь и ниже фото И. Н. Бирукова

ляются овцы и козы (свыше 20 тысяч голов), лошади (около 2000) и крупный рогатый скот (более 1200 голов). Кроме того, имеются верблюды, свиньи, ослы, птица. Значительная часть лошадей, овец и коз находится в течение круглого года на высокогорных пастбищах сыртовой полосы. Остальной скот (в том числе крупный рогатый скот и свиньи) находится на полустойловом содержании.

Основной массив колхозных земель, используемых для полеводства, расположен от подножия гор Тескей-Алатоо до оз. Иссык-Куль. Небольшие участки пахотных земель размещены в горном ущелье Чичкан-башы. Кроме этого массива поливных земель, колхоз использует под посевы зерновых культур 800 га богарных земель, расположенных на мысе Кара-булун.

Важнейшее значение для животноводческого хозяйства артели имеют сезонные пастбища (летние, осенние и отчасти зимние), находящиеся на высоте от 2,5 до 4 тысяч м в полосе сыртов. Последние представляют собой широкие межгорные, слабо всхолмленные долины, внешне напоминающие полупустыни и пустыни. Наиболее высоко поднятые сырты имеют признаки высокогорной тундры¹³. В качестве выпасных угодий ис-

¹³ А. И. Ракитников, Указ. соч., стр. 22.

пользуются также склоны ближайших гор и ущелий, называемые «бөксө», в урочищах Кашка-суу, Орто-букал, Джер-көчкө и др.

Все эти земли, являющиеся общенародной собственностью, предоставлены колхозу имени Ворошилова Советским государством в вечное пользование.

В колхозе имеется 9 полеводческих бригад и 10 животноводческих ферм. Имеется также постоянная строительная бригада. В основе комплектования полеводческих бригад лежит территориальный принцип, хотя в некоторых случаях этот принцип совпадает с расселением по прежним родоплеменным группам; последнее обстоятельство никакого практического значения сейчас не имеет. Одна из полеводческих бригад занята возделыванием участков в горах с целью снабжения кормами животноводческих ферм. Ее члены живут в местности Чичкан-башы, в специально выстроенных для них жилых домах. Для выращивания лекарственного мака — трудоемкой культуры, уход за которой производится почти целиком вручную, — внутри полеводческих бригад существуют специальные звенья. За каждой входящей в звено колхозницей закрепляется участок (от 0,40 до 0,75 га); она поливает и удобряет его, пропалывает посевы и производит сбор сока с надрезанных головок мака.

Персонал животноводческих ферм комплектуется на иных основаниях. Здесь учитываются и производственные навыки, и наличие взрослых членов семьи, которые также могут быть использованы для обслуживания скота, и т. д. Необходимо отметить, что во всех основных разновидностях коллективного труда значительная роль принадлежит женщине, интересы и навыки которой ранее почти не выходили за пределы узкой сферы домашнего хозяйства.

В полеводческих бригадах и на фермах можно наблюдать возрастные и половое разделение труда. В то же время могут быть отмечены и некоторые черты специализации. Эта специализация носит условный характер, поскольку она не выходит за рамки определенных трудовых навыков в тех или иных видах полевых работ (например, укладка сена, сноповязание и т. д.); тем не менее, работая из года в год на однотипной работе, колхозник совершенствует свои навыки и добивается повышения производительности труда. Несколько более квалифицированный характер носит труд колхозников, работающих на несложных машинах (сеяльщики, прицепщики на тракторных плугах и т. д.). Имея дело с машинами, они получают ряд технических знаний, которые облегчают для них овладение в дальнейшем той или иной специальностью. Из сеяльщиков и прицепщиков выросло большинство теперешних трактористов и комбайнеров — киргизов. 7-я тракторная бригада Джеты-огузской МТС полностью укомплектована бывшими колхозниками с. Дархан.

В колхозе имени Ворошилова очень высок уровень механизации работ в полеводстве. Выращенный колхозами урожай в августе-сентябре 1952 г. убрали восемь комбайнов. Одновременно на полях колхоза работали три тракторные бригады МТС.

Насыщение колхозного производства новой и новейшей техникой (например, самоходные комбайны) — прямой результат непрекращающейся помощи колхозной деревне со стороны Советского государства, социалистического города. «От города и его промышленности, — говорил И. В. Сталин, — деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами»¹⁴. На примере колхоза имени Ворошилова можно хорошо видеть значение техники для развития колхозного производства, а значит и для повышения уровня материального благосостояния колхозников. Широкое применение машин позволяет колхозу получать все более высокие и устойчивые урожаи, а

¹⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 495.

это ведет к увеличению дохода колхоза и колхозников. Уже в 1951 г. доход колхоза составил свыше 1200 тысяч рублей. Прогрессивно возрастают и доходы колхозников.

В результате механизации труд колхозников претерпел большие изменения. Он все более связывается с обслуживанием машинной техники. Машины являются не только важнейшим фактором поднятия производительности труда, сбережения труда, но они в огромной степени облегчили труд колхозников. Стоит лишь сравнить применявшиеся вначале в колхозе способы уборки урожая вручную — серпами, обмолот зерна при помощи каменных катков и животных, вытапывавших зерно ногами, веяние зерна на ветру путем подбрасывания его лопатой — с современной уборкой комбайнами и очисткой зерна, производимой при помощи зернопультов, веялок, мощных сортировок, чтобы оценить, насколько облегчился труд колхозников из-за внедрения современной техники.

Вместе с изменением самих условий и характера труда растет культурно-технический уровень колхозных кадров. Это создает предпосылки для постепенного уничтожения существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, о котором писал И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР». Большую роль в воспитании национальных кадров механизаторов играют представители русской технической интеллигенции и рабочих. В 1952 г. бригадир 7-й тракторной бригады Тихон Кравченко выдвинул на работу в качестве своего помощника одного из лучших старших трактористов, уроженца с. Дархан, Абыла Касымалиева. Успешно закончил под руководством Т. Кравченко производственный год, А. Касымалиев в 1953 г. был назначен бригадиром тракторной бригады.

Полеводческое хозяйство колхоза в том его виде, в каком оно существует сейчас, сложилось как совершенно новая для местного киргизского населения отрасль хозяйства. Его даже трудно сопоставить с тем отсталым парцеллярным земледелием, которое являлось в прошлом для большинства индивидуальных хозяйств лишь подсобным занятием и носило за редким исключением узко потребительский характер. Использование старых традиций и навыков в полеводческом хозяйстве носит общий ограниченный характер, поскольку механизация процессов труда и современная агротехника потребовали новых знаний, выработки новых навыков.

Производственный быт колхозников в полеводстве отличается значительным разнообразием, находясь в зависимости от характера выполняемой работы. Во время сбора лекарственного сырья, например, над резка головок мака производится во второй половине дня, а сбор сока — рано утром. К этому распорядку работы приспосабливается быт колхозных семей, так или иначе связанных с этой сезонной работой. В напряженный период уборки зерновых работа на колхозных полях и хозяйственном дворе идет нередко круглосуточно. Это требует соответствующей организации отдыха и питания. Часть колхозников пользуется организуемым колхозом общественным питанием («ысык-тамак», т. е. горячая пища). Для этой цели выделяются женщины-повара («тамак-жасачу», или «побур»). Они ежедневно пекут лепешки, варят похлебку из поджаренной и толченой пшеницы или ячменя («жарма»), готовят мясные блюда.

Иной характер носит производственный быт тех групп колхозников, которые производят поливы, работают на прополке, закреплены для работы на сеялках, разравнивают временные оросительные каналы или обслуживают тракторные бригады во время пахоты и сева (подвод воды, зерна и т. д.). Часто колхозники, в особенности женщины, беру с собой пищу из дома. Для жидкой пищи используется обычно небольшое деревянное ведро с крышкой («челек»). Иногда колхозники питаются вскладчину. Надо отметить, что жизнь и быт тракторных

бригад МТС в сезон полевых работ тесно переплетаются с жизнью колхоза. Последний ставит для трактористов юрту, выделяет повара, отпускает продукты для общественного питания, вечерами организует развлечения в колхозном клубе.

В различные сезоны года применяются и общеколхозные, межбригадные формы организации труда, также отличающиеся своими производственно-бытовыми условиями. Сюда относятся сеноуборка, ремонт оросительной сети, посев и уборка урожая на богарных землях в Карабулуне, заготовка и перевозка камня и леса для строительства и др.

Рис. 2. Молочно-товарная ферма на осеннем пастбище

Известное разнообразие характерно и для производственного быта животноводов. Но, в отличие от полеводства, в животноводстве, являвшемся в прошлом основным занятием населения, в гораздо большей степени сохраняются и используются вековые производственные навыки и опыт, связанные с круглогодичным выпасом скота на отгонных пастбищах. Они сочетаются, разумеется, с новейшими достижениями передовой сельскохозяйственной науки. Существенное значение имеет также и то, что труд животноводов еще крайне слабо механизирован, хотя в этом отношении уже намечаются некоторые сдвиги.

Общественный скот колхоза сосредоточен на двух коневодческих, двух молочно-товарных, трех овцеводческих, свиноводческой и птицеводческой фермах. Продуктивность колхозного животноводства еще не велика, что объясняется низкой породностью большинства скота. Однако работа по улучшению пород ведется все время. Уже имеется племенной табун лошадей, насчитывающий 200 голов, более трети поголовья рогатого скота — метисы.

Большинство животноводческих ферм находится в горах, часть на берегу оз. Иссык-Куль. Колхозники, работающие на фермах почти всегда с семьями, живут вне колхозного поселка, иногда на очень значительном от него расстоянии. Однако все они, за редким исключением, имеют в поселке приусадебные участки и дома, в которых живут (преимущественно зимой) члены их семей или близкие родственники.

Овцеводческие и коневодческие фермы большую часть года проводят на отдаленных высокогорных пастбищах. Лишь весной, во время

расплодной кампании, они спускаются ниже, ближе к поселкам. Пастухи и табунщики вместе с семьями безотлучно находятся при табунах и отарах. Жилищем для них служит юрта. Но в последние годы на пастбищах сыртовой полосы построены не только межколхозные базы, но и перевалочные базы колхоза имени Ворошилова в местностях Сары-мойнок и Сööк, где возведено несколько жилых и хозяйственных построек. Здесь, в частности, животноводы останавливаются во время зимних перегонов скота.

Часть овец (бракованные и слабые), весь крупный рогатый скот и табун племенных лошадей выпасаются в ближайших от поселка горных ущельях. В одном из них построены зимние помещения для племенных лошадей и крупного рогатого скота. Птицеводческая и свиноводческая фермы расположены возле поселка Дархан.

Производственный быт колхозников-животноводов на фермах и их домашний быт тесно переплетаются. Характерно, что более традиционный по сравнению с переводческими бригадами производственный быт животноводов сопровождается и более традиционными формами домашнего быта.

Внешне формы производственного быта в условиях отгонного животноводства во многом сходны со старым бытом скотоводов, содержание же этого быта претерпело глубокие изменения. Подъезжая к аилу табунщиков или чабанов, видишь большое сходство с прежним аилом. Но стоит присмотреться к жизни этого аила, как становится ясным, что и люди не те, что были, и отношения между ними совсем иные, и характер труда и его целенаправленность изменились. К этой стороне жизни, как и к ряду других, вполне применимо мудрое указание И. В. Сталина о том, что в наших социалистических условиях «старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя её для развития нового»¹⁵. Начавшаяся реконструкция материальной базы животноводства в области разведения крупного рогатого скота и лошадей уже приводит к известной перестройке производственного и домашнего быта обслуживающих эти фермы колхозников. Отражением этого процесса является образование нового производственного центра и небольшого поселка в местности Чичкан-башы. Постепенный переход к полустойловому содержанию скота вызовет дальнейшие изменения в этом направлении.

В колхозе широко развернуто строительство помещений для скота, в больших масштабах производится заготовка кормов. Проводятся первые опыты улучшения качества пастбищ на сыртах путем организации травосеяния.

Новыми отраслями местного хозяйства являются свиноводство, птицеводство и пчеловодство. Значительное развитие после Октябрьской революции получило садоводство, в чем немалая заслуга принадлежит соседним русским крестьянам. Сохранилось одно из старинных занятий киргизского населения — охота с ловчими птицами. В колхозе существует охотничья бригада, состоящая из нескольких человек, главным образом стариков. Они охотятся в горах на различных животных, особенно на лисицу. На одной из улиц поселка можно видеть летом большую клетку с сидящим в ней могучим беркутом.

Опыт развития общественного хозяйства колхоза имени Ворошилова, рост материального благосостояния и культурно-технического уровня вчерашних полункиных кочевников убедительно подтверждают глубокую мысль И. В. Сталина о том, что «Основной силой в деле пере-

¹⁵ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952, стр. 53.

делки крестьянина в духе социализма является новая техника в земледелии, механизация земледелия, коллективный труд крестьянина, электрификация страны»¹⁶.

Черты важнейших изменений в домашнем быту и семейной жизни колхозников¹⁷

На базе утвердившегося в киргизском аиле колхозного строя, под многообразным прогрессивным влиянием русского народа бывшие кочевники получили возможность создать вполне устойчивый оседлый быт.

Рис. 3. Одна из улиц в колхозном поселке. Впереди здание средней школы

Киргизское колхозное крестьянство пользуется теперь всеми благами передовой советской социалистической культуры.

Основным типом населенного пункта в недалеком прошлом, тесно связанным с полукочевым образом жизни, было зимнее стойбище с разбросанными на нем юртами и редкими глинобитными мазанками. На 1179 юрт, насчитывавшихся в Заукинской волости в 1913 г., приходилось всего 238 жилых построек¹⁸. Таких населенных пунктов насчитывалось около 100. Переход к оседлости части бесскотных и малоскотных хозяйств, принявший в предреволюционные годы форму поселения в смешанном по национальному составу жителей селе Дархан, существенно не изменял общей картины.

Современный поселок Дархан имеет планировку русского типа, сохраняющуюся в основном с 1912 г. Он состоит из четырех параллельных широких и ровных улиц, перерезающихся прямыми, расположенными перпендикулярно озеру переулками, куда выходят приусадебные участки колхозников, довольно часто с фруктовыми садами. Основные улицы также озеленены. На центральной улице имени Калинина, вдоль которой

¹⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 163.

¹⁷ В настоящем разделе использованы материалы из научного отчета сотрудника Института этнографии Е. И. Маховой, содержащие характеристику и анализ современной материальной культуры.

¹⁸ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», стр. 360.

проходит шоссейная дорога, связывающая г. Пржевальск с пристанью Рыбачье и далее с г. Фрунзе, расположены здания правления колхоза, клуба, радиоузла, средней школы, хозяйственный двор, электромельница и т. д. К ней примыкает колхозный фруктовый сад с пасекой. На всем облике селения, его общественных построек и жилых домов явственно сказывается долголетнее благотворное влияние близкого соседства с русским и украинским населением.

Небольшое число домов, время постройки которых относится к 1912—1916 гг. (43 дома), уже почти не используется под жилье,— они пре-

Сгорел

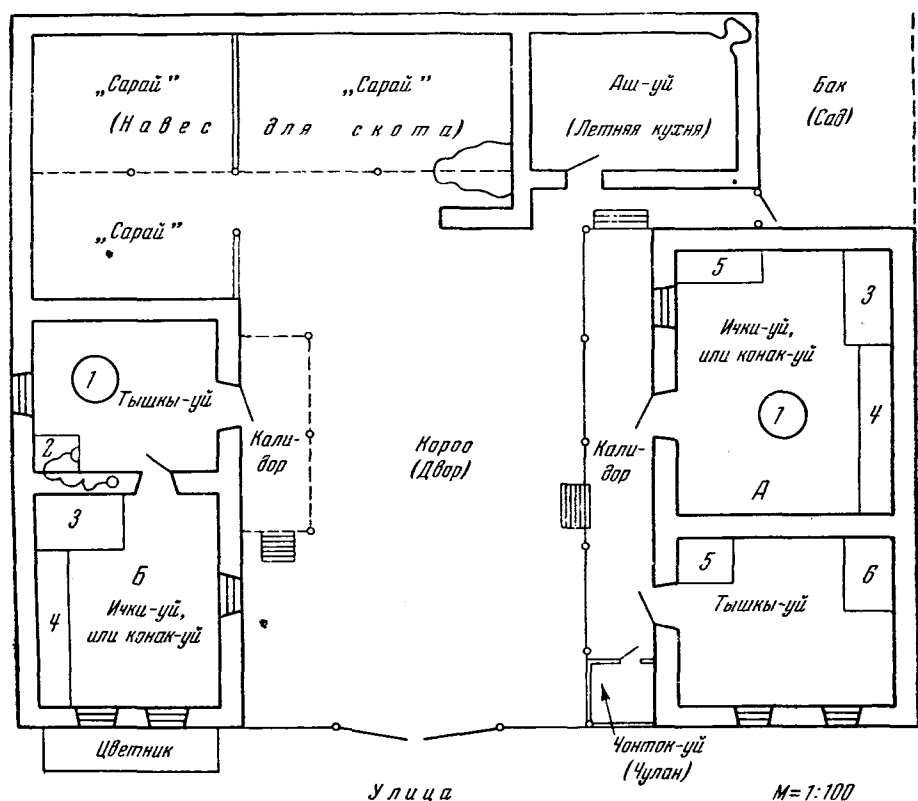

Рис. 4. План усадьбы колхозного бригадира Сатыева Апаша: А — дом бригадира; Б — дом его сына-учителя; 1 — круглый столик; 2 — печь; 3 — кровать; 4 — джук; 5 — стол обычный; 6 — уюк (ларь для хранения муки)

вращены в кухни. Среди этих домов имеются построенные русскими крестьянами; часть их относится к тому типу, который был занесен сюда, повидимому, переселенцами из южных губерний России, другая часть по всем признакам (бревенчатые дома с крыльцом) построена русскими крестьянами, переселившимися из Сибири. Этот последний тип домов был воспринят некоторыми богатыми скотоводами, для которых русские мастера строили дома на зимовках. Среди рассматриваемой группы домов имеются и построенные до Октябрьской революции местным киргизским населением. Они представляют собой глинобитные домики с плоской или плоско-двускатной крышей и глинобитным полом, состоящие из двух небольших комнат. Огромное же большинство жилых домов (около 350) построено уже после начала коллективизации. Именно к началу 1930-х годов можно относить возникновение новой исторической полосы в жизни киргизского населения — массового перехода

к оседлому быту. Большую помощь колхозникам в строительстве новых жилых домов оказало Советское государство, планомерно осуществлявшее мероприятия по оседанию бывших кочевников. Первыми мастерами, у которых киргизское население училось строительному искусству, были русские, отчасти узбеки и уйгуры. В настоящее время в составе специальной колхозной строительной бригады работает уже несколько квалифицированных мастеров киргизов, построивших большую часть жилых и хозяйственных построек в колхозе.

Русское влияние (а в некоторых чертах и узбекское) отразилось как на планировке самих домов, так и на некоторых особенностях их конструкции. Это может быть прослежено на распространившихся после коллективизации двух типах жилища. Жилище первого типа представляет собой двух- или трехкомнатный дом из саманного кирпича, с деревянным полом в одной, иногда в двух комнатах, с плоско-двускатной глинобитной крышей, окнами среднего размера, выбеленный внутри и снаружи; жилище второго типа — такой же дом из саманного кирпича, но с глубоким подпольем, деревянными полами, большими окнами, двускатной крышей, террасой (типа узбекского айвана), расположенной преимущественно по задней стороне дома. Иногда такая терраса переходит в крыльцо русского типа, обращенное на улицу. На окнах часты ставни русского образца. За последние годы ряд новых домов построен с высокими двускатными тесовыми крышами и высокими деревянными воротами. Строительство новых домов улучшенного типа принимает все более массовый характер. Возле десятков старых домов можно видеть штабеля заготовленного кирпича, бревен и другие строительные материалы.

Характерной чертой большинства новых домов является отсутствие в них помещения для кухни. Этой цели служит отдельно помещенное во дворе или под нее используется старый дом. Кроме кухни, во дворе имеется помещение для хранения продуктов и громоздкой утвари, закрытое помещение для скота и навес, очаг для приготовления пищи летом и печь для лепешек (уйгурского типа).

Отрадным является массовое озеленение приусадебных участков колхозников. Немногим менее половины колхозных дворов в с. Дархан имеют посадки урюка или яблонь, а часто и тех и других. Возле некоторых домов колхозники в этом же поселке выращивают цветы, в частности мальвы, что, несомненно, воспринято от соседей — русских и украинских колхозников.

Характер внутреннего убранства дома определяется назначением тех или иных комнат. В трехкомнатном доме одна из них используется главным образом для приема гостей или для таких занятий членов семьи, как чтение, приготовление уроков, вышивание. Во второй комнате семья обедает, пьет чай и выполняет обычные домашние работы. Третья комната, расположенная по середине, служит своего рода прихожей. Парадная комната обставляется и украшается обычно очень тщательно. Из мебели в ней бывает (хотя и не всегда) кровать, стол, используемый для книг и учебников, стулья или табуреты. Во время приема гостей или для работы сюда приносят из соседней комнаты низкий круглый столик, широко распространенный в домашнем быту киргизского населения Прииссык-куля. Пол всегда покрывается узорным войлочным ковром ярких расцветок («шырдак»), поверх которого стелется стеганная на вате, мозаичной работы подстилка для сиденья или меховой коврик. Стены против входа обычно украшает большое декоративное панно («туш-кийиз»), кайма которого (чаще всего черного цвета) вышивается разноцветными нитками тамбурным швом, а центральное поле состоит из полотнища яркой бумажной ткани или узбекского пестрого шелка, иногда из плюша. На туш-кийиз или между окнами развешивают несколько декоративных полотенец, вышитых тамбуром, крестом или гладью по белой или красной (иногда желтой, синей) ткани. Одежда, висящая на стене, всегда

закрывается белой занавесью с вышивкой и вязаным кружевом. Низ кровати закрывается подзором, тоже с вышивкой. Иногда вся кровать закрыта большим белым пологом (такой же формы, как в Казахстане).

Рис. 5. В доме колхозницы Калыйчи Джакыповой

Рис. 6. Колхозница за вышиванием туш-кийиза

Вышитыми полосками ткани украшается также зеркало, вышиваются занавески на окнах. Во многих домах, кроме занавесей, на окнах висят большие белые шторы, украшенные фестонами, на подоконниках стоят живые цветы в деревянных ящиках. Почти в каждом доме на высокой подставке сложены стопой простые и узорные войлоки, одеяла и п

душки. Над этим сооружением, называемым «джук», также вешают «туш-кийиз» или узкую полосу мозаичной работы. Иногда в качестве украшения на стенах висят старинные женские серебряные подвески к косам, отделанные серебром принадлежности сбруи (узды, подхвостник), шапки из дорогого меха, шкуры пушных зверей и т. п. Декоративное убранство этой комнаты придает ей нарядный и уютный вид.

Более скромный вид имеет убранство второй комнаты. И здесь имеются ковры, туш-кийизы и вышивки, но все это выглядит не так нарядно. В этой комнате нередко стоит кровать, на которой спят старшие члены семьи. Обычный стол в углу заставлен чайной посудой, чашками, часто хохломской работы, которые получили здесь широкое распространение, эмалированной и фаянсовой посудой. Детская колыбель — «бешик» — переносная. Если дом двухкомнатный, то во второй комнате находится деревянный ларь для муки. Все дома колхозников электрифицированы, а значительная их часть радиофицирована.

Мы видим, что, наряду с большим количеством элементов национального убранства, кстати сказать, доступного в прошлом только обеспеченной части населения, в домашний быт прочно вошли появившиеся под влиянием соседнего русского населения предметы декоративного назначения (вышитые полотенца, живые цветы и др.). Возле традиционных элементов интерьера можно найти предметы, появившиеся главным образом накануне или после Великой Отечественной войны: большие зеркала, радио-репродукторы и т. п.

Решающая роль в художественном оформлении жилища принадлежит женщине, руками которой сделаны все украшения: сваляны войлоки, сшиты войлочные ковры, вытканы узорные ткани, вышиты узоры на туш-кийизах и т. д. Сохранение в домашнем быту отдельных ручных производств, связанных с обработкой шерсти и кожи, обусловлено как эстетическими потребностями, так и необходимостью изготовления некоторых принадлежностей национальной одежды и предметов привычной утвари. Следует отметить, что в вышивке отчетливо проявляется русское влияние, а также новые мотивы социалистической действительности (пятиконечные звезды, герб республики и др.).

В развитии жилища постоянного типа, его мебелировке, типах усадьбы сказалось влияние как новых форм хозяйственной жизни, так и соседей — русских крестьян. Современное жилище в колхозных поселках Дархан и Чичкан во всех его разновидностях отражает рост зажиточности колхозников и повышение культурного уровня колхозной семьи.

Специфическими особенностями хозяйства колхоза обусловлено частичное сохранение юрты в быту. Табунщики и чабаны, проводящие круглый год на пастбищах, продолжают жить в юртах, портативность которых имеет свои преимущества при частых передвижениях, связанных с выпасом скота. Юрты чабанам чаще всего предоставляет сам колхоз. Поскольку почти все животноводы имеют дома в поселке, в юрте находятся лишь самые необходимые предметы обстановки и одежды. Часть юрты бывает обычно отделена циновкой («чыгдан»), за которой хранятся продукты и утварь. Обстановка пастушеской юрты состоит из войлоков, свертков с теплой одеждой, переметных сум с мелкими вещами и бельем, пестрых ватных одеял, сложенных на подставках или седлах, сбруи, развешенной на деревянных решетках юрты, и треножника, используемого при приготовлении пищи. Деревянные части юрты делают колхозные мастера, живущие в поселке.

На упомянутых двух перевалочных базах построены по одному трехкомнатному бревенчатому дому (одна комната — для приезжающих, вторая — для сторожа, третья — кухня), амбары и сараи для лошадей. В местности Сёок помещается также межколхозный центр для обслуживания животноводов, пасущих скот на сыртах. Здесь имеются ветеринарная амбулатория, медпункт, школа с интернатом, магазин.

В новом производственном центре, расположенном в Чичкан-башы, где зимует молочно-товарная ферма и живут колхозники «горной» бригады, выстроены специальные дома из двух-трех комнат для пастухов и доярок, а недалеко от них — большие загоны с крытыми утепленными постройками. Строительство в Чичкан-башы развернулось в 1951—1952 гг. под руководством мастера-киргиза Идриса Джаманакова. Он выстроил и себе здесь бревенчатый домик с террасой, рядом с которым поставил юрту. Несколько отдельных домиков и один восьмикомнатный построены в 1952 г. для колхозников «горной» бригады.

В прошлом в пище разных слоев населения сильно сказывался полунатуральный характер хозяйства. Однообразное и непривлекательное, порой полуголодное питание значительной малоимущей части населения и сытный, питательный стол зажиточных и богатых скотоводов в своих контрастах вполне соответствовали глубокой классовой дифференциации киргизского общества.

Современная пища колхозников свидетельствует о неизмеримо возросшем уровне удовлетворения их личных потребностей, основанном на росте общественного хозяйства. Вместе с тем в пище отразилось и расширение связей с городом, с соседним русским, а также с узбекским, уйгурским и дунганским населением. Пища стала разнообразной, выросло потребление овощей и фруктов, в пищевом режиме стали обычными сахар и другие изделия пищевой промышленности, появился мед, вошли в обиход новые мясные блюда (паровые пельмени — «мантуу», плов, жареное мясо с картофелем) и т. д. Однако в составе повседневной пищи и способах ее приготовления все еще сохраняются национальные особенности. Наиболее устойчиво эти исторически сложившиеся особенности сохраняются в семьях животноводов на отгонных пастбищах.

Пищу готовят в котле на очаге. К столу ее подают в эмалированных или фаянсовых чашках. Обедают и пьют чай, сидя за низенькими столиками, но когда готовят по-традиционному мясо и при этом приглашают, как обычно, много гостей, подают его прямо на скатерти, разостланной на войлоке. Наблюдаются некоторые изменения в размещении членов семьи во время приема пищи. Это в особенности относится к женщинам и детям, которые в прошлом занимали самые последние места и получали худшую пищу, а теперь питаются наравне с остальными членами семьи. Лепешки пекут двумя способами: в хлебной печи («дандыр») или в сковородах. Хлебные печи имеются не во всех дворах и обслуживают несколько хозяйств.

Домашняя утварь в прошлом была приспособлена к полукочевому образу жизни в условиях натурально-замкнутого хозяйства (преимущественно деревянная и кожаная посуда). Современная утварь несет на себе печать изменений, внесенных в хозяйственную жизнь и в культуру колхозным строем, тесными связями с городом. Деревянная посуда сохраняется главным образом в юртах животноводов, в поселке же она употребляется для приготовления и хранения лишь некоторых отдельных видов пищи (например, деревянные кадки для приготовления различных напитков — «бозо», «джармы» и др.). Молочные продукты сохраняют почти всегда в эмалированных тазах и кастрюлях. Кожаная посуда, имевшая здесь в прошлом широкое распространение, сохраняется почти исключительно у животноводов. На сыртах еще выделяют большие сосуды из кожи для приготовления и хранения кумыса («саба»), кожаные подойники и кожаные мешки для заквашенного молока.

Одежда киргизского населения в прошлом варьировалась по социальным группам, в ней прослеживались остатки племенных особенностей. Полунатуральный характер хозяйства накладывал свой отпечаток и на одежду основной массы населения, среди которой широкое распространение имела одежда из домотканной шерстяной материи, производившейся во многих семьях на примитивном стане, а также из

войлока, овчин и т. д. Привозные ткани использовались большей частью в одежде имущих слоев.

Процесс изменения одежды идет уже давно, но особенно крупные изменения она претерпела с конца 1930-х — начала 1940-х годов, в связи с ростом благосостояния колхозников. Эти изменения имели своим результатом распространение в быту русской одежды городского покроя в сочетании с различными частями традиционной одежды. Пути распространения новых видов одежды разнообразны. Здесь и покупка готового платья в магазинах, и подражание образцам одежды соседних русских колхозников, и городские «моды», заносимые студентами, родственниками-горожанами, и т. д. Готовую одежду покупают охотно, но еще больше шьют одежды дома, тем более, что швейная машина имеется теперь во многих домах.

Национальные особенности более отчетливо прослеживаются в одежде старшего поколения, в еще большей мере — в одежде колхозников, занятых обслуживанием скота на выпасах. Последнее обстоятельство обусловлено климатическими условиями высокогорья. За последнее время выработался довольно устойчивый комплекс принадлежностей одежды среди разных возрастных групп. Так, среди молодых людей и колхозников среднего возраста популярны вельветовые костюмы и фетровые шляпы, молодые женщины стремятся иметь плюшевые пальто. Девушки и девочки стали носить кофточки с вышивкой крестом на груди и рукавах, сарафаны. Хотя еще 80—90 лет назад киргизские молодые женщины Иссык-Куля и Тянь-Шаня носили платья с оригинальной вышивкой на груди «онгур», но она давно исчезла, а современная вышивка на одежде имеет совершенно новый источник — русское влияние.

Традиционные черты выступают в мужских головных уборах, в женской прическе и украшениях, изготовляемых местными мастерами, и в других частях костюма. Изменения в одежде сопровождались радикальным улучшением гигиены одежды, личной гигиены вообще.

Все сказанное о домашнем быте колхозников свидетельствует о всей важности и знаменательности процесса, происшедших, происходящих и возникающих в жизни киргизского колхозного крестьянства. Выше отмечалось, что на смену полукочевому образу жизни пришел устойчивый оседлый быт. Наряду с этим и в домашнем быту колхозников с-х. артели имени Ворошилова уже наблюдаются отдельные признаки зарождения того процесса, который приведет «к выравниванию условий быта в городе и деревне»¹⁹. Предпосылками для этого служат развитие в Киргизии городов, в частности Фрунзе и Пржевальска, как центров наибольшего роста культуры, центров индустрии, переработки сельскохозяйственных продуктов, а также успешное развитие общественного хозяйства и культуры в самом колхозе. Эти признаки нового улавливаются в постепенном улучшении жилищных условий и домашней обстановки, в начинающемся благоустройстве колхозного поселка, в изменении пищевого режима, костюма колхозников, в появлении новых средств транспорта и т. д.

Наконец, можно уже наблюдать и некоторые черты процесса формирования новых национальных особенностей домашнего быта, новых национальных форм быта, появляющихся на базе органического слияния элементов традиционной народной культуры с новыми элементами, пришедшими прежде всего от русского, а также от некоторых других народов, из социалистического города, в условиях общего повышения материального и культурного уровня колхозников²⁰. Достаточно взгля-

¹⁹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 26.

²⁰ Такой же процесс роста национальных форм быта отмечен Л. П. Потаповым у алтайцев (см. его статью «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев», «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 137).

нуть хотя бы на внутреннее убранство современного дома колхозника, чтобы убедиться, что это уже не старый киргизский интерьер. Но это не похоже и на домашнюю обстановку и убранство в доме русского колхозника. Мы имеем дело с рождающимся на наших глазах новым киргизским национальным стилем бытового уклада, который наполнен и новым, социалистическим содержанием. Эти новые формы быта, несомненно, носят национальный характер, но они в то же время закономерно отражают особенности общесоветской культуры. Новые национальные формы не находятся в противоречии с рядом традиционных форм киргизского народного быта, они взаимно дополняют друг друга. Но эти новые формы быта знаменуют собой более высокий этап культурно-исторического развития киргизского народа, соответствующий периоду расцвета киргизской социалистической нации.

Перейдем к рассмотрению некоторых сторон семейно-брачных отношений. Собранные материалы убедительно подтверждают то положение, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции на базе колхозного строя возникла и постепенно укрепляется новая советская семья как высший тип семьи. Большую роль в изменении самого содержания старой семьи, всего строя ее внутренних отношений сыграло многообразное влияние русского народа, его передовой культуры, а также и русской семьи.

Основу материального благосостояния колхозной семьи составляют доходы, получаемые в результате участия ее членов в общественном производстве. Эти доходы создают прочную базу для обеспеченной и культурной жизни, что отчетливо прослеживается на различных сторонах семейного быта. Доходы от личного хозяйства играют второстепенную роль и занимают сравнительно небольшое место.

В качестве примера приведем данные о семейном бюджете колхозника Усупа Джээнбаева, в прошлом батрака. В 1921 г., во время земельной реформы, Усуп с отцом были наделены землей, как бедняки получили быка и плуг (последний был выдан на 8 хозяйств). В 1923 г. Усуп женился и выделился из отцовского хозяйства. В 1929 г. он одним из первых вступил в ТОЗ, а позднее — в сельскохозяйственную артель. С 1940 г. Усуп — член Коммунистической партии Киргизии.

В настоящее время его семья состоит из 9 человек: его самого, матери, жены, женатого сына, невестки, трех дочерей и сына-школьника. На приусадебном участке Усуп имеет фруктовый сад, немного картофеля и клевера. В личной собственности семьи находятся корова с теленком, 2 овцы, коза, 15 кур и 3 улья пчел.

В 1951 г. сам Усуп выработал в колхозе 400 трудодней, сын — 600 и жена — 35 трудодней. Вся семья получила от колхоза 3415 кг пшеницы и 1760 руб. деньгами. Доход от личного хозяйства (продажа клевера и меда, приплод от скота, молоко, картофель) составил около 2180 рублей. Усуп систематически получает помощь от старшего сына, окончившего Пржевальский учительский институт и работающего преподавателем в Ошской области. В 1951 г. он получил от сына деньгами и одеждой на сумму около 1800 руб. Наконец, жена Усупа получает пособие по многодетности — 840 руб. в год. При переводе полученной пшеницы на деньги по рыночной стоимости общая сумма доходов семьи Усупа составила около 14 тысяч рублей.

Анализ бюджета этой семьи показывает, что основу ее доходов — около двух третей составляют доходы от участия ее членов в общественном производстве. Если же учесть и государственное пособие по многодетности, то удельный вес доходов от личного хозяйства и помощи родственников еще заметнее уменьшится и составит немногим более одной четверти всех доходов. На этом примере хорошо прослеживается жизненность основного принципа колхозного строя — правильного сочетания личных, бытовых интересов колхозников с их общественными интересами, при-

способлениe первых ко вторым. Семья Усупа Джээнбаева живет обеспеченно, не испытывая недостатка в чем-либо. Труд и духовные интересы этой колхозной семьи, как и других, неразрывно связаны с колхозным производством, с общественной и культурной жизнью села.

Характерными чертами современной колхозной семьи являются равноправное положение мужчины и женщины, товарищеские отношения между ними, более свободное и самостоятельное положение молодежи, сочетаемое с уважением к старшим, любовь к детям и их воспитание, осуществляемое совместно со школой в духе преданности Родине и коммунистическому строительству, идейное единство членов семьи. Из воспитанных матерью-героиней Кынабек Абдыбековой десяти детей двое сыновей отдали свою жизнь во время Великой Отечественной войны за свободу и независимость социалистической Родины, третий честно выполняет свой воинский долг в Советской Армии, четвертый работает в родном колхозе ветеринарным техником, представляет новую сельскую интеллигенцию, пятый — колхозник.

На самой важной функции семьи — воспитании детей — сказывается пример русских семей и опыт долголетнего общения с ними. Внимательное отношение к детям, поощрение их способностей, предоставление школьникам лучшего места в доме для приготовления уроков, более строгое отношение к внешности ребенка, к его одежде и т. д. — во всем этом нельзя не видеть влияния русской семьи, русской культуры.

Говоря о воспитании в киргизской семье, нельзя не подчеркнуть одного необыкновенно яркого явления в киргизском семейном быту, порожденного новой, советской идеологией киргизского общества. Речь идет об усыновлении киргизскими семьями русских детей. Такие случаи получили широкое распространение во время Великой Отечественной войны. И сейчас в колхозе имени Ворошилова 60-летняя Бурмакан Омукеева воспитывает русского мальчика, которого она в конце войны взяла в двухлетнем возрасте из пржевальского дома малютки. Такое явление могло быть вызвано к жизни только великой силой ленинско-сталинской национальной политики, дружбы народов.

Культурный облик современной семьи как нельзя более ярко проявляется в массовом стремлении молодежи к образованию. Только из одной семьи Вöрюбаевых в 1952 г. двое молодых людей поступили в Киргизский сельскохозяйственный институт. В вузах Пржевальска, Фрунзе, Ташкента и Москвы учатся десятки сыновей и дочерей колхозников с.-х. артели имени Ворошилова.

Интенсивное развитие двух основных отраслей общественного хозяйства — полеводства и животноводства — вызвало к жизни своеобразную форму семейного быта, заключающуюся в более или менее длительном «расщеплении» ряда семей на две части, обособленные в территориальном отношении, но связанные как семейно-родственными узами, так и интересами общего личного хозяйства. Это семьи, живущие «на два дома». В то же время некоторые семьи животноводов уже в течение многих лет в полном составе живут на отгонных пастбищах, но они сохраняют в той или иной форме связь с родственными им семьями, живущими в колхозном поселке. Как общую черту семейного быта следует отметить большую прочность родственных связей, проявляющихся в различных фактах повседневной жизни. Теплотой и заботой, любовью к родительскому дому, к родному краю дышат строки писем, которые получают родители от своих сыновей, живущих вне дома²¹.

²¹ Для примера приведем несколько проникнутых лиризмом строк из письма находящегося на действительной военной службе А. Кенембаева. В русском переводе эти строки звучат: «[Живущие] в далеких, расположенных на теневой стороне [горах] Алатоо, в просторном Дархане, вдыхающие утром и вечером воздух Иссык-Куля, приятный, как духи, отец и мать, бабушка, брат и остальные дети и родственники, — в благополучии ли вы пребываете?»

Серьезнейшим показателем изменения всей внутренней основы семьи являются новые взаимоотношения между мужем и женой, являющиеся в значительной степени результатом возросшей экономической самостоятельности женщины, активно участвующей в общественно-производительном труде. Характерные черты нового прослеживаются даже в такой области, как домашний труд женщины. Он претерпел ряд изменений — и количественных и качественных. В некоторых отношениях объем его уменьшился, в другом — увеличился, но это частичное увеличение объема женского труда является результатом прогрессивных явлений в домашнем быту. Теперь женщине приходится мыть деревянные полы в жилых помещениях, но раньше и домов почти не было, да и полы были исключительно земляные. Теперь женщины зажигают свет в домах поворотом выключателя, а раньше им приходилось в течение долгого зимнего вечера бесперывно следить за тем, чтобы горел копящийся светильник-жировик. Теперь печи, в особенности железные, — массовое явление. Топка печей не идет ни в какое сравнение с утомительной работой женщины в прошлом, когда она в течение долгих часов должна была разжигать в юрте костер и поддерживать в нем огонь, глотая разъедавший глаза дым. Этот костер и обогревал и освещал, на нем варилась пища. Женщина стирает белье мылом, купленным в магазине, а ведь еще не так давно она сама варила мыло, затрачивая на это много времени и труда. Белье после стирки полагается гладить утюгом («ўтюк»). Но раньше утюг был большой редкостью, достоянием семей знати. Появился ряд новых блюд, приготовление которых требует дополнительного труда (чистка картофеля, овощей, приготовление паровых пельменей и т. д.), раньше это было менее сложным процессом. Теперь нужно не только убрать и сложить постельные принадлежности, но и застелить и красиво заправить кровать, нужно подшить пододеяльники, — но ведь всего этого раньше вовсе не было.

Большим уважением пользуются в колхозе многодетные семьи. В связи с этим должен быть отмечен значительный рост рождаемости в киргизских семьях и обращаемости к современным формам родовспоможения, уменьшение детской смертности. В течение 1950, 1951 гг. и семи месяцев 1952 г. в Дарханском сельсовете было зарегистрировано 254 рождения и 82 смерти. Численность населения по сельсовету в этот период колебалась от 2500 до 2600 человек, следовательно, «чистый прирост» за указанный период, составляющий 162 человека, выразится в 6%. Этот процент за срок менее 3 лет можно признать весьма высоким, особенно, если мы вспомним очень большую смертность среди детей младенческого возраста в прошлом.

В течение января — июля 1952 г. по Дарханскому сельсовету не было ни одного случая смерти детей в возрасте до одного года. А родилось за эти 7 месяцев 68 детей. Это — прямой результат многообразной заботы Советского государства о матери и ребенке.

Популярность родильного дома начинает расти из года в год. С сентября 1950 г по декабрь 1951 г. в Дарханском сельсовете было зарегистрировано 118 рождений, но из этого числа женщин только 7, т. е. около 6%, рожали в родильном доме в с. Покровке. С января по июль 1952 г. было зарегистрировано 76 рождений, но из этого числа женщин уже 12, или около 16%, рожали в родильном доме. В планы дальнейшего строительства колхоза имени Ворошилова входит постройка собственного родильного дома.

Существенной чертой нового типа семейно-брачных отношений является заключение браков по инициативе самих молодых людей, по их взаимной склонности. Во многих случаях браки заключаются в пределах своего колхоза, но нередко брачные связи ведут в соседние колхозы. Свадьба является значительным событием не только для семей брачующихся, но и для довольно широкого круга родственников. В ней уча-

ствуется обычно и колхозный актив. Но в свадебных церемониях сохраняется еще много традиционных мотивов.

Культурный облик колхозного села ²²

Ведущей и организующей силой производственной, общественной и культурной жизни колхоза является партийная организация — одна из старейших в районе. Свою организаторскую, агитационно-массовую, воспитательную работу среди колхозников партийная организация осуществляет через коммунистов, работающих в полеводческих бригадах, на фермах, в правлении колхоза. В партийной организации в 1952 г. состояло 13 женщин. Коллектив агитаторов (в него входят и комсомольцы) повседневно разъясняет политику Коммунистической партии, мобилизует колхозников на выполнение стоящих перед колхозом задач. Около 100 колхозных комсомольцев являются помощниками партийной организации. В поселках Дархан и Чичкан имеются еще партийные и комсомольские организации при школах.

Возглавляемые партийной организацией колхозники с.-х. артели имени Ворошилова добились больших успехов в развитии культуры. Эти успехи особенно ощутимы на фоне той почти поголовной неграмотности и бескультурья, которые царили в киргизском аиле в прошлом, под гнетом царизма, в условиях порабощения трудящихся кучкой всемогущих манаров и богатеев. Достаточно сказать, что в 1913 г. грамотные и учащиеся по-киргизски составляли в Заукинской волости всего 5,2%. Но и это были исключительно мужчины. Грамотных женщин не было ни одной. Грамотных и учащихся по-русски насчитывалось всего 20 человек, или 0,3% ²³. Сознание широких масс населения было опутано религиозными предрассудками.

Переход к оседлости и утверждение колхозного строя способствовали подлинной культурной революции в киргизском аиле. Грамотность стала достоянием подавляющего большинства населения. Одним из замечательных явлений последнего времени является все большее распространение русского языка, тяга к его изучению, особенно у оканчивающих среднюю школу. Теперь в одном колхозе имени Ворошилова в несколько раз больше знающих русский язык, чем во всей Заукинской волости в целом в 1913 г. В настоящие рассадники культуры превратились средняя школа в с. Дархан и семилетняя в с. Чичкан. Большое светлое здание дарханской школы, выстроенное в 1937 г., уже не вмещает всех школьников, и им приходится заниматься в две смены. Коллектив педагогов, среди которых имеются специалисты с высшим педагогическим образованием, является большой культурной силой в колхозе. Окончившие эту же школу учителя, уроженцы с. Дархан, пользуются заслуженным авторитетом среди населения.

Среди других форм воспитательной работы школы особенно важное значение имеет работа, проводимая с девочками. В результате уменьшается отсев девочек в старших классах, что в условиях Киргизии имеет весьма серьезное значение. Школьные кружки самодеятельности, в частности хоровой кружок, выступают и за пределами школы и села. Старшие школьники увлекаются чтением переводной (с русского на киргизский язык) литературы. Самые активные читатели сельской библиотеки — школьники. Молодые колхозники, не успевшие окончить семилетнюю или среднюю школу, восполняют свои знания в вечерней школе сельской молодежи, существующей с 1949 г.

²² В настоящем разделе использованы материалы, собранные научным сотрудником Киргизского филиала АН СССР К. И. Антипиной.

²³ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», стр. 359.

В подъеме культурного уровня колхозников велика роль местных культурно-просветительных учреждений: клуба со стационарной кино-установкой, библиотеки-читальни сельсовета, красной юрты на отгонных пастбищах, радиоузла и других. В библиотеке устраиваются читательские конференции. При клубе имеется лекторий. Сам колхоз имени Ворошилова является коллективным членом Общества по распространению политических и научных знаний. Лекции читают главным образом учителя, а

Рис. 7. Школьники

также и другие представители местной интеллигенции. Пользуются популярностью радиопередачи как на киргизском, так и на русском и казахском языках, советские песни, киргизская национальная музыка. Молодежь проявляет большой интерес к приобретенным клубом музыкальным инструментам — мандолине, балалайке, наигрывает на них киргизские песни. С игрой на этих инструментах знакомят студенты, приезжающие на каникулы из Фрунзе и Пржевальска.

Слепой музыкант и певец Бейше Бакеев (он играет на национальном инструменте — струнном «комузе»), певицы Батый Токонова и Ракий Соодонбекова участвовали в районном и областных смотрах художественной самодеятельности, а Бакеев — и в республиканском. За последнее время художественная самодеятельность в колхозе замерла из-за отсутствия руководителя.

Начинает получать развитие спорт: организованная в 1952 г. в колхозном парке волейбольная площадка быстро превратилась в одно из излюбленных мест времяпровождения молодежи. Обычной формой

использования ее досуга стала также игра в шахматы. Молодые колхозники и сельские интеллигенты при каждом удобном случае в свободное время с увлечением играют в «ордо» (национальная игра в альчики). Среди стариков немало любителей игры в «тогуз коргол» (игра на доске, основанная на сложном счете раскладываемых по лункам шариков).

Среди колхозников можно встретить людей, стремящихся к творческой работе. Стихи колхозного поэта Кадыра Сольпоева во время войны печатались в республиканских газетах и журналах. Сейчас он приступил к работе над поэмой «Наш Дархан». Регулярно пишет по вопросам

Рис. 8. Лектор Райкома комсомола читает лекцию чабанам на высокогорном пастбище

животноводства в районной и областной газетах ветеринарный санитар колхоза, местный уроженец Касым Чамаев.

Видное место в жизни колхозников играет печатное слово. Колхозники выписывают около 300 газет и журналов, в том числе и на русском языке. Во многих семьях их выписывают для детей-школьников. Благодаря газетам и радио колхозники находятся в курсе всех событий, происходящих в республике, в Советском Союзе и во всем мире. Колхозники не только берут книги в библиотеке, но и приобретают их для себя лично. Растет изучение произведений классиков марксизма-ленинизма, особенно произведений Ленина и Сталина. Пропаганда марксизма-ленинизма осуществляется при помощи созданных партийной организацией кружков по истории партии и политшкол, которыми руководят учителя.

Киносеансы, концерты и спектакли приезжих артистов чрезвычайно расширяют кругозор колхозников. Незабываемое впечатление на них произвел выездной спектакль артистов областного драматического театра — «Борбаш», поставленный на импровизированной сцене в колхозном парке. На спектакль собралось огромное число зрителей: и молодежи, и стариков, и мужчин, и женщин. За ходом действия зрители следили с необычайным напряжением.

Влияние на культурную жизнь села оказывает значительный отряд колхозной интеллигенции. В него входят представители профессий, которых не было и не могло быть в киргизском аиле в прошлом: радиооператор, агроном, механик электростанции, фельдшер, бухгалтер, ветеринарный техник и т. д.

Фельдшерский пункт в с. Дархан, существующий с 1943 г., охотно посещается нуждающимися в лечении колхозниками, хотя в 10 км от села расположены больница и амбулатория. Медицинская помощь приближена уже и к животноводам, живущим на сыртах, за много десятков километров от поселка. Медицинский персонал регулярно посещает дома колхозников, посещает больных на дому по вызову.

Развитие культуры в колхозном аиле происходит под знаком все более мощного воздействия передовой русской культуры. К русской культуре тянется, стремится ее усвоить, приобщиться к ней вся масса колхозников.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции не только принесла киргизскому народу освобождение от колониального рабства и манапско-байской кабалы. Она навсегда покончила с зверской, волчьей национальной политикой царизма. И. В. Сталин в своей речи на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 г. подчеркнул: «...великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны»²⁴.

Осуществляя эту политику, Коммунистическая партия и Советская власть обеспечили все необходимое для сложения и расцвета киргизской социалистической нации — одного из равноправных членов семьи народов великого Союза Советских Социалистических Республик. Исключительную роль в этом расцвете сыграла бескорыстная братская помощь выдающейся нации Советского Союза — великого русского народа.

Во всем том, что можно наблюдать в колхозе имени Ворошилова в области развития общественного хозяйства, перестройки домашнего быта и семейно-брачных отношений, роста национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, отражаются достижения всей киргизской социалистической нации, киргизского колхозного крестьянства в братской семье народов СССР. В далеком прииссыккульском колхозе имени Ворошилова мы видим «кусочек новой жизни, той жизни, которая называется у нас колхозной, социалистической жизнью»²⁵. Эта жизнь свидетельствует о действенной силе основного экономического закона социализма, открытого великим корифеем науки И. В. Сталиным.

²⁴ В. И. Ленин и И. В. Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, Партиздат, 1936, стр. 660.

²⁵ Там же, стр. 642.

Л. Н. ЧИЖИКОВА

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО РУССКИХ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ-СТРОИТЕЛЕЙ

Советскими этнографами собраны большие материалы по народному жилищу в различных областях Советского Союза. Отраженный в них многовековой опыт русского народного зодчества заслуживает тщательного изучения. В связи с проведением в нашей стране большого жилищного строительства актуальное значение приобретает использование наиболее рациональных народных традиций в строительной технике и декоре жилища. За послевоенные годы, как отмечал Г. М. Маленков на XIX съезде партии, только в сельских местностях было построено 3,8 млн. жилых домов¹. В директивах по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. предусмотрено увеличение капитальных вложений на государственное жилищное строительство примерно в два раза по сравнению с предшествующей пятилеткой.

В процессе развития строительства архитектура жилых домов колхозников непрерывно совершенствуется. Колхозники видоизменяют свои жилища, приспособлявая их к новому, социалистическому быту, но в то же время продолжают сохранять излюбленные местные приемы украшения построек.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению архитектурных украшений, выполненных преимущественно техникой выпилки мастерами крупнейшего в Верхнем Поволжье осеневско-писцовского плотничьего района (южная часть Ярославской области). Автор статьи ставит себе задачей выявить самобытность и высокие художественные качества архитектурного декора крестьянских построек этого района, вопреки существующему в нашей искусствоведческой литературе предвзятому отношению к технике выпилки, и показать желательность использования наиболее ценных образцов в современном колхозном жилищном строительстве.

Русское крестьянское зодчество Верхнего Поволжья богато старинными народными традициями. В Верхнем Поволжье, как и во многих других районах нашей страны, крестьянские избы построены специалистами-плотниками, выходцами из определенных районов. На территории Верхнего Поволжья славится район осеневских и писцовских плотников, сведений о которых в литературе, однако, очень мало. Это побудило автора заняться исследованием крестьянских построек данного района, что и было выполнено в течение 1946—1951 гг.

Территория осеневско-писцовского плотничьего района расположена на границе двух областей — Ярославской и Ивановской (прежде Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Осеневские плотники

¹ См. Г. М. Маленков, Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 70.

получили свое название по с. Осенево Гаврилов-Ямского района Ярославской области (центр Осеневского сельсовета, в прошлом Осеневской волости). В 20 км от Осенева в Ивановской области расположен рабочий поселок Писцово (центр бывшей Писцовской волости, Нерехтского уезда, Костромской губ.), по имени которого плотники ближайших деревень называют себя писцовцами.

Писцовские и осеневские плотники, живя на смежных территориях и работая в одних и тех же районах, имели много общего в приемах работы, поэтому данные территории можно рассматривать как один осеневско-писцовский плотничий район. Примерными границами этого района служат на западе — с. Стогинское Ярославской области, на севере — с. Бурмакино, районный центр Ярославской области, на северо-востоке — с. Рождественское Ярославской области, на юго-востоке — с. Комсомольск, крупный районный центр Ивановской области². Территория, ограниченная этими пунктами, занимает 1000 с лишним км². На этой территории расположено около 150 селений. В конце XIX в. из Осеневской волости (30 селений) уходило на работы 600 плотников³, в Березниковском приходе Нерехтского уезда (16 селений) из 758 мужчин рабочего возраста 653 плотничали на стороне⁴.

Основываясь на этих данных, можно предположить, что из каждой деревни района уходило на работы в среднем по 20 плотников. Следовательно, на всей рассматриваемой территории насчитывалось примерно 3000 плотников.

Развитие отхожих промыслов сельского населения, как указывал В. И. Ленин, одна из сторон проявления товарного хозяйства, господствовавшего в сельском хозяйстве пореформенной эпохи. Углубление социальной дифференциации в деревне в результате развития капитализма обусловило возникновение двух новых типов сельского населения. «Первый новый тип,— писал В. И. Ленин,— сельская буржуазия или зажиточное крестьянство. Сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие..., затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. п.

...Другой новый тип — сельский пролетариат, класс *наемных рабочих с наделом*. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы (= «промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела,— вот отличительные черты этого типа.

...Промежуточным звеном между этими пореформенными типами «крестьянства» является *среднее крестьянство*.

...В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д.»⁵

Наряду с общими социальными причинами, отмеченными В. И. Лениным для всей пореформенной России, развитию промыслов в изучаемом крае способствовали также его экономические и природные

² Границы определены на основании расспросов плотников данной местности. Подсобным источником служили «Материалы для статистики Костромской губ.» (Кострома, 1891).

³ «Обзор Ярославской губернии», вып. II, 1896, стр. 10.

⁴ «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. VII, Кострома, 1887.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 144—148.

особенности: крайняя отсталость сельского хозяйства, низкое качество земли, малоземелье, отсталая техника, густая заселенность территории, пригодной для земледелия, так как на юге района были труднопроходимые леса, а на севере — болота. Удобный водный и железнодорожный транспорт открывал пути в крупные города России и другие губернии.

В зачаточном виде крестьянские промыслы появлялись еще при господстве натурального хозяйства. Но развиться эти зачатки могли только при денежной ренте. Как указывал К. Маркс, «превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги»⁶.

Развитию плотничества в исследуемом районе способствовало и преобладание здесь оброчной системы ведения хозяйства при крепостном праве. В Осеневской волости в 19 селениях из 30 крестьяне были государственными⁷. Но и в 11 деревнях, принадлежавших помещикам, крестьяне сидели на оброке и могли свободно уходить на продолжительное время. Платили оброки помещикам и писцовские крестьяне.

Трудно определить время возникновения ремесла осеневско-писцовских плотников. Из исторических источников таких сведений получить не удалось. Не знают этого и сами плотники. На этот вопрос они всегда отвечают: «Природные мы плотники, и деды и прадеды наши плотничали».

Высокое искусство осеневско-писцовских плотников, распространение его на большой территории показывают, что плотничество в данном районе возникло давно. Исторические документы отмечают применение наемного труда сельских строителей в городах уже в XVII в. В вотчинах царя Алексея Михайловича значительная часть наемных строителей состояла из крестьян Ростовского, Романовского, Борисоглебского, Костромского, Галичского, Пошехонского и Ярославского уездов⁸. Основываясь на этом, можно предполагать, что плотниче ремесло в данном районе зародилось в XVII в. и даже раньше. Но это ремесло охватило такую большую территорию и достигло особенно высокого развития, вероятно, лишь в XIX в., в пореформенную эпоху, когда создались благоприятные условия для отхожих промыслов.

Осеневские и писцовские плотники работали почти исключительно в Ярославской губернии — в Ярославском, Ростовском, Угличском, Романово-Борисоглебском, Даниловском, частично Рыбинском уездах. Нанимались на работу артелями во главе с подрядчиками. В начале XX в. артели состояли из 8—30 человек, а в XIX в. они были крупнее, доходили до 50 человек и более. В артель входили мастера, простые плотники и мальчики-ученики. Мастера выполняли самые трудные и ответственные работы по отделке дома: вставляли окна, двери, настилали полы и потолки, изготовляли деревянную мебель, выполняли резьбу и выпилровку. Мальчикам-ученикам поручали самые несложные, но нередко физически самые тяжелые работы, поэтому положение их в артели было очень тяжелым.

Набиравшие артели подрядчики эксплуатировали плотников, заставляя их работать от зари до зари. Случалось, что при уплате вознаграждения они обсчитывали плотников, выдавая им всего лишь половину или треть того, что следовало по договоренности.

Этому положила конец Великая Октябрьская социалистическая революция, навсегда уничтожившая эксплуатацию человека человеком. Национализация земли, а затем победа колхозного строя в корне преобра

⁶ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 812.

⁷ «Ярославская губерния», т. V, вып. 1, 1907, стр. 480, табл. 1.

⁸ А. И. Заозерский, Царская вотчина XVII в., М., 1937, стр. 174.

зовали экономику деревни, изменили жизнь крестьянства, уничтожили все основные причины, вызывавшие ранее отходничество сельского населения.

В настоящее время в большинстве колхозов изучаемой территории организованы строительные плотничьи бригады. Избыточные силы колхозы отпускают на сторону на временные плотничные работы. Плотники, организованные в бригады, заключают договоры с отдельными организациями по строительству общественных зданий, строят индивидуальные дома колхозникам, рабочим и служащим в небольших рабочих поселках и районных центрах.

Жилые дома в районе работы осеневских и писцовских плотников имеют характерные черты жилища средневеликорусского типа. В строительстве жилых домов преобладает срубная техника, в строительстве скотных дворов преимущественно столбовая техника («по-заборному»). Широко распространена стропильная двухскатная или трехскатная крыша с мезонином. Сруб обычно состоит из 15—18 венцов. Под жилой частью дома устраивается подполье высотой 1—2,5 м. Дома располагают перпендикулярно улице. Новые дома состоят из двух частей: отапливаемой избы, расчлененной перегородками на несколько комнат, и неотапливаемых сеней. В некоторых домах старой постройки имеется еще клеть (горница, задняя изба), хотя уже со второй половины XIX в. часто строили дома без клетки. Двор строят всегда одноэтажный, его пристраивают сзади дома (однорядная застройка). На старых усадьбах двор пристроен сбоку дома (двурядная застройка).

Осеневские и писцовские плотники большое внимание уделяют архитектурным украшениям жилых построек, отличающимся исключительным своеобразием.

До 1860-х годов избы украшали трехгранно-выемчатой узорной резбой с геометрическим орнаментом, состоящим из полукружий, кругов, ромбов, прямоугольников и т. п. В конце 1860-х — начале 1870-х годов вместе с распространением нового инструмента — лобзика — появились украшения, выполненные пилкой и коловоротом.

Узоры первых выпиловочных украшений были несложны. Украшали главным образом верхнюю часть наличника древними русскими мотивами креста, сердцевидных фигур, кругов. В конце 1890-х годов постепенно формируется характерный для осеневско-писцовских плотников растительный орнамент, основой которого является волнообразная линия с отходящими от нее в разные стороны завитками, оканчивающимися трилистником (рис. 1, а). В это время узорами украшают не только верхнюю часть наличника, но и боковые части, называемые по-местному «колягами», и нижнюю часть — «исподник». Выпиленными узорами отделяют фронтон крыши. Пропильной узор украшает причелины крыши («резьба по огниве»), расширяясь на углах дома, она образует изящные «висячки». Под крышей, по карнизу проходит резной пояс — «резьба по карнизу». Накладной выпиловкой из завитков и карточных фигур украшают угловые доски, прикрывающие торцы выступающих венцов сруба — «пилястры»; такой же накладной узор идет иногда под окнами — «поясник». Ранее прямая доска карниза в верхней части наличника постепенно преломляется посередине, образуя треугольник — «наличник конем» (рис. 1, б). Над вертикальной планкой карниза наличника проходит пропиленный узор — «парапет». Под карнизом помещают накладную выпиловку.

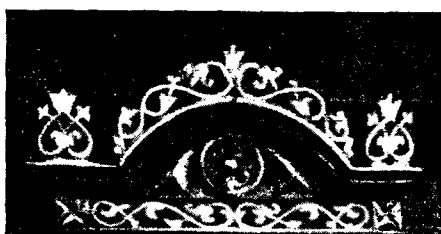
Стремясь все подчинить волнообразной линии, резчики в дальнейшем изгибают прямые линии карниза наличника. Так возникает «наличник аркой», который в конце 1900-х годов почти совсем вытесняет «наличник конем» (рис. 1, в). Плоскостная арка заменяется постепенно объемной, которая состоит нередко из нескольких кругов, выступающих один над другим. Вместо округлой арки в конце 1910-х годов уже часто встре-

чается «арка червой» (рис. 1, 2). Выпиленный узор по «колягам» наличника постепенно заменяется рельефной резьбой, состоящей из различных формы планок, столбиков, колонок и т. д.

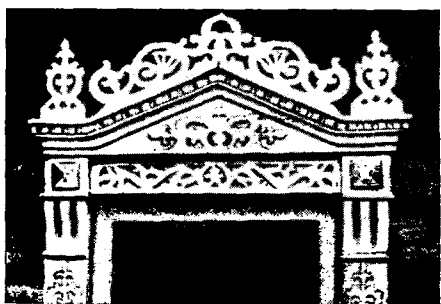
Если дом с мезонином, то фронтон крыши отделяют выпиленным узором, или очень узким или более широким — «светелка косицами» (см. ниже рис. 3). Иногда узор покрывает весь фронтон. В последнее время фронтон светелки затягивают тесом, сверху набивают накладную резь-

а

б

в

г

Рис. 1. Развитие орнаментальных украшений наличников окон: а — с. Устье Ярославского района, 1890-е годы; б — дер. Юрьевская Слобода Ростовского района, 1900-е годы; в — дер. Якимцево Ярославского района, 1910-е годы; г — дер. Перевозново Ростовского района, 1919 г.

бу и выпилровку — «светелка щитом» (см. рис. 5, а). Распространившиеся в 1910-х годах террасы украшают каймой пропиленного узора, свешивающегося с крыши, рисунок его повторяет орнамент «резьбы по огниве» дома. Нередко террасы украшают резными щитами (рис. 2). В эти годы наблюдается дальнейшее развитие растительного орнамента за счет усложнения волнообразной линии и ее отростков. Отростки волнообразной ветви, оканчивающиеся стилизованным трилистником, теперь уже больше напоминают натуральные листья и цветы. Резчики всюду, где только возможно, стремятся противопоставить плоской пропиловке рельефные резные узоры.

Количество и качество резных украшений на каждом отдельном доме зависело прежде от состоятельности хозяина. Богато украшать свои дома раньше могли лишь местные богатеи, затрачивавшие на украшения четверть, а нередко и треть стоимости дома. Обычный середняцкий дом украшался большей частью резными наличниками и скромным узором

по фронтому или карнизу. Дома бедняцкой части населения были и вовсе лишены украшений.

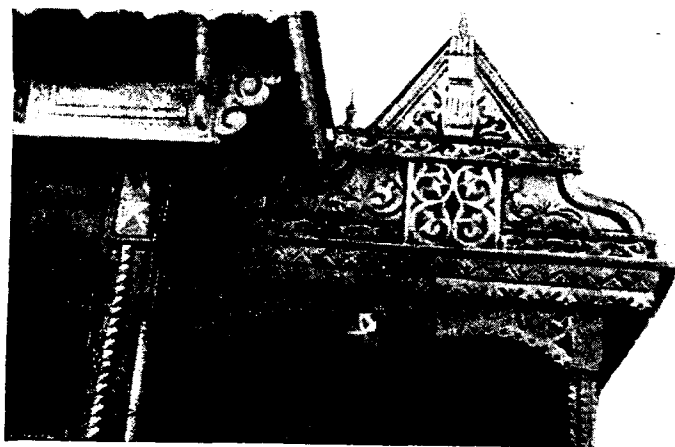

Рис. 2. Украшение террасы, с. Андреевское Борисоглебского района, 1913 г.

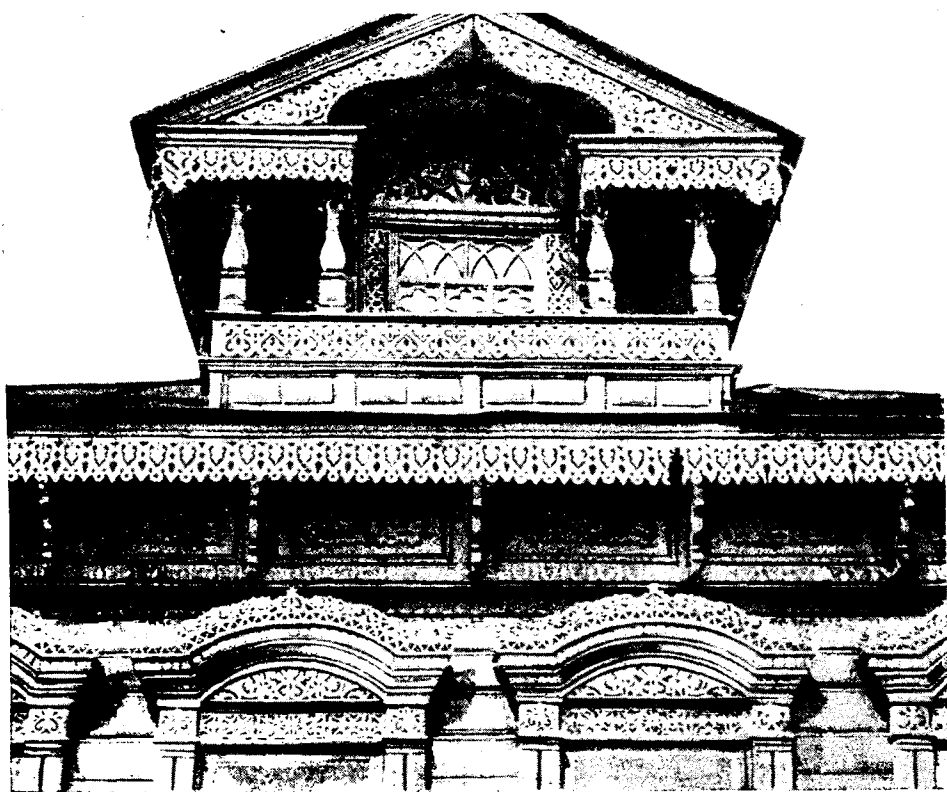

Рис. 3. Мезонин, украшенный ажурной резьбой, Борисоглебский район

Степень насыщенности украшениями построек в разных районах различна. В Петровском, Ярославском, Ростовском районах Ярославской области выпилкой украшали наличники, светелки, иногда пилястры и фронтоны. Гораздо богаче украшены постройки в Борисоглебском райо

не Ярославской области, многие из них отличаются обилием ажурной резьбы (см. рис. 3). Обилие и богатство архитектурных украшений в постройках Борисоглебского района объясняются его экономическим положением в прошлом. В бывшей Борисоглебской волости Ростовского уезда из-за крестьянского малоземелья и плохого качества почвы издавна развилось отходничество в Петербург. Многие отходники, разбогатев в Петербурге, чтобы похвастаться перед односельчанами, любили ставить на родине богатые дома. Кроме того, в Борисоглебской волости в начале текущего века работала знаменитая среди осеневских плотников артель подрядчика Гладышева, всегда подбиравшего себе лучших плотников. Эта артель славилась первоклассными мастерами-резчиками.

Однако наряду с художественными образцами украшений на многих домах Борисоглебского района, принадлежавших кулакам и зажиточным крестьянам, наблюдается слишком большая пышность декора, перегруженность постройки малохудожественными узорами, в которых сказался дурной вкус владельцев этих домов. Это один из примеров того пагубного влияния, которое оказывал капитализм на развитие народного искусства.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции мастера, не стесняемые хозяевами-подрядчиками и богатыми владельцами домов, смогли наиболее полно развернуть свои природные способности.

Начиная с 1920-х годов, все более усложняется орнамент наличника, изящнее становится растительный узор, за пышными листьями все труднее отыскать основную волнообразную линию, несущую на себе все остальные элементы орнамента. Все в большей мере пропиловочный узор заменяется рельефной резьбой, оттеняющей плоскую пропиловку. Часто появляются в орнаменте советские эмблемы — серп и молот и пятиконечная звезда.

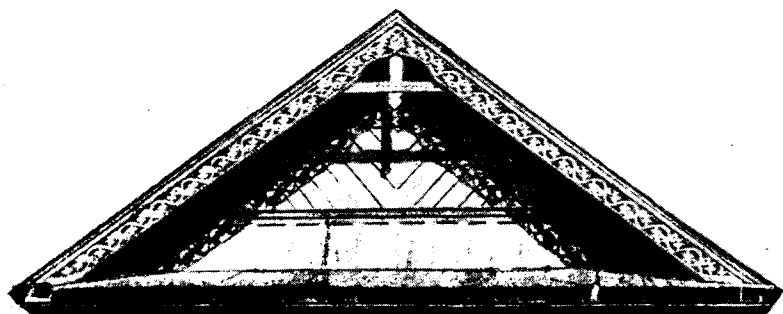
Центр украшений переносится на фронтоны, который становится стержнем всей композиции. Расположение узоров на фронтонах очень разнообразно. Чаще небольшая кайма растительной непрерывной ветви, несущей на себе цветы и листья, оторачивает фронтон (рис. 4, а). Иногда эта узкая полоса узора, расширяясь, заполняет пропиловочным орнаментом весь фронтон, оставляя свободной лишь небольшую арку. В такой композиции весь растительный орнамент выходит из изображения цветочного горшка, разбиваясь на три волнообразные ветви. Нередко весь орнамент фронтона поддерживается на 5 балках (рис. 4, б). Резьбой богато украшается чердачное окно, по «постаменту» (средняя часть фронтона) идут треугольники из накладной пропиловки. Иногда резной щит устраивается в верхней части фронтона, на некоторых домах весь фронтон зашит досками, и на зашитую тесом поверхность набита накладная выпилка богатого растительного орнамента, который застилает все пространство фронтона.

Таким образом, возникшая в начале 70-х годов XIX в. пропиловочная резьба, постепенно развиваясь, достигает в 20-х годах XX в. своего расцвета, который продолжается и в 30-х годах. В Гаврилов-Ямском районе Ярославской области расцвет искусства выпилочных украшений наблюдается в предвоенные 1935—1940 гг. в связи с усиленным жилищным строительством.

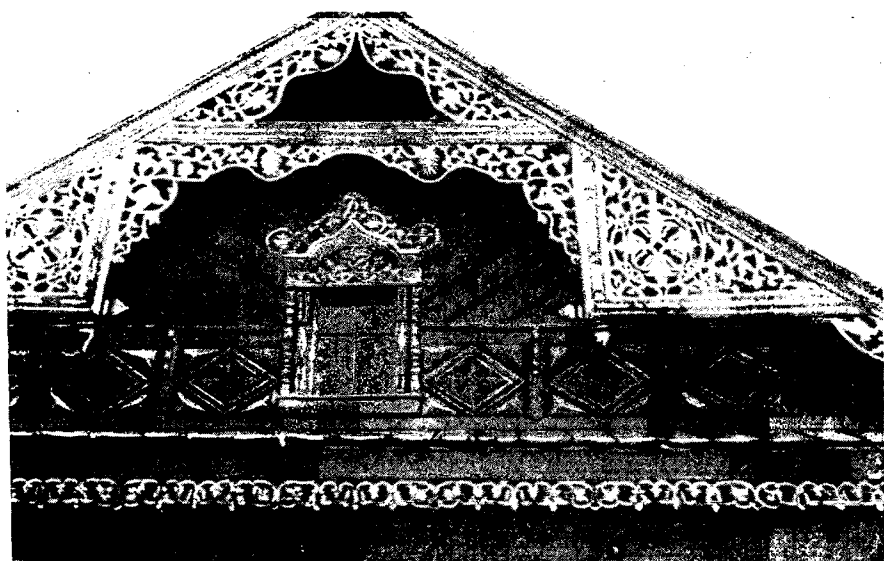
Украшения колхозных построек в Гаврилов-Ямском районе, созданных в предвоенные годы, по изяществу рисунка, красоте линий, чувству пропорций превосходят украшения домов Борисоглебского района, построенных большей частью в начале XX в.

После Великой Отечественной войны резные украшения не стали находить такого широкого применения в исследуемом районе. Многие талантливые старые мастера выходят из строя, молодежь же искусством резьбы и выпилки интересуется мало. В настоящее время, при гран-

диозном размахе сельского строительства, следует обратить серьезное внимание на искусство резьбы осеневских и писцовских мастеров. Необходимо, пока еще не поздно, привлечь старые кадры мастеров к подготовке хорошей смены молодых талантливых плотников

а

б

Рис. 4. Украшения фронтонов: а — дер. Высотское Гаврилов-Ямского района, 1938 г.; б — с. Никола-Пенья Гаврилов-Ямского района, 1930 г.

* * *

Во время полевой этнографической работы на территории района нам удалось встретить многих талантливых мастеров-резчиков. Назовем наиболее выдающихся из них.

Одним из лучших резчиков на территории Осеневского сельсовета считается Александр Иванович Цветков (1889 г. рождения) из дер. Листопадка Гаврилов-Ямского района. Он с 11 лет стал учиться плотничному мастерству, а с 16 лет уже занимался резьбой и выпилкой. Как и все осеневские мастера, А. И. Цветков никогда не пользовался гото-

выми рисунками-шаблонами, внося каждый раз в узоры что-нибудь новое, не повторяя созданных им ранее орнаментов. Украшения одного из домов, выстроенных А. И. Цветковым, приведены на рис. 5; они обнаруживают богатый архитектурный замысел. Композиция украшений воспринимается как единое целое, которое дробится на отдельные панно.

а

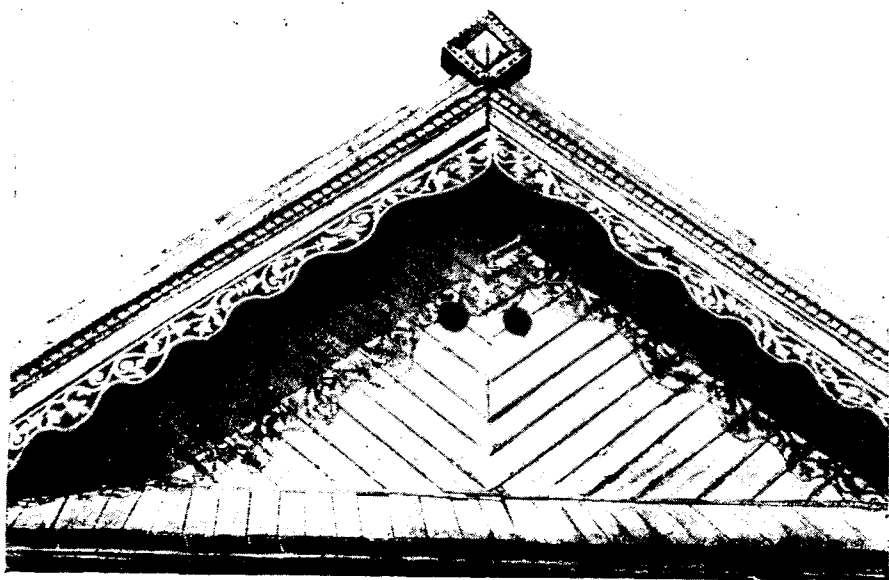

б

Рис. 5. Архитектурные украшения, выполненные А. И. Цветковым (Гаврилов-Ямский район, 1908 г.): а — мезонин; б — украшение террасы

Все подчинено одному, главному — арке щита светелки, вокруг которой собраны все остальные элементы орнамента. Цветков стремится дать высокие рельефные части, всюду чувствуется игра света и тени, богатая игра форм.

Михаил Иванович Нестеров (1884 г. рождения) уроженец той же деревни, плотничать начал с 12 лет, а в 19 лет уже стал известным на всю

а

б

Рис. 6. Архитектурные украшения, выполненные М. И. Нестеровым (Гаврилов - Ямский район, 1919 г.): а — фронтон; б — наличник окна

округу мастером. Созданные им украшения просты и изящны. Рассмотрим, например, украшения дома, построенного им в дер. Листопадка (рис. 6). Небольшая кайма узора по фронтому оживляет, делает стройной деревянную избу. Очень удачно ажурные элементы переходят в гладкие, которые чередуются с рельефными, снова сменяющимися гладкими. Волнистые линии чередуются с прямыми. Прекрасно скомпонован наличник. М. И. Нестеров не удовлетворяется одним плоскостным пропиловочным узором, он всюду стремится противопоставить его более рельефному, выполненному ножом и стамеской. Мастер умело вводит новые мотивы — пятиконечные звезды. Со вкусом орнаментирована при помощи ножа и стамески дверь.

Дмитрий Иванович Парменов (1894—1951), оставшись в раннем детстве сиротой, 10 лет поступил учеником в плотничью артель, где первое время выполнял подсобную работу, но проявил недюжинные способности и в 14 лет уже выпиливал узоры наличников. Парменов сам завоевал свое место в жизни: без школы и учителей, исключительно благодаря своей настойчивости и дарованию, он из бедного крестьянского сироты быстро стал известным мастером. Вместе с тем он не пошел по проторенному пути, не стал копировщиком, он сам создавал свои орнаменты, воспроизводя окружающую природу, — кленовые и дубовые листья, цветы; некоторые его орнаменты напоминают сказочные морозные узоры на окнах (см. рис. 8). Он не пользовался зафиксированными рисунками, но каждый раз вносил в свою композицию что-то новое. «У меня все в голове», любил говорить Дмитрий Иванович. Работал он главным образом в Борисоглебском районе. Особенно плодотворна была его работа по сельскому строительству в 1920—1930-х годах. С 1928 г. Парменов работал в коммунально-строительном отделе в с. Борисоглебск и в последние годы жизни заведывал строительством Борисоглебской электростанции.

Павел Васильевич Зунтов (1910 г. рождения), уроженец д. Петровское, ныне председатель Тюгаевского сельсовета Ивановской области, вышел из семьи талантливых мастеров-резчиков. Его отец Василий Иванович Зунтов считался первоклассным мастером. Интересно привести такой случай. В 1922 г. В. И. Зунтов, договорившись о постройке дома, привел с собой трех сыновей: 14, 15 и 17 лет. Хозяйка, увидав артель из подростков, кричала на всю деревню, что не позволит ставить дом «таким сорванцам». Хозяину же было неудобно отказать известному мастеру, и дом стали строить ребята под руководством отца. А когда построили, вся деревня пришла смотреть — дом был выстроен на диво всей округе. Так с детства учили плотников высокому мастерству.

Мы перечислили здесь несколько лучших мастеров-резчиков. Все они окончили не более двух-трех классов сельской школы. С детства учились плотничному делу у соседей и отцов. Очень рано, благодаря своим способностям, сделались мастерами. Как правило, осевцы никогда не носили с собой готовых рисунков-шаблонов. Мастера как бы щеголяли друг перед другом богатством своей фантазии, не повторяя узоров, раз уже созданных. Каждый из них имел свой стиль, свою манеру исполнения. Некоторые мастера перенимали рисунки друг у друга, но видоизменяли их сообразно своему вкусу.

* * *

Распространившиеся в 1870-х годах выпиловочные архитектурные украшения крестьянских построек подвергались резкой критике со стороны многих авторов. Такие крупные исследователи деревянной резьбы, как Н. Н. Соболев, М. П. Званцев, даже не описав данный тип украшений, высказывали о нем резко отрицательное мнение. Так, М. П. Званцев

назвал выпиловку «отвратительной прорезью городского типа»⁹. Н. Н. Соболев писал: «Более легкая по технике деревянная пропиловка быстро привилась и заменяет в настоящее время резьбу, но мотивами ее являются уже не созданные самим народом украшения, а узоры, заимствованные со случайных оригиналов, попадающих в деревню... Например, с пестрых рисунков мыльных оберток различных фирм»¹⁰.

Резко отрицательное отношение к выпиловке объясняется, повидимому тем, что упомянутым авторам знакомы лишь худшие образцы выпиловки. Кроме того, как это часто бывает, увлекаясь старинными высокохудожественными предметами искусства, многие исследователи недооценивают все новое, заранее рассматривая его с предвзятой точки зрения.

Действительно, пропиловка легче по технике выполнения, а старые образцы нижегородской рельефной резьбы представляют большую художественную ценность. Но нельзя забывать, что композиция, орнамент рисунка и в более легких по технике исполнения украшениях требуют художественного вкуса. И даже больше — при сравнении резных нижегородских украшений с ярославскими, выполненными более легкой техникой, оказывается, что в последних мотивы орнаментов разнообразнее. Таким образом, техника пропиловки позволила ярославским мастерам более широко использовать их творческие способности.

Приведенные нами материалы, характеризующие работы осеневских и писцовских мастеров, показывают, как неверно утверждение об исключительном заимствовании ими узоров пропиловки со случайных оригиналов, попадавших в деревню.

Но каким образом создавались узоры в пропильных архитектурных украшениях, откуда черпали резчики мотивы орнаментов? «Рисунки берем из своей головы», — отвечают на этот вопрос сами мастера. Это, конечно, не совсем так. В творческой фантазии мастеров не могли не найти отражения многовековые достижения богатой орнаментальной культуры русского народа. Народные мастера не могли не замечать повседневно окружающих их предметов с богатой старинной орнаментацией, не могли не запечатлеть некоторые их деталей в своей памяти. Внимательно изучая узоры пропильных архитектурных украшений, нетрудно заметить в них орнаментальные мотивы, встречающиеся еще в глубокой древности. Пройдя века, оставив глубокий отпечаток на многих окружающих предметах изобразительного искусства, в архитектурных деталях, в крестьянской вышивке, утвари и т. д., эти старинные мотивы нашли отражение и в украшениях деревенских изб конца XIX — начала XX в.

В узорах выпиловочных архитектурных украшений часто можно встретить такие древние орнаментальные мотивы, как треугольники, ромбы, круги, кресты, сердцевидные фигуры, розетки из 4, 6, 8 лепестков, зигзаги с расположенными в них точками, «елочку», «сегнерово колесо», «плетеные» орнаменты, нередко поразительно напоминающие рисунки в русских лицевых рукописях XIII—XIV вв.

Довольно часто встречаются в узорах архитектурных украшений зооморфные фигуры. В глубокой древности, повидимому, зародился такой мотив, как дракон, изображение которого нередко можно обнаружить в архитектурных украшениях построек, особенно в Петровском и Ростовском районах Ярославской области. Аналогии парным драконам, характерным для наличников старинных домов в г. Ростове, мы находим на бронзовом медальоне из Гнездовского могильника X в.¹¹

⁹ М. П. Званцев, *Домовая резьба*, М., 1935, стр. 24.

¹⁰ Н. Н. Соболев, *Русская народная резьба по дереву*, М., 1934, стр. 150.

¹¹ В. И. Сизов, *Гнездовский могильник*, «Материалы по археологии России», СПб., 1902, табл. IV, № 1.

В выпиловочных архитектурных украшениях нередко встречается изображение птицы, главным образом утки (рис. 7, а). Птица, и особенно утка, была любимейшим мотивом изобразительного искусства края как в древней Руси, так и в более позднее время. В костромских славянских курганах XI—XII вв.¹², в мерянских IX в.¹³ археологами найдено множество привесок с изображением уток, курочек, петушков. Птица является одним из самых распространенных изображений в ярославской вышивке; так, из 31 узора, зарисованного В. Я. Яковлевой¹⁴ в ярославских музеях, на 20 изображены птицы. Такая популярность птицы в изобразительном искусстве объясняется, повидимому, той важной ролью, которую она играла в хозяйственной жизни населения, результатом чего, вероятно, явились и дохристианские космогонические легенды, согласно которым птица принимала участие в сотворении мира¹⁵.

В украшениях, создаваемых осеневскими и писцовскими мастерами, встречаются двуглавые птицы. Изображение двуглавых птиц было сильно распространено в древности, еще до установления русского государственного герба; позднее оно часто повторялось в заглавных буквах рукописей XIII—XIV вв.¹⁶ Мотив двуглавой птицы является одним из любимейших в ярославской вышивке¹⁷.

В выпиловочных узорах нескольких ярославских наличников удалось обнаружить аналогию древнейшему русскому мотиву «женщина-дерево со спутниками». Как и в некоторых ярославских вышивках, эта трехчастная композиция сильно модифицирована: кони заменены птицами, а сама центральная женская фигура выполнена очень условно.

Интересным элементом украшений в постройках южной половины Ярославской области являются скульптурные парные коньки, утвержденные на концах кровли. Хотя данный вид украшений не относится к выпиловке, нельзя не сказать об этом своеобразном оформлении жилища, характерном для района работы осеневских и писцовских плотников. Обычно в русских избах северных областей РСФСР обрабатывается в виде головы коня или какого-либо другого животного передний конец охлупня. На исследуемой территории идущие по краю фронтона доски, прикрывающие концы слег, — «крылья», «причелины» — продолжают за линию князевого бревна крыши и концам их придается форма конской головы, с висящими вниз поводьями; коньки обращены головами в противоположные стороны (рис. 7, б). Парные коньки встречаются на исследуемой территории как в старых домах, построенных 100 и более лет назад, так и в новых, строящихся в настоящее время; кроме того, они украшают скотные дворы, амбары, иногда сараи.

Данные археологии показывают, что изображение лошади, было широко распространено в искусстве лесной полосы в I и главным образом в начале II тысячелетия н. э. В курганах, датируемых началом II тысячелетия н. э., археологи обнаружили привески в виде парных прорезных коньков. Привески изображают переднюю половину туловища коней; головы, часто с висящими вниз поводьями, обращены в разные стороны. Эти привески очень напоминают парных коньков, утверждаемых над

¹² Д. А н у ч и н, О культуре костромских курганов и особенно находимых в них украшениях и религиозных символах, «Материалы по археологии восточных губерний», т. III, М., 1899, табл. II, VI.

¹³ Е. И. Г о р ю н о в а, К вопросу о племенной принадлежности летописной мери. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XVII, М., 1952, стр. 22.

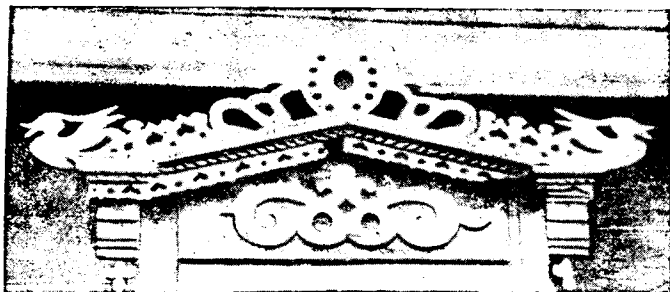
¹⁴ В. Я. Я к о в л е в а, Ярославская народная вышивка. Рукопись. Архив Института художественной промышленности, 1948, стр. 8, табл. 8, 9, 13, 19 и др.

¹⁵ Б. А. Р ы б а к о в, Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, ч. II, М.—Л., 1951, стр. 402.

¹⁶ В. В. С т а с о в, Русский народный орнамент. Шитье кружева, вып. 1, СПб., 1872, стр. IX.

¹⁷ В. Я. Я к о в л е в а, Указ. соч., табл. 19, 20, 26, 27.

крышами крестьянских построек. Привески в виде парных коньков были обнаружены Ф. Д. Нефедовым в курганах X—XI вв. в Костромском, Нерехтском, Кинешемском уездах Костромской губернии. На костромских подвесках иногда можно различить в центре примитивную фигурку стоящего человека¹⁸. Носившиеся на поясе привески в виде конских голов, обращенных в разные стороны, часто встречаются в мерянских курганах¹⁹. Парные коньки, кроме того, были обнаружены археологами

а

б

Рис. 7. Древние мотивы в орнаментировке ярославских построек:
а — уточки; б — парные коньки

среди разнородных предметов женского личного обихода в курганах X—XII вв. на большом пространстве северо-востока Европы, например в Вятской губ.²⁰, в Приладжье²¹.

Трудно точно определить происхождение такого украшения, как парные коньки над крышей крестьянских изб. Для нас пока несомненно одно — мотив парных коньков с центральной фигурой или без нее, подобно конькам, украшающим крыши, бытует на исследуемой территории очень давно. Он прослеживается в предметах, служивших украшениями в I—II тысячелетиях н. э. и в вышивках более позднего периода. Мы не можем точно расшифровать роль парных коньков, водружаемых на кре-

¹⁸ Д. Анучин, Указ. соч., табл. IV, № 17—20.

¹⁹ А. С. Уваров, Меряне и их быт по курганным раскопкам, «Труды первого археологического съезда 1896 г.», т. 1—2, М., 1871.

²⁰ Н. Г. Первухин, Опыт археологического исследования Глазовского у. Вятской губ., «Материалы по археологии восточных губерний России», вып. II, М., 1896, табл. XIV, № 2, 9.

²¹ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Советская этнография», 1948, № 1.

стьянских крышах, в далеком прошлом, но изображение лошади в искусстве, несомненно, получает большое распространение на данной территории со времени использования ее в качестве домашнего животного, с того времени, когда лошадь начинает играть огромную роль в хозяйственной жизни населения. Появившееся в I тысячелетии н. э. изображение лошади становится одним из любимейших в народном искусстве последующих эпох.

Использование перечисленных выше элементов украшений с древнейших времен стало народной художественной традицией. Об этом свидетельствует наличие, с одной стороны, всех этих элементов узоров на всевозможных памятниках различных эпох северных и центральных областей Европейской части РСФСР, с другой стороны, присутствие большинства из них в декоративном оформлении жилища центральной территории Европейской части РСФСР (Костромская, Горьковская, Московская, Ульяновская, Куйбышевская и другие области).

В процессе создания узоров выпилочных украшений огромное значение имела техника пропиловки. Подобно тому, как в вышивках холст, состоящий из пересекающихся под прямым углом нитей, позволял легче всего воспроизводить геометрические узоры с прямыми линиями, так дерево и главным образом инструменты пропиловки способствовали созданию криволинейных узоров. Процесс пропиловки начинается с работы коловоротом, при помощи которого провертывают ряд круглых отверстий. Вставленной в эти отверстия пилкой всего удобнее и проще производить волнообразные движения, в результате которых получается криволинейный орнамент. Последний может быть и геометрическим и растительным.

Наиболее простые криволинейные узоры — S-образные завитки. Такая форма естественно напрашивалась при виде круглых отверстий, нарезанных коловоротом, а может быть ее подсказывали старые образцы орнаментов на окружающих предметах. Ситские плотники, работу которых изучала в 1920-х годах Е. Э. Бломквист²², взяли за основу своих орнаментов S-образные завитки. Используя всевозможные сочетания таких завитков, они создали характерный для них геометрический орнамент.

По иному пути пошли осеневские и писцовские мастера. Вначале их узоры также состояли из простых завитков, подсказанных техникой пропиловки. В дальнейшем простые завитки совершенствуются, делаются крупнее, превращаются в волнообразную линию, от направления которой зависят все остальные элементы орнамента. Волнообразная линия повсюду встречается в окружающей природе, и мастера, может быть, невольно, изображали ее похожей на побеги растений, а, усложняя ее, в дальнейшем создали растительный орнамент. Из природы осеневцы черпают основные элементы своих орнаментов: волнообразные побеги, стебли, цветы, листья, плоды. Источником создания многообразных узоров послужила также красивая изморозь на окнах, — таков, например, своеобразный и изящный орнамент дома Оносовского из Борисоглебского района (рис. 8). В дальнейшем по мере совершенствования, усложнения орнаментов наблюдается тенденция приблизить стилизованные цветы и листья к реалистическому изображению.

Конечно, растительный орнамент не является изобретением осеневских мастеров. Он был широко распространен в росписи, в чеканной работе, эмали, литье, в церковной резьбе, в вышивках и в различных архитектурных деталях. Тем не менее, ничего и никогда не копируя слепо, осеневские и писцовские мастера создали свой глубоко своеобразный орнамент, являющийся ценным вкладом в сокровищницу русского народ-

²² Е. Э. Бломквист. Постройки Мологского уезда, «Верхневолжская этнографическая экспедиция», Л., 1926.

ного искусства, вкладом, который мы обязаны изучать и пропагандировать.

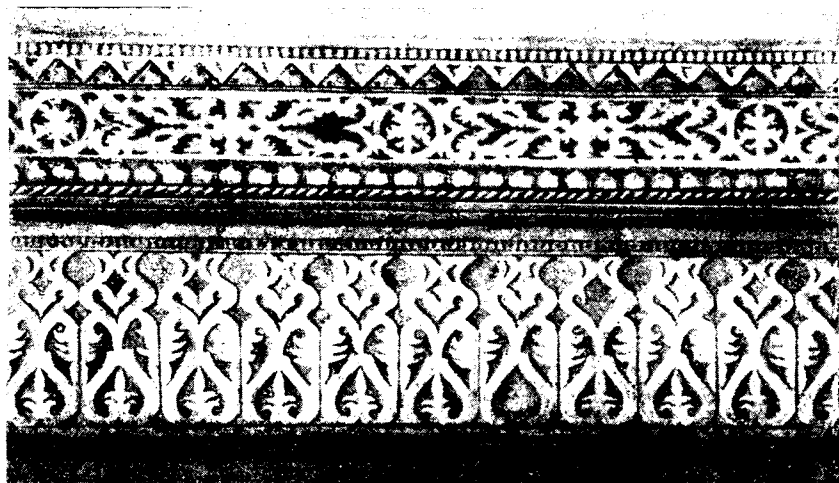

Рис. 8. Орнаментировка «карниза» под окнами в доме Оносовского, Борисоглебский район

В настоящее время выпиловочные украшения на большей части территории средней и северной полосы Европейской части РСФСР вытеснили все другие виды архитектурных украшений. Это объясняется тем, что данный вид украшений имеет много ценных качеств: он проще, дешевле, доступнее для широких народных масс. В руках талантливых мастеров техника выпиловки дает ценные художественные образцы русского народного искусства. Что касается рельефной поволжской резьбы — «корабельной рези», как ее иногда называют, то она, конечно, представляет большую художественную ценность, но вследствие ее трудоемкости и сложности исполнения она едва ли может быть широко применена при столь грандиозном размахе, какой в настоящее время приняло индивидуальное жилищное строительство в колхозах. Поэтому мы полагаем, что при правильном использовании лучших образцов выпиловочных украшений, созданных народными мастерами, при творческой переработке и умелом их усовершенствовании, данный тип декора зданий можно рекомендовать для проектирования нового колхозного жилища. Необходимо, однако, как показал опыт народных мастеров, плоский выпиловочный узор для придания ему рельефности чередовать с рельефной резьбой.

С. Ш. ГАДЖИЕВА

НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ КАЯКЕНТСКИХ КУМЫКОВ

Исследование кумыкского жилища проводилось нами с целью проследить его историческое развитие и выявить, какие изменения произошли и происходят в строительстве жилого дома, во внутреннем убранстве комнат благодаря победе колхозного строя, под благотворным влиянием передовой русской советской культуры.

На характер кумыкского жилища определенное влияние оказывали местные климатические условия, топография, строительный материал. Его развитие от простейшего однокамерного помещения до современного многокомнатного дома, несомненно, теснейшим образом связано с изменениями и развитием самого общества, общественных и семейных отношений кумыков.

Старинный однокамерный дом — место обитания большой семьи — назывался каякентскими кумыками «тавчу уй», что в переводе означает горная комната («тав» — гора, «уй» — дом или комната). Это наименование, повидимому, объясняется некоторыми особенностями данного жилища и прежде всего устройством пола, который в очаговой половине комнаты был на 20—25 см выше, чем в остальной части дома. Дом состоял из одной большой комнаты, которая тонкой перегородкой была разделена на две части «тавчу» и «тавчу тишаны» (т. е. наружная сторона «тавчу»). Перегородка шла до потолка. Ее обычно делали из хвороста и обмазывали глиной. В перегородке устраивали прямоугольное отверстие высотой примерно 80 см и шириной около 1 м, которое служило входом (вернее — лазейкой) в «тавчу». Перед самым входом в «тавчу» на небольшой полукруглой площадке, находившейся на одном уровне с полом «тавчу тишаны», раскладывали огонь. Это был, отстоящий от стены очаг-костер без правильного дымохода. По обеим сторонам его можно было сидеть и лежать. Перегородка, разделяющая комнату, по сообщению старшего поколения, имела и оборонное значение, так как прикрывала сидящих у огня и защищала их от возможного внезапного нападения. Над входом в перегородке было второе маленькое отверстие, куда ставили освещающий обе половины комнаты «напчыракъ» (светильник), сделанный из глины. Вместо фитиля в нем горели тряпки, смоченные неочищенной нефтью. Копоть от светильника и дым очага выходили через отверстие в крыше. Для лучшей тяги наружную дверь «тавчу тишаны» все время держали приоткрытой. Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и наружный вход.

В перегородке над входом в «тавчу» и в противоположной стене, были укреплены две параллельные жерди. Над самым очагом эти жерди соединялись перекладиной, к которой прикреплялась цепь с крюками «ильгич» (вешало). Крюков было несколько: один был укреплен выше — для большого котла, а другие соответственно ниже — для маленьких котлов. В котлах приготавливали пищу для большой семьи. Перекладину над очагом использовали также для сушки мяса и сала.

Дрова в очаг закладывали в большом количестве и в нераспиленном виде. Они горели постоянно, постоянно накапливалась и зола. В этой

горячей золе и на углях выпекали хлеб. Стены «тавчу» от дыма и копоти становились черными; снизу от пола, на метр или более, их время от времени покрывали слоем серой глины («шире»), а верхняя часть так и оставалась черной. «Тавчу тишаны», т. е. передняя часть помещения, была значительно чище, все стены ее снизу доверху обмазывали белой глиной. В обеих частях комнаты было множество ниш, куда помещали всякую утварь.

В «тавчу уй» подобного устройства жило большинство кумыков данной группы вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя большие семьи давно распались; некоторые из этих домов сохранялись до коллективизации сельского хозяйства.

«Тавчу», как древний тип жилища, в своем развитии претерпел ряд изменений. Эти изменения выражались в увеличении числа внутренних перегородок и в пристройке новых комнат с пристенным очагом, по мере того как взрослые сыновья обзаводились семьей и выделялись в особую хозяйственную ячейку. Еще и теперь в некоторых домах отдельные пристройки сильно отличаются друг от друга по высоте, а также по ширине оконных проемов; это свидетельствует о том, что они построены в разное время.

В прошлом, как и теперь, дома строили в основном из камня, саманного кирпича и дерева.

Отметим некоторые детали устройства старого дома, которые уже исчезли из быта или встречаются как пережиток. Вдоль потолка второй половины «тавчу уй», а также пристроенных к нему комнат под потолочными балками, перпендикулярно к ним проходил поддерживающий их прогон из толстого отделанного дерева. Прогон поддерживался очень толстым вертикальным деревянным столбом «орта багъана» (срединный столб), стоявшим в центре комнаты. Сверху «орта багъана» имел обычно деревянную массивную подбалку с декоративным убранством в виде львиных голов, выполненных резьбой. Подбалка служила как бы подушкой, на которую опирался прогон. Иногда вместо подбалки устанавливали боковые подпорки.

Описанные старинные жилища каякентских кумыков «тавчу уй» по типу и некоторым особенностям сходны с жилищами, характерными в прошлом и для других народов Дагестана — для даргинцев, аварцев и других. Это свидетельствует об общности материальной культуры народов Дагестана, в данном случае каякентских кумыков, кайтагов и даргинцев, живших в тесном соседстве и находившихся в постоянном общении на протяжении своей истории.

* * *

Жилища кумыков можно разделить на три основных типа: 1) одноэтажные «алаша уй» на очень низком фундаменте, в которых пол находится почти на уровне поверхности земли; 2) полутрехэтажные дома «курси уй» на высоком каменном фундаменте, в которых пол значительно приподнят над уровнем земли; 3) двухэтажные дома «бийик уй».

Все эти три типа в свою очередь различаются по планировке. В одних домах все комнаты вытянуты вдоль и расположены в один ряд, в других комнаты расположены в виде буквы Г, в третьих — в виде буквы П. Г-образную планировку имеют дома, в которых более двух комнат. П-образная планировка возможна при наличии более трех комнат. В таком случае основу дома составляют две смежные комнаты, к которым под прямым углом пристраивают по обеим сторонам другие комнаты. Все эти комнаты объединены идущей вдоль фасада галереей — «догъа».

В дореволюционных жилищах южных кумыков (рис. 1) потолки построек были значительно ниже, чем потолки в современных домах. Двери их представляли собой массивные дубовые доски (каждая дверь из одной целой доски). На дверях были выступы, которыми они входили в отверстия притолок. Изнутри двери вместо запора закладывали деревянным брусом. Двери были настолько низки, что входивший взрослый человек обязательно должен был нагибаться. Еще уже и ниже были

Рис. 1. Тип старинного одноэтажного дома, передний фасад

лазейки для сообщения между комнатами. Вместо окон для освещения комнат обычно устраивали небольшие отверстия «тешиклер», которые позднее постепенно стали увеличивать и закрывать деревянными одностворчатыми ставнями, устроенными по тому же принципу, что и двери. Позже стали применять и двустворчатые ставни.

К кумыкскому дому прошлого века применима характеристика, которую дает П. Пржецлавский дагестанскому дому того же периода. Он указывает, что в домах «вместо окошек — маленькие отверстия, а двери до того низки, что непривыкшему к поклонам и обиванию порогов человеку приходится часто носить на лбу шишки!»¹.

В старых домах отдельные деревянные детали, доски и брусья применяли обычно колотые, а не пиленые. В начале XIX в. железо почти не употреблялось в строительстве домов. Железные крыши, металлические ручки у дверей и окон, задвижки, петли, оконное стекло — все это появилось у кумыков после присоединения Дагестана к России, да и, то только у зажиточных слоев общества. Окна делали на высоте не более 0,25 м от пола. Это объясняется тем, что в старину кумыки не пользовались столом и стульями, а отдыхали и принимали пищу прямо на полу, на разостланных коврах или паласах. При такой специфике быта целесообразнее было устраивать низкие окна.

¹ П. Пржецлавский, Дагестан, его нравы и обычаи, «Вестник Европы», т. 3, 1863, стр. 142.

Постройке жилого дома кумыки придавали большое значение. Это отражено и в народных пословицах. Кумыки говорили: «Тавну баи кьой этер, тюзно баи уьй этер» (богатый горец разводит овец, богатый житель равнины строит дом). Эта пословица говорит и о наличии классовой дифференциации общества — строительство многоквартирного дома было доступно только богатым кумыкам.

До победы колхозного строя бедняк, конечно, не мог иметь дома из нескольких комнат. Рядом с многоквартирными двухэтажными домами с балконами принадлежавшими кумыкским баям, имевшим, как правило, обнесенную саманным или каменным забором усадьбу с рядом хозяйственных построек, стояли убогие домики бедноты. Баи называли их в насмешку «демеклер» (курятники). Прав был Г. Амиров, когда писал: «У большей части горцев существует только одна комната..., которая служит для горца всем, от гостиной до кухни»².

Все галереи жилых домов, окна и двери в старых домах в основном обращены в одну сторону — на юг. Поднявшись на горку, кумык легко мог наблюдать, что делалось в каждом доме, особенно на галереях и во дворах. Такой порядок постройки в прошлом можно объяснить тем, что дом, обращенный фасадом на юг и глухой стороной на север, в значительной мере защищал от холода, особенно в те времена, когда не было оконного стекла, а дверь «тавчу уьй» приходилось держать приоткрытой для освещения и тяги. Кроме того, дом, обращенный на юг, хорошо защищал террасы от дождя. Исключение в этом отношении составляет селение Каякент, где редкие дома имеют южную ориентацию. Это, на наш взгляд, объясняется острым недостатком земли в данном селении и стремлением как можно рациональнее использовать каждый ее клочок.

Значительным изменениям подверглась постепенно отопительная система домов, что было непосредственно связано с изменением формы самого дома. На смену старинному кумыкскому очагу-костру пришел «тавхана», пристенный очаг с дымоходом, напоминающий собой камин. Первоначально «тавхана» был угловым. В этом убеждает прежде всего его более примитивное устройство. Характерно также, что именно угловые пристенные очаги встречаются обычно в наиболее архаических постройках — на мельницах, галереях старых жилых домов, под навесами и т. п. Дрова в «тавхана» помещали стоймя, и пока камин горел в комнате было тепло и светло. В полу перед камином имелось полукруглое углубление, куда выгребали уголь и золу; на этих углях выпекали хлеб. Внутри камина ставили треножник «очакъ».

Такой камин, по сравнению с прежней отопительной системой «тавчу уьй», был для кумыков большим шагом вперед. Но камин не мог удовлетворить потребности семьи в тепле и приготовлении пищи; кроме того, на него шло много дров, что вызвало необходимость дальнейшего усовершенствования отопительной системы.

* * *

В настоящее время в жилищном строительстве кумыков произошли радикальные изменения, связанные прежде всего с изменением условий материальной жизни общества. Благодаря победе колхозного строя колхозники получили возможность жить в благоустроенных, светлых, многоквартирных домах.

Современная архитектура кумыков, как и всех других народов Дагестана, развивается на базе новой строительной техники. Но вместе с тем в ней продолжают сохраняться наиболее рациональные традиционные приемы, выработанные в результате многовекового опыта.

² Г. М. Амиров, Среди горцев Северного Дагестана, «Собрание сведений о казских горцах», вып. 7, 1879, стр. 78—79.

В настоящее время в кумыкских селениях почти исчезли одноэтажные низкие дома «алаша уй», которые уже не удовлетворяют сильно возросших потребностей современных колхозников. Рост материального благосостояния дает возможность кумыкам строить «курси уй» — полуторазтажные дома на высоком фундаменте и «бийиқ уй» — двухэтажные дома (рис. 2).

Новые дома колхозников имеют чаще традиционную южную ориентацию. Окна, в отличие от прошлого, обращены не только в одну сторону — на юг, т. е. во внутренний двор усадьбы, но и на улицу. Вместо

Рис. 2. Современный полуторазтажный дом «курси уй»

маленьких окошек в новых домах большие застекленные окна в 80—90 см шириной и 1,3 м высотой. В стенах между комнатами устанавливают двери. Как двери, так и окна строго соразмерны. Двери колхозники ставят двустворчатые, с филёнками, на петлях и с современного типа задвижками, ручками и замками. Верхняя часть оконной рамы неподвижна, а обе нижние половины — двустворчатые, раскрывающиеся. Двустворчатыми устраивают и ставни окон для защиты от холода зимой и от солнечной жары летом.

Окна располагают на высоте более 0,5 м (60—70 см) от пола. Такое расположение связано с широким внедрением в быт столов и стульев фабричного производства. Поднять высоту окон и дверей, увеличить их размеры позволяет и увеличение общей высоты жилых помещений. В планировке и в убранстве комнат продолжают сохраняться лучшие народные традиции, а архаические черты, характерные для жилища в прошлом, устраняются. Уменьшается, например, число всевозможных ниш. Исчезли глиняные пристенные полки для утвари. Все это заменили шкафы, шифоньеры, комоды. Постепенно уходят в прошлое камышевые потолки и глиняные полы. Несмотря на недостаток лесоматериалов, во многих домах теперь встречаются оштукатуренные потолки и деревянные полы.

Большинство колхозников строят дома в три-четыре комнаты, все эти помещения делают просторными.

Постройка дома начинается с закладки каменного фундамента во всю длину и толщину внутренних и внешних стен дома. Стены возводят из

крупного сырцового кирпича, приготовленного из смеси глины с мякиной еще весной и высушенного на солнце. Толщина стен примерно $1\frac{1}{2}$ сырцового кирпича. При возведении стен саманные кирпичи скрепляют разведенной глиной. Большая толщина стен даже одноэтажных зданий обусловлена не только характером каменной или саманной кладки, но, видимо, необходима и для защиты от солнечного перегрева в жаркое лето. Окна по традиции устраивают сравнительно невысоко, с таким расчетом, чтобы они удобно освещали не только стол, но и поверхность пола. Это обусловлено тем, что кумычки привыкли выполнять отдельные виды домашних работ на полу, сидя на паласах или коврах.

Очень много домов, особенно за последние годы, построено из камня. В таких домах стену, обращенную к улице, как правило, сооружают из крупных тесанных каменных плит, на которых зачастую выбивают орнамент или надписи (дату закладки дома, имя хозяина, его строившего, пятиконечную звезду и др.). Остальные стены обычно возводят из нетесанных камней или просто из кирпича-сырца.

В нижнем этаже устраивают проемы для дверей, а если дом одноэтажный, то и для окон. В двухэтажном доме нижний этаж используют для помещения скота и для разных хозяйственных нужд, поэтому там вместо окон устраивают небольшие квадратные отверстия для света и вентиляции.

Над проемами окон и дверей кладут перемычки из толстых досок. Когда сложат стены, настилают потолочные балки на расстоянии 0,5 м одна от другой и даже чаще. Поверх балок кладут одинарный слой из камыша. В этом слое стебли очищенного камыша искусно и тщательно перевязывают и скрепляют, образуя как бы своего рода циновку. В нижнем этаже, предназначенном не для жилья, вместо камыша потолок застилают жердями, распиленными вдоль и разрубленными затем на более короткие блоки, укладывая их ровной стороной книзу. Применение в нежилом помещении настила из жердей объясняется стремлением кумыков соорудить более прочное потолочное перекрытие, так как камышовый настил быстро разрушается и требует периодической замены.

Потолочные балки первого этажа опираются на массивные столбы из прочного дуба. Столбы ставят в один ряд в виде колоннады под той частью крыши, которая выступает над верандой нижнего этажа. Менее массивные деревянные колонны ставят у наружного края веранды верхнего этажа.

В центре жилого помещения, как отмечено выше, в прошлом обязательно ставили массивный столб, по старым обычаям считавшийся почитаемым. В настоящее время этот столб, как излишний в современной обстановке жилища, совершенно исчез. Но прежнее место установки столба все еще в какой-то мере почитается кумыками. При трауре на это место, которое все еще называется «орта багъана» («срединный столб»), сажают самую близкую умершему старшую среди родственников женщины. Вероятно, этот столб в прошлом был связан с культом предков.

Потолочные балки, перекрытые камышом или жердями, застилают сверху соломой, а затем засыпают сухой глиной. Если нижний этаж используется как жилое помещение, потолок изнутри смазывают слоем сырой глины, смешанной с соломой, чтобы сухая глина и солома не сыпались с потолка в комнаты. В потолок оставляют место для дымохода. Сверху крышу утрамбовывают катком и обмазывают сырой глиной, смешанной с соломой. Если дом двухэтажный, то, не совсем заканчивая крышу первого этажа, возводят второй этаж и, после того как закончат кладку стен, покрывают таким же способом крышу второго этажа. По форме крыша почти совершенно плоская. Сильный наклон недопустим потому, что он способствовал бы смыванию дождем и тающим снегом верхнего слоя глины. Крыша требует заботливого ухода. Домохозяйства тщательно сметают с нее снег, осматривают после дождей и принимают

меры против протекания. Каждый год предпринимается капитальный ремонт крыши, причем иногда весь камыш на потолке заменяют новым.

Крыша дома сама по себе представляет огромную тяжесть, так как в ее состав входит слой глины толщиной до 50 см и более. После длительных дождей тяжесть намокшей крыши увеличивается во много раз. Учитывая это, для подпорных столбов и горизонтальных балок выбирают особо прочные породы деревьев, в частности дуб.

Некоторые колхозники стали приобретать для крыши черепицу и железо.

Для столбов веранды, балок и прочих деревянных частей жилого помещения выбирают ровные деревья, которые предварительно обделывают специалисты-плотники.

В прошлом в строительстве жилых домов широко применялась резьба по дереву. Резьбой покрывали балки, столбы, особенно «орта багъана», двери, ставни, обрамления окон, ворота. Все эти деревянные части для лучшей сохранности в прошлом обмазывали черной нефтью «къара нап». Используя традиционные приемы, защищающие деревянные части дома от разрушающих дерево насекомых, колхозники продолжают смазывать балки, бревна, столбы, ворота нефтью, а двери, окна, шкафы, деревянные полы и потолки окрашивают современными красками. Особенно любят серые, голубые, желтые тона.

Как в старых, так и в новых домах встречаются балконы общекавказского типа, устроенные на выносных консольных балках с резными балюстрадами. Особенно много балконов в селениях Утамыш, Маджалис. Балконы устраивают с легкой деревянной крышей или же в виде открытой площадки. В кумыкском доме балконы, выходящие главным образом на улицу, считаются второстепенной частью, тогда как «догъа» (галерея, веранда), выходящая всегда во внутренний двор, является совершенно необходимой. Она проходит по всей длине фасада и достигает ширины 3 м. По существу «догъа» — часть дома, преимущественно легкое помещение. П. Ф. Свидерский, называющий «догъа» балконом, пишет: «Это место сакли служит любимым местопребыванием туземцев и особенно туземок. В течение теплого кавказского дня, в тени навеса, они здесь ткут полотна, вышивают ковры, шьют одежду, варят пищу на особо устроенном на балконе же, у стены сакли, очаге («тавхана».— С. Г.) и отдыхают»³.

Таким образом, веранда — «догъа» составляет традиционную особенность кумыкского дома и связана со спецификой семейного быта. Широкая и длинная веранда верхнего этажа служит крышей для части двора, составляя как бы продолжение крыши нижнего этажа. Пол веранды верхнего этажа часто расширяют, создавая «алды къаклъы», (т. е. переднюю крышу). «Алды къалкъы» используется как добавочное хозяйственное помещение, где сушат зерно, тыквы, фрукты, моют посуду и хранят часть сена для скота. В то же время оно служит навесом над частью двора, под которым ночует скот. «Догъа» не всегда проходит во всю длину дома. Если дом имеет П-образную форму, то «догъа» устраивают только вдоль средней части дома, т. е. между его боковыми выступами. В последнее время в новых домах «алды къалкъы» устраивают реже. Это связано с новыми особенностями хозяйственного быта колхозной семьи. В связи с тем, что основной сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот отошли в обобществленный сектор, колхозники могут без всякого ущерба сократить в жилище различные навесы и хозяйственные пристройки.

Дом на высоком фундаменте «кюрси уй» строят в общем так же, как одноэтажный «алаша уй» и двухэтажный «бийик уй». Только нижнюю

³ П. Ф. Свидерский, Кумыки, Материалы для антропологии Кавказа, СПб., 1898, стр. 30.

часть «курси уй» стали оборудовать, как подвал для хранения продуктов и разных хозяйственных вещей. Кроме того, новый дом типа «курси уй» обычно не имеет пристроенного к веранде навеса «къялкы».

В одном конце двухэтажного дома или дома на высоком фундаменте «курси уй» устраивают каменную или саманную, а в последнее время чаще деревянную лестницу. Над лестницей некоторые делают деревянный люк, который закрывают на ночь.

При строительстве дома кумыки оказывают друг другу взаимную помощь, а колхоз выделяет транспорт, солому и т. д. Жилой дом обычно строит не сам хозяин, а наемные мастера-специалисты «усталар», проживающие в том же селении или приглашенные из соседних кумыкских и даргинских селений. Строительный материал заготавливает и доставляет на место сам хозяин. Оплата мастерам-строителям за работу производится по предварительному соглашению деньгами или зерном. По обычаю соседи, близкие друзья, товарищи по работе и родственники хозяина дома приносят угощение мастерам, строящим дом. Следуя также старинному обычаю, к новостройке прикрепляют высокий шест, на который близкие дому семьи навязывают куски шелковой или хлопчатобумажной материи, полотенца, платки и т. д. Все эти подарки идут в пользу мастеров, которые делят их потом между собой.

Для изготовления деревянных частей дома, обтесывания балок, столбов, поделки дверей и окон хозяин нанимает столяров. Штукатурка и обмазка колхознику обходятся бесплатно. При обмазке стен, крыши, пола обычно устраивают «булкъя»⁴. Эту работу в некоторых селениях выполняют исключительно женщины. Хозяйка приглашает девушек-подростков, а также своих близких подруг и родственниц. Приглашенные работают почти целый день. Кумычки тщательно выбирают глину для обмазки, пользуясь ее запасами в тех местах, где она опытом признана наилучшей. Глина должна быть пластичной, крепкой по высыхании и водонепроницаемой. Эти требования имеют большое значение в условиях сельской местности, где крыши в большинстве случаев глинобитные.

Глина, применяемая для обмазки, у кумыков называется «саз балчыкъ» (желтая глина). За день до начала обмазки глину смачивают, чтобы не оставалось кусков и комочков. Наутро в сырую глину насыпают соломенной резки и месят ее ногами, собирая время от времени в кучу руками или лопатой, подливая воду, если глина крутая. Эту часть работы в некоторых селениях, в частности в Каякенте, выполняют мужчины. В большинстве же селений месят глину, носят воду в кувшинах для смачивания ее и подносят готовую глину к месту работы девушки.

На «булкъя», как и при всех других видах коллективной работы, проводится строгое разделение труда. Утром к месту работы раньше всех должны явиться девушки, чтобы приготовить глину для женщин-штукатурщиц. Если работа производится на втором этаже, то девушки, работающие во дворе, небольшими порциями передают глину вверх через двух-трех девушек, сидящих на деревянной узкой лестнице. Обмазка карнизов и верхней части каминов поручается самым лучшим мастерицам, которые тут же аккуратно делают из глины выступы — полочки для мелких вещей и выводят всевозможные рисунки. Они же производят обмазку проемов для окон и дверей, т. е. выполняют всю наиболее трудную и ответственную часть работы. Мажут руками, иногда применяют особую дощечку для выравнивания поверхности.

Кумычки каякентской группы считаются лучшими мастерицами по штукатурке стен, обмазке крыш, поделке карнизов и всевозможной лепке из глины во всем Дагестане. Они искусно изображают разные геометрические фигуры — квадраты, треугольники, точно проводят перпендику-

⁴ «Булкъя» — коллективная работа, применяемая кумыками в разных случаях.

лярные отвесные линии. Безукоризненное владение такими навыками особенно требуется при оформлении ниш, проемов дверей, окон. Часто с гопором в руках мастерицы исправляют ошибки, допущенные строителями, и выравнивают наглаз все формы. В прошлом женщины для расстановки фарфоровой, фаянсовой и другой посуды лепили на расстоянии 0,5 м от потолка во всю длину стены карниз, покрытый в виде украшения желобчатыми параллельными линиями.

Орнаментом украшают не все части стенной поверхности, а только ниши, карнизы и в особенности надкаминную часть стены. В распределении

Рис. 3. Лепные украшения камина

архитектурно-декоративных элементов на поверхности стен и в интерьере в целом кумычка-мастерица исходит из традиционных приемов, основанных на специфическом понимании декоративного ритма. Орнаментальные узоры бывают очень разнообразны по мотивам, но распределение их всегда подчинено закону симметрии, а общая схема расположения декоративных элементов на архитектурных плоскостях всегда четко геометрична. В декоративное оформление стенной поверхности входит, кроме геометрического, и растительный орнамент. Кроме того, женщины искусно изображают пятиконечную звезду и некоторые предметы домашней утвари.

К женским работам при строительстве дома относятся также постройка камина и части стены над камином, устройство печей как комнатных, так и для хлебопечения. Особенно кропотливой работы требует оформление каминного отверстия, которое имеет вид продолговатой арки с забранными в виде выпуклых или вогнутых полукружий верхними углами (рис. 3). Над архитектурным оформлением камина и надкаминной части стены мастерицы работают так же, как скульптор над своим произведе-

нием. Все эти работы женщины выполняют в период проведения основной штукатурной работы по дому, а окончательную шлифовку они производят во время вторичной обмазки.

Для вторичной обмазки, которая производится после того, как высохнет штукатурка, берут глину того же сорта. Ее просеивают через редкое решето и прибавляют свежий лошадиный навоз в определенной пропорции, чтобы предохранить глину от растрескивания. В отличие от первой штукатурки получается ровная, гладкая обмазка. Эта работа выполняется по дому не сразу, а постепенно. Для выполнения ее не устраивается

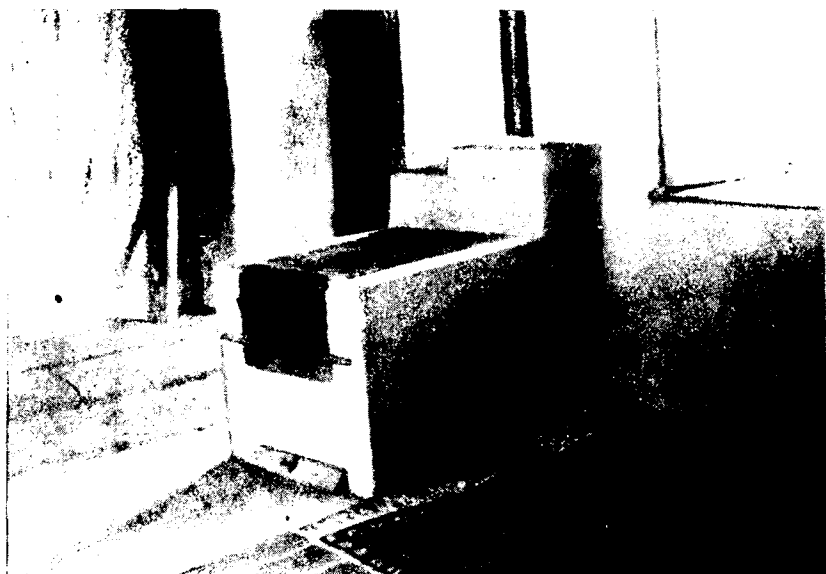

Рис. 4. Современная комнатная печь

«булкъя», так как она требует особенной тщательности и постепенности работ. Когда обмазка окончательно просыхает, хозяйка производит побелку. П. Пржецлавский указывал: «Побелка домов и смазка глиною полов возобновляется хозяйками почти еженедельно...»⁵.

Белят белой глиной «акъ балчыкъ», известь и мел совершенно не допускаются при побелке. Только в районных центрах иногда белят известью и для этого приглашают русских мастеров, которые покрывают панели узорами по трафарету. Жилые помещения и галерею белят очень часто, наружные же стены здания обычно два раза в год — весной и осенью. В настоящее время побелку наружных частей здания приурочивают к 1 Мая и 7 Ноября.

Пол мажут серой глиной («гёк балчыкъ», «шире»). В белую глину для побелки стен обильно добавляют синьки. Кайму над отверстием камина и каминную полочку окрашивают черной краской, которая готовится из глины с добавлением сажи. При побелке стен строго следят за тем, чтобы не было никаких полос. Белят мохнатой стороной куса белой овчины. При обмазке пола стараются не прихватить часть стены, чтобы не нарушить ровной линии.

Камины в настоящее время уже не являются основным видом отопления. Они больше имеют декоративное назначение. К каминам обычно пристраивают печи с плитой, которые дают больше тепла и более удобны

⁵ П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане, «Военный сборник», т. XII, № 4, 1860, стр. 274—275.

для приготовления пищи (рис. 4). Печь складывают из обожженного кирпича. Размеры печи — примерно 69×98 см. Печь внутри имеет несколько оборотов дымохода, а также духовку, в которой иногда пекут хлеб зимой. Железных печей кумычки не любят, считая, что от них быстро желтеют голубые стены, портятся занавески и развешенные на стенах ковры. Они не всегда соглашались даже ставить к печи железную трубу, так что обычно дым из печи проходит по дымоходу камина.

Летом в жилых комнатах никогда не топят печи, чтобы не портить обмазку и побелку. Пищу готовят на «догъа» (галерее), где семья обедает и проводит свое свободное время в прохладное время дня и вечером.

Рис. 5. Печь для хлебопечения

Для выпечки хлеба во дворе устраивают особую печь «кёрюк» (рис. 5). Эта печь очень низка, она имеет сводчатый верх, особый дымоход, и нижняя сторона ее разделяется на две неровные части. В правой, меньшей, узкой части горят дрова, а в левой, широкой части находится каменная гладкая плита, «эне», на которую не попадают зола и угли. На этой плите, предварительно подметя ее веником, пекут хлеб. В такой печи хлебы можно печь только в виде плоских лепешек и только в то время, когда горят дрова и пламя охватывает весь свод. Высота свода печи и сила пламени должны быть точно рассчитаны при строительстве печи, иначе хлеб при чрезмерно низком своде будет гореть, а при высоком — сохнуть, но не пропекаться. «Кёрюк», так же как и камин, строят исключительно женщины, которые используют и здесь народные традиции архитектурно-декоративного оформления.

* * *

В условиях колхозного строя значительно сократилось количество индивидуальных хозяйственных построек, так как рабочий скот, арбы, основные сельскохозяйственные орудия перешли в колхоз. Совершенно исчезли со двора огромные соломохранилища «алачукъ».

«Алачук» — это большое, довольно массивное, цилиндрической формы сооружение, плотно сплетенное из прутьев, с конической крышей, сделанной из жердей или из прутьев и обязательно покрытой соломой. В верхней части конуса изнутри укреплялось колесо, надетое на высокую жердь, расположенную посередине помещения. Сверху на колесо опирались жерди конуса. «Алачук» имел небольшую дверь и оконное отверстие и по своей форме напоминал юрту кочевника.

Исследование этого типа помещения у кумыков имеет большое значение для разрешения вопроса об этногенезе кумыков. Как свидетельствуют исторические источники, половцы («кипчаки») стали проникать на кумыкскую равнину с предкавказских степей еще в период раннего средневековья. В отличие от азербайджанцев и некоторых других тюркоязычных народов, которым «алачук» известен как жилое помещение, кумыки в XIX и начале XX в. знали это сооружение уже только как хозяйственное. Однако в кумыкском фольклоре содержится ряд данных, позволяющих предполагать, что «алачук» когда-то, у предков кумыков, служил жилищем наряду с «тавчу уй». В настоящее время надобность в такой постройке совершенно исчезла.

Исчезли со двора и лишние помещения для арб, рабочего скота и другого инвентаря. Для имеющегося в личной собственности скота на дворе сохраняются сарай, летние навесы. Помещением для домашней птицы летом служит особая плетенка вроде цыновки, высоко подвешенная под общим навесом. На зиму устраивают «демек» (птичник) — крытое со всех сторон помещение, в котором на определенной высоте от пола уложено несколько горизонтальных жердей, куда птица усаживается на ночь.

Кумыки ограждают свой двор забором, который устраивают из камня, самана, но чаще из хвороста. На хворост накладывают колючки. Дворы имеют ворота, которые на ночь запирают. Ворота, как правило, имеют крытый проход. Створки ворот деревянные, а стены и крыша прохода — такие же, как перекрытие и стены жилого дома. В прошлом деревянные части ворот покрывали сплошной резьбой, в настоящее время их делают совершенно гладкими.

Современное кумыкское жилище носит на себе отпечатки лучших национальных традиций архитектурного искусства народов Дагестана, но вместе с тем на нем отразилось и влияние русской, советской архитектуры. Осуществилась вековая мечта кумыков — жить в светлых, просторных, чистых, благоустроенных домах. Увеличилось число жилых помещений. Просторнее стал и двор, который у многих частично озеленен.

* * *

Большому изменению подверглось и убранство жилого помещения кумыков. Изменения эти могут служить еще одним свидетельством возросших культурных потребностей колхозников, их материального благосостояния.

Одна из комнат, по традиции, считается парадной. В ней колхозники принимают гостей. Эта комната отличается своим лучшим убранством и лучшей обстановкой. Во внутреннем убранстве жилых помещений кумыков издавна существенную роль играют ковры «хали», которые отличаются высокими художественно-декоративными достоинствами. Эта традиция кумыков не только сохранилась в условиях колхозного строя, но получила еще большее развитие. Коврами украшают стены и пол (рис. 6). Самые лучшие ковры расстилаются на почетном месте «тор ян», куда сажают в первую очередь гостей. Почетным местом в кумыкском жилище считается наиболее обособленная часть комнаты, по которой меньше ходят. «Тор ян» обычно обставляют и лучшей мебелью.

Кроме каякентских «паласов»⁶, которые порой ценятся даже дороже ворсовых ковров, в домах южных кумыков встречается много приобретенных на дербентском рынке изделий мастериц-ковровщиц южного Дагестана (Табасарана, лезгинских районов). Попадают, но реже, и лучшие образцы среднеазиатских, в том числе хорасанских ковров («хоросан хали»). Техника художественного ковроткачества используется также при выделке шерстяных мешков для хранения зерна «къякент къяп» и переметных сум «хуржун», которые богато украшаются орнаментом.

Кроме ковров и каякентских «паласов», южные кумыки пользуются и шерстяными паласами «юн чапка», изготовляемыми даргинками соседних районов. «Юн чапка» намного уступают по качеству и художественно-декоративному оформлению каякентским «паласам». Кумычки покупают у тех же даргинцев и паласы из кендыря «кендир и чапка». В прошлом паласы из кендыря были основным украшением в доме бедняка, в настоящее время они используются для разных хозяйственных нужд. На веранде на них сушат зерно, их расстилают у печки «кёрюк», в которой пекут хлеб.

Кумыки полностью сохранили и даже развили существовавшую издавна традицию завешивания стен занавесками «яювлар». Окна завешивают тюлевыми занавесками «перде», а стены — цветными тканями и коврами. Вместо тканей иногда употребляют обои. Трудно проследить причину возникновения обычая завешивания стен в прошлом. Кумыки говорят, что в комнате с занавесками зимой бывает теплее и уютнее. И действительно, на лето часть этих занавесок они снимают.

В прошлом украшением комнаты или ее обстановкой считалась всевозможная медная посуда (рис. 7). В настоящее время медная посуда совершенно потеряла свое значение как украшение. Она хранится теперь в хозяйственном помещении. Только в некоторых домах еще можно увидеть выставленные в нишах или на полочке всевозможные вазы из меди или висящие на стене подносы.

Весьма существенную часть обстановки современных кумыков составляют кровати, появление которых значительно изменило форму убранства комнат кумыков. Исчезла навсегда шедшая во всю длину стены полка («зух такта»), на которую в строгом порядке складывали постель: сначала матрасы «тошек», искусно свернутые особым образом, на них одеяла «юургъан», затем огромные подушки «назбариш». В результате сложенная постель достигала потолка. Уборка постели была одним из трудных занятий женщин. Каждый матрас весил 20—25 кг, так как

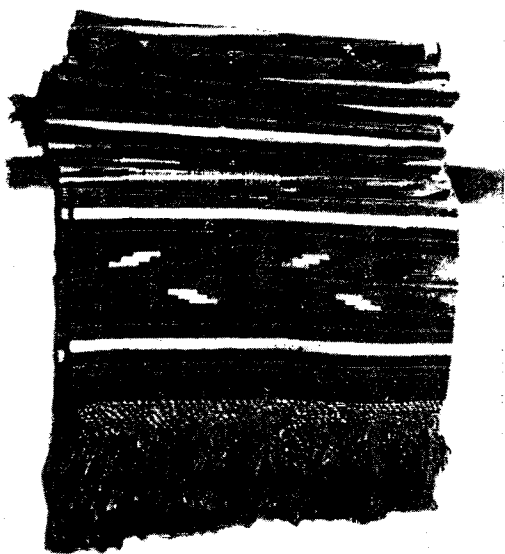

Рис. 6. Ковры — необходимая принадлежность кумыкского дома

⁶ Данное слово берем в кавычки потому, что имеем в виду не просто грубые паласы, а высококачественные ковровые безворсовые ткани с богатым орнаментом.

в него набивали много шерсти «хунца», которую приготавливали из отходов особым способом. В настоящее время такие матрасы делают меньше и легче. Кумычки делают также легкие матрасы из чесаной качественной шерсти «юн орнулукъ». Часть постели убирают в специальные пристенные ниши, которые завешивают марлей или цветной тканью.

Характерная для кумыков опрятность, строгое соблюдение чистоты и определенных правил в убранстве в условиях советского строя получили еще более широкое развитие. Каждая вещь в кумыкском доме имеет определенное место. Кровать ставят у стены. Убирают ее по-городски, но, сохраняя национальные традиции, на кровать кладут два-три матраса, поверх два-три одеяла из шерсти, покрытые цветным сатином, шелком

Рис. 7. Старинная медная утварь

или шерстяной тканью. Постель, т. е. матрасы и одеяла, обычно покрывают белой простыней, украшенной внизу мелкими складками и кружевом. Такая простыня иногда используется как покрывало, применение которого тоже теперь широко распространено в кумыкском доме. Сохраняя национальную традицию складывать налицо лучшие стеганные одеяла, кумычки нередко поверх разукрашенной простыни или покрывала во всю длину кровати расстилают лучшие шелковые или шерстяные стеганные нарядные одеяла, на которые уже кладут подушки, иногда пять-шесть подушек в ряд.

Интересно отметить, что существовавшие в прошлом при уборке постели на полку строгие правила сохраняются у кумыков и при уборке постели на кровати. Кумычка старается убрать постель безукоризненно, чтобы подушки лежали строго симметрично. Если на кровати не более четырех подушек, то их часто накрывают тюлевыми накидками. Нередко нарядными белыми накидками обтягивают и спинки кровати. Для полноты убранства на стене у самой кровати вешают ковер. Если в доме несколько кроватей, то все-таки одну из них по национальной традиции убирают лучше остальных. Такая кровать, как правило, стоит в парадной комнате и часто предназначается для гостей.

Существенную часть современной обстановки кумыкского дома составляют столы и стулья. Стол в комнате всегда ставят не посередине,

у стены, обычно между двумя окнами. Это объясняется сохранившейся традицией выполнять отдельные виды работы именно на полу, для чего кумыки предпочитают оставлять свободное пространство пола. Это нужно и для того, чтобы при большом собрании гостей можно было по обычаю расположиться для приема пищи на полу, на коврах.

Как национальная особенность в каждой комнате, наряду с кроватью имеется разостланный на ковре на полу, обычно около кровати, шерстяной матрас в чехле — «орнулукъ», с подушкой. На такой постели отдыхают члены семьи в свободное время. Кроме того, хозяева дома, принимая гостей с должным почетом, предлагают ему сесть именно здесь, на постели, хотя в комнате имеются стол и стулья. Сидя на матрасах и подушках, кумыки принимают на полу пищу. В парадной комнате на столе ставят самовар, фарфоровую посуду, настольное зеркало. Кумыкская народная традиция, предписывающая целиком закрывать пол коврами или паласами, полностью сохранилась и в настоящее время. Ковры также подстилают под кровать и под стол.

Итак, современное жилище кумыков и его внутреннее убранство развиваются, сохраняя и совершенствуя лучшие национальные традиции и воспринимая в то же время наиболее целесообразные для местных условий элементы городского домостроения. Большему изменению по сравнению с самим жилищем подверглось убранство комнат, на которое значительное влияние оказала городская культура.

в него набивали много шерсти «хунца», которую приготавливали : отходов особым способом. В настоящее время такие матрасы делают меньше и легче. Кумычки делают также легкие матрасы из чесанной качественной шерсти «юн орнурукъ». Часть постели убирают в специальные пристенные ниши, которые завешивают марлей или цветной тканью.

Характерная для кумыков опрятность, строгое соблюдение чистоты, определенных правил в убранстве в условиях советского строя получили еще более широкое развитие. Каждая вещь в кумыкском доме имеет определенное место. Кровать ставят у стены. Убирают ее по-городски, сохраняя национальные традиции, на кровать кладут два-три матраса, поверх два-три одеяла из шерсти, покрытые цветным сатином, шелком

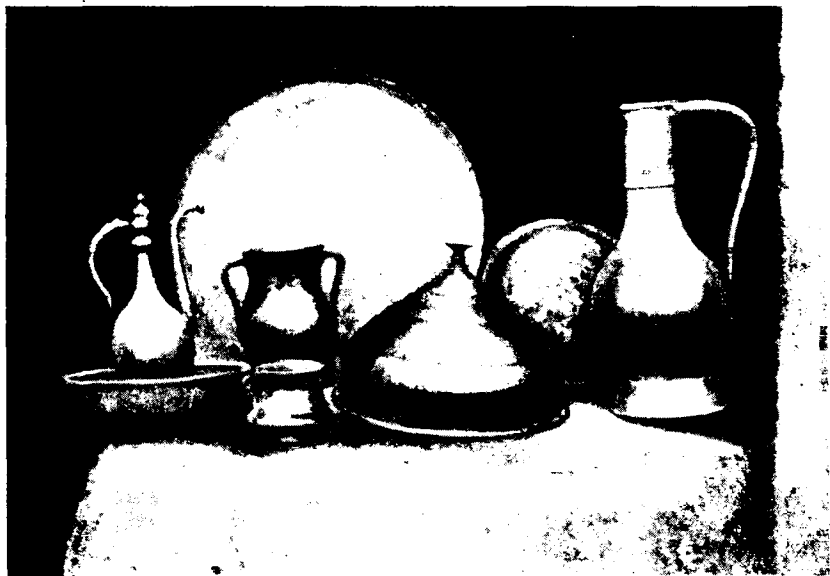

Рис. 7. Старинная медная утварь

или шерстяной тканью. Постель, т. е. матрасы и одеяла, обычно покрывают белой простыней, украшенной внизу мелкими складками кружевом. Такая простыня иногда используется как покрывало, применение которого тоже теперь широко распространено в кумыкском доме. Сохраняя национальную традицию складывать налицо лучшие стеганные одеяла, кумычки нередко поверх разукрашенной простыни или покрывала во всю длину кровати расстилают лучшие шелковые или шерстяные стеганные нарядные одеяла, на которые уже кладут подушки, иногда пять-шесть подушек в ряд.

Интересно отметить, что существовавшие в прошлом при уборке постели на полку строгие правила сохраняются у кумыков и при уборке постели на кровати. Кумычка старается убрать постель безукоризненно, чтобы подушки лежали строго симметрично. Если на кровати не более четырех подушек, то их часто накрывают тюлевыми накидками. Нередко нарядными белыми накидками обтягивают и спинки кровати. Для покрывала у убранства на стене у самой кровати вешают ковер. Если в доме несколько кроватей, то все-таки одну из них по национальной традиции убирают лучше остальных. Такая кровать, как правило, стоит в парадной комнате и часто предназначена для гостей.

Существенную часть современной обстановки кумыкского дома составляют столы и стулья. Стол в комнате всегда ставят не посередине

у стены, обычно между двумя окнами. Это объясняется сохранившейся традицией выполнять отдельные виды работы именно на полу, для чего кумыки предпочитают оставлять свободное пространство пола. Это нужно и для того, чтобы при большом собрании гостей можно было по обычаю расположиться для приема пищи на полу, на коврах.

Как национальная особенность в каждой комнате, наряду с кроватью имеется разостланный на ковре на полу, обычно около кровати, шерстяной матрас в чехле — «орнулукъ», с подушкой. На такой постели отдыхают члены семьи в свободное время. Кроме того, хозяева дома, принимая гостей с должным почетом, предлагают ему сесть именно здесь, на постели, хотя в комнате имеются стол и стулья. Сидя на матрасах и подушках, кумыки принимают на полу пищу. В парадной комнате на столе ставят самовар, фарфоровую посуду, настольное зеркало. Кумыкская народная традиция, предписывающая целиком закрывать пол коврами или паласами, полностью сохранилась и в настоящее время. Ковры также подстилают под кровать и под стол.

Итак, современное жилище кумыков и его внутреннее убранство развиваются, сохраняя и совершенствуя лучшие национальные традиции и воспринимая в то же время наиболее целесообразные для местных условий элементы городского домостроения. Большему изменению по сравнению с самим жилищем подверглось убранство комнат, на которое значительное влияние оказала городская культура.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. А. КИСЛЯКОВ

ПЕРСЫ

(Этнографический очерк)

Персы — основное население Ирана. Персидская буржуазная нация сложилась совсем недавно, и процесс ее консолидации еще не закончен; основными причинами, тормозящими этот процесс, являются колониальное порабощение и наличие феодальных отношений.

Сами персы этим термином себя не называют, а в качестве самоназвания употребляют термин «иранй» — иранец. Однако термин «ирани», происходящий от названия самой страны и обозначающий собственно «житель Ирана», употребляется в двояком значении: с одной стороны, он употребляется в качестве самоназвания самих персов, с другой — применяется ко всему населению Ирана вообще, независимо от его этнической и языковой принадлежности. Следует отметить, что во втором значении термин «иранй» употребляется сейчас в основном иранскими буржуазными националистами, стремящимися доказать, будто все население Ирана составляет единую иранскую нацию, что противоречит фактическому положению вещей, поскольку, кроме персов, Иран населяет много различных племен и народностей, резко отличающихся друг от друга в отношении языка, культуры и быта.

Термин «Iran» ведет свое происхождение от эпохи раннего средневековья и образован от более древней формы *Arjana* — страна ариев; термин этот употреблялся в самой стране как в средние века, так и в новое время. Напротив, термин «Персия» — европейского происхождения, он происходит от греко-романского термина *Persae*, которым в древности обозначалось государство Ахеменидов. Как известно, это название в свою очередь происходит от названия Фарс (Парс) — области на юго-западе страны. Язык населения этой области — фарси (персидский), бывший в древности одним из местных (территориальных) диалектов, впоследствии стал литературным языком всей страны.

Точных данных о численности персов не имеется. Считается, что персы составляют около половины общего количества населения Ирана, которое, по последним данным, равно 18 млн. человек. Таким образом, можно полагать, что персов в стране насчитывается 8—9 млн. Персы, за весьма небольшим исключением, проживают в пределах иранского государства, где расселены они крайне неравномерно.

Основная часть персидского населения живет в сельских местностях и занимается земледелием в полосе орошаемых и возделываемых земель. Таковыми являются прежде всего области северного Ирана — культурная полоса вдоль южного склона Эльбурса, нагорье иранского Ирака — Ирак Аджеми (с центром в Хамадане), а также Хорасан и Сеистан. В западных областях Ирана персидское сельское население почти совершенно отсутствует; то же можно отметить в отношении юго-восточной части страны. Весьма значительный процент населения составляют персы в центральной и южной части страны, в провинциях, расположенных к юго-западу и к югу от большой пустыни, а именно — в Исфаганской, Ширазской и Керманской провинциях. В округах Кашана, Исфавана, Иезда, Кермана, Бама, Шираза, Абаде, Лара персидское население, повидимому, преобладает.

В городах, за исключением Иранского Азербайджана, персы почти повсеместно численно преобладают над другими национальностями. Персидское население городов состоит из многочисленных ремесленников, рабочих, купцов и чиновников. Значительная часть персидского населения страны проживает в крупных (Тегеран, Казвин, Арак, Мешхед, Хамадан, Исфаган, Шираз) или более мелких городах, а также в сельских оазисах, непосредственно примыкающих к ним.

Помимо персов, в Иране проживает целый ряд других народностей. Из числа ираноязычных народностей наиболее многочисленными являются курды, луры и бахтиары, белуджи. Курды расселены на северо-западе Ирана и далее к югу в горах, вдоль западной границы страны; некоторое число курдов живет в восточном Хорасане, а также на северных и южных склонах Эльбурса. Луры и бахтиары живут в горах Загроша на юго-западе страны. Белуджи населяют юго-восток Ирана, так называемый Иранский Белуджистан. В Хорасане проживают также таджики, берберы, джемшиды, теймури и хазара. В западной части прикаспийской полосы живут талыши.

Среди тюркоязычных народов в Иране наиболее многочисленными являются азербайджанцы, занимающие северо-запад Ирана. К другим тюркоязычным народам относятся также афшары, рассеянные во многих пунктах страны, шахсевены в районе Ардебиля, кашкайцы — в Исфаганской и Ширазской провинциях, туркмены — на севере страны.

Из народностей других лингвистических групп нужно отметить арабов в Хузистане и на побережье Персидского залива, армян и ассирийцев — в Иранском Азербайджане.

Иран до настоящего времени представляет собой полуколониальную, отсталую в экономическом и культурном отношении страну. Отсталость Ирана, его зависимость от современных англо-американских империалистов были подготовлены всем ходом истории страны на протяжении последних полутора столетий.

На рубеже XVIII и XIX вв. феодальный Иран уже привлекает взоры более развитых в экономическом отношении европейских государств. Такие высокоразвитые для того времени государства, как Англия и Франция, начинают активно вмешиваться в политику Ирана. Англия, стремящаяся к господству на Ближнем и Среднем Востоке, пытается превратить Иран в орудие своей колониальной политики. Иранское правительство, поощряемое англичанами, стремится захватить Закавказье. Начинается длительный период войн феодального Ирана с царской Россией, закончившийся полным поражением Ирана и заключением в 1828 г. Туркманчайского мирного договора, по которому все Закавказье было присоединено к России, а его народы избавлены от деспотического ига

персидских шахов и опасности порабощения со стороны европейских капиталистических держав, в первую очередь Англии.

Между тем Англия, стремившаяся к укреплению своих политических и стратегических позиций на Востоке и искавшая сферы приложения капиталов и рынков для своих товаров, продолжала оказывать давление на иранское правительство, добиваясь заключения военных и торговых договоров, получения для английских купцов и капиталистов различных льгот и привилегий. В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. англичане добиваются значительных успехов в осуществлении своих планов. В 1841 г. был подписан англо-иранский торговый договор, английские купцы получают право экстерриториальности, им предоставляются льготы в уплате таможенных пошлин. Вскоре ряда привилегий добиваются и другие европейские государства, в частности Франция и Австрия. В 50-х годах торговых преимуществ добиваются и капиталисты США; несколько раньше в Иране начинается деятельность американских миссионеров.

Торговые привилегии были использованы западноевропейскими капиталистами, в первую очередь английскими, для превращения Ирана в рынок сбыта товаров; значительно возрастает ввоз текстильных товаров. Если первоначально иностранная торговля Ирана была в руках иранских купцов, то очень скоро в страну начинают проникать иностранные торговые фирмы, с которыми иранские купцы не могли конкурировать. Проникновение иностранных товаров начинает постепенно разрушать иранские национальные ремесла и домашнюю промышленность.

В 1856 г. в связи с политическими осложнениями из-за обладания Гератом англичане объявили войну Ирану, ввели свои военные суда в Персидский залив и заняли ряд городов на юге страны. Иранское правительство вынуждено было капитулировать. Поражение Ирана послужило новым толчком к проникновению Англии в Иран. Начиная с 60-х годов XIX в., иностранные капиталисты, в первую очередь англичане, добиваются у шахского правительства получения различных концессий.

Правительство, равно как и господствующая в стране феодальная аристократия, охотно идут наговор с иностранными капиталистами, они противодействуют всяким попыткам каких бы то ни было реформ в стране, попыткам изменить существующее социальное устройство.

В 60—70-х годах англичане получают ряд концессий на проведение через территорию Ирана индоевропейских телеграфных линий, которые сооружались за счет Ирана. В 1872 г. иранское правительство предоставляет английскому капиталисту барону Рейтеру монопольное право на строительство дорог, эксплуатацию недр и устройство ирригационных сооружений на совершенно кабальных для страны условиях. Однако вследствие всеобщего возмущения шах вынужден был аннулировать эту концессию. Взамен нее Рейтер получил концессию на организацию имперского (шахиншахского) банка в Иране сроком на 60 лет; этот банк, оказывая огромное влияние на экономическую и политическую жизнь страны, стал важнейшим оружием английского империализма в Иране.

В 1888 г. англичане получают концессию на право организации судоходства по реке Карун, в 90-х годах — концессии на постройку дорог на юге Ирана. В 1890 г. одной из английских компаний была предоставлена концессия на скупку, переработку и продажу табака в Иране, однако через два года шах под влиянием народного возмущения был вынужден ее отменить, уплатив англичанам большую неустойку, взятую в виде займа в имперском банке.

В 1901 г. посредством угроз и подкупа англичане заставили шаха предоставить английскому подданному д'Арси концессию на монопольную эксплуатацию нефтяных источников на юге Ирана; д'Арси должен был уплатить 20 тысяч фунтов стерлингов в рассрочку иранскому правительству, передать ему на ту же сумму акций общества и ежегодно

отчислять 16% чистой прибыли от эксплуатации нефти. Концессия д'Арси в 1909 г. преобразована в Англо-Персидскую нефтяную компанию; она явилась главнейшим рычагом не только экономического, но и политического закабаления Ирана английским империализмом. Англо-персидская (затем переименованная в Англо-Иранскую) нефтяная компания постепенно превратилась в государство в государстве: она получила право содержать свою охрану и полицию, имела свои подъездные пути, пристани и суда, фактически распоряжалась назначением местной иранской администрации.

Почти одновременно с англичанами началось проникновение в Иран и русских капиталистов. В 1879 г. они получают концессию на прокладку телеграфной линии на севере страны, в 1888 г. капиталист Лианозов получает концессию на рыбные промыслы на Каспийском побережье, в 1890 г. капиталист Поляков получает право учредить в Тегеране учетно-судный банк. Однако следует указать, что торговые отношения с Россией носили несколько другой по сравнению с Англией характер. Царская Россия, будучи менее промышленно развитой, чем Англия, в отличие от последней, ввозила в Иран меньше товаров, чем вывозила из Ирана; больше половины всех иранских товаров находили сбыт именно в России; высококачественные русские товары пользовались большой популярностью в Иране; кроме того, нужно отметить, что северные, наиболее плодородные и богатые провинции Ирана экономически были тесно связаны с русским рынком. Вслед за английскими и русскими концессиями в Иране появляются и концессии других капиталистических государств — Бельгии, Греции, позднее Германии и США.

С 80-х годов XIX в. американские миссионеры, являвшиеся агентами американских империалистов, сильно расширили свою деятельность в Иране; ими была организована сеть школ, церквей и аптек в ряде городов Ирана, в том числе в Тавризе и в Тегеране, которые служили центрами американской пропаганды и американского влияния. Рост американского влияния привел к тому, что в 1911 г. по приглашению иранского правительства в Иран прибыл американский советник Морган Шустер со своими коллегами, которому были подчинены все финансы и многие другие отрасли экономики страны. Миссия Шустера явилась попыткой превратить Иран в протекторат США, подготовить почву для получения американцами концессий в Иране, захватить иранские рынки и разместить в Иране американские займы.

К началу XX в. экономическое закабаление Ирана, превращение его в зависимую, полуколониальную страну, стало уже совершившимся фактом. В этом отношении весьма характерно заключение между Англией и Россией конвенции, по которой договаривающиеся стороны отказывались строить железные дороги в Иране и обязались препятствовать строительству их другими государствами. В начале века были заключены Англией и Россией с иранским правительством таможенные соглашения, еще более способствовавшие ввозу в Иран иностранных товаров.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, значительно усилилось также финансовое закабаление Ирана. Шахское правительство продолжало получать все новые и новые займы и ссуды; для характеристики экономической зависимости Ирана от капиталистических стран достаточно указать, что только одних процентов по займам Иран должен был выплачивать ежегодно свыше полумиллиона фунтов стерлингов, т. е. около одной трети всех своих государственных расходов.

Превращение Ирана в полуколонию, в экономически зависимую от иностранного капитала страну задерживало развитие отечественной промышленности; низкие таможенные тарифы, ввоз иностранных товаров, а также наличие в стране феодальных отношений препятствовали появлению в Иране фабрик и заводов, каковые еще в первой четверти XIX в. насчитывались единицами.

Однако со второй четверти XX в. начался рост промышленного и железнодорожного строительства в Иране, чем Иран в огромной степени обязан Советскому Союзу. Советское правительство, как известно, ликвидировало все неравноправные договоры, существовавшие между царским правительством и Ираном, отказалось от взысканий по займам, передало Ирану все бывшие русские концессионные предприятия. Все эти мероприятия укрепили экономическую самостоятельность Ирана и позволили ему, опираясь на дружественную политику Советского Союза, вести несколько более самостоятельную экономическую политику, основанную на поощрении своей национальной промышленности и торговли.

К 20-м годам относится вторая попытка проникновения в Иран американского империализма. С 1922 по 1927 г. в Иране находилась миссия финансового советника Артура Мильспо, которому была поручена реорганизация финансовой системы Ирана. Миссия Мильспо была тесно связана с американскими нефтяными компаниями, и через нее американцы добились получения нефтяных концессий в северном Иране; однако в результате протеста Советского Союза эти концессии были аннулированы¹.

После второй мировой войны зависимость экономики Ирана от иностранного, в первую очередь американского капитала увеличилась еще значительно.

Колониальный гнет и сохранение в стране феодальных отношений явились главными причинами тяжелого положения трудящихся масс Ирана, в том числе и персов.

* * *

В Иране преобладает крупная земельная собственность, 70—75% всех земельных угодий принадлежат помещикам, из числа которых около двух третей являются крупными; эти землевладельцы сдают свои земли крестьянам в аренду. Помещичьи земли, или земли «арбаб», представляют собой поместья, на территории которых находятся крестьянские селения. Крестьянство имеет в своей собственности лишь небольшие участки земли; эти земли, так называемые «хордемалек», принадлежащие в основном зажиточной верхушке крестьянства, составляют не более 5% всех земельных угодий. Остальные земли принадлежат государству (халисе) или же духовным учреждениям (вакуфные земли).

Помещик сдает безземельным или малоземельным крестьянам землю в аренду на весьма кабальных условиях, при этом учитываются следующие пять элементов: земля, вода, семена, орудия производства и труд; если крестьянин не имеет ничего, кроме собственных рук, то он получает лишь одну пятую. Крестьянин обязан уплатить налоги и поборы в пользу духовенства, сборщиков налогов, старосты и других лиц, а также нести барщину на помещика.

Наряду со старой феодальной аристократией в конце XIX и в XX в. нарождается новый капиталистический тип помещика, тесно связанного с торговым и ростовщическим капиталом. Невозможность помещения своих капиталов в промышленность, с одной стороны, и приспособление сельского хозяйства к запросам внешнего рынка (с увеличением удельного веса товарных культур — хлопка, табака, конопли, риса и пр.), с другой стороны, привели к тому, что многие купцы, ростовщики, богатые чиновники и представители духовенства стали скупать землю и помещать в нее свои капиталы, образуя таким путем новый тип «разночинного» помещика. Это влекло за собой усиление капиталистических элементов в деревне, еще более жестокую эксплуатацию крестьянина.

¹ См. М. С. Иванов, Очерк истории Ирана, Госполитиздат, 1952, стр. 181—197, 240—241, 250—252, 352—360.

контрактацию посевов, увеличение зависимости крестьянина от ростовщика. Значительно усилился процесс обезземеления крестьянства.

Положение большинства персидских крестьян в настоящее время весьма тяжелое. Крайняя бедность и нищета, голодное существование, отсутствие сносных жилищных условий, а вследствие этого постоянные болезни и высокий процент смертности — таков удел большей части крестьянства. Особенно сильна нищета крестьянства на юге страны, где доходность хозяйства и уровень жизни ниже, чем на севере. Массы голодных, одетых в лохмотья крестьян бродят по дорогам, выпрашивая подаяние.

Сам помещик проживает или в своем имении, или же в городе, часто в столице государства. В каждой деревне имеется уполномоченный помещик, собирающий арендную плату деньгами или продуктами. Непосильные поборы вызывают недовольство и жалобы со стороны крестьян, однако обездоленные, забитые крестьяне имеют мало надежды на удовлетворение своих прав. Иногда они собираются вместе и идут с жалобами к губернатору. В качестве последнего средства они всем обществом покидают деревню; забирая свой скarb, который грузят на быков и ослов, и гоня впереди баранов и коз, они отправляются искать нового хозяина. Однако теперь такие переселения становятся исключением, так как, находясь в долговой кабале у хозяина, крестьяне не могут покинуть деревни, не имея возможности рассчитаться с помещиком.

Помимо концессионной промышленности, главным образом нефтяной (предприятия Англо-Иранской нефтяной компании, национализированные в 1951 г.), как указывалось выше, во второй четверти XX в. получает некоторое развитие и национальная промышленность. В нее вкладываются как государственные средства, так и капиталы частных предпринимателей. Это привело к значительному росту и усилению промышленной буржуазии, связанной довольно тесно с иностранным капиталом.

Весьма многочисленной и влиятельной социальной группой в Иране является торговая буржуазия, в которой руководящую роль играют крупные купцы; большие капиталы вложены иранскими купцами в импортно-экспортные предприятия. От крупных купцов зависит благополучие и судьба мелких базарных торговцев.

В связи с ростом промышленности в Иране значительно вырос за последние десятилетия и рабочий класс. Наибольшее число рабочих занято в текстильной и добывающей промышленности. В годы второй мировой войны большое количество рабочих рук оказалось занятым в предприятиях военной промышленности, организованной на территории Ирана, а также на транспорте. Во время второй мировой войны общее число рабочих в Иране достигло 600 тыс. человек; после войны многие из них остались без заработка и пополнили собой армию безработных.

Капиталисты жестоко эксплуатируют рабочих. Заработная плата чрезвычайно низка. Рабочий-перс питается главным образом хлебом или рисом и овечьим сыром; мясо, масло и другие продукты совершенно исключены из его обихода. Женский труд оплачивается вдвое ниже мужского, заработная плата детей еще ниже. Условия труда на производстве крайне тяжелые. На фабриках, как правило, нет вентиляции, достаточного освещения, отсутствует охрана труда. От недоедания и непосильной работы у рабочих развиваются тяжелые болезни, в особенности туберкулез. Детская смертность в рабочих семьях достигает 60—70%.

Большое количество персов, особенно в городах, занимается ремесленной деятельностью. Однако необходимо различать многочисленные группы ремесленников, начиная от ремесленников-одиночек, самостоятельно продающих свои изделия или же сдающих их скупщикам, и кончая ремесленниками, не владеющими средствами производства и работающими в качестве наемных рабочих на предприятиях, имеющих характер мануфактуры. В социальном отношении среди персидских ремеслен-

ников наблюдается значительная дифференциация; в то время как часть из них представляет собой по существу наемных рабочих, другая часть пользуется в той или иной степени наемным трудом или же представляет собой предпринимателей — владельцев мануфактур. Общее число рабочих, занятых в ремесле и в мануфактурных предприятиях Ирана, по ориентировочным данным составляет от 300 до 400 тыс. человек.

Социально-экономические условия жизни, обезземеление и пауперизация крестьянства, не находящего в подавляющем большинстве применения своего труда и в городах, привели к образованию значительной армии безработных, бродяг и нищих, которыми полны иранские города. Все эти люди влачат жалкий образ жизни. Бездомные, голодные, одетые в лохмотья, они выпрашивают подавание или же живут случайным, скудным заработком, нанимаясь в качестве поденщиков на черную работу, в качестве носильщиков — «амбал» и т. п. Число нищих на улицах иранских городов буквально поражает незнакомого с бытом страны человека. Оборванные, изможденные люди постоянно толпятся на базарах, вблизи магазинов, лавок и кофеен, предлагая свои услуги, готовые на любые условия ради того, чтобы заработать несколько медных монет. Следует отметить, что к концу 1949 г. число безработных, только по официальным данным, достигало 600—700 тыс. человек.

* * *

Культура земледелия, являющегося основным занятием подавляющей массы персидского сельского населения, зародилась на иранском плоскогории несколько тысячелетий назад. Об этом говорят многочисленные археологические находки эпохи неолита, об этом повествует и священная книга древних иранцев — Авеста, видевшая в земледельческом труде высшую добродетель. Однако в силу специфических социально-экономических условий земледельческая культура носила и сейчас еще носит застойный характер, и крестьяне пользуются теми же приемами земледелия и применяют те же орудия, которые были известны их отдаленным предкам. Механизация сельского хозяйства почти полностью отсутствует: если в Узбекской ССР, например, один трактор приходится на 70 га посева, то в Иране — на 18 000 га посева.

Вспашка земли в большинстве районов Ирана производится сохой — «хиш», представляющей собой деревянную развилку, короткий конец которой служит для пахоты, а длинный является дышлом; на короткий конец надевается железный сошник. Вблизи основания развилки укреплены две деревянные вертикальные стойки, в верхней своей части соединенные короткой рукояткой, служащей для направления сохи во время пахоты. Тягловой силой является пара быков, буйволов или ослов, на шею которых надевается тяжелое деревянное ярмо. Боронование производится доской, снабженной деревянными или железными зубьями. Семена по полю разбрасываются вручную. Если участок земли поливной, то на нем прокладывают мелкие канавки, по которым затем пускается вода, а участки один от другого ограждают невысокими валиками. Прокладывание оросительной сети производится при помощи железной лопаты; иногда такая лопата заменяет отсутствующую соху. Жатва производится при помощи короткого железного серпа с деревянной рукояткой. Молотят снопы тяжелым катком с железными зубьями или остриями, который волочат по гумну быки. Веют зерно деревянными вилами.

Главнейшими сельскохозяйственными культурами в Иране являются пшеница и ячмень, а также рис. Выращиваются также бобовые, сахарная свекла, табак, просо, клевер, люцерна, джугара, различные овощи, бахчевые. Пшеницу и ячмень сеют как на поливных землях — «аби», так и на неполивных — «дейме», применяют как яровые, так и озимые посевы. Жаркое и длинное лето позволяет после уборки хлебов на том же

участке произвести вторичный посев — сеют хлопок, иногда сажают арбузы или свеклу. Применяют удобрение полей навозом, золой или различными отбросами. В Исфаганском оазисе, например, сооружены специальные башни для голубей — «кабутар хане», голубиный помет из которых вывозится на поля. Тем не менее урожайность при отсталой технике земледелия крайне низка; если в советских республиках Востока урожай хлопка-сырца в 1951 г. составлял в среднем 21 ц с гектара, то в Иране — 4,5 ц.

Посевы пшеницы и ячменя, за исключением лишь одного Сеистана, повсеместно в большом количестве производятся на неполивных землях, на возвышенных горных плато или горных склонах. Однако прочной основой земледельческой культуры персов являются все же поливные земли. Для орошения используется вода рек, малых речек и потоков, бегущих с гор. Отводные каналы часто устраиваются далеко вверх по течению реки, и, таким образом, вода проводится на сравнительно высокие участки земли. Чтобы сохранить воду на лето, вблизи рек и речек устраиваются большие водоемы, которые весной наполняются водой. Характерной особенностью ирригации у персов является устройство подземных сооружений для отвода вод с гор, называемых «кариз» или «канат». Они состоят из ряда колодцев, устраиваемых на определенном расстоянии друг от друга, дно которых соединяется подземной галереей, наклонной к горизонту. Вся жизнь деревни, находящейся у выхода такого кариза на поверхность, зависит от него, и в случае порчи кариза деревня остается без воды и нередко, если восстановить кариз трудно, покидается ее жителями.

Следует упомянуть еще специальные сельскохозяйственные культуры — хлопок, разводимый главным образом в северных районах страны, опийный мак — в основном в южных районах, чай — в Гиляне, культуру роз для производства розового масла. Значительно развиты и садоводство с культурой citrusовых, разведение финиковой пальмы в южных районах страны, шелководство на Каспийском побережье.

Скот разводится персами лишь в качестве подспорья к основному занятию — земледелию; содержат главным образом мелкий скот — овец и коз, которые дают основную часть молочных продуктов, мяса и шерсти. Коровы очень невелики, низкорослы. Для работы употребляют быков, буйволов и ослов; последние, наряду с лошадьми, верблюдами, мулами и лошадьми, используются в качестве вьючных животных.

Отрасли иранской промышленности довольно разнообразны. Получила развитие горнодобывающая промышленность, в частности разработка каменного угля (Шемшек, Зираб, Абиек, Ак-Дербент и другие прииски). Значительно выросла текстильная промышленность, в которой крупные фабрики стали заменять собой мелкие предприятия кустарного и полукустарного типа (фабрики в Казвине, Тавризе, Исфагане, Иезде, Шахи, Бехшахре, Мешхеде, Тегеране). Появился также ряд фабрично-заводских предприятий пищевой, кожевенной, табачной, химической и других видов промышленности. Созданы арсенал, авторемонтные заводы и мастерские.

Персидские ремесла, имеющие большой удельный вес в общей хозяйственной деятельности населения и поглощающие труд значительной его части, весьма древни и в некоторых отраслях достигли большого совершенства. В течение последних десятилетий они переживают значительный упадок в связи с наводнением Ирана английскими и американскими промышленными товарами, а также в связи с развитием местной фабричной промышленности. Кустари и ремесленники, не находя сбыта для своей продукции, разоряются, лишаются средств существования.

Одной из важнейших отраслей кустарной промышленности персов является ковровое производство. Техника его крайне проста и представляет собой в полном смысле слова ручной труд. В ковровом производстве большей частью работают женщины и подростки, мальчики и де-

вочки. На станок натягивается хлопчатобумажная основа, ставящаяся вертикально. Перед основой на скамьях сидят ткачи, которые связывают переднюю и заднюю нити основы шерстяной или шелковой нитью соответствующего цвета, смотря по рисунку; нити обрывают, оставляя небольшие концы. Когда таким путем будет закончен целый ряд, вводится уток, и сотканный ряд прибивается зубчатым молотком, после чего ровно подрезают торчащие нити.

Однообразная монотонная работа в течение длинного рабочего дня, пребывание в плохо проветриваемом помещении, наполненном мельчайшей шерстяной пылью, весьма губительно отражаются на здоровье ковровщиков, в особенности подростков, которые нередко погибают от туберкулеза в весьма раннем возрасте. Дешевый труд рабочих ковровых мастерских приносит их владельцам большие прибыли, поскольку хорошие персидские ковры ценятся весьма дорого.

Не потеряла еще полностью своего значения кустарная промышленность по выделке различных тканей из местной шерсти; эти ткани идут главным образом на приготовление принадлежностей национальной одежды, плащей — «аба» и кафтанов — «каба». Спросом пользуются также и хлопчатобумажные, шелковые и полшелковые кустарные ткани, среди которых важнейшее место занимают набивные ситцы — «каламкары». Эти набивные ситцы, изготавливаемые главным образом в Исфагане и Кермане, имеют различное применение: их употребляют в качестве занавесей на окна, двери, ниши, покрывают ими различные предметы домашнего обихода.

Особую отрасль составляют кустарные производства изделий из металла, среди которых следует отметить медные и серебряные изделия с чеканным орнаментом. Из меди изготавливается главным образом тяжелая посуда, из серебра готовятся различные вещи весьма изящной и тщательной отделки — шкафулки, футляры для амулетов, ложки, подставки и т. п.

Центрами керамического производства являются города Кашан и Кум. Фаянсовые изделия из Кашана, главным образом посуда и изразцы, носят специальное название «каши» и имеют весьма высокую репутацию. Существует и ряд других ремесел, имеющих меньшее значение и часто связанных с определенным городом, например, производство клинков в Мешхеде, ножей — в Зенджане, деревянных изделий — в Казвине и т. п.

* * *

Одним из наиболее распространенных среди персов типов жилища и селения является тип, характерный не только для Ирана, но и для других стран Среднего и Ближнего Востока. Это — глинобитный дом с каркасом из деревянных столбов, на которых держится плоская земляная крыша, покоящаяся на горизонтальных балках, покрытых, чтобы не просыпалась земля, небольшими дощечками и слоем соломы или камыша. Окна в таком жилище отсутствуют, свет проникает в него через двери или небольшие отверстия в крыше или в стенах. Топка производится «по-черному», огонь разводят в очаге. Нередко фасад дома снабжен террасой — «айван», а самый дом окружен различными хозяйственными постройками, лежащий же перед ним двор — невысокой глинобитной стеной. В селении такие дома располагаются вдоль улиц, часто кривых и извилистых, или же как бы сбиты в кучу. Много подобных селений встречается на южных склонах Эльбурса, а также южнее, в районе Исфагана. Такие селения называются обычно «кере» или «дех».

Другим типом селения и жилища являются так называемые «каля», «калача», «калата», что означает буквально «крепость». Этот тип распространен, повидимому, главным образом в Хорасане. Он представляет собой укрепление в виде высокой квадратной или прямоугольной огра-

ды — глинобитной стены, иногда с башнями по углам. В одной из стен устраиваются ворота, запираемые на ночь. Внутри ограды, вдоль всех четырех стен в ряд расположены жилища, тесно примыкающие друг к другу; они сооружаются из сырцового кирпича или из глины и имеют куполообразную крышу, выведенную из кирпича; для освещения и выхода дыма в стенах и крыше имеются отверстия.

Иранские города в большинстве своем сохраняют и до настоящего времени своеобразный, свойственный Востоку вид, хотя средневековая планировка города, делившего его на обнесенные стенами части, теперь уже нарушена. В настоящее время центром города обычно является площадь, от которой отходят четыре улицы; недалеко от центра находится и базар, занимающий большую площадь и состоящий из ряда крытых проходов с лавками и мастерскими. Резкий контраст с центральными улицами представляют второстепенные улицы, переулки и проулки, извилистые и кривые, с выходящими на них глухими стенами домов. На окраинах городов обычно скучены дома беднейшей части населения — невысокие, приземистые постройки, лишенные дворов и растительности.

Дома зажиточных горожан или людей среднего достатка сооружаются из жженого кирпича, реже из сырцового кирпича или из глины. Иногда встречаются дома в два или три этажа. Обычно дом расположен в глубине двора, в который с улицы попадают через небольшую калитку. Во дворе имеется бассейн, а в полуподвальном помещении устраивают водохранилище — «абе-амбар»; здесь же находится кухня «ашпаз-хане» и особое помещение «зарезамин», где обитатели часто проводят время летом, когда становится особенно жарко. В старых домах состоятельных людей еще сохраняется деление дома на две части: «бирун» — внешние комнаты и «эндерун» — внутренние покои, предназначенные для женщин и детей.

Характерной особенностью внутреннего устройства персидского дома являются ковры, которые в связи с общим обеднением населения все больше заменяются цыновками или же грубыми шерстяными коврами «палас». В прежнее время мебель в персидских домах совершенно отсутствовала и заменялась расположенными вдоль стен одеялами и валиками-подушками. Однако теперь в более зажиточных домах в большом употреблении низкая мягкая мебель. Стены снабжаются нишами или же полками, на которых обычно расставляют различные стеклянные предметы. Зимой для согревания в персидском доме служит «курси» — столик или табурет, под который ставится жаровня на металлическом подносе с раскаленными углями; сверху это приспособление покрывается большим стеганым одеялом; в бедных семьях на «курси» готовят и пищу.

Говоря о жилищах персов, нужно отметить, что огромное количество беднейшего населения в Иране вообще не имеет никакого жилья и вынуждено жить в ямах, пещерах, землянках или жалких сооружениях из отходов строительного материала. Такие «жилища» можно видеть на окраинах Тегерана и других городов, а также вблизи дорог, на которые их обитатели выходят за подаянием. Известно, что в холодные зимы последних лет во время больших морозов в северном Иране на улицах городов, в их окрестностях и на дорогах ежедневно десятками подбирали замерзших бездомных людей, что много бедняков ютилось в ямах близ кирпичных заводов под Тегераном; точно так же хорошо известно, что персидским и другим рабочим на предприятиях бывшей Англо-Иранской нефтяной кампании приходилось жить в жалких лачугах, сооруженных из кусков фанеры или старого железа, в полуземлянках и землянках, в тесноте, темноте и грязи, в антисанитарных условиях. Укажем также на весьма резкие социальные контрасты, которые можно наблюдать, например, в Тегеране, между зажиточной и аристократической северной частью города и его южной частью, населенной беднотой, с

грязными скученными кварталами, пыльными узкими улицами, полным отсутствием растительности и периодическим недостатком воды, особенно в жаркое время года.

В настоящее время значительная часть персов-горожан полностью переняла европейский костюм. Лишь средние и более бедные слои города, мелкие торговцы, ремесленники, рабочие, наряду с предметами европейской одежды, сохраняют в своем костюме и некоторые национальные элементы, главным образом головной убор, обувь, а женщины также и покрывало. Целиком сохраняют национальный костюм духовенство, а также представители других слоев общества, преданные старине и старым обычаям. В подавляющем большинстве и сельское население еще носит национальный костюм.

Трудно установить единую форму национального персидского костюма, так как разные слои населения носили в прошлом различные типы одежды. В городе до недавнего времени мужской костюм состоял из следующих предметов. На тело надевались белая рубашка «пиряхан» и широкие штаны — «шельвар» или «зирджаме», поверх рубашки надевалась иногда безрукавка — «джалетке», а затем «каба» — род кафтана. Костюм рабочего или ремесленника этим ограничивался. Часть рабочих и сейчас носит рубаху, штаны и безрукавку национального покроя, другая часть ходит в поношенной европейской одежде, покупаемой у местных купцов. На ногах носят «гивэ» — туфли с вязаным из бумажной пряжи верхом и подошвой из прессованных тряпок. Представители более зажиточных слоев населения носили, а иногда носят и сейчас верхнюю суконную одежду — «сардари», напоминающую поддевку, или же «лебаде» — нечто вроде длинного суконного камзола. Поверх всего надевался плащ из верблюжьей шерсти без рукавов — «аба»; представители духовенства носят и сейчас легкую шелковую или хлопчатобумажную «аба» летом. На ногах носят бумажные или шерстяные чулки — «джураб» и кожаные туфли — «кавш». Крестьяне носят рубаху из белой и штаны из синей местной ткани, а также короткий кафтан — «каба», преимущественно из той же синей материи. В холодное время года надевают шерстяной «каба» или короткий подбитый мехом тулуп — «нимтане». На ногах носят «гивэ», а зимой также шерстяные носки — «джураб».

Мужским национальным персидским головным убором, сохраняющимся частично в быту и до настоящего времени, являлся «кулах» — шапка овальной формы, изготавливаемая из войлока, а у зажиточных людей — из каракуля; носили также чалму — «эммаме» из различной материи и разного цвета, в зависимости от местности и социального положения человека.

Принадлежностями женского костюма являются рубашка — «пиряхан», штаны — «шельвар» и длинное платье — «каба»; более старинными принадлежностями костюма были короткая кофточка — «рахт» или «яль» и короткая юбка — «шэлитэ». При выходе на улицу в прежнее время женщины надевали широкие шаровары — «чахчур» и черное покрывало — «чадур», носившееся вместе с белой занавеской — «рубенд», закрывавшей лицо. Теперь эти принадлежности старинного выходного костюма не употребляются, а женщины, выходя на улицу, накидывают на голову цветное покрывало — «чадар-намаз», а иногда и вышитый головной платок — «чаргат». Обувью служат туфли без задков — «кавш». Жительницы сельских местностей носят длинную рубашку — «джумэ» и широкую юбку — «теммун», а на голове платок — «дэстмаль», или «чаргат».

Беднейшие слои как городского, так и сельского населения носят настолько рваную и истрепанную одежду, представляющую собой буквально лохмотья, что трудно говорить о какой-либо ее форме.

Персидская кулинария отличается значительным своеобразием.

Одним из любимейших продуктов питания персов является рис, который подается в вареном виде и снабжается всяческими приправами, большей частью в виде различных соусов — мясных, рыбных, овощных, известных под общим названием «хораш». В употреблении также «куф-те» — блюдо типа котлет или битков из мелкосрубленного мяса, к которому примешивается зелень, а также «сих кабаб» — шашлык, «обгушт» — мясной суп. Большое распространение у персов имеют различные овощные маринады — «турушах». Летом и осенью в употреблении различные фрукты, в частности прессованные финики, отличающиеся большой сахаристостью.

Хлеб выпекается в виде лепешек круглой или продолговатой формы. Из числа напитков прежде всего следует назвать чай; пьют чай крепким, из маленьких стаканчиков, в прикуску с мелконаколотым сахаром. Кофе употребляют гораздо меньше. Несмотря на это, все чайные в Иране носят название «кахфе хане»; название это сохранилось от старых времен, когда в употреблении был кофе, который впоследствии был вытеснен чаем. Персы любят также различные шербеты, напитки типа лимонада, которые пьют со льдом.

Такова пища средних и отчасти зажиточных персов. Бедные слои населения, особенно в городе, довольствуются обычно одним хлебом, нередко ячменным, водой или же пахтанием — «дуг»; лишь летом и осенью к этому скудному рациону прибавляется немного фруктов. В настоящее время, в связи с ростом нищеты и безработицы, большие массы людей, лишенных всяких средств к существованию, особенно на юге страны, вынуждены питаться финиковыми косточками, корнями различных диких растений, травой, а также саранчой.

Среди всех слоев персидского общества, как среди мужчин, так и среди женщин, большое распространение имеет курение кальяна. Курение опиума — «терьяк» до сего времени составляет огромное социальное зло; оно особенно распространено среди беднейших слоев населения, чему немало способствуют правящие круги Ирана, стремясь таким путем одурманить сознание народа, отвлечь его от революционной борьбы.

* * *

О семейной жизни персов существуют различные превратные представления, которые созданы западноевропейскими путешественниками и писателями, главным образом XIX в., искавшими на Востоке экзотику и стремившимися поразить ею своих читателей.

В целом, конечно, семейная жизнь персов и до сего времени покоится на патриархальных началах. Однако в различных классах общества положение женщины различно и семейные отношения складываются по-разному. Наиболее консервативны семейные отношения среди крестьянства, а также в городе среди ремесленников и торговцев; однако не следует при этом забывать, что среди сельского населения женщина принимает деятельное участие в производительном труде и поэтому держится более свободно, чем горожанка; в частности ей, повидимому, никогда не было известно затворничество, которое знала женщина города. Не приходится также говорить о патриархальных отношениях и в семьях персидского пролетариата, численно все растущего, тем более, что женский и детский труд занимает в промышленности Ирана значительное место.

Среди широких слоев населения бытует еще значительное число разных обычаев и поверий, связанных с различными событиями семейной жизни. Многочисленными обрядами сопровождаются первые дни жизни ребенка; эти обряды имеют своей целью, по народным повериям, ото-

гнать от новорожденного злых духов, способных причинить вред как ему самому, так и его матери. Для этой цели, например, в течение семи дней в комнате не гасят огня, соседки и родственницы не оставляют мать и ребенка одних, вокруг постели роженицы очерчивают саблей или ножом круг и т. п. Первое время ребенок лежит большей частью в колыбели — «гавора», крепко спеленутый. Когда ребенка отлучают от груди, его несут в мечеть, затем устраивают праздничное угощение. На третий или четвертый год жизни мальчиков совершается обрезаение, которое также сопровождается угощением.

Браки среди персов заключаются в довольно раннем возрасте, девочек нередко выдают замуж в 12—13 лет, мальчиков женят в 14—15 лет. Сватовство обычно совершается через свах — «деллале-арус», которые ходят из дома в дом и присматривают девушек. Часто браки совершаются по воле родителей, без согласия самих брачующихся, которые иногда и не видят друг друга до свадьбы, хотя в последнее время эти ранее строгие правила уже нарушаются. Заключение брака связано со значительными расходами. Жених или его семья должны дать невесте «мехр» — обеспечение, предусмотренное шариадом (свод мусульманских законов и установлений), которое поступает в пользу молодой, затем уплатить «шир беха», буквально — «плата за молоко», вознаграждение, следуемое матери невесты за воспитание последней, а также затратить значительную сумму на свадебное пиршество. Сторона невесты заготавливает для последней приданое — «джехаз», состоящее из домашней обстановки, посуды, одежды, которое отсылается в дом мужа. Таково положение, существующее в городах. Что касается сельских местностей, то там, повидимому, под «шир беха», состоящего в городах из сравнительно незначительного подарка матери невесты, следует видеть калым, т. е. плату за невесту и притом значительную, уплачиваемую семьей жениха отцу невесты.

Неравноправное положение женщины по сравнению с положением мужчины подчеркивается существующим среди персов до настоящего времени и освященным религией институтом временного брака «мута» (сигэ), который позволяет мужчине брать себе временную жену; при этом заключается специальный договор, в котором указываются срок брака и размеры компенсации, даваемой жене мужем. Нередко такой брак заключается буквально на несколько дней.

Рост безработицы и обнищание широких народных масс создают условия для развития в стране проституции, которая издавна культивировалась в Иране господствующими классами и получила особенно широкое развитие за годы хозяйничанья в стране англо-американской военной.

В силу религиозных запретов и установившихся в связи с ними традиций женщина-персиянка, соприкасаясь с мужчинами в семье, в общественной жизни держится особняком, и роль ее здесь в значительной степени является пассивной.

Как и повсеместно на Востоке, среди персов широко развита уличная жизнь, чему в немалой степени способствует теплый климат страны. На улицах происходит торговля, здесь располагаются многочисленные чайные и столовые, в которых происходит обсуждение различных новостей, устраиваются деловые свидания, на улицах же организуются не замысловатые народные развлечения. Наибольшее оживление и стечение народа можно наблюдать на базаре, который играет большую роль в общественной жизни персидского города. Сейчас значение персидского базара несколько упало, не так давно оно было очень велико. Базар, помимо торгового своего значения, служил также и местом, где в первую очередь распространялись различные общественные и политические новости, местом религиозной пропаганды. Различные политические события мероприятия властей, действия меджлиса нередко находили реакцию на

базаре: базар закрывался и в городе начиналась паника; о закрытии базара писали в газетах.

Наиболее излюбленным народным развлечением, теперь уже постепенно исчезающим, являлись представления кукольного театра.

Существует два типа кукольного театра: первым из них является «Пахлаван Качал», в котором действуют куклы, надеваемые на руку исполнителя, спрятанного за ширмой, и который напоминает русский театр «Петрушки». Другим типом кукольного театра является «Хейме шаб бози» — театр марионеток, куклы которого приводятся в движение сверху при помощи шнурков. До сего времени пользуется популярностью атлетическая арена — «зурхане», где выступают атлеты, борцы и гимнасты. В праздничные дни устраиваются публичные фейерверки, которые обычно привлекают огромные толпы народа.

В Иране в настоящее время существует два календаря, один из них гражданский, другой — религиозный, мусульманский; первый календарь — солнечный, второй — лунный и на 10 дней короче солнечного, вследствие чего месяцы этого календаря передвигаются из года в год. Солнечный календарь, который был принят еще в домусульманском, древнем Иране, состоит из 12 месяцев, первые шесть из которых имеют по 31 дню, а последующие — по 30 дней (последний месяц в невысокосный год имеет 29 дней). Месяцы эти сохраняют древние иранские названия зороастрийских гениев или ангелов, считающихся их покровителями: Фарвардин, Ардибехишт, Хордад, Тир, Мордад, Шахривар, Мехр, Абан, Азер, Дей, Бахман, Эсфанд. Новый год — «Ноуруз» у персов (первое число Фарвардина) празднуется 21 марта, т. е. в день весеннего равноденствия.

Ноуруз является самым большим персидским праздником, с ним связано много народных обычаев. Особо отмечается последняя среда старого года, так называемая «чехаршамбее охирун»; в этот день на улицах раскладывают костры и прыгают через них, гадают. К ноурузу готовятся заблаговременно; те, кто в состоянии это сделать, приобретают к ноурузу новую одежду, заменяют в доме старую глиняную посуду новой, проращивают зерна ячменя или пшеницы. В канун ноуруза принято устраивать плов с овощами. Временем наступления ноуруза считается момент вхождения солнца в созвездие Тельца. В прежнее время этот момент определялся астрологами, а теперь обозначается в календарях, а в городах, кроме того, отмечается выстрелом из пушки. В персидских семьях к моменту ноуруза готовят праздничный стол, носящий в этом случае специальное название «хафт син», что значит «семь эс», так как на столе должно быть обязательно семь предметов, названия которых начинаются на букву «эс». Ноуруз празднуется в течение пяти дней, празднуют также тринадцатый день ноуруза, когда устраиваются народные гуляния за городом.

Персы в подавляющем большинстве по своему вероисповеданию являются мусульманами-шиитами. Мусульманство было принесено в Иран завоевателями-арабами в середине VII в. До арабского завоевания персы исповедывали зороастризм, которого в настоящее время придерживается лишь небольшая группа персов, известная под названием парсов или зардушти.

Раскол среди мусульман произошел уже при первых преемниках пророка Мохаммеда. Последователи его двоюродного брата и зятя Али, сына последнего Хосейна, погибшего в вооруженной борьбе со своими противниками, и их потомков получили название шиа (буквально — партия, секта) или шиитов. Шииты, преследуемые суннитскими халифами Омейядской, а затем Аббасидской династий, утвердились главным образом в Иране, где временами в отдельных районах, правда, на короткое время, им удалось захватывать в свои руки политическое господство. Шиизм стал государственной религией Ирана с приходом

к власти династии Сефевидов; это положение подтверждено и в конституции Ирана в 1906 г. Важнейшей основой шиитского учения является идея об имамате. Шииты считают, что законными руководителями мусульманской общины являлись 12 имамов, из которых первым был Али, затем его сыновья Хасан и Хосейн и, наконец, 9 прямых потомков Хосейна; последний, или двенадцатый, имам Махди восьмилетним ребенком (род. в 872 г.) исчез или умер при таинственных обстоятельствах; шииты верят, что в конце мира он явится его спасителем — мессией.

В жизни современного перса религия продолжает играть значительную роль. Многочисленное и влиятельное духовенство, разбросанные по всей стране гробницы шиитских «святых», множество религиозных праздников, не говоря уже о повседневных религиозных обязанностях перса и стеснительных правилах шариата, — все это не может не действовать на умонастроение широких слоев темного, малокультурного населения.

Среди шиитского духовенства наиболее сильное влияние имеют муджтехиды, являющиеся знатоками религиозных вопросов и достигшие высшей ступени в толковании законов. Гнездом мракобесия, из которого выходят муджтехиды, является Неджеф в Ираке, где находится высшая шиитская духовная школа. Духовенство в Неджефе связано с английскими империалистами и используется ими в своих целях. Муджтехиды являются вожаками шиитской верующей массы, они рассматриваются верующими как представители двенадцатого имама. Их влияние на массы огромно, и поэтому представители власти считаются с ними и оказывают им всяческие почести.

Реакционная роль шиитского духовенства, тесно связанного с правящими классами, необычайно велика. Для того чтобы держать массы в повиновении, отвлекать их внимание от различных социальных вопросов, представители духовенства используют не только ислам, но и различные примитивные верования и суеверные представления.

Особенно больших размеров достигало проявление шиитского фанатизма во время ежегодно организовывавшихся в первые десять дней месяца Мохаррема церемоний, связанных с воспоминаниями о гибели имама Хосейна (в русской литературе известных под названием «шахсей — вахсей»); церемонии эти сопровождалась оплакиванием погибшего имама, причем наиболее рьяные фанатики били себя железными цепями по голому телу или же наносили себе раны кинжалами. В настоящее время под влиянием требований более прогрессивной части общества публичное исполнение этих церемоний запрещено.

* * *

Многовековую историю имеет персидская архитектура, известная по памятникам, сохранившимся еще от эпохи Ахеменидов; памятники эти — дворцовые постройки на высоких каменных платформах и залы с колоннами, украшенными капителями в виде волют с сидящими на них быками; широкое распространение имели рельефные изображения различных сцен, борьбы зверей, львов и крылатых быков. Средневековая архитектура вместе с распространением ислама получила свое выражение в сооружении богатых мавзолеев, мечетей и минаретов; позднейший период этой архитектуры характеризуется широким распространением покрытия зданий сводами и куполами, а также типом мечетей с большим внутренним двором и обширными стрельчатыми порталами по каждой из четырех его сторон; характерно также украшение мечетей и мавзолеев богато орнаментированными изразцами. Средневековая архитектура была призвана служить возвеличению ислама, являвшегося одной из главных опор феодального общества.

Весьма развитой отраслью изобразительного искусства является живопись, которая представлена главным образом миниатюрой и стенными росписями. Исполнители акварельной миниатюры не стремятся дать широкими мазками общую картину, а сосредотачивают свое внимание на мельчайших деталях. Особенно высокого совершенства миниатюра достигла в XVI—XVII вв. Расцвет искусства стенных росписей относится к тому же времени: образцы этой росписи сохранились на памятниках Исфагана сефевидского времени, например, на стенах зданий Али-Капу и Чихиль-Сутун. В настоящее время миниатюрой иллюстрируются главным образом книги светского содержания, акварельные рисунки воспроизводятся на различного рода изделиях из папье-маше, ими украшаются футляры для перьев, зеркала, небольшие деревянные шкатулки и другие предметы; нередко миниатюра на них сочетается с инкрустацией из кусочков кости, меди и разноцветного дерева.

Ковровое искусство, как и миниатюра, достигло своего высшего расцвета в XVI в.; в XVIII в., а особенно в XIX в. с внедрением в ковровое производство пришедших из Европы анилиновых красок оно приходит в упадок.

К еще более отдаленному времени, а именно к XII—XIII вв., относится расцвет персидского керамического производства, центром которого были города среднего Ирана — Рей, Верамин, Кашан и Султанабад; особенно славилась фаянсы, которые либо покрывались люстровой росписью (т. е. росписью с металлическими оттенками, заливавшейся сверху глазурью), либо полихромной росписью по глазури. К эпохе Тимуридов относится и широкое распространение в Иране искусства изготовления поливных изразцов. В настоящее время дешевая поливная орнаментированная керамика из грубого теста, лишь подражающая старинным образцам, изготавливается для широкого потребления, главным образом в городах Кашане, Куме и Рее.

Современный персидский язык — фарси — относится к западной ветви иранских языков и является государственным языком Ирана. В своем развитии персидский язык прошел несколько этапов: древнеперсидский (клинописные надписи ахеменидских царей), среднеперсидский (литература сасанидского периода на пехлевийском алфавите) и новый период, датирующийся около 1000 лет, за время которого строй персидского языка не потерпел существенных изменений. По своему строю персидский язык является флективным, но с широким развитием аналитических форм, в особенности в системе глагола. Лексический состав персидского языка (в особенности литературного) включает многочисленные заимствования из арабского языка. Современный персидский язык содержит многочисленные говоры, объединяемые в несколько больших групп. Персы пользуются арабским алфавитом.

Следует отметить, что большая часть населения Ирана до настоящего времени лишена возможности получать образование; если, например, в Азербайджанской ССР на 10 тысяч человек населения в высших учебных заведениях обучается 93 человека, то в Иране — только 3.

Персидская литература, давшая в период своего наибольшего расцвета в X—XIV вв. великолепные образцы художественного слова, главным образом поэзии, в последующие века переживала эпоху упадка и деградации. Избитые литературные образцы и приемы, цветистость и вычурность языка, бесконечные перепевы и эпигонство, погоня за сложной формой при отсутствии содержания — таковы характерные черты персидской литературы этого периода. В середине XIX в. появляются первые попытки оторваться от старой традиции, упрощается поэтический язык, изменяется и реформируется язык прозы. Огромную роль в развитии новой литературы сыграло появление в Иране в начале XIX в. печатного станка и возникновение прессы. Не меньшее значение имели некоторые переводы на персидский язык, в особенности переводы пьес

азербайджанского философа, поэта и драматурга Мирзы Фатали Ахундова.

В эпоху революции 1906—1911 гг. на смену любовной лирике и оде приходит гражданская поэзия, избравшая для себя форму тэснифа — народного романса. В 20—30-е годы XX в. поэзия уже отражает новые общественно-политические и демократические тенденции в иранском обществе. За последние годы в персидской поэзии зазвучали с большой силой темы борьбы за свободу и независимость иранского народа, темы борьбы против империалистического порабощения, борьбы за мир. Поэты нового поколения стремятся преодолеть классические традиции и выйти за рамки старых классических форм.

В начале XX в. возникает впервые в Иране жанр романа (первый роман «Путешествие Ибрагима бека» Зейнал-Абедина Мерагеи). Появляются многочисленные исторические романы, а затем также романы, в которых писатели пытаются откликнуться на события современной им жизни. Одной из центральных проблем персидской прозы долгое время остается бесправное положение женщины («Техране Махуф» Мошфега Каземи, «Шахрназ» Давлатабади и др.). Особое развитие в персидской литературе получил жанр короткого рассказа; крупнейшим представителем современной персидской прозы является Садек Хедаят (1904—1951), развивший этот жанр в ряде своих книг. Садек Хедаят первый в персидской литературе поднял свой голос в защиту простых людей Ирана, лишенных элементарных человеческих прав.

Большую роль в персидской литературе сыграли многочисленные переводы, в особенности переводы с русского языка. Переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гоголя, Толстого, Чехова, основоположника советской литературы Горького, а также Н. Островского, Симонова, Эренбурга, Соболева и других советских писателей имели большое значение в демократизации персидской литературы.

Наиболее популярной формой устного творчества являются народные четверостишия — «тэранэ», «до-бейти» или «чехар-бейти», главным образом лирико-любовного содержания. Также большим распространением пользуются «тэснифы» — народные романсы, которые обычно исполняются под музыку. Значительное место в персидском фольклоре занимают свадебные и колыбельные песни — «лалаи». Персидские сказки — «киссе» очень разнообразны по своим сюжетам. Особое место занимает бытовой анекдот, отличающийся большим остроумием. К жанрам персидского фольклора относятся также многочисленные пословицы и поговорки. Следует отметить связь художественной литературы с фольклором. Нередко фольклорные эпические или иные сказания, будучи обработаны поэтами или писателями, впоследствии уже в новой форме распространяются в устном народном творчестве².

* * *

Зарождение национально-освободительной борьбы трудящихся Ирана против отечественных и иноземных угнетателей относится к середине XIX в. Начиная с этого времени, в стране возникают многочисленные народные волнения и восстания, направленные главным образом против шаха и феодалов. Из них наиболее значительными были бабидские восстания 1848—1852 гг.; восстания не прекращались в течение всей второй половины XIX в. и в первые годы XX в.

На рубеже XX в. большие массы безработных устремлялись из Ирана в города Закавказья и Средней Азии, где у русских рабочих они

² А. З. Розенфельд, О художественной прозе в персидской литературе XX в. «Вестник Лен. гос. ун-та», 1949, № 5.

перенимали революционный опыт. В дальнейшем, в годы иранской революции, закавказские большевики оказали огромную помощь иранским революционерам в Тавризе, Реште и других центрах восстания.

Огромную роль в истории Ирана сыграла русская революция 1905 г., послужившая непосредственным толчком к началу иранской революции 1906—1911 гг. «Вслед за русским движением 1905 года,— писал В. И. Ленин,— демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай»³.

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁴.

На первом этапе иранской революции в движении принимали участие духовенство, крупная буржуазия и некоторые помещики, использовавшие народные массы для борьбы с шахом, однако, добившись конституции и усиления своих позиций, они отошли от революции и перешли в лагерь реакции. Буржуазная иранская революция не переросла в буржуазно-демократическую революцию, она не осуществила народных надежд, не разрешила стоявших перед ней задач создания независимого демократического государства; положение трудящихся масс не изменилось к лучшему, они попрежнему остались бесправными; созданный в результате революции меджлис (парламент) стал орудием в руках буржуазии и помещиков.

Во время первой мировой войны Иран становится ареной борьбы империалистических стран, на его территории происходят военные действия между русскими, английскими, турецкими и германскими войсками, страна наводняется агентами английского и германского империализма. К концу войны Иран оказывается почти полностью оккупированным и подчиненным Англией.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на Иран, на подъем революционного движения в стране (гилянское национально-освободительное движение 1920—1921 гг., восстание Хиабани в Тавризе). В обращении к иранскому народу 3 декабря 1917 г., Ленин и Сталин заявили, что теперь ему «обеспечено право свободного определения своей судьбы». Вскоре Советское правительство официально объявило об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Ирана. Это заявление было закреплено Советско-Иранским договором, подписанным в Москве 26 февраля 1921 г.

Под влиянием Октябрьской революции возникла волна рабочего движения в Иране, иранские рабочие уже выступают в качестве самостоятельной силы. В ряде городов были созданы Советы, руководимые партией «Адалят» (справедливость), переименованной в 1920 г. в Коммунистическую партию Ирана. В эти годы создаются профсоюзы, под руководством которых происходит ряд забастовок и демонстраций.

Однако события первой мировой войны, борьба враждующих сторон на территории Ирана, английская оккупация подготовили захват власти Реза-ханом, провозглашенным шахом (1925—1941). Помещичье-буржуазные националистические реформы Реза-шаха сочетались с жестоким террором по отношению к революционно-демократическому движению. Со времени установления диктатуры Реза-шаха начинается полоса разгрома революционного движения, вынудившего Коммунистическую партию Ирана и рабочие профсоюзы перейти на нелегальное положение.

Внешнеполитическая ориентация Реза-шаха на гитлеровскую Германию и угроза фашистского переворота в стране, ставившего своей целью превратить Иран в плацдарм для нападения гитлеровцев на Советский

³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 66.

Союз с юга, заставили Советское правительство на основании Советско-Иранского договора 1921 г. ввести в Иран советские войска; одновременно были введены в страну английские, а позже и американские войска. Реза-шах отрекся от престола и передал его своему сыну Мохаммеду Пехлеви. Однако, как показали дальнейшие события, если ввод советских войск преследовал цели борьбы с германским фашизмом и спасения иранского народа от ужасов фашизма, то английские и американские империалисты, вводя свои войска, преследовали совершенно другие цели — усиление своего политического, стратегического и экономического влияния, закабаление страны и превращение ее в плацдарм для нападения на СССР.

Современное политическое положение Ирана характеризуется обострением борьбы между демократическими силами страны, решительно ставшими на путь национально-освободительного движения, и реакционными силами в лице правящих классов Ирана, отдавших страну на откуп англо-американскому империализму.

Демократическое движение в Иране получило мощное развитие уже в годы второй мировой войны, чему в значительной мере способствовало падение диктатуры Реза-шаха и заключение Советско-Англо-Иранского тройственного договора о союзе. Стали издаваться демократические газеты, осенью 1941 г. была создана Народная партия Ирана, возглавившая борьбу иранского народа. Вместе с тем ввод в Иран английских и американских войск и приглашение правительством Кавама американских советников, в частности вторичное приглашение американца Мильспо на должность главного администратора иранских финансов⁵, чрезвычайно усиливали в Иране позиции англо-американского империализма.

Уже к концу второй мировой войны иранские правящие реакционные круги и англо-американские империалисты, напуганные размерами демократического движения, популярностью среди широких масс Народной партии и рабочих профсоюзов, поставили перед собой задачу изолировать иранский народ от Советского Союза и в корне подавить быстро развивающееся национально-освободительное движение.

В конце 1946 г. правительство Кавама с необычайной жестокостью расправилось с народным национально-освободительным движением в южном Азербайджане и северном Курдистане, где была провозглашена национальная автономия и создано свое автономное правительство. Одновременно с этим, отказавшись от всяких переговоров и соглашений с Советским Союзом, правительство Кавама взяло открытый курс на соглашение с американскими империалистами, на превращение Ирана в колонию американского капитала. С правительством США было заключено новое соглашение о присылке американских советников для армии и жандармерии, был заключен в США заем, в силу которого в страну было завезено большое количество американского вооружения, американцы получили право на строительство в Иране военно-стратегических объектов, право контроля над воздушными путями; были начаты переговоры с США о предоставлении американцам нефтяных концессий, строительстве железных дорог, учреждении банка.

В результате такой политики иранского правительства наблюдавшееся в Иране во время второй мировой войны оживление народно-хозяйственной деятельности сменилось промышленным застоем и ростом безработицы. На рынки выброшено огромное количество залежалых американских и английских товаров, иранская же продукция, не будучи в состоянии конкурировать с иностранными товарами, не находит себе сбыта.

⁵ Вторично Мильспо пробыл в Иране с января 1943 г. по февраль 1945 г. После своего возвращения в США он опубликовал книгу об Иране (A. Millsprugh *Americans in Persia*, Washington, 1946), в котором открыто проповедуется необходимость подчинения Ирана Соединенным Штатам Америки и которая полна гнусных клевет на народы Ирана.

Покупательная способность населения сильно упала, огромные массы населения оказались обреченными на нищету и голод, на голодную смерть. Недороды, участвовавшие за последние годы, вызвали резкий рост цен на продукты питания, в первую очередь на хлеб и рис.

Последние три года ознаменовались усилением национально-освободительного движения. Во главе этого движения стоит иранский рабочий класс, который ведет за собой крестьянство, трудящихся города и другие прогрессивные слои населения страны. Все чаще и чаще на иранских фабриках и заводах происходили забастовки, бастующие рабочие Тегерана, Исфагана, Шаха и других городов требовали повышения заработной платы, восстановления закрытых промышленных предприятий, улучшения условий труда. Во многих городах происходили многочисленные демонстрации и волнения на почве голода; в сельских местностях не прекращались крестьянские бунты и волнения, возникающие на почве притеснений со стороны помещиков.

В конце 1950 и в начале 1951 г. в Иране развернулось мощное народное движение протеста против хозяйничания англичан в нефтяной промышленности Ирана, движение за аннулирование концессии Англо-Иранской нефтяной компании, которой английские капиталисты пользовались с 1901 г., в течение полувека присваивая огромные национальные богатства Ирана. Митинги и демонстрации против английской нефтяной концессии приняли широкий размах в декабре 1950 г.— феврале 1951 г., особенно в Тегеране, где многотысячные демонстрации у здания меджлиса требовали отмены концессии. Наконец, под давлением общественного мнения вновь пришедшее к власти правительство Мосаддыка поставило вопрос о национализации нефтяной промышленности Ирана, а меджлис в марте 1951 г. принял соответствующий закон.

Все попытки англо-американских империалистов путем экономического давления, шантажа и подкупа восстановить утраченные позиции в течение двух с лишним лет терпели неудачу. Тогда иностранные империалисты в союзе с внутренними реакционными силами встали на путь государственного переворота: в августе 1953 г. правительство Мосаддыка было свергнуто и создано новое правительство генерала Захеда, первыми шагами которого явились разгром демократических организаций и новые уступки американским империалистам, агентура которых и подготовила этот переворот. Реакция еще раз восторжествовала, но трудящиеся Ирана полны решимости довести борьбу против иранской реакции и иноземных захватчиков до конца и добиться торжества свободы и демократии в своей стране.

И. И. ПОТЕХИН

ЭТНИЧЕСКИЙ И КЛАССОВЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОГО БЕРЕГА

(По итогам переписи 1948 г.)

Золотой Берег — одна из наиболее развитых английских колоний в Африке. Основное богатство Золотого Берега — какао. Он дает одну треть мирового сбора и большую половину сбора какао в Африке. В экспорте Золотого Берега за 1951 г. какао составляло¹ 67%, в экспорте сельскохозяйственной продукции — 89%. Английский империализм превратил сельское хозяйство Золотого Берега в монокультурное хозяйство. Английские монополии, наживающиеся на ограблении производителей какао, называли его раньше «зеленым золотом», а теперь называют «культурой, делающей доллары». Большое количество какао вывозится в США, за счет какао Англия имеет по торговле Золотого Берега с США активный долларовый баланс; исчисленный в фунтах стерлингов, он составлял в 1949 г. — 10 млн., в 1950 г. — 21 млн. и в 1951 г. — 25 млн.²

С Золотого Берега вывозятся золото, алмазы, марганец, бокситы. По запасам бокситов Золотой Берег занимает первое место среди стран буржуазного мира. Английские монополии с участием американского капитала приступают к строительству на р. Вольта крупной гидроэлектростанции с целью создания алюминиевой промышленности. «Золотой Берег имеет особое экономическое значение для Великобритании», — писал орган английских колонизаторов «Африкэн Уорлд»³.

На Золотом Берегу сложился уже многочисленный рабочий класс, создавший свои профессиональные союзы, объединившиеся в Конгресс профсоюзов. Численность рабочих, по данным начала 1951 г., определялась в 300 с лишним тысяч человек. Рабочий класс является сейчас решающей силой антиимпериалистического движения на Золотом Берегу. Выросла пока еще немногочисленная национальная буржуазия; имеется значительная прослойка национальной интеллигенции.

После второй мировой войны под влиянием всемирно-исторических событий за пределами Африки — победа Советского Союза над силами фашистской коалиции, отпадение от империалистической системы ряда европейских стран, великая победа китайской народной революции и другие — и укрепления демократических сил в Африке, на Золотом Берегу развернулось массовое народное движение за независимость от английского империализма. Маневрируя с целью укрепления своего господства, английский империализм был вынужден ввести в 1950 г. новую конституцию и предоставить коренному населению Золотого Берега право участвовать в выборах в Законодательное собрание. Золотой Берег явился первой из английских колоний в Африке, где конституция

¹ «West Africa» от 3 мая 1952 г.

² «West Africa» от 12 января и 26 апреля 1952 г.

³ «The African World», апрель 1948 г.

предусматривает создание правительства с участием представителей коренного населения.

На выборах в Законодательное собрание в феврале 1951 г. народные массы сплотились вокруг Народной партии, провозгласившей своим главным требованием предоставление Золотому Берегу статуса доминиона. Народная партия одержала большую победу: из 38 депутатов, избираемых народом⁴, 35 являются кандидатами Народной партии. Она получила большинство министерских портфелей в правительстве, ее лидер Кваме Нкрума получил пост премьер-министра.

Введение новой конституции и победа Народной партии ничего, однако, не изменили в положении народных масс. Золотой Берег не перестал быть колонией английского империализма. За английским губернатором сохранилось право вето. Важнейшие министерские посты — обороны и внутренних дел, юстиции и финансов — остались, согласно конституции, за английскими чиновниками. Правительство Народной партии является по существу ширмой, прикрывающей фактическое господство английского империализма. Но тем не менее выборы продемонстрировали единство народа, его готовность к борьбе, укрепили в народе веру в свои силы. И это всполошило колонизаторов. «Выборы на Золотом Берегу, — писал известный английский этнограф Марджери Перэм, — происходившие в феврале 1951 г., потрясли всю Африку или во всяком случае Африку, лежащую на юг от Сахары. Для белых (т. е. для империалистических колонизаторов. — *И. П.*), прочно обосновавшихся на африканском континенте, потрясение вылилось в форму, может быть, не совсем ясного вопроса: «Не является ли это началом нашего конца?» А каждый африканец, услышавший эту новость, почувствовал прилив радости и проблеск внезапной надежды, казавшейся почти несбыточной: «Быть может, это наше начало»⁵.

Народная партия, представляющая интересы крупной национальной буржуазии Золотого Берега, обманула доверие народа. Придя к власти при поддержке народа, лидеры партии сделали крутой поворот вправо, в сторону сотрудничества с английским империализмом, и фактически отказались от борьбы за подлинную независимость своей страны. Это значит, что национальная буржуазия раскололась на соглашательскую и революционную. Это значит, что национально-освободительное движение на Золотом Берегу вступило в новый этап своего развития. Кончился один этап, когда руководящую роль играла национальная буржуазия, боровшаяся вместе с народом против колониального порабощения, и начался другой этап, когда руководящая роль будет принадлежать рабочему классу, который в союзе с крестьянством и мелкой буржуазией поведет борьбу за полную независимость от империализма и действительную, народную демократию.

Анализ состава населения Золотого Берега — национального, профессионального, классового, — по данным переписи, имеет большое значение для понимания развития политической жизни, борьбы за национальную независимость против империализма.

1

Переписи населения Золотого Берега производились, начиная с 1891 г., каждые десять лет. Перепись 1948 г. является шестой по счету. Но первые четыре переписи не являлись общими, не охватывали всей территории, и только в 1931 г. впервые было учтено все население. Как сообщается в докладе о переписи 1948 г⁶, при проведении переписи

⁴ Остальные 46 депутатов Законодательного собрания избираются вождями племен из своей среды и правлениями английских колониальных монополий.

⁵ «Foreign Affairs», июль 1951 г.

⁶ The Gold Coast. Census of population 1948. Report and tables, London, 1950.

си 1931 г. были допущены значительные отступления от установленного порядка, и потому итоги переписи не могли быть точными. Не отличается точностью и перепись 1948 г.

Вследствие недостатка грамотных людей перепись населения не могла быть проведена одновременно и растянулась почти на два месяца — с конца декабря 1947 г. по середину февраля 1948 г. Перепись производилась по трем различным формам. Форма «А» применялась в сельских местностях, форма «В» — в городских местностях или вообще в местностях с более повышенным процентом грамотности.

Решение вопроса о том, какую из этих двух форм применить в той или иной местности, предоставлялось местным чиновникам, проводившим перепись. Всего по форме «А» было учтено 3 405 962 человека, по форме «В» — 705 718 человек. Европейское население колонии учитывалось по форме «С». Наконец, для учета населения в тюрьмах, больницах и школьных интернатах применялась также особая форма. Все эти особенности проведения переписи значительно снижают ее точность. Нам неизвестны методы обработки переписных материалов, которые также могут исказить общие итоги.

По своему содержанию данные переписи, хотя и представляют значительный интерес, далеко не удовлетворительны. Форма «А» содержит следующие графы: имя главы семьи; число членов семьи, отдельно мужчин и женщин в возрасте от одного года, от 1 до 16 лет, от 16 до 45 и выше 45; место рождения; племенная принадлежность; образование — до 6 классов, от 7 и выше; занятие по следующим группам — производители какао; ремесленники и квалифицированные рабочие (вместе); купцы, корабейники и лотошники (вместе); неквалифицированные рабочие; другие; слепые; число хижин; число комнат. Форма «В» несколько более содержательна. В этой форме каждому человеку отводится отдельная строка. Имеется дополнительная графа — продолжительность проживания в данном месте. Занятие определяется более точно. В частности, в особой графе указывается: получает зарплату, является нанимателем или работает без применения наемного труда. Но по этой форме была учтена только одна шестая часть всего населения.

В переписи совершенно отсутствуют данные о языковой принадлежности населения. С точки зрения учета национального состава населения это представляет наибольший дефект переписи. В этническом отношении население Золотого Берега далеко не одинаково. Границы Золотого Берега явились результатом борьбы империалистических держав и никак не совпадают с этническими границами. Имеющиеся в литературе сведения о языковой принадлежности населения Золотого Берега очень приблизительны, условны, и потому учет населения по языковому признаку при общей переписи представлял бы исключительный интерес. В переписи отсутствуют сведения об имущественной и классовой дифференциации. В переписи не разграничиваются землевладельцы и арендаторы, ремесленники и квалифицированные рабочие учитываются по форме «А» вместе.

Несмотря на эти очень крупные пробелы, материалы переписи представляют возможность дать характеристику населения Золотого Берега более обстоятельную, чем это было возможно раньше.

2

В административном отношении территория Золотого Берега делится на 19 дистриктов, объединенных в три группы: колония Золотой Берег, протекторат Ашанти и Северные территории. Эта административная схема включает в себя и подопечную территорию — Тоголенд, английскую часть Того (другая часть Того находится под опекой Франции). Северная часть Тоголенда входит в состав Северных территорий (ди-

стрикты Гонжа, Дагомба, Крачи и Мампруси), южная часть — в состав колонии Золотой Берег (дистрикт Хо). Следовательно, подопечная территория Того управляется английскими империалистами такими же методами и в таких же формах, какие они применяют в колонии.

Наряду с административным делением территория Золотого Берега делится на несколько десятков марионеточных государств (native states) феодального (протекторат Ашанти и колония) или полуфеодального (Северные территории) типа; в официальных английских документах они фигурируют также под названием «туземных властей» (native authorities).

Империалистический захват Золотого Берега застал населяющие его народы на разных стадиях разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества. В центральной части Золотого Берега существовала конфедерация племен Ашанти. По своей классовой природе это было государство ранне-феодального типа. Уже достаточно четко определилась эксплуататорская верхушка племен, пользовавшаяся разнообразными докапиталистическими формами эксплуатации своих соплеменников, наживавшаяся на поставке рабов европейским работникам. Главы племен находились в зависимости от ашантехене (вождь всех ашанти), являвшегося главой конфедерации.

Ашанти оказали стойкое вооруженное сопротивление английским захватчикам, Англия поэтому не могла использовать государственный аппарат конфедерации, опереться на него. Она разрушила конфедерацию, сохранив те мелкие государственные образования, которые входили в состав конфедерации; сам ашантехене в 1896 г. был выслан из страны. Однако позднее, когда колониальная система империализма аступила под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции в России в полосу кризиса, английские империалисты решили использовать ашантехене в качестве дополнительной подпорки в системе укрепления своей колониальной империи. Они восстановили конфедерацию и признали ашантехене в качестве ее главы.

В настоящее время на территории ашанти существует несколько мелких феодальных княжеств (Кумаси — одно из наиболее крупных — насчитывает 390 тысяч человек населения), представляющих собой опорные базы английской системы «косвенного управления», т. е. административно-политического порабощения ашанти. Главы этих марионеточных княжеств распоряжаются землей и получают ренту, собирают налоги, используют созданные при них суды для взяток и вымогательства; некоторые из них владеют крупными плантациями какао, занимаются торговлей и ростовщичеством. Они получают от английских властей жалованье и добросовестно служат им. Это надежная социальная опора английского империализма, эксплуататоры и злейшие враги своего народа. Борьба против этой феодальной верхушки входит составной частью в программу национального освобождения и демократического преобразования.

Более или менее аналогичное положение и в южной части Золотого Берега, в колонии, где английский империализм также создал себе сеть опорных баз в виде марионеточных феодальных княжеств. В 1944 г. их было 63, из них 26 объединены в 7 конфедераций. Наиболее крупное из них — Аким Абуakwa, насчитывающее по переписи 1948 г. 235 тысяч человек населения. Некоторые из них очень мелкие, включают в себя всего лишь несколько деревень. Главы таких «государств» представляют собой просто помещиков, наделенных некоторыми административными правами по отношению к зависимым от них крестьянам.

Племена Северных территорий ко времени империалистического завоевания еще не знали классового деления общества, не было и государств. Английские империалисты превратили аристократическую верхушку племен в свою социальную опору, в «туземные власти»,

предоставив ей минимум политических прав и возможность ничем не ограниченной эксплуатации соплеменников. В настоящее время на Северных территориях имеется 13 подобного рода «туземных властей».

Границы этих «государств» и «туземных властей» не совпадают с границами дистриктов. Обычно дистрикт включает в себя несколько княжеств. В ряде случаев границы княжеств выходят за границы дистриктов. Кумаси, например, расположено в дистриктах Кумаси, Беквай, Мампонг и Венчи, не покрывая, однако, всю их территорию. В переписи итоговые данные приводятся как по дистриктам, группам дистриктов, так и по каждому княжеству отдельно.

3

Общая численность населения Золотого Берега по переписи 1948 г. — 4 118 450 чел., в том числе африканского 4 111 680 и неафриканского — 6770 чел. (0,16% ко всему населению). По группам дистриктов:

	Африканское	Неафриканское	Всего
Колония (включая часть Того) . . .	2 217 416	5 394	2 222 810
Ашанти	817 782	1 162	818 944
Северные территории (включая часть Того)	1 076 482	214	1 076 696
Того (в целом)	382 717	51	382 768

Средняя плотность населения — 44,8 чел. на одну квадратную милю; по отдельным дистриктам плотность колеблется от 5,8 в Гонжа до 286,8 чел. в Аквапим. Наиболее плотно заселены горнопромышленные районы, побережье и область плантаций какао.

За последние 27 лет, т. е. по сравнению с переписью 1921 г., общая численность населения выросла на 79%, что дает ежегодный прирост в 2,2%. Составители доклада об итогах переписи 1948 г. не могли скрыть, что прирост населения за последние десятилетия сокращается. Если за десятилетие 1911—1921 гг. средний ежегодный прирост составлял 4,04%, за десятилетие 1921—1931 гг. — 3,76%, то за последние 17 лет (1931—1948 гг.) он составил только 1,77%. Сокращение прироста населения нельзя объяснить сокращением механического прироста, так как въезд населения на Золотой Берег никогда не был значительным. Авторы доклада объясняют это сокращение повышением точности учета. В известной мере это правильно; в частности, ежегодный прирост населения в 4,04% за 1911—1921 гг. можно признать неестественно высоким. Однако анализ условий жизни за последние десятилетия дает веские основания предполагать, что сокращение прироста представляет собой в значительной его части сокращение естественного прироста.

Английский империализм поставил народы Золотого Берега в невыносимо тяжелые условия. Крупные английские компании, главным образом Объединенная Африканская компания, монополизировали скупку сельскохозяйственной продукции и беспоощадно обирают крестьян. Какао, например, в 1950—1951 гг. скупали у крестьян по 360 долларов за тонну, в Нью-Йорке продавали по 808 долларов за тонну⁷. Крестьянин закабален, он всегда в долгу у агентов компаний, ростовщиков, он не

⁷ «Новое Время», 1952, № 46, стр. 14.

волен распоряжаться продукцией своего хозяйства и вынужден сдавать ее за любую цену какую ему предложат. Обследование питания крестьян Северных территорий в 1945—1946 гг. вскрыло страшную картину систематического голодания. Этим обследованием установлено, что потребляемое ими количество пищи дает на одного человека в день в среднем 500—600 калорий⁸, при норме человека физического труда от 3 до 5 тысяч калорий.

Медицинская помощь фактически отсутствует. Переписью 1948 г. учтено по форме «В» 485 шаманов, 442 знахаря и только 38 врачей. Среди европейского населения Золотого Берега переписью учтено лишь 66 медицинских работников, но они работают преимущественно в городах и обслуживают колониальных чиновников. В деревне население «лечится» у шаманов и знахарей.

Детская смертность очень высокая, средняя продолжительность жизни низкая. Возрастной состав населения (в процентах к итогу):

до 1 года	8,2
от 1 до 16 лет	34,8
от 16 до 45 лет	43,3
старше 45 лет	13,7

100,0

Населения в возрасте 45 лет и выше очень мало — 13,7%. В Южно-Африканском Союзе эта возрастная группа среди европейской части населения составляет 23%, а в США — 26,5% всего населения. Применение принудительного труда в форме ли трудовых мобилизаций или в форме контрактного труда создает диспропорции в половом составе населения и тем самым снижает рождаемость. В горняцких поселках женщин меньше, чем мужчин, в сельских местностях, наоборот. Так, например, в горняцком поселке Прести женщины составляют только 35,8% всего населения, а в сельских районах дистрикта Гонжа — около 60%.

Коренное население почти поголовно неграмотно. Следующая таблица, взятая из доклада об итогах переписи 1948 г., показывает процент получивших образование по отношению ко всему населению:

Группы дистриктов	Имеющих образование		
	от 3 до 6 классов	7 классов и выше	Всего
Колония	3,5	2,3	5,8
Ашанти	2,5	1,4	3,9
Северные территории	0,12	0,09	0,21
Того	2,2	0,9	3,1
Среднее по Золотому Берегу	2,4	1,6	4,0

В среднем по Золотому Берегу только 4%, или 4 человека из ста, имеют какое-то образование. Если из общей численности населения исключить детей до 10-летнего возраста, процент грамотности поднимется до 5,5. В северных территориях на каждую тысячу человек приходится только два грамотных. В дистрикте Мампруси, например, из более чем тысяча населенных пунктов только в 200 имеются грамотные (чаще по 1—2 человека), в 80% населенных

⁸ «West Africa» от 6 апреля 1946 г.

пунктов нет ни одного грамотного человека. Даже в дистрикте Аккра, наиболее развитом, из 410 населенных пунктов, 266 не имеют ни одного грамотного человека. Только дети богачей, эксплуататорской верхушки получают образование, некоторые из них получают и высшее образование за границей. Они-то и составляют прослойку национальной интеллигенции; трудящиеся массы неграмотны. Таково действительное лицо «цивилизаторской миссии» английского империализма на Золотом Берегу. Колонизаторы намеренно держат поработенные народы в темноте и невежестве.

В материалах переписи имеется список населенных пунктов с указанием численности населения, что позволяет дать, хотя и далеко не полную, картину расселения. Перепись не подразделяет население на городское и сельское; подсчет по населенным пунктам затруднен, так как и сами населенные пункты не разделяются на городские и сельские. Городов много, но все они мелкие. Самый крупный город — административный центр колонии — Аккра насчитывает 133 192 человека африканского населения. За ним по численности населения идут: Кумаси — 58 626 (вместе с пригородами 77 689), Секонди-Такоради — 43 743, Кейпкост — 23 206, Тамале — 16 055 человек и т. д. За 17 лет, прошедших после переписи 1931 г., население городов значительно выросло. Сравним данные переписей 1931 и 1948 гг. по названным здесь наиболее крупным городам.

Города	1921	1948
	(в тысячах)	
Аккра	70	133
Кумаси	35	58
Секонди-Такоради	22	43
Кейпкост	17	23
Тамале	12	16

В общей массе населения жители городов составляют незначительный процент, Золотой Берег — страна сугубо аграрная, крестьянская.

Сельские населенные пункты, как правило, очень мелкие. Группировка населенных пунктов по числу жителей в двух дистриктах дала следующие результаты (в процентах к итогу).

Дистрикты	Количество населенных пунктов по числу жителей			
	до 50	51—100	101—1000	более 1000
Беквай	39	19	42	1
Ва	7	14	76	3

Населенных пунктов с количеством жителей больше тысячи человек только 1—3% всех населенных пунктов. Наиболее многочисленна группа населенных пунктов с населением от 101 до 1000 человек. Бросается в глаза различие между Ва и Беквай. Племенной состав населения Ва, как и всех других дистриктов, довольно пестрый, но основными, доминирующими по численности населения являются племена дагарты. Беквай населяют главным образом (83% всего населения) ашанти. В характере расселения сказываются этнические традиции. Но известно, что

сами эти традиции определяются характером производства и географической средой. Бекваи расположен в зоне густых лесов, и основным занятием населения является земледелие, а основной культурой — какао. Ва, наоборот, расположен в зоне почти безлесных степей, где, наряду с земледелием, значительную роль играет скотоводство. На Золотом Берегу насчитывается около 300 тысяч голов крупного рогатого скота, из них две трети в северных районах. Основной животноводческий район — Мампруси. В этом дистрикте населенные пункты с населением от 101 до 1000 составляют 85 %, а крупные населенные пункты с населением больше 1000 человек — 10 %.

Материалы переписи позволяют сгруппировать населенные пункты по количеству домохозяйств, а последние — по числу жителей в них. Прделаем эту, хотя и кропотливую, но очень интересную работу по этим же двум дистриктам. В переписи значатся houses or compounds; это или хижина или группа хижин, входящих в одно домохозяйство. Домохозяйство с одной хижинной — это редкое явление, обычно домохозяйство включает несколько хижин, огороженных общим забором. Большинство населенных пунктов (52 % в Бекваи и 67 % в Ва) включает в себя от 10 до 100 домохозяйств. Населенные пункты с 1—5 домохозяйствами составляют в Ва 18 %, а в Бекваи — 32 %. В Бекваи насчитывается около 100 одиноко стоящих домохозяйств-хуторов, а в Ва их только 26.

В Бекваи не только населенные пункты меньше, но и домохозяйства мельче. Следующие средние данные представляют большой интерес:

	Бекваи	Ва
Число хижин в домохозяйстве	4	8
Число жильцов в домохозяйстве	8	17

В Бекваи самые крупные домохозяйства достигают 36 человек, а в Ва — до 100 и больше. Число людей, входящих в одно домохозяйство, это наиболее объективный, точный показатель разложения большой патриархальной семьи, этого последнего оплота первобытно-общинных порядков. В дистрикте Ва крупные домохозяйства представляют собой самое обычное явление, здесь капиталистические отношения развиты значительно меньше, в большей мере сохраняются патриархально-феодальные отношения, а вместе с ними и большая патриархальная семья, наоборот, в Бекваи — зоне плантаций какао — большая патриархальная семья распалась и лишь кое-где сохраняется в виде редкого исключения; домохозяйства, включающие больше 10 человек, составляют всего лишь 0,3 % всех домохозяйств. Здесь идет интенсивный процесс образования классов буржуазного общества.

4

Формирование классов буржуазного общества, и особенно рабочего класса, на Золотом Берегу, как и вообще в колониях, проходит сложным, мучительным для трудящихся путем.

Империалисты не могут эксплуатировать колонии, не создавая в них товарного хозяйства. Развитие товарного хозяйства при определенных условиях — «если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных

рабочих капиталистами»⁹ — неизбежно приводит к капитализму. Это объективно действующий закон общественного развития.

Но развитие капитализма в колониях противоречит интересам колониальных монополий, интересам извлечения максимально высоких прибылей. Они не хотят делиться своими прибылями с национальной буржуазией. Рабочий класс является их антиподом. Империалисты превращают мелкое крестьянское хозяйство колоний в товарное хозяйство, насаждают монокультуру и вместе с тем экономическими и административно-полицейскими мерами пытаются задержать превращение его в капиталистическое производство. Империалисты искусственно задерживают развитие промышленности и национальной промышленной буржуазии. «В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил»¹⁰.

Империалисты предпочитают использовать разные докапиталистические формы эксплуатации, консервируют наиболее отсталые формы общественных отношений, ревниво оберегают разного рода феодальные и полуфеодальные элементы, как свою надежную социальную опору. Это глубокое противоречие между производственными отношениями и характером производительных сил создает исключительно тяжелые условия жизни трудящейся части населения колоний и представляет собой экономическую основу национально-колониальной революции.

Попытаемся использовать сведения переписи о занятиях населения для характеристики классового состава населения. Эти сведения, как уже указывалось, крайне неполны. Учитывалось занятие только мужчин в возрасте 15 лет и старше. Они составляют 1308 тысяч человек, или 31,8% всего коренного населения. Выделялись только 4 группы занятий:

1) производители какао; 2) ремесленники и квалифицированные рабочие; 3) купцы, мелкие торговцы; 4) неквалифицированные рабочие.

Учтенные по этим четырем группам, вместе взятые, составляют 510 975 человек, или 39,0% всех взрослых мужчин. Почти две трети взрослых мужчин включены без всякой дифференциации в группу «Remainder» — остальные. Следовательно, дифференцированные сведения о занятиях относятся только к незначительной части населения. Нескольким более подробные сведения дает форма «В», но по этой форме учтена еще меньшая часть населения — 200 тысяч мужчин и 118 тысяч женщин в возрасте 15 лет и старше.

Группы дистриктов	Абсолютные данные (в тыс.)				% ко всем взрослым мужчинам			
	группы занятий							
	1	2	3	4	1	2	3	4
Колония	93,1	91,7	33,4	125,8	13,0	12,8	4,7	17,5
Ашанти	55,6	25,9	15,9	43,9	21,5	10,0	6,1	17,0
Северные территории	1,3	9,6	6,8	7,8	0,4	2,9	2,1	2,4
Того	9,6	9,9	4,0	7,9	8,1	8,4	3,4	6,8
Золотой Берег ¹¹	150,0	127,2	56,1	177,5	11,5	9,7	4,3	13,6

⁹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 14, 15.

¹⁰ Там же, стр. 8.

¹¹ В общем итоге данные по Того не учитываются: районы его включены в соответствующие группы дистриктов.

Приведенная таблица включает сводные данные форм «А» и «В» о занятиях самодеятельного мужского населения по группам дистриктов.

Рассмотрим каждую группу занятий отдельно.

Какао — основная товарная культура и главная статья экспорта Золотого Берега. Как сообщает английская колониальная пресса, 40 % населения Золотого Берега так или иначе связаны с какао¹². Перепись не дает полного представления о роли какао в занятиях населения. Приведенная в таблице цифра — 150 тысяч, в докладе о переписи включена в графу «cultivation of cocoa» — производство какао, без какой-либо расшифровки. В другом месте доклада, в графе «owners of cocoa farms» — владельцы плантаций какао, — приведена большая цифра: 180 тысяч. Очевидно, что первая цифра указывает число владельцев безотносительно к тому, владеют они одной-двумя плантациями или больше; вторая цифра указывает число плантаций.

В докладе оговорено¹³, что цифра 150 тысяч не включает в себя рабочих, занятых уборкой какао; перепись вообще не дает сведений о численности этих рабочих. Журнал «Вест Африка»¹⁴ называет цифру в 300 тысяч человек — владельцев, совладельцев, арендаторов плантаций и производителей (cultivators) какао. Можно полагать, что разница между этими двумя цифрами — 150 тысяч человек и представляет собой cultivators, т. е. постоянных наемных рабочих на плантациях какао. В этом же журнале указывается, что на уборке какао занято 250 тысяч сезонных рабочих.

Перепись не дает сведений о классовой дифференциации производителей какао, хотя она достигла уже значительных размеров. Имеются богатые плантаторы, владеющие несколькими плантациями; наряду с ними имеются совладельцы, издольщики и арендаторы. Массовое применение наемного труда, около 400 тысяч рабочих в период уборки, говорит о том, что, наряду с мелкими крестьянскими плантациями, имеются крупные плантации капиталистического типа.

В нашем распоряжении имеются подробные данные о классовой дифференциации владельцев плантаций какао только по одной деревне Акокоасо, расположенной в самом центре зоны какао (Западный Аким)¹⁵. Воспользуемся этими данными в качестве одного, но яркого примера. Как указывает автор книги, деревня Акокоасо является типичной среди множества деревень, разбросанных в зоне какао. Собранные им данные относятся к 1933—1934 гг. Следует заметить предварительно, что автор обработал свои материалы в соответствии с традициями буржуазной экономической науки и потому крайне несовершенно. Он предпочитает обходиться средними цифрами и совсем не дает группировку плантаторов по размерам годового дохода.

В деревне Акокоасо живет 201 семья, 1181 человек населения. Средний размер семьи — 6 человек; 122 семьи состоят только из родителей и детей, в 60 семьях живут родственники и в остальных семьях чужие. Это подтверждает сделанный на основе анализа материалов переписи вывод о том, что в зоне какао большая патриархальная семья распалась.

Самодеятельного населения в деревне — 674 человека, из них с производством какао связаны 467 человек, 43 ремесленника, 28 собирателей каучука, 17 охотников, 9 скупщиков какао, 3 мелких торговца и т. д. Среди производителей какао 267 владельцев плантаций, 87 издольщиков, 113 постоянных рабочих; 56 владельцев плантаций держат постоянных рабочих.

¹² «West Africa» от 23 февраля 1952 г.

¹³ Доклад о переписи, стр. 20.

¹⁴ «West Africa» от 23 февраля 1952 г.

¹⁵ W. H. Beckett, Akokoaso, London, 1947, 2-е изд. Выпуск № 10 серии монографий, издаваемых лондонской школой экономических и политических знаний при Лондонском университете.

В деревне 795 плантаций общей площадью 1968 акров, из них плодоносящих — 762 акра¹⁶.

Группировка плантаций по количеству земли

Размер плантаций в акрах	Число план- таций	% к итогу
Меньше 1 . .	29	} 68,6
1—2	517	
3—4	158	
5—6	57	} 29,0
7—8	16	
9—10	8	
11—15	8	} 2,4
Больше 16 . .	2	
Итого . .	795	100

Более чем две трети плантаций — мелкие плантации, менее 2 акров каждая. Но группировка плантаций по количеству земли еще ничего не говорит о дифференциации плантаторов, так как каждый плантатор, как правило, имеет не одну, а 2—3 плантации в разных местах; в деревне Аकोкоасо 5 плантаторов имеют по 7 плантаций каждый.

Сведем всех плантаторов в 3 группы по общему количеству земли под плантациями.

Г р у п п	1	2	3
Общий размер плантаций в акрах	1—2	3—9	10 и больше
Плантаторов*	75	125	67

Более чем одна треть плантаторов имеют по 1—2 акра земли под плантациями, а четвертая часть — более чем по 10 акров. Один из плантаторов имеет 95 акров, из них 80 акров плодоносящих. Для более точной оценки дифференциации следовало бы иметь сведения о капиталовложениях, применении наемного труда и урожайности по каждой из этих групп. Автор не дает этих сведений. Имеется, однако, группировка плантаторов по количеству собранных бобов. Упростив ее для ясности, получим следующую таблицу:

Г р у п п ы	1	2	3
Плантаторов	123	61	17
% к общему числу плантаторов	61	30	9
Сбор на одного плантатора (тонны)	До 0,5	0,5—1,5	1,5 и больше
Доля каждой группы в общем сборе по деревне (проценты)	20	35	45

¹⁶ Кусты какао начинают плодоносить в конце пятого года и при хорошем уходе плодоносят 30—40 лет. Бобы какао снимают два раза в год — главный сбор в сентябре — декабре, дополнительный в апреле — июне.

Какао — это товарная культура. Это культура трудоемкая, плантация какао требует постоянного ухода, и она обычно поглощает все силы крестьянской семьи. Владельцы плантаций какао покупают, при наличии денег, не только промышленные товары, но и значительную часть продовольствия. В зоне плантаций какао все продается и все покупается. Это — высокотоварное хозяйство. Вслед за продуктами труда в товарное обращение поступает и земля. В деревне Аकोасо земля сдается в аренду, закладывается, продается и покупается. Товарная культура не совместима с первобытно-общинными порядками, она взрывает их, уничтожает, на смену первобытно-общинным порядкам приходят новые порядки, капиталистические. На Золотом Берегу в условиях сохраняющегося, искусственно поддерживаемого

Ввиду этой роли какао в развитии общественных отношений большой интерес представляет распространение этой культуры. Мной составлена публикуемая здесь по материалам переписи 1948 г. картограмма распространения какао. Картограмма показывает процентное соотношение владельцев плантаций какао ко всему мужскому самодеятельному населению по дистриктам. В северных районах, а также в юго-восточном углу (дистрикты Аккра и Кета-Ада) плантаций какао нет. Учетные переписью в этих районах производители какао, составляющие менее одного про-

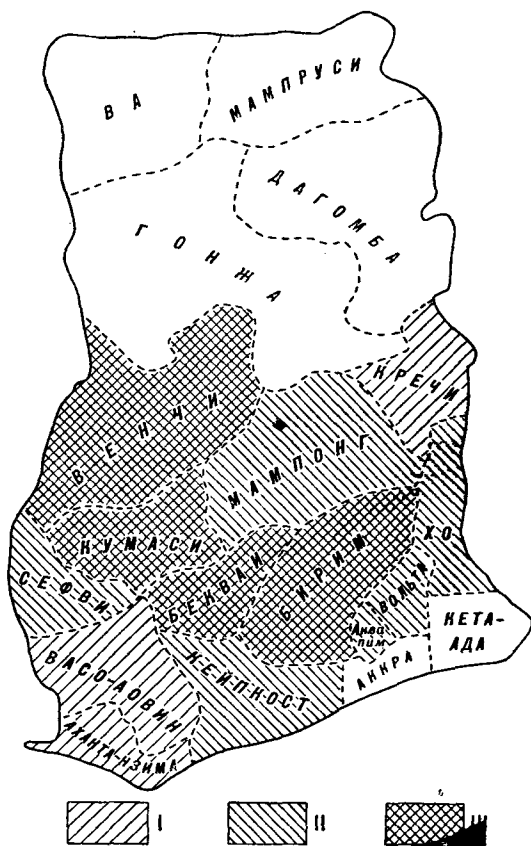

Рис. 1. Карта распространения культуры какао
Условные обозначения. Процент мужского населения, занятого в производстве какао: I — до 10; II—11—20; III—больше 20 лет

¹⁷ Всякая земельная сделка требует уплаты определенной мзды так называемому **вождю племени**, в его пользу собираются различные налоги, сборы и т. п.

цента самостоятельного мужского населения, как предполагают составители доклада об итогах переписи, владеют плантациями в других районах в зоне какао. Северные районы — районы животноводства и продовольственных культур (просо, арахис и др.). Они являются вместе с тем поставщиками сезонной рабочей силы для зоны какао.

На первом месте по степени занятости в производстве какао стоит дистрикт Бирим, где производители какао составляют 28,7% всего самостоятельного мужского населения, за ним идут Кумаси (23,2%), Бекваи, Венчи и т. д. В основном это районы, населенные народностью ашанти.

Перейдем ко второй группе занятий — ремесленники и квалифицированные рабочие. По этой группе учтено 123 251 человек. Установить

Рис. 2. Ткач

численность ремесленников и квалифицированных рабочих отдельно невозможно. Вопрос о квалифицированных рабочих будет рассмотрен в связи с характеристикой четвертой группы занятий. Здесь мы попытаемся дать характеристику ремесленников, пользуясь материалами формы «В».

Процесс отделения ремесла от земледелия начался на Золотом Берегу давно, еще до империалистического вторжения, и сейчас ремесло представляет собой самостоятельную отрасль занятий значительного числа людей. Попрежнему широко распространена домашняя промышленность: крестьяне сеют хлопок и сами ткут ткани, делают глиняную посуду, деревянную утварь и т. п. Домашняя промышленность является неизбежным спутником мелкого крестьянского хозяйства. Степень ее развития обратно пропорциональна развитию товарного хозяйства. В зоне плантаций какао она имеет уже меньшее значение, чем в северных районах Золотого Берега. Более всего ремесло развито, естественно, в городах, где ремесленники и были учтены по форме «В». Собранные по этой форме материалы дают возможность составить некоторое представление и о социальных отношениях в ремесле, поскольку в них выделены наниматели, работающие без применения наемного труда и работающие по найму.

Выделим некоторые, наиболее распространенные виды занятий.

	Наниматели	Работающие без применения наемного труда	Работающие по найму
Рыболовство	21	13 346	147
Обработка дерева	57	5 673	[33] ¹⁸
Прядильщики и ткачи . . .	2	612	94
Портные	17	5 878	325
Обработка металла . . .	35	7 173	2 430
Сапожники	5	2 414	112
Итого	137	36 096	3 141

Эти данные относятся не только к ремеслу, но и к фабрично-заводской промышленности, разделить их не представляется возможным.

Рис. 3. Гончарство

Соотношение численности нанимателей, работающих по найму и работающих без применения наемного труда по занятиям, приведенным в таблице, свидетельствует о том, что перед нами в основном не фабрично-заводская, а мелкая ремесленная промышленность. Работающие без применения наемного труда составляют 90% общей численности. Это типичные кустари-одиночки. Среди нанимателей имеется, вероятно, некоторое число владельцев небольших предприятий с механическим двигателем, в основном это владельцы мелких ремесленных мастерских с наемным трудом.

Обрабатывающей фабрично-заводской промышленности на Золотом Берегу фактически нет. Нет ни машиностроительных заводов, ни текстильных фабрик. Английские империалисты намеренно не допускают развития обрабатывающей промышленности. Роль Золотого Берега, как

¹⁸ Здесь явная ошибка: число работающих по найму не может быть меньше числа нанимателей.

и других колоний, в империалистической системе сводится к тому, чтобы производить сырье и покупать промышленные изделия метрополий. Ничего в этом отношении не меняют и послевоенные так называемые «планы развития колоний»; на самом деле они являются всего лишь планами усиления разграбления естественных богатств колоний. Обрабатывающая промышленность представлена в основном лесопильными заводами, ремонтно-механическими мастерскими и мелкими предприятиями пищевой промышленности. Большая часть их принадлежит иностранному капиталу.

Горная промышленность монополизирована иностранными компаниями. Национальный капитал появился в горной промышленности лишь в годы второй мировой войны, и занят он главным образом, если не исключительно, в добыче аллювиальных алмазов, не требующей сложного оборудования и больших капиталов.

По сообщению английской колониальной прессы¹⁹, в 1951 г. африканцам было выдано 498 лицензий на добычу аллювиальных алмазов.

За 1951 г. ими было добыто алмазов 876 тысяч карат, стоимостью в 3173 тысячи фунтов стерлингов. Европейские компании в этом же году добыли также 876 тысяч карат, т. е. половина продукции алмазодобывающей промышленности принадлежит национальному капиталу. Английские монополии попытались добиться запрещения приложения национального капитала в алмазодобывающей промышленности, но колониальные власти были вынуждены пойти на уступки национальной буржуазии. Часть африканцев, занимающихся добычей алмазов, являются старателями, работающими в одиночку или артелями, но в 1951 г. 140 африканцев нанимали около 5 тысяч рабочих²⁰.

Основную часть национальной буржуазии Золотого Берега составляют владельцы плантаций какао. Вслед за ними идет торговая буржуазия, к характеристике которой мы и перейдем. Переписью 1948 г. она учтена отдельно по третьей группе занятий.

Из 195 тысяч самостоятельного мужского населения, учтенного по форме «В», 25 тысяч занято в торговле. Из них 9432 работают по найму, 15 284 работают самостоятельно без применения наемного труда и 161 являются нанимателями. В число работающих по найму входят главным образом служащие иностранных торговых фирм. Невозможно установить, сколько из них работает по найму у африканских купцов. Основную массу лиц, занятых в торговле, составляют лотошники, уличные продавцы и лавочники, работающие без применения наемного труда. Формой «В» не учтена торговая буржуазия сельских местностей, огромная армия скупщиков какао и др.

По данным английской колониальной прессы, на Золотом Берегу встречаются крупные африканские купцы, занятые, в частности, операциями по скупке и продаже какао. Но их немного. Для огромного большинства африканцев занятие торговлей является средством добыть кусок хлеба. Английские монополии забрали в свои руки не только внешнюю торговлю, но и львиную часть внутриторгового оборота. На долю национальной буржуазии осталось по существу лишь посредничество между иностранными компаниями и местным населением. Немногочисленная крупная торговая буржуазия является компрадарской буржуазией, обслуживающей иностранные монополии, связанной с ними и от них зависящей.

Четвертая группа занятий — неквалифицированные рабочие — включает 177 тысяч человек. Поскольку квалифицированные рабочие учтены вместе с ремесленниками по одной группе, нельзя на основании переписи установить общую численность рабочих. По сообщению английской

¹⁹ «West Africa» от 22 марта 1952 г.

²⁰ «West Africa» от 27 октября 1951 г.

колониальной прессы²¹, в 1947 г. на Золотом Берегу насчитывалось 277 тысяч рабочих. Разница в 100 тысяч не может быть отнесена на счет квалифицированных рабочих, их гораздо меньше. Перепись проводилась в такое время года, когда на плантациях какао не было сезонных рабочих, а цифра 277 тысяч рабочих включает в себя, очевидно, и сезонников на плантациях какао. В начале 1951 г. общая численность рабочих определялась в 306 тысяч человек.

По данным за 1947 г., из 277 тысяч рабочих было занято:

на плантациях какао	210 000
в горной промышленности	38 600
в торговых предприятиях	11 400
в лесной промышленности	10 000
на транспорте	8 000

Основной отряд рабочего класса — сельскохозяйственные рабочие. В начале 1952 г. их насчитывалось 250 тысяч²². В большей части это сезонники, крестьянская беднота, приходящая в поисках заработка даже из-за пределов Золотого Берега. На втором месте по численности стоят горняки. В 1951 г. насчитывалось свыше 40 тысяч горнорабочих²³. Большинство их представляет собой еще отходников, законтрактованных для работы в копах на определенный срок.

Характерной особенностью капиталистических предприятий в колониях является низкий органический состав капитала. В горной промышленности и на плантациях империалисты предпочитают обходиться ручным трудом, без применения машин и сложных механизмов. Здесь с особой силой сказывается открытый И. В. Сталиным основной экономический закон современного капитализма. «Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей»²⁴. Экспроприация земель в колониях и обезземеливание крестьянства выбрасывают на рынок труда массу дешевой рабочей силы. Империалисты применяют, кроме того, в широких размерах принудительный труд. В этих условиях применение машин, с точки зрения основного экономического закона современного капитализма, становится невыгодным.

Но это обстоятельство задерживает рост численности кадрового пролетариата. Ручной труд не требует квалификации, особой выучки. Монополии предпочитают поэтому иметь дело не с кадровыми квалифицированными рабочими, а с крестьянами-отходниками, которым можно меньше платить и которые менее подготовлены для организованной борьбы за свои права. На Золотом Берегу, как и в других африканских колониях, наблюдается такое, например, на первый взгляд парадоксальное: при наличии массы безработных рабочих монополии кричат о недостатке рабочей силы и требуют от колониальных властей мер принуждения. Основную массу работающих по найму составляют отходники, крестьянская беднота, полупролетарии. В их колониях местные рабочие до квалифицированной работы не допускаются, а квалифицированные рабочие ввозятся из

иные от многих других африканских колоний, на Золотом Берегу и вообще в колониях Гвинейского побережья, рабочих европеев. В списке занятий европейцев по переписи 1948 г. значатся,

st Africa» от 18 сентября 1948 г.

st Africa» от 23 февраля 1952 г.

st Africa» от 27 октября 1951 г.

Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

кроме чиновников, лишь инженеры и надсмотрщики. Рабочие африканцы выполняют все виды работ: рубят лес, копают землю, водят паровозы и управляют сложными машинами. По форме «В» учтены рабочие всех специальностей горной промышленности и транспорта. В отличие от многих других африканских колоний квалифицированные рабочие составляют поэтому на Золотом Берегу более значительную прослойку рабочего класса. Квалифицированные рабочие — это уже кадровые пролетарии, это — основная сила, цементирующая рабочий класс Золотого Берега. Но они пока еще немногочисленны.

Анализ занятий населения Золотого Берега приводит нас к следующим выводам. Более чем три четверти всего населения связано с сельским хозяйством: типичная картина колониальной страны, развитие которой задерживается империалистическим господством. Специализация значительной части крестьянства на культуре какао создала предпосылки для быстрого развития товарного хозяйства, капитализма и разложения старых, патриархальных и патриархально-феодалных отношений. В зоне плантаций какао идет интенсивный процесс классового расщепления крестьянства, выделения немногочисленной прослойки богатых плантаторов — кулаков и разорения, обнищания основной массы крестьянства. Еще сохраняется класс феодалов и зависимое от них, эксплуатируемое ими мелкое крестьянство, уже образовались, быстро растут и крепнут классы буржуазного общества: национальная буржуазия и пролетариат. Национальная буржуазия экономически еще слаба, в своей основной массе это еще мелкая буржуазия. На пути ее развития стоят иностранные колониальные монополии, господствующие во всех сферах экономической жизни. Численность кадровых промышленных рабочих пока еще не велика. Но общая численность лиц, работающих по найму в промышленности, в сельском хозяйстве и на транспорте, составляет примерно уже одну четвертую часть самодостаточного мужского населения.

5

Для характеристики этнического состава населения Золотого Берега перепись 1948 г. дает еще меньше материалов, чем для характеристики занятий. В докладе об итогах переписи имеются сведения о расселении племен и миграции населения. Отсутствуют наиболее точные, яркие и убедительные сведения о языке. Опираясь на эти скудные материалы, можно все же попытаться проанализировать происходящие на Золотом Берегу процессы этнического развития народов.

В докладе приведен список «племен». Он включает 56 названий. Среди них крупнейшие по численности (в тыс.):

ашанти	580	аким	132
эве	514	адангме	121
фанти	463	дагарты	119
фрафра	174	кробо	95
дагомба	172	кусаси	93
га	148	аквапим	89
бронг	138		

Уже численность этих «племен», особенно ашанти, эве и фанти, говорит о том, что перед нами не племена; исходя из численности, их можно было бы назвать группами родственных племен. Но мы уже видели, что у этих «племен» существуют классы и феодального и буржуазного общества. Ашанти имели свое государство, оказавшее стойкое сопротивление английским империалистическим захватчикам.

Злоупотребляя понятиями, английские этнографы и колониальные власти продолжают называть ашанти, эве и другие племенами для того, чтобы принизить уровень общественного развития народов и тем самым обосновать нежелание английских империалистов предоставить этим народам национальную независимость, т. е. отказаться от тех максимальных прибылей, которые приносит им колониальная эксплуатация.

На Золотом Берегу, особенно в его северных районах, наиболее отсталых в своем развитии, есть еще народы, сохраняющие в той или иной мере прежние порядки родо-племенного устройства, порядки, ставшие колониальными властями. Но не они уже определяют уровень этнического развития народов Золотого Берега.

На публикуемой здесь карте распространения языков заштрихована территория, населенная народами, говорящими на диалектах двух родственных, взаимопонимаемых языков тви и фанти, группы акан. Это зона распространения культуры какао, в экономическом и политическом отношении наиболее развитая. В основном это территория бывшего государства Ашанти. На этой территории живет 2,5 млн. человек, составляющего около 60% всего населения Золотого Берега. Таблица (см. внизу) показывает «племенной» состав населения этой территории по дистриктам.

Довольно четко вырисовываются этнические территории. Ашанти населяют четыре соседних дистрикта, фанти — три других, также соседних дистрикта и т. д. Но, во-первых, они живут не только в этих дистриктах. Во-вторых, они не являются единственными в этих дистриктах и даже не везде составляют большинство населения.

Рис. 4. Лингвистическая карта Золотого Берега. Заштрихована территория распространения языков группы акан (Из книги D. T. Adams „A Gold Coast geography“, London, 1951)

Дистрикты	Крупнейшее „племя“ в дистрикте	% населения этого „племени“ ко всему населению дистрикта	% членов „племени“, живущих в этом дистрикте, ко всему „племени“
Бекваи	Ашанти	83	22
Кумаси	„	76	49
Мампунг	„	67	12
Крачи	„	42	2
Аханта-Нзима	Фанти	20	8
Кейпкост	„	75	80
Васо-Аовин	„	12	3
Бирим	Аким	33	94
Сефви	Сефви	70	98
Венчи	Бронг	66	87
Аквапим	Аквапим	35	45

Следующая таблица дает расселение трех основных «племен» — ашанти, фанти, эве.

Дистрикты	Общая численность населения	„Племена“		
		ашанти	фанти	эве
Аккра	217 056	2 629	7 448	20 531
Аханта-Нзима	178 397	2 496	35 947	4 435
Аквацим	113 658	15 134	1 910	13 894
Бирим	370 170	10 334	11 752	21 668
Кейпкост	494 939	7 366	369 877	7 434
Хо	172 530	12 697	188	137 093
Кета-Ада	304 231	160	132	245 380
Сефви	65 084	4 817	2 057	339
Вольта ривер	164 749	547	281	53 030
Васо-Аовии	130 692	4 448	15 921	1 946
Беквай	157 701	131 449	5 682	1 017
Кумаси	374 952	286 106	11 308	4 500
Мампонг	102 736	69 705	396	787
Венчи	181 984	17 515	561	283
Дагомба	223 589	572	217	326
Гонжа	84 404	377	71	488
Крачи	31 601	13 831	30	1 600
Мампруси	531 078	83	77	65
Ва	205 007	103	30	119

Ашанти, фанти и эве, сохраняя свои этнические территории, расселились по всей территории Золотого Берега. В равной мере и другие «племена» смешиваются между собою.

Процесс взаимного проникновения, смешения народов начался очень давно. Он проходил интенсивно в период формирования конфедерации ашанти, в период войн ашанти с фанти, войн ашанти за независимость против английского империализма. Развитие горной промышленности, портового, дорожного строительства и развитие капитализма в сельском хозяйстве превратило этот процесс в постоянное и неотвратимое явление.

Обратимся к материалам переписи 1948 г., характеризующим миграцию населения внутри Золотого Берега.

Территории	Всего	Зарегистрированных по месту рождения	Зарегистрированных в других местах			
			Колония	Ашанти	Северная территория	Того
Колония (исключая Того)	100	77,0	20,4	2,1	0,1	0,4
Ашанти	100	80,2	4,5	14,6	0,5	0,2
Северные территории (исключая Того)	100	75,4	8,0	7,1	7,4	2,1
Того	100	79,3	11,5	1,7	0,7	6,8

Всего по Золотому Берегу зарегистрировано переписью по месту рождения 74%, т. е. одна четвертая часть населения переменяла местожительство. Переселяются не только внутри данной территории (что чаще), но также из одной территории на другую. Более мощный поток переселенцев наблюдается из более отсталых северных районов в капиталистически развитые южные районы.

Наличие марионеточных феодальных княжеств и феодальных земельных отношений сдерживает процесс перемешивания этнических компо-

нентов, входящих в состав населения этой области Золотого Берега, но под влиянием развития капитализма он неуклонно развивается. На месте старых этнических общностей создается новая этническая общность. Для этой новой этнической общности характерны уже не только общность территории, но общность экономической жизни, наличие национальной буржуазии, интеллигенции и пролетариата, национальных организаций и прессы. Нет сомнения, что в этой части Золотого Берега идет формирование буржуазной нации. Национальные организации дали уже ей свое название гана, ведя, хотя и на весьма шатких, сомнительных основаниях, происхождение народов группы акан от народов средневекового западносуданского государства Гана. Как далеко зашел процесс формирования этой нации, сказать невозможно из-за отсутствия сведений о развитии языков. Империалистический гнет в сочетании с пережитками феодализма препятствует формированию наций, но нации, как учил нас великий Ленин, — «неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»²⁵. Там, где развиваются капиталистические отношения, там неизбежно идет процесс формирования буржуазной нации.

Менее ясна этническая картина северных территорий. Этнолингвистический состав более пестрый. Вследствие большой отсталости больше сохранилась родо-племенная структура. Всего здесь насчитывается 31 племя. Наиболее крупные из них (в тысячах):

фрафра	174	нанкани	59
дагомба	172	конкомба	59
дагарты	119	мампруси	50
кусаси	93	гонжа	48

Каждое из них сосредоточено в основном в одном дистрикте: 96% гонжа живут в Гонжа, 95% мампруси — в Мампруси, 89% дагомба — в Дагомба и т. д. На Северных территориях живут 7320 человек фульбе (всего их на Золотом Берегу 13 121 человек) и 6415 человек хауса (всего их на Золотом Берегу 33 522 человека), основная масса которых живет в северной части Нигерии.

Особое место в этническом составе Золотого Берега и в комплексе национальных проблем Западной Африки занимают эве.

Переписью 1948 г. на Золотом Берегу (без Тоголенда) учтено 375 939 человек эве. Основная их масса — 245 380 человек — населяет соседний с Тоголендом дистрикт Кета — Ада. В английской части Тоголенда переписью 1948 г. учтено 138 996 человек. Во французской части Того живет 419 тысяч эве. Кроме того, на языке эве говорят 250 тысяч в Дагомее и 40 тысяч в Нигерии²⁶. Некоторое количество эве живет в Сьерра Леоне и в Бельгийском Конго. Общая численность говорящих на языке эве достигает одного миллиона человек. Колониальными границами они разорваны на несколько частей.

После второй мировой войны под влиянием всемирно-исторических побед демократических сил мира среди эве началось движение за воссоединение, за ликвидацию разделяющих их границ. Для координации действий эве различных колоний в 1946 г. была создана постоянно действующая организация — Объединенная конференция эве. Президентом конференции был избран Сильванус Олимпио, управляющий отделением Объединенной Африканской компании в Ломе (французская часть Того), проявивший себя активным и последовательным борцом за объединение эве. Под влиянием конференции стали создаваться национальные организации эве в различных колониях.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 56.

²⁶ Macdgal d, Languages and press in Africa, Philadelphia, 1944.

В английской части Того все ассоциации, союзы и общества в 1951 г. объединились в Объединенный конгресс Тоголенда. Его президент Антар на 8-й сессии Совета по опеке в марте 1951 г. говорил, что Конгресс — «это организация, в которой представлены верховные вожди, вожди, старейшины, помощники вождей, различные политические и другие организации английского Того», что «он требует создания свободного, независимого и демократического государства в Тоголенде». Во французской части Того движение за объединение возглавляет Комитет единства тоголезцов²⁷. Национальные организации эве возникли на Золотом Берегу, а также в Лагосе (Нигерия), Фритауне (Сьерра Леоне) и Леопольдвилле (Б. Конго).

Движение эве за объединение и создание своего национального государства — это широкое, всенародное движение, охватившее ряд колоний. В нем участвуют самые различные слои населения; руководящая роль принадлежит национальной буржуазии.

Объединенная конференция эве еще в 1946 г. обратилась в Организацию Объединенных Наций с изложением своих требований. С тех пор вопрос об эве стоит в повестке дня сессий Совета по опеке. Но только представители Советского Союза поддерживают законное желание эве объединиться и стать независимыми. Англо-французские империалисты при поддержке США, маневрируя, отклоняют справедливые требования эве.

Проблема воссоединения разорванных колониальными границами частей народа эве — одна из многих проблем, волнующих поработанные империализмом народы Африки. Империалисты перекраивают карту Африки, перетасовывают свои африканские колонии, исходя исключительно из своих империалистических соображений укрепления своего господства и обогащения колониальных монополий. В Западной Африке они отказываются выполнить настойчивые требования воссоединения народа эве; в Центральной Африке они пытаются создать федерацию в составе двух Родезий и Ньясаленда вопреки сопротивлению населяющих их народов. Повседневный опыт борьбы убеждает народы колоний, что никакие национальные проблемы не могут быть разрешены без уничтожения империалистического господства.

6

Перепись населения Золотого Берега — это документ, разоблачающий английскую империалистическую политику эксплуатации и порабощения коренного африканского населения. Сокращение естественного прироста населения вследствие ограбления его колониальными монополиями, изнурительного труда, систематического недоедания и отсутствия медицинской помощи, почти поголовная неграмотность населения — таковы основные итоги «цивилизаторской миссии» английского империализма, красноречиво подтверждаемые материалами переписи.

Несмотря на крайнюю скудость материала по социальной дифференциации населения, перепись помогает глубже уяснить расстановку классовых сил в борьбе народов Золотого Берега против колониального режима порабощения. Основную массу населения составляет крестьянство, эксплуатируемое колониальными монополиями и своими феодальными вождями, превратившимися в класс полуфеодалов, полубуржуазных компраторов, в социальную опору империализма. Крупная национальная буржуазия немногочисленна; связанная своими интересами с колониальными монополиями и местными феодалами, она, добив-

²⁷ Во главе Комитета стоит крупный капиталист Августино Суза. Он владеет двумя плантациями какао, одна из них больше 400 акров. Один из его сыновей — крупный торговец и владелец отеля в Ломе («West Africa» от 10 марта 1951 г.).

шись с помощью народных масс участия в управлении колонией, пошла на соглашение с империализмом. Мелкая буржуазия и плантаторы, торговцы, ремесленники, испытывающие на себе тяжелый гнет империализма, вместе со всем народом борются за национальное освобождение, за демократическое преобразование страны. Сформировался рабочий класс, который является сейчас единственной силой, способной объединить в единый фронт все антиимпериалистические силы и возглавить их.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. НЕЧАЕВ, Н. РЫБАКОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

*(По поводу статьи В. С. Бахтина) **

Статья В. С. Бахтина очень своевременно ставит важнейшие для современной науки вопросы о народной поэзии, и в критической своей части автор решает их в основном правильно. Однако некоторые положения автора требуют существенных уточнений и добавлений.

В. С. Бахтин сосредоточил свое внимание главным образом на двух вопросах: об индивидуальном творчестве сказителей и о современном эпосе. Уже самое выделение этих вопросов, привлечение к ним внимания — большое достоинство статьи, так как выяснение этих, казалось бы, частных проблем приближает нас к разрешению важнейших вопросов современной фольклористики: 1) к определению предмета науки, самого понятия народной поэзии, ее природы и специфики и 2) к выяснению типических процессов ее развития в наше время.

Проблема индивидуального творчества сказителей (новины, поэмы, сказы, «советские былины») до сих пор вызывает большие споры среди фольклористов. В. С. Бахтин правильно полемизирует с авторами «Очерков»¹ и отказывается признавать индивидуальное творчество сказителей фольклором в том случае, когда оно, это творчество, не бытует в народе, не шифруется народом, если оно лишено ведущего признака фольклора — коллективности.

Современные произведения, написанные А. Пашковой, М. Крюковой и другими сказителями (оставляем сейчас в стороне вопрос об их художественных достоинствах), в отличие от исполняемого этими сказителями традиционного фольклора, создавались и создаются как литературные произведения и живут литературной жизнью, т. е. распространяются через печать, радио и т. д., а не имеют массового устного бытования в народе. Это и является самым существенным признаком для определения их природы. А то, что эти поэмы, новины или сказы написаны в большинстве своем колхозниками и написаны зачатую в традициях народной поэзии, определяет только их стилевые особенности, с одной стороны, а с другой, — говорит о грандиозном и небывалом размахе культуры и литературного творчества советского народа. Зачислять эти произведения в фольклор только на основании социальной принадлежности их авторов, а следовательно, и их большей связи с крестьянской культурой, у нас нет оснований, так как эти произведения лишены определяющего признака фольклора — шлифовки коллективом, массового бытования и массового исполнения.

* См. «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 152.

¹ «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи». Редакторы А. М. Астахова, И. П. Дмитраков, А. Н. Лозанова. Академия Наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1952.

В связи с индивидуальным творчеством современных сказителей В. С. Бахтин привлекает термины «фольклор по происхождению» и «фольклор по бытованию», о которых он говорит, как о чем-то совершенно ясном, что-то твердо определяющем. Думается, что термин «фольклор по происхождению» и в приложении к традиционной народной поэзии мало что определяет, а при решении вопросов советского фольклора утрачивает свое значение обязательного признака народной поэзии и только запутывает положение.

В самом деле, пока мы решаем вопросы «фольклора по происхождению», жизнь не ждет и идет вперед. Мы теперь знаем много произведений, например песен, ставших подлинно народными, несмотря на то, что они созданы профессиональными поэтами и композиторами. И это относится не только к советским народным песням, но и к песням XVIII и XIX вв. (см. работы И. Н. Розанова). Думается, никто не станет отрицать, что «Коробушка» Некрасова, «Ермак» Рылеева, «Колодники» А. Толстого, «Из-за острова на стрежень» Садовникова, «Марш Буденного», д'Актиля, «Конноармейская» Суркова, «Катюша» Исаковского, «Конная Буденного» Асеева, «Кантата о Сталине» Инюшкина, «Гимн демократической молодежи» Ошанина и многие другие являются подлинно народными песнями. Они поются не только в нашей стране, они бытуют во всем мире, и этот факт нельзя ни игнорировать, ни замалчивать. Дело фольклористов не замалчивать его, а объяснять. И выдвигать как один из определяющих признаков для современной народной поэзии признак «фольклора по происхождению», как это делает Б. Н. Путилов², или обязательность «зарождения поэзии в народных глубинах», как говорят авторы «Очерков», это значит отставать от жизни. Получается, что фольклор развивается сам по себе, а мы никак не можем оторваться от устаревших схем и стараемся новые явления втиснуть в прокрустово ложе отживших представлений.

Авторы «Очерков» не заметили, что изменился самый предмет науки, потому что они, несмотря на все их оговорки, в сущности определяющим моментом для фольклора считают его происхождение, его зарождение в основном в крестьянской среде, т. е. признак только исторический, а не бытование в народе, не коллективность, что и является самой существенной, специфической особенностью, формообразующей народную поэзию как определенный вид искусства.

Поэтому прав В. С. Бахтин, который считает индивидуальное творчество современных сказителей литературным творчеством, а не фольклором, если это творчество не отвечает самым существенным специфическим признакам народной поэзии — массовости и устности бытования и исполнения.

Не менее важен и второй, поднятый В. С. Бахтиным вопрос — о современном эпосе. Здесь для ясности прежде всего надо оговориться, что слова «эпос», «эпический», у нас иногда употребляются в двух значениях: эпос, эпическое искусство как определенная форма народного искусства, связанного с известными общественными формами развития, и эпическое искусство как искусство широких обобщений, больших полотен с громадным общественным содержанием. И по отношению к современному фольклору эти слова иногда применяются в различных толкованиях, а иногда одно толкование незаметно подменяется другим, что приводит к путанице понятий.

В. С. Бахтин поднимает вопрос о современном эпосе в первом понимании. И совершенно правильно, что об эпосе он говорит как об определенной исторической категории.

² См. Б. Н. Путилов, Об основных признаках народного поэтического творчества, «Ученые записки Грозненского гос. пед. ин-та», 1952, № 7.

Казалось бы, для советских ученых должно быть совершенно ясно, что определенные формы общественного сознания соответствуют и обуславливаются определенным базисом. «Определенной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенное расчленение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй и его мирозерцание, а следовательно, и характер его духовного производства»³. Следовательно, эстетические представления, выражающиеся во всяком искусстве и в народной поэзии в том числе, меняются вместе с условиями жизни людей, и с их общественными отношениями, с их общественным бытом.

Казалось бы, что это все ясно. Однако авторы «Очерков» в который раз уже говорят о «советских былинах» и о других близких к ним произведениях, созданных в художественной системе былин, как о современном искусстве, выражающем советское сознание. Они никак не хотят понять, что жанр былин и вся система былинных образов были созданы определенной эпохой и выражали эстетические нормы и представления своей эпохи. С тех пор прошло чуть не тысячелетие и утверждать, что поэтическое сознание почти тысячелетней давности сможет и должно выражать сознание советской эпохи — значит не понимать основных законов исторического развития.

Поэтому естественно, что и создаются-то так называемые советские былины совершенно механически. Секрет изготовления таких произведений, никакого отношения к подлинному советскому народному творчеству не имеющих, довольно простой. Берется готовая былина, зачастую из академического сборника, и в некоторые строчки вставляются современные слова, заменяются имена былинных богатырей именами прославленных современных общественных деятелей, а иной раз даже и несколько новых строчек стилизуется под старую былинку, и вот произведение готово:

Захотелся Чапая много мудростей:
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать да во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.

(Былина о Чапаеве П. И. Рябинина-Андреева)

Или

Как во той ли Финляндии озерной
А посреди ведь буржуазии богатой
А у одного рабочего обойщика
Росло чадочко веселое, отчаянно —
Молодой Антикайнен, добрый молодец.

(Былина о Тойво Антикайнене Рябинина-Андреева)

Или

...Генерал толстой, да как идолище
Как схватил его Григорьев за желты кудри,
Да поднял-то генерала выше головы,
Опустил-то генерала ниже пояса,
Ниже пояса на матушку сыру землю.
Поскорешенько вскочил да на белы груди,
Да прижимал его коленом о кирпичный пол,
Распахнул свою кожаночку хромовую,
Достает-то из-за пояса булатный нож,
Поднимает-то его да выше головы.

³ Сб. «Маркс и Энгельс об искусстве», М., 1933, стр. 34.

Тут взмолился генералище-идолище:
«Ты удалый дородный добрый молодец,
Не руби-ко моей бурной головошки...

(Былина о герое-партизане И. А. Григорьеве М. К. Рябинина)*

Показ советской действительности, замурованной в поэтические формы XII—XIV вв., звучит как пародия, не раскрывает тему, а опошляет ее; эта подделка и стилизаторство не содействуют, а только тормозят развитие советского народно-поэтического искусства.

Советское общество на основе своего советского мировоззрения выработало новое поэтическое сознание, новые эстетические нормы и представления и не может выражать эти представления в старых формах сознания.

Так же запутан у нас вопрос и о советской сказке, точнее, о волшебной сказке. Авторы «Очерков» утверждают, что волшебные советские сказки существуют, а т. Бахтин пишет, что их нет и не может быть, так как исчезла основа волшебной сказки — «вера в чудесное».

Формообразующим началом так называемых волшебных сказок является не обязательно «вера в чудесное», а фантастика, фантастические сюжеты и образы в теснейшем взаимодействии с реалистическими конкретностями. Во все времена и у всех народов сказка являлась воплощением конкретной мечты людей труда о еще не существующих, но, как показывает история, всегда реально осуществимых в будущем преобразованиях общества и природы. «Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель — всегда стремление людей облегчить свой труд» (А. М. Горький).

Основная художественная задача сказки — стремление в будущее, борьба за воплощение народной мечты о переустройстве жизни.

Сказка жила с глубокой древности и развивалась в различные исторические эпохи. В ней отразились различные этапы истории человеческого общества, а следовательно, и различные этапы мышления. Поэтому свои основные художественные задачи сказка воплощала в формах, соответствующих эстетическому сознанию каждой данной эпохи. Следовательно, традиционные сказочные образы носят исторический характер, выражающий определенное мышление. Представления о волшебстве — «вера в чудесное» определяются мышлением известной исторической эпохи, и представление о волшебстве необходимо отличать от фантастики сказок. Фантастика как жанровая особенность сказки свойственна не одной, а многим эпохам. Недаром сказка, несмотря на то, что она является одним из древнейших видов фольклора, живет так долго и перешла в литературу, чего нельзя сказать, например, о былинах.

Новое советское содержание может быть воплощено в жанре сказки лишь в таких художественных образах, которые соответствуют сознанию, строю мышления советского человека. Поэтому вполне возможны и живут бытовые или сатирические сказки, в которых нет никакого волшебства, но фантастические сюжеты иногда сохранены.

Конечно, механическое использование традиционных образов старой волшебной сказки приводит только к фальши, и такая сказка не живет, и не может жить. В этом В. С. Бахтин прав. Невозможно для советского создания воплощать зло в образах Кощея и других сказочных чудовищ; мечту о долголетию — в понятиях о живой и мертвой воде; скоростное передвижение — в образах ковра-самолета или сапогов-скороходов.

* На эти былины М. К. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева, не приводя текстов, ссылаются авторы «Очерков». Напечатаны в книге «Фольклор советской Карелии». Подготовка текстов к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова. Гос. изд-во Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947.

Волшебные сказки, органичные для определенных, уже давно прошедших эпох, не могут служить средством художественного изображения советской действительности. Не может быть «волшебных советских сказок», это противоестественно, но другие виды сказок, основанные на фантастических сюжетах, могут существовать.

Во многих так называемых «советских волшебных сказках» новое содержание механически втискивается в старые сказочные образы. А так как новое содержание не соответствует старым формам, то конкретность изображения подменяется аллегорическим и символическим описанием. Произведение приобретает отвлеченно схематический характер и тем самым выводится за пределы подлинного искусства.

Непонятно, как авторы «Очерков» могут восхищаться аллегориями в советской сказке, они-то уже должны знать, что все аллегорическое, отвлеченное чуждо фольклору, в котором фантастические образы были всегда выражением конкретных понятий и представлений. Так нас учил еще Горький. Вопрос о «советском эпосе», о «советской волшебной сказке» подводит нас к проблеме типических процессов развития в советской народной поэзии.

При изучении современных процессов народной поэзии нельзя исходить из статистического среднего, и, несмотря на то, что фольклористами зарегистрировано довольно большое количество так называемых «советских былин» и «советских волшебных сказок», говорить о них как о советском фольклоре нельзя. Вся их поэтическая система, система их образов и представлений принадлежит другим эпохам, она не соответствует сущности советской действительности, не выражает и не может выражать современного мышления, советского поэтического сознания. Если такие произведения и существуют и записаны фольклористами, то они не типичны для советской народной поэзии, их ни в коем случае невозможно считать советским фольклором. Нарочитая, ничем не оправданная архаизация как основной прием стилизаторов и фальсификаторов, пеленающих советскую действительность периода Великой Отечественной войны и послевоенных сталинских пятилеток в свивальники почти тысячелетней давности, ничего общего не имеет с советской народной поэзией.

Диалектический метод требует, «чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания»⁵. Такой исторический подход и дает исследователю ключ к пониманию сущности и типических линий развития советской народной поэзии. Исследователь обязан показывать явления в возможности, т. е. раскрывать закономерности, обусловленные типическими процессами социальной действительности. Умение в сложных и многообразных, сосуществующих одновременно явлениях искусства найти новое, живое и развивающееся и означает вскрыть сущность данных явлений.

Объявлять советским фольклором стилизацию типа приведенных выше былин и других близких к ним произведений или индивидуальное творчество и зачислять подряд в фольклор стихи массовой самодеятельности, как это делают авторы «Очерков», т. е. поставить случайное для фольклора рядом с типическим — это значит лишить действительность жизненной правды, это значит не видеть новых путей развития советской народной поэзии.

А между тем новое поэтическое сознание советского человека уже создало совершенно новые художественные ценности. Несомненно, что ведущим, достигшим блестящего расцвета является жанр народной песни.

⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 576.

Советская народная песня почти утратила часто встречающуюся черту традиционного народного искусства — его анонимность, устность распространения. Утрачена анонимность, но не утрачены коллективное соавторство и массовость исполнения. Характерным примером этого может служить песня «Марш Буденного». Первоосновой песни послужил текст А. А. д'Актиля, музыка Д. Покрасса, написанные в 1920 г. Вот что д'Актиль писал об истории этой песни: «Услыхал я (а, по словам Д. Покрасса, и он также) эту песню в 1923 г. ...Я не узнал своих слов, он — музыки. К сожалению, нельзя точно определить, в каком направлении шли изменения народной переделки, ибо не сохранились литературные и музыкальные подлинники песни... Я не столько автор, сколько родоначальник этой песни».

Коллективный характер народной песни — вечно творимого, заново воссоздаваемого художественного произведения — продолжает жить и развиваться в наше время. Не былины и не волшебные сказки, а новые народные песни, частушки, устные рассказы, пословицы и поговорки, бытовые сказки — вот то новое, что создала советская народная поэзия. Изучить именно эти ведущие жанры народной поэзии, показать пути их развития как нового искусства, а не описывать подряд иногда еще бытующие как частные случаи, устаревшие произведения — это и значит показать исторические процессы в искусстве.

В. С. Бахтин прав, когда он стремится найти границы исследуемого предмета — советской народной поэзии, когда он пытается установить ее специфические признаки. Правда, пока он в основном действует методом исключения: индивидуальное творчество сказителей, лишенное устного массового бытования, — не советский фольклор, былины и волшебные сказки — тоже. Это все правильно, однако некоторые утверждения В. С. Бахтина заставляют очень и очень насторожиться. Так, говоря о советской эпохе, он пишет; «Новое творчество народа, несмотря на отражение в нем мыслей и чувств коллектива, — по преимуществу творчество индивидуальное» (стр. 154); «массовое творчество — по своей форме творчество литературное» (стр. 162). Эти утверждения таят в себе намек на то (хотя автор нигде об этом прямо не говорит), что народная поэзия, как искусство коллективное, а не индивидуальное, выражает старые, уже отживающие формы сознания, что советский фольклор — явление временное и с полной победой нового сознания заменится литературным индивидуальным творчеством. Если В. С. Бахтин не думает так, то пусть он извинит эти сомнения, но его формулировки дают возможность именно такого понимания. Исходит он при этом из того положения, что эпические коллективные формы сменились индивидуальным творчеством сказителей. Но дело ведь не в том, что коллективное заменилось индивидуальным, а в том, что старые эпические жанры, например былины, отжили свой век вместе с временем, их породившим, а на смену старым жанрам пришли новые, которые теперь живут фольклорной коллективной жизнью, например песни.

Народная поэзия — искусство, созданное трудящимися массами, трудовым народом, она жила и развивалась как искусство трудовых масс, эксплуатируемых господствующими классами. Для трудового народа в прошлом были мало доступны те средства художественного общения и распространения своего искусства (письменность, книгопечатание, сценическая площадка и пр.), благодаря которым развивались литература, музыка, живопись, скульптура, театр. Народ на протяжении веков создавал и развивал свой особый вид искусства, со своими законами и спецификой, во многом обусловленными устностью распространения и исполнения.

При исполнении народ творит вечно, поэтому мы и говорим о коллективной природе фольклора. Отсюда и вытекают основные специфические особенности народной поэзии, которые заключаются в том, что искусство

это живет полноценной художественной жизнью именно в момент исполнения, что произведения народной поэзии рассчитаны на устное массовое исполнение. С этим связан и момент импровизации. Для фольклора характерно слияние в одном лице исполнителя, соавтора и потребителя — слушателя. Этим он отличается от всех других видов искусств, где зритель, читатель, слушатель только воспринимают художественное произведение.

Фольклор выражает творческую активность народа, потребность народа творчески активно жить в искусстве. Думается, что невозможно найти человека, который бы никогда не пел песен или не рассказывал сказок.

В процессе своего исторического развития народная поэзия создавалась как искусство, рассчитанное на устное исполнение, поэтому для нее характерно привлечение и использование элементов других искусств: словесные образы всегда подкрепляются или образами музыкальными, или зрительными — жестом, мимикой и т. д. Народная поэзия выработала свой творческий метод, отличный от метода литературы, служащий возможности массового, а не профессионального исполнения. Отсюда и устойчивость определенных композиционных и стилистических приемов, которые содействуют запоминанию произведений, облегчают их переработку или создание новых в порядке импровизации.

Понятно, что эти устойчивые приемы также изменяются. Разные исторические эпохи, выдвигающие свои ведущие жанры, определяют и различные художественные средства выражения, соответствующие данному историческому сознанию. Например, одной из характернейших особенностей традиционного фольклора (былины, сказки) является прием троекратных повторений. Число «три» сохранилось с глубокой древности, оно обозначало множественность. Троекратные повторения в былинах и сказках обозначали многократность, длительность происходящих событий. Этим подчеркивалась трудность и сложность подвигов. Следовательно, прием тричности является художественным средством выражения определенного исторического сознания. В то же время он содействовал запоминанию произведения, облегчал его переработку или создание нового в порядке импровизации.

Совершенно очевидно, что для другой эпохи, для другого исторического сознания этим же целям (запоминанию или переработке) служат другие художественные средства. Так, советская народная песня выработала свои приемы, отличные от традиционной народной песни, но также определяющиеся спецификой народной поэзии — возможностью массового, а не профессионального исполнения. Например, песня делится на ряд повторяющихся музыкальных периодов, что облегчает запоминание. Легкости запоминания и исполнения помогают и припевы, которые подчеркивают основную идею песни. Этой же цели служат и композиционные повторы, когда песня начинается и заканчивается одной строфой и т. д. и т. д.

Следовательно, для понимания фольклора важны не определенные формальные признаки, а наличие устойчивых для данного жанра или для данного времени приемов, которые обуславливаются требованиями наибольшей полноты и доходчивости содержания, легкости запоминания и простоты исполнения. Наличие устойчивых приемов облегчает творческий акт и объясняется массово-исполнительским характером народной поэзии, а вовсе не является выражением традиционного мышления народа, как об этом говорила буржуазная наука.

Жизнь народной поэзии — это непрерывный творческий процесс, который осуществляется от исполнителя к исполнителю. Жизнь фольклорных произведений, их существование в различные эпохи — не просто сохранение и передача традиций, а творческое восприятие, вечное воссоздание живого художественного произведения. Этим объясняется жизнеспособность фольклора, его связь с исторической и вместе с тем с совре-

менной действительностью. Энгельс в статье «Немецкие народные книги», говоря об образах народного творчества, в частности о Фаусте и Агасфере, указывает, что эти образы «неисчерпаемы: каждая эпоха может, не изменяя их существа, усвоить их себе»⁶.

Чем дольше живет произведение народной поэзии, тем более повышается возможность его изменений. Однако мы знаем случаи, когда текст мало или совсем не изменяется, например песни революционные или некоторые советские песни. Необходимо подчеркнуть, что это относится к песням, выражающим одну историческую эпоху, т. е. сравнительно небольшой отрезок времени. Устойчивость текста объясняется тем, что данное произведение, например, революционные песни или некоторые песни Лебедева-Кумача, Исаковского, Суркова, Ошанина и других обладают такими музыкально-поэтическими особенностями, которые отвечают требованиям творческого метода фольклора (т. е. возможности массового исполнения) на данном историческом этапе. Очень незначительные изменения, которые мы наблюдаем и теперь, очевидно, со временем увеличатся, если данные песни будут отвечать потребностям будущего.

Народными становятся только такие песни, которые сохраняют свою художественную полноценность при массовом исполнении. Это и определяет их колоссальную, всенародную распространяемость. Массовость исполнения ни в коей мере, конечно, не означает снижения эстетической ценности произведения, а только определяет некоторые необходимые поэтические особенности, прежде всего простоту и ясность мелодии и стиха.

Созданный в силу определенных исторических и социальных условий фольклор продолжает жить и развиваться по своим законам как особый вид искусства, имеющего свою специфику, совершенно отличную от специфики литературы. Говорить о замене его массовым индивидуальным литературным творчеством, развивающимся по другим законам, у нас нет никаких оснований. Народная поэзия существует и будет существовать как коллективное, массово-исполнительское искусство, вечно творимое.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 29.

Э. ПОМЕРАНЦЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОСТИ

«Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи» положили начало обобщающей творческой работе по изучению советского фольклора. Дело советских фольклористов коллективно продолжить эту работу, поднять ее на должный теоретический уровень. Рецензии А. Беловановой, В. Чичерова и статья В. С. Бахтина¹ поставили и частично разрешили в связи с рассмотрением «Очерков» ряд принципиально важных и существенных вопросов. Однако один, на наш взгляд, исключительно важный вопрос упорно обходится молчанием.

Коренной ошибкой авторов «Очерков» является то, что они искусственно выделяют устно-поэтические произведения советской тематики из всего фольклорного процесса советской эпохи, уничтожая тем его специфику и вместе с тем чрезвычайно обедняя понятие «советский фольклор».

Советскими сказителями, сказочниками и песенниками созданы многочисленные новые произведения, которые запечатали путь, пройденный многонациональным Советским государством за тридцать пять лет; вместе с тем от них записано огромное число традиционных сказок, песен, пословиц и частушек, которые они бережно хранят в своей памяти, постоянно исполняют, передают последующим поколениям. Нельзя ставить знак равенства между традиционным фольклором, записанным до Великой Октябрьской социалистической революции, и тем качественно новым традиционным фольклором, который живет в устах советского сказителя, который является компонентом советского искусства устного слова, фактом советской действительности. Исследователи фольклора часто не учитывают того, что самый отбор тех или иных текстов из огромной сокровищницы традиционного фольклора уже является творческим актом, характеризующим мировоззрение, вкусы, политическое лицо творцов и носителей фольклора. Исследователи обедняют советский фольклор, исключая из поля своего зрения тот традиционный фольклор, который продолжает жить в устах советских песенников, сказочников и сказителей, постоянно изменяясь и обновляясь, будучи одновременно фактом прошлого и вместе с тем настоящего.

Изучение традиционного фольклора, живущего в устах советских носителей и творцов фольклора,— первоочередная задача сегодняшнего дня.

В культурном наследии прошлого большое место по своей значимости и ценности занимает устно-поэтическое творчество трудового народа. В течение многих веков передавались из уст в уста, от поколения к поколению героические былины, поэтические песни, занимательные сказки,

¹ В. С. Бахтин, О некоторых проблемах фольклористики, «Советская этнография», 1953, № 2; см. также рецензии В. И. Чичерова («Советская книга», 1953, № 2), О. Гречиной («Ленинградская правда» от 4 декабря 1952 г. и «Звезда», 1953, № 5).

мудрые пословицы, созданные народом, бесчисленными мастерами устного слова, имена которых нам неизвестны.

«Самым высоким видом искусства,— говорит М. И. Калинин,— самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, т. е. то, что запечатлено народом, сохранено, что народ пронес через столетия»².

После Великой Октябрьской революции русская народная сказка развивается в двух направлениях: создаются новые сказки советской тематики и продолжает бытовать традиционная народная сказка, бытовая, волшебная и авантюрная. Обновленная в пересказе советского сказочника традиционная сказка отражает современность в своем идейном содержании, в новой трактовке старых образцов, в новых бытовых деталях, в языке.

Новые сказки создаются, как правило, сказочниками-мастерами, знаками традиционной сказки. Однако процесс их создания, их преимущественно письменное бытование приближают их к литературной сказке. Все это, так же как и их аллегоризм, характерный для книжной сказки, уводит новую советскую сказку из фольклора в литературу.

Традиционная же сказка, бытующая преимущественно изустно, являющаяся продуктом прежде всего коллективного творчества, особенно характерна для развития фольклорной сказки в наше время. Именно она-то и является подлинным народным творчеством, т. е. результатом коллективного творчества, результатом той многовековой шлифовки, о которой, применительно к песням, говорил И. В. Сталин.

В современной сказке отразились условия нового быта — в нее входят такие понятия, как автомобиль, самолет, радио, телефон. Сказка переносится в условия колхозной жизни, герои ее ходят на собрания, читают газету и т. д. Иначе и быть не может, ибо «Во всякой сказке,— говорил В. И. Ленин,— есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться»³. Рассказывая о традиционных сказочных героях, их подвигах и приключениях, советский сказочник оценивает их с точки зрения социалистического опыта, социалистической морали.

Аналогичные примеры можно привести по отношению ко всем жанрам традиционного фольклора, бытующим в наши дни и живущим живой творческой жизнью.

До сих пор, несмотря на то, что в советское время изданы сотни фольклорных сборников, собирание и изучение советского фольклора находится в разительном противоречии с тем размахом, который в наши дни имеет народное поэтическое творчество. До сих пор еще не ведется планомерного собирания фольклора во всесоюзном масштабе, нет специального журнала. До сих пор не создана история отдельных жанров, нет фундаментального исследования о советском народном творчестве. Более того, нет и единой терминологии, нет и единого понимания, что такое советский фольклор. Мы уже указали на то, что специфика фольклорного процесса уничтожается суженной трактовкой понятия советский фольклор. Из этого вытекает целый ряд логических ошибок: включение в разряд фольклора стихотворений начинающих поэтов, индивидуального творчества мастеров фольклора и недостаточное внимание к изучению фольклора как поэтического творчества, как искусства слова, отрыв изучения идейного его содержания от анализа поэтической формы. Например, авторы «Очерков» явно уделяют этому вопросу слишком мало внимания: анализ поэтической формы дается ими не последовательно, а как-то случайно и в большинстве случаев не на должной высоте, дается

² М. И. Калинин, Статьи и речи. От VII к VIII съезду Советов, Партиздат, 1936.

³ В. И. Ленин, Доклад на VII съезде РКП(б), Соч., т. 27, стр. 79.

вне учета специфики фольклорной поэтики, вне учета особенностей фольклора как коллективного творчества.

Недостаточное внимание к вопросам художественной формы приводит к тому, что авторы книги, вообще злоупотребляющие цитатами, приводят много очень слабых в художественном отношении текстов — вялых, скучных прозаических сказов и сказок, плохих частушек, песен и стихотворений, антихудожественных поэм «под былинку» — мертворожденных, псевдонародных стилизаций, ничего общего не имеющих с живым творческим процессом. Это — одни из тех произведений, которые имел в виду Г. М. Маленков, когда говорил о том, что «В литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность»⁴.

Указания И. В. Сталина на то, что народные песни достигают «высшей степени искусства», известные слова М. И. Калинина о народе-золотискателе, который «выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий только самое ценное, самое гениальное», многочисленные высказывания А. М. Горького о высоком художественном мастерстве произведений фольклора обязывают исследователей и собирателей народного творчества к четкому определению границ фольклора, к строгому отбору текстов, к критическому отношению к устно-поэтическим произведениям, к подходу к ним как явлению искусства, прежде всего, к разработке вопросов мастерства, художественной формы. Отсутствие этого является серьезным недостатком не только «Очерков», но обнаруживается в подавляющем большинстве фольклористических исследований и публикаций последних десятилетий.

В «Очерках» не разграничены с коллективным устно-поэтическим народным творчеством стихи самодеятельных поэтов, новины М. С. Крюковой и других сказителей. Все это рассматривается как явления одного порядка, одной специфики. А. М. Горький дал определение фольклора как устно-поэтического творчества трудового народа. Нет основания отказываться от этого определения, ибо устный характер фольклора тесно связан с коллективностью его создания и бытования, определяет характерные черты его поэтики, особенности его проявления, его исполнения. Возможно, что при общей грамотности исчезнут какие-то жанры фольклора, отдельные выдающиеся мастера фольклора пойдут по линии создания индивидуальных произведений, станут писателями, однако наряду с литературой живет и, несомненно, будет жить, развиваться, украшать жизнь человека и искусство устного слова, искусство сказывания и пения, ибо это одна из извечных форм народного творчества, имеющая все права на существование рядом с профессиональной и самодеятельной литературой.

⁴ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 72.

В. С. СОРОКИН

О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В КУЛЬТУРЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Борьба с консерватизмом и рутинной, с устарелыми традиционными представлениями является законом развития советской науки. В советской науке о первобытном обществе таким традиционным, задерживающим ее развитие представлением является положение об отсутствии каких-либо различий в культуре отдельных групп человеческого общества на самых ранних этапах его развития. Положение это настолько общепринято в среде советских историков первобытности, что обычно высказывается и принимается без доказательств. Лишь недавно известный археолог С. Н. Замятнин выступил с попыткой развернутого обоснования указанной точки зрения¹.

По мнению С. Н. Замятнина, локальные культурные различия возникают исторически лишь на определенном этапе развития производительных сил, именно в ту эпоху, когда человек оказывается в состоянии видоизменять свою деятельность применительно к различным условиям окружающей его природной среды; в терминах археологической периодизации эта эпоха совпадает с верхним палеолитом. В эпоху же нижнего палеолита, по мнению С. Н. Замятнина, отношение человека к природной среде носило пассивный характер, что находило свое выражение в связанности его с определенными, однообразными физико-географическими условиями. Однообразие условий существования, соответствующее чрезвычайно низкому уровню развития производительных сил, не оставляло места для возникновения локальных различий в культуре отдельных человеческих групп. Лишь в ходе постепенного, очень медленного культурного прогресса, научившись пользоваться огнем, строить жилища и изготавливать одежду, овладев новыми приемами охоты и создав специализированные орудия, человек получил возможность осваивать новые области, различающиеся по своим природным условиям, и активно видоизменять свою культуру в интересах приспособления к этим новым условиям. Таким образом, не природная среда, а культурный прогресс создал возможность проявления различий в палеолитической культуре².

Нужно сказать, что, поскольку единственными документами, дошедшими до нас от тех времен, о которых идет речь, являются каменные орудия человека, вопрос о возможности локальных различий в культуре нижнепалеолитической эпохи сводится к вопросу о том, имеются ли локальные различия в нижнепалеолитической каменной индустрии. По мнению С. Н. Замятнина, «повсюду, где только прослеживаются памятники нижнепалеолитического времени, эти наиболее ранние памятники человеческой культуры, дошедшие до нас, они рисуют совершенно

¹ С. Н. Замятнин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XVI, М., 1951.

В предлагаемой вниманию читателя статье автор рассматривает указанную работу С. Н. Замятнина лишь в части, касающейся темы, указанной в заголовке, не более.

² С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 97.

сходную картину, поражающую своею однородностью. Независимо от того, происходят ли коллекционные материалы из Западной Европы, Южной Африки или Восточной Азии, везде мы прослеживаем один и тот же, сходный во всех существенных деталях процесс, первые неуверенные шаги по пути ознакомления с технологическими свойствами камня, овладения приемами его раскалывания, зависящими в свою очередь от все возрастающей координации движений, от повышающейся точности удара и т. д. Везде этот процесс шел от простейшего раскалывания камня к повторному скалыванию нескольких отщепов от одного куска породы, более пригодной для обработки (и к возникновению, таким образом, примитивного ядрища), далее — к постепенному увеличению правильности формы отщепа и ядрища, затем — к приспособлению того и другого, путем подправки, для лучшего использования в работе, и наконец, в результате этой подправки, появлялись три-четыре устойчивые, намеренно изготавливаемые формы орудий (ручное рубило, остро-конечник, скребло)»³. На это «монотонное однообразие» развития нижнепалеолитической техники не оказывало влияния даже различие в породах камня⁴.

Следует подчеркнуть, что точка зрения С. Н. Замятнина, обстоятельно изложенная в его статье, направлена против откровенно или замаскированно расистских построений буржуазных археологов (Обермайера, Байера, Менгина, Брейля, Мовиуса), стремящихся во что бы то ни стало найти культурные различия, начиная с древнейшей поры, отражающие, по их мнению, изначальное расовое деление человечества, и тем самым подвести «научный» базис под человеконенавистническую теорию биологически предопределенной неравноценности современных человеческих рас. Однако, критикуя псевдонаучные буржуазные построения, связывающие всякое проявление культурного своеобразия с расовым делением человечества, С. Н. Замятнин противопоставляет им свою гипотезу «монотонного однообразия» древнейшей человеческой культуры — гипотезу, которая не может быть принята ни по теоретическим соображениям, ни в силу ее фактической необоснованности.

Где бы ни помещалась та область Старого Света, в которой неизвестный нам пока вид высокоразвитых человекообразных обезьян впервые перешел к изготовлению орудий, положив тем самым начало человеческой истории, где бы ни помещалась эта область, — следы древнейшего человека мы встречаем на огромной территории, охватывающей, грубо говоря, всю южную половину Старого Света. Это значит, что первоначальное расселение человечества протекало на очень ранних ступенях его развития, именно в тот период, когда человек пассивно приспосабливался к условиям окружающей природной среды. Возможно, что такому обширному расселению способствовало широкое распространение сравнительно однообразных, благоприятных для человека физико-географических условий, но не следует думать, что все эти условия имели для человека одинаковое значение. Пассивность приспособления к условиям природной среды даже на самых ранних ступенях развития человека была относительной. Если возможность обитания человека на данной территории определялась безусловно необходимой сравнительной мягкостью климата и достаточным обилием определенных видов животных, охота на которых была доступна слабооруженному охотнику, так же как и достаточным обилием съедобных растений, то качественный состав

³ С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 117.

⁴ «...местное своеобразие материала, несомненно, сказывавшееся и на процессе обработки, поскольку технологические свойства различных используемых палеолитическим человеком пород камня не могли быть совершенно идентичными, все же очень мало влияло на форму орудий, так что чаще приходится поражаться, насколько сходные результаты могли быть получены при обработке с помощью первобытнейшей техники весьма разнообразных материалов» (С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 96).

сырого материала для изготовления орудий должен был играть уже меньшую роль. Это понятно само собой. Никакой высококачественный кремь не мог компенсировать человеку недостаточную мягкость климата или отсутствие промысловых животных и растений, но подходящий климат и обилие дичи делали мало ощутимой необходимость употреблять для орудий сырье сравнительно невысокого качества. Несмотря на особые свойства кремня, послужившие причиной тому, что именно эта порода камня играла ведущую роль в каменной индустрии не только палеолитического периода, уже в древнем палеолите мы видим употребление человеком различных пород камня.

В намеченных С. Н. Замятниным этапах развития нижнепалеолитической техники можно принять без оговорок только самый ранний этап, когда человек был способен лишь к простому раскалыванию камня, обладавшего необходимой твердостью и дававшего при этом достаточно острые края на исходном куске (ядрище) или на отщепе. Но уже при оформлении ядрища или отщепа в орудие более правильной формы материал не мог быть безразличен. Свойства различных пород камня не допускали совершенно одинакового оформления орудий, делая невозможным «монотонное однообразие» каменной индустрии нижнего палеолита. Привлекаемый в ту или иную область обилием дичи или съедобных растений, человек был вынужден довольствоваться теми материалами для приготовления своих орудий, которые находились в ближайшей окружающей местности. Ни о каком обмене материалами или о специальных экспедициях за ними в отдаленные районы в ту эпоху не может быть и речи. В этой связанности человека с определенной территорией и проявлялось его пассивное отношение к окружающей природной среде, но его способность использовать различные породы камня, обладающие различными технологическими свойствами, указывает на известную относительность рабского подчинения человека природе. Иначе и быть не могло. Древнейший человек, едва начинающий свой отрыв от животного мира в тесном смысле этого слова, в ту эпоху, когда самый его труд имел, по выражению К. Маркса, животноеобразную инстинктивную форму⁵, все же уже был человеком, т. е. обладал способностью активно воздействовать на внешнюю природу, видоизменяя ее сообразно своим потребностям. Как бы ни было ограничено это воздействие в ту древнейшую эпоху, о которой идет речь, все же оно имело место, так как вытекало из самой сущности труда. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы»⁶. Поставленный перед необходимостью пользоваться наличным материалом и лишенный возможности выбора, в чем и заключалось его подчинение природе, человек активно воздействовал на этот материал, видоизменяя результат своего воздействия в соответствии со свойствами этого материала, но достигая нужного ему эффекта, и в этом проявлялась относительность его подчинения природе, его первые шаги на пути к освобождению. Достигнутые результаты, выработанные усилиями многих поколений и передаваемые по наследству, создавали техническую традицию, придающую своеобразный облик местным нижнепалеолитическим культурам. Нужно ли говорить, что это своеобразие уже в силу ограниченности области его проявления (каменные орудия), как и в силу неразвитости труда, было очень незначительным, трудно уловимым, чем, видимо, и объясняется возможность отрицать его наличие. Необходимы были особые условия для того, чтобы это своеобразие проявилось достаточно наглядно.

⁵ См. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 185.

⁶ Там же. стр. 184.

Обоснование своей точки зрения С. Н. Замятнин связывает с критикой гипотезы Обермайера, утверждавшего, что человечество в древнейшую пору своего существования делилось на две группы, различные по своей культуре. По Обермайеру, юг и крайний запад Старого Света занимала шелльская культура, для которой характерно употребление ручных рубил, а к востоку простиралась обширная область так называемой премутьерской культуры, характерной изготовлением орудий на отщепках, куда ручные рубила проникали спорадически лишь в сравнительно позднее время.

Подвергая критике гипотезу Обермайера, С. Н. Замятнин перечисляет находки ручных рубил к востоку от Рейна и дает карту распространения этих находок в Центральной и Восточной Европе⁷. При этом оказывается, что, действительно, такие местонахождения весьма немногочисленны, а по древности не восходят дальше ашёля (Марклееберг, под Лейпцигом, Петерсдорф в Силезии, Амвросиевка в Приазовье, где было найдено одно рубило)⁸.

В свете этих фактов странно звучит утверждение С. Н. Замятнина, что в Центральной и Восточной Европе ручное рубило, «это древнейшее орудие, вовсе не является результатом спорадического проникновения с запада, из-за Рейна, или откуда-то с юга, а закономерно встречается по всей области предполагаемого распространения «премутьерской» и «восточноашельской» культуры»⁹.

Стремясь доказать свою точку зрения, С. Н. Замятнин публикует одно орудие, найденное на крайнем востоке области обитания нижнепалеолитического человека, в знаменитом местонахождении Чжо-коу-дянь, близ Пекина. Это орудие из местонахождения № 15 он описывает как «настоящее ручное рубило миндалевидной формы, изготовленное из гальки, поверхность которой сохранена в виде «пятки»¹⁰. Достаточно взглянуть на рисунок этого орудия, приведенный С. Н. Замятниным в тексте его статьи (указ. соч., рис. 8), чтобы убедиться, что оно вовсе не является ручным рубилом (рис. 1, № 1). Давший первую публикацию этого орудия исследователь местонахождения № 15 в Чжо-коу-дяне проф. Пей-Вень-Чжун не считает его ручным рубилом, а относит к категории грубых рубящих орудий (Chopper)¹¹. Нам представляется, что в местонахождении № 15 имеется категория орудий, в которую рассматриваемый экземпляр укладывается лучше, чем в категорию грубых орудий или в категорию ручных рубил. Имеются в виду небольшие орудия, которые проф. Пей Вень-Чжун включает в группу «мелких полудвусто-

⁷ С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 101—104 и карта рис. 2.

⁸ Относительно орудий из Луки Врублевешкой, которые С. Н. Замятнин упоминает в первую очередь ввиду их древности, считаю необходимым указать следующее. Если среди них действительно имеются рубила (см. их описание и изображение в статье П. И. Борисковского «Древнепалеолитические местонахождения среднего Поднепровья», «Советская археология», XI, стр. 108—109), то их возраст не может быть установлен геологически, и уже поэтому С. Н. Замятнину не следовало бы выдвигать их на первое место. Но С. Н. Замятнин считает возможным по технике изготовления и характеру сохранности «с достаточным основанием» отнести эти орудия «по меньшей мере к древнему ашёлю, а возможно, и к шеллю» (указ. соч., стр. 102). Нашедший эти орудия П. И. Борисковский, датировавший их раньше началом или серединой ашёля (указ. соч., стр. 111), позднее безоговорочно отнес их к шеллю (П. И. Борисковский, Палеолит Украины, автореферат диссертации, Л., 1951, стр. 9). Но бездоказательность датировок по одному только внешнему виду орудий убедительно показана самими упомянутыми авторами — П. И. Борисковским и С. Н. Замятниным — на примере оценки ими возраста орудий из местонахождения Круглик (на Днепре): первый считает эти орудия позднеашельскими (там же, стр. 9), второй вообще не признает их изделиями человека (указ. соч., стр. 104, прим. 2).

⁹ С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 101.

¹⁰ Там же, стр. 116.

¹¹ W. C. Pei, A Preliminary Study on a New Palaeolithic Station known as Locality 15 within the Choukoutien Region, отд. отт. из «Bull. of the Geological Society of China», vol. XIX, No. 2, 1939, стр. 164.

ронних орудий» (small semi-bifaces) ¹². От рассматриваемого экземпляра они отличаются только размерами, но зато имеют совершенно такой же внешний облик и, вероятно, одинаковое функциональное назначение. Эти орудия изготовлялись из целой уплощенной гальки путем двусторонней обработки одного края с таким расчетом, чтобы заостренным сказывался и конец орудия, в то же время противоположные острию и лезвию стороны оставались необработанными. В результате получалось режущее орудие, нож, вероятно, очень удобный и эффективный в употреблении, так как человек, пользовавшийся им, мог увеличивать рабочее усилие без опасности повредить руку (рис. 1, № 2 и 3). Можно предположить, что это своеобразное орудие из местонахождения № 15 в Чжоу-коу-дяне, наряду с некоторыми другими, представляет в своем облике особые черты нижнепалеолитической культуры какой-то области крайнего востока Азии — один из локальных вариантов нижнепалеолитической культуры.

Вопрос о двух параллельных нижнепалеолитических культурах, как он представлен у Обермайера, разрешается в отрицательном смысле простым сопоставлением хронологии памятников. Другое дело, если рассматривать его шире, в плане возможности локальных вариантов нижнепалеолитической культуры. К сожалению, этот вопрос достаточно сомпрометирован всевозможными антинаучными расистскими построениями целого ряда буржуазных ученых (Обермайер, Брейль, Байер, Менгин и др.). В недавнее время новая гипотеза подобного рода выдвинута Халламом Мовиусом, мощеннически использующим новые научные материалы с целью «доказать» в угоду американским империалистам расовую неполноценность и вековую культурную отсталость народов Юго-Восточной Азии, в настоящее время мужественно и победоносно сражающихся за свое освобождение от ига империализма ¹³.

В последние годы перед второй мировой войной развернулись значительные работы по изучению четвертичной стратиграфии и соответствующих ей древних человеческих культур в северном и центральном Индостане, в Бирме и на о-ве Ява. В результате этих исследований был добыт археологический материал, стратиграфически соответствующих второму — четвертому оледенению Гималаев. Отсутствие в этом материале (кроме о-ва Ява) орудий типа ручных рубил и орудий на отщепах, изго-

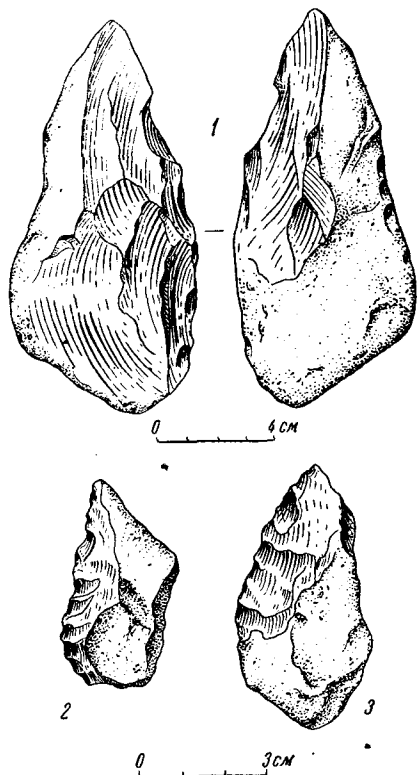

Рис. 1. Орудия с боковым рабочим краем из местонахождения № 15 в Чжоу-коу-дяне

¹² Там же, стр. 171.

¹³ См. Hallam L. Mowius: 1) Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia, Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, vol. XIX, No. 3, Cambridge, 1944; 2) The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia, Transactions of the American Philosophical Society, New Series, v. 38, p. 4, Philadelphia, 1949. В дальнейших ссылках: Мовиус, 1944 и Мовиус, 1949.

товленных так называемой техникой Левалла, так же как преобладание более примитивных на взгляд, грубых рубящих орудий (*chopper, chopping-tool*) и отщепов, отбитых от нуклеуса без специально подготовленной отбивной площадки, дало повод Х. Л. Мовиусу нарисовать широкую картину параллельного развития двух культур, существовавших с древнейших времен независимо друг от друга. Первая из этих культур, которую мы для краткости будем называть культурой ручного рубила, охватывала всю Африку, Западную и Центральную Европу, Переднюю Азию с северной границей по Главному Кавказскому хребту и северо-западную и полуостровную часть Индии; вторая, которую мы будем называть культурой чопперов¹⁴, охватывала северо-восточную Индию, Китай, Индокитай, Бирму с Малакским полуостровом и острова Суматру и Яву¹⁵. Несмотря на то, что среди различных культур области распространения чопперов отчетливо выделяются аньятская (*anyathian*) культура Верхней Бирмы (долина р. Иравади), Мовиус объединяет все упомянутые культуры в один комплекс, который противопоставляет другому комплексу — культур ручного рубила.

Мовиус отказывается от возможности объяснить различие в облике орудий на основании учета материала, служившего для их изготовления, или — шире — на основании учета особенностей природной среды, и заключает, что создателями культуры ручного рубила и культуры чопперов являются различные ветви человеческого ствола. Подтверждение этому он видит в наличии орудий типа чопперов в знаменитом местонахождении № 1 Чжоу-коу-дяня, считая синантропа вместе с питекантропом представителями особой ветви человечества, отличной от той, которая создала культуру ручного рубила¹⁶.

Всячески подчеркивая примитивный облик орудий культуры чопперов и чрезвычайно малое в сравнении с культурой рубил их изменение во времени, Мовиус в то же время считает наиболее архаичные формы этих орудий, именно — орудия в виде грубо оббитой с одного конца крупной гальки (*Pebble tool*) исходным моментом как для той, так и для другой культур. Доказательство этому он видит в том, что подобные простейшие орудия встречаются и вне области распространения чопперов, т. е. там, где впоследствии процветает культура ручных рубил, — например, в Африке (долина р. Вааль, Танганьика, Уганда) или в Индии (долина р. Нарбады).

Так Мовиус обосновывает свой вывод о том, что, если на западе обитаемой в нижнем палеолите области совершался относительно быстрый прогресс, то на востоке развитие шло очень медленно и культура здесь так никогда и не достигла уровня западной. Только на Яве можно подметить появление ручных рубил, во всех же других областях Юго-Восточной Азии сохранились отсталые формы культуры. Главный вывод Мовиуса таков: уже в нижнепалеолитическое время Южная и Восточная Азия были областью замедленного развития, и причина этого в том, что здесь долго существовал примитивный отсталый тип человека. Политический смысл этого вывода становится вполне ясным, если напомнить, что Мовиус сочувственно цитирует другого буржуазного ученого Тейлярда де Шардена, который также, указывая на отсталость этой области в палеолитическое время, проводит параллель с отсталостью исторического Китая¹⁷.

¹⁴ *Chopper, chopping-tool* — английские термины, буквальный перевод которых не дает представления о внешнем виде обозначаемых орудий; эквивалент «грубое рубящее орудие» неприемлем, так как создает впечатление бесформенности и примитивности этих изделий человека, что далеко не во всех случаях, как увидим, соответствует действительности.

¹⁵ Карта, помещенная Мовиусом в его работе 1949 г., перепечатана С. Н. Замятинным в указанном сочинении на стр. 113 (рис. 6).

¹⁶ Мовиус, 1949, стр. 408.

¹⁷ Мовиус, 1949, стр. 411

Нетрудно заметить, что реакционный расистский вывод Мовиуса вытекает из представления, что путь развития, пройденный человечеством в области культуры ручного рубила, является единственно возможным путем культурного прогресса. Отсутствие форм орудий и техники их изготовления, характерных для запада, объявляется признаком отсталости, причина которой якобы лежит в расовой неполноценности носителей отсталой культуры. Локальные различия, по Мовиусу, отражают не варианты развития единой человеческой культуры, а степень способности к прогрессу отдельных групп человечества.

В своей критике Мовиуса С. Н. Замятнин исходит из положения, что путь развития человеческой культуры в нижнепалеолитическое время повсеместно был одинаковым, и поэтому отвергает не только выводы Мовиуса (что вполне понятно), но и используемый им материал. С. Н. Замятнин считает, что нижнепалеолитические серии орудий Южной и Восточной Азии, опубликованные Мовиусом, не отражают подлинного положения дела и что со временем они будут пополнены данными, которые покажут полное тождество культурного развития нижнепалеолитического человечества как на западе, так и на востоке.

Однако наличные факты говорят иное. Можно считать установленным, что в Африке, на крайнем западе Европы, в Передней Азии и в Индии для культуры нижнего палеолита типично орудие характерной формы, получившее общепризнанное название ручного рубила. С другой стороны, это орудие в Центральной и Восточной Европе встречается спорадически и датируется здесь временем не древнее ашёля¹⁸. Характерно, что, если в Восточной Европе найдено лишь несколько экземпляров ручных рубил, то едва мы переступаем Главный Кавказский хребт и попадаем в область, для которой ручные рубила характерны (что признает и С. Н. Замятнин), как сразу же обнаруживаем целые серии этих орудий¹⁹. В Африке ручные рубила встречаются в количестве, которое может показаться просто невероятным. Так, в Кении, на р. Кариандуси была обнаружена мастерская ашёльского времени, давшая с весьма ограниченной площади свыше двух тысяч ручных рубил²⁰. В Южной Африке в местонахождении Sheppard Island (долина р. Вааль), гравий «Д» дал «тысячи ручных рубил» так называемой культуры Стелленбокс (Stellenbosch)²¹. Широко распространены ручные рубила и в Северной Африке (например, во впадине оз. Карар, где они были найдены в прямой связи с остатками ископаемых животных, или в Сахаре на древней почве, под песками)²². Значительные находки ручных рубил в Юго-Западной Европе общеизвестны. Переходя к Азии, мы их находим в Палестине, Сирии²³, Закавказье²⁴ и в Индии, где они являются широко распространенными характерными орудиями так называемой мадрасской культуры²⁵. Таким образом, очерчивается широкая территория нижнепалеолитической культуры с характерным для нее типом орудия — ручным рубилом. Вне этой территории ручные рубила обнаружены Кенигсвальдом на о-ве Ява (патджитанская культура)²⁶.

¹⁸ Повторяю, шельский возраст орудий из Луки Врублевской требует более солидного обоснования, чем предъявленные до сих пор.

¹⁹ См. М. З. Паничкина, Палеолит Армении, Л., 1950, гл. III и IV.

²⁰ Leakey, Stone Age Africa, London, 1936, стр. 46.

²¹ Там же, стр. 82.

²² Там же, стр. 100—101.

²³ См. П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 2-е, Л., 1938, стр. 184—189, 205—206, 231, 234.

²⁴ М. З. Паничкина, Указ. соч.,

²⁵ V. D. Krishnaswami, Stone Age India, «Ancient India», No. 3, Calcutta, 1947, стр. 25.

²⁶ Мовиус, 1949, стр. 355—361; рубила с о-ва Ява воспроизведены С. Н. Замятниным в указанной работе на стр. 114.

Оставляя открытым вопрос о полном тождестве каменной индустрии всех нижнепалеолитических человеческих групп на всем огромном протяжении области, в которой встречены ручные рубила, так как для его рассмотрения потребовалось бы детальное знакомство с колоссальным материалом, нам не доступным, обратим внимание на то, что не всюду, где известны следы древнейшего человека, обнаружены ручные рубила. Их нет в Китае, их нет в Бирме, и если в первом неясен вопрос с датировкой и поэтому трудно решить, вправе ли мы вообще ожидать ручных рубил в исследованных местонахождениях (Чжоу-коудянь, местонахождения № 1, 13, 15), то во второй обнаружены материалы, охватывающие период, вероятно, от начала палеолита и до неолитического времени, и тем не менее никаких ручных рубил здесь нет. Более того, палеолитическая культура Бирмы имеет своеобразные черты, не находящие себе аналогий в других областях.

Открытая в 1937—1938 гг. в Верхней Бирме, в долине р. Иравади, палеолитическая культура, получившая имя аньятской (anyathian), относится ко второму — четвертому оледенениям Гималаев с разделяющими их межледниковыми периодами. Мовиус разделяет ее на нижнепалеолитическую раннеаньятскую, состоящую из трех, и верхнепалеолитическую позднеаньятскую, состоящую из двух фаз. Своеобразие аньятской культуры, резко выделяющее ее из массы всех известных нижнепалеолитических культур, обусловлено особенностями природной среды, и на этом следует остановиться специально.

В Бирме нет кремня. Одним из наиболее распространенных материалов, пригодных для выделки орудий, здесь являлось минерализованное окаменевшее ископаемое дерево, запасы которого в третичных и раннечетвертичных отложениях р. Иравади практически неистощимы. Они встречаются от верхнего течения Иравади и ее главного притока Чиндвина до залива Мартабан в Индийском океане. Особенностью этого материала является невозможность обрабатывать его сколами в любых направлениях (лишь образцы, отличающиеся особенно высокой степенью минерализации, допускают это), вследствие чего ассортимент изделий из минерализованного дерева практически сводится всего лишь к одному типу уплощенного орудия с одним, реже с двумя обработанными краями.

Другим материалом, употреблявшимся в древности в Верхней Бирме наряду с минерализованным деревом, является кремнистый туф (silicified tuff), распространенный главным образом в вулканических районах. По мнению Мовиуса, технологические свойства этого материала весьма мало уступают кремню²⁷. Следует подчеркнуть, однако, что Мовиус явно преувеличивает положительные свойства кремнистого туфа Верхней Бирмы. Это ему необходимо в связи с его реакционной концепцией культурного отставания Юго-Западной Азии, якобы издревле населенной отсталыми народами. Они, эти народы, несмотря на наличие прекрасного каменного материала, почти равноценного хорошему кремню, якобы не смогли за громадный период нижнего палеолита подняться до изготовления таких в своем роде совершенных орудий, как ручные рубила, которые были в широком употреблении у их западных более прогрессивных современников. Таково построение Мовиуса. На самом деле, несмотря на его старания не только приукрасить качества кремнистого туфа, но и принизить технологические свойства минерализованного дерева, первый представляет собой в основной массе далеко не столь совершенный материал и во всяком случае, что видно из данных, приводимых самим же Мовиусом, уступает второму²⁸.

²⁷ H. L. Mowius, The Stone Age of Birma, Transactions of the American Philosophical Society, New series, vol. XXXIII, part III, Philadelphia, 1943, стр. 349 (в дальнейших ссылках: Мовиус, 1943).

²⁸ Мовиус, 1943, стр. 350.

Совершенно отстраняя тезис о связи способности к культурному прогрессу с расовой принадлежностью — тезис антинаучный и реакционный, мы тем не менее не находим возможным отказаться от рассмотрения археологических материалов, используемых Мовиусом. Конечно, можно предположить, как это делает С. Н. Замятнин, что отсутствие в коллекциях из Верхней Бирмы ручных рубил объясняется вниманием современных исследователей не только к этим характерным орудиям, но и к массовому, менее выразительному материалу, и что при дальнейших систематических исследованиях ручные рубила будут обнаружены и здесь в значительных количествах²⁹. Но предположение не может опровергнуть фактов, а, кроме того, оснований для подобных предположений практика исследования палеолита никак не дает. Достаточно одного примера. В коллекции позднешельского и раннеашельского местонахождения Сатани-дар (Армянская ССР), где были собраны все без исключения изделия человека, на 333 предмета оказалось 87 ручных рубил (26%). А если к этому числу прибавить «грубые рубящие орудия», которые, по мнению исследователя указанного местонахождения М. З. Паничкиной, «отличаются от ручных рубил лишь более небрежной обработкой и менее четкими формами», то это число возрастет до 126 экземпляров (37,8%)³⁰. Как видим, внимание к массовому материалу не снижает процента ручных рубил в коллекциях, собранных на тех территориях, для которых эти орудия являются характерными.

Возвращаясь к материалам из Верхней Бирмы, относящимся по датировке, предложенной Х. де Терра, ко времени от второго до третьего оледенения Гималаев³¹, что по всей вероятности соответствует миндельскому и рисскому оледенениям Европы и разделяющему их межледниковому периоду, а по археологической периодизации охватывает эпоху нижнего палеолита (за исключением, может быть, его самого раннего этапа), мы видим, что в коллекции орудий первой — третьей фаз раннеаньятской культуры Мовиуса, насчитывающей (по трем основным местонахождениям) 481 орудие, ручных рубил нет совсем.

В верхней Бирме палеолитические орудия были обнаружены в долине р. Иравади, к северу и к югу от Мандалея, на протяжении 70 миль. Всего обследовано 12 местонахождений.

По материалу, служившему для изготовления орудий, вся коллекция отчетливо подразделяется на две группы: орудия из минерализованного дерева и орудия из кремнистого туфа. Кроме изделий из этих основных материалов, встреченных в приблизительно равном количестве, известны единичные орудия из кварцита.

Типичным для ранне- и позднеаньятских культур орудием из минерализованного дерева является рубящее пластинчатое орудие (см. рис. 2). В соответствии со свойствами материала, описанными выше, рабочий край такого орудия образован несколькими сколами, произведенными путем оббивки с одной стороны. В подавляющем большинстве случаев у таких орудий имеется лишь один рабочий край, но иногда их бывает и два, на обоих противоположных концах пластины. Как правило, рабочий край слегка выгнут, известны лишь три орудия с вогнутым рабочим краем. Четыре орудия из местонахождения Чаук представляют исключение из правила: у них сколами обработаны не только оба конца орудия, но и один боковой край, чем они напоминают некоторые орудия из кремнистого туфа. Для всех этих орудий характерна обработка сколами с одной стороны, однако имеются девять экземпляров с рабочим краем,

²⁹ С. Н. Замятнин, Указ. соч., стр. 115.

³⁰ М. З. Паничкина, Палеолит Армении, стр. 29, 33, 46—51.

³¹ H. de Terra, The Pleistocene of Burma, Transactions of the American Philosophical Society, New series, vol. XXXIII стр. 330—336.

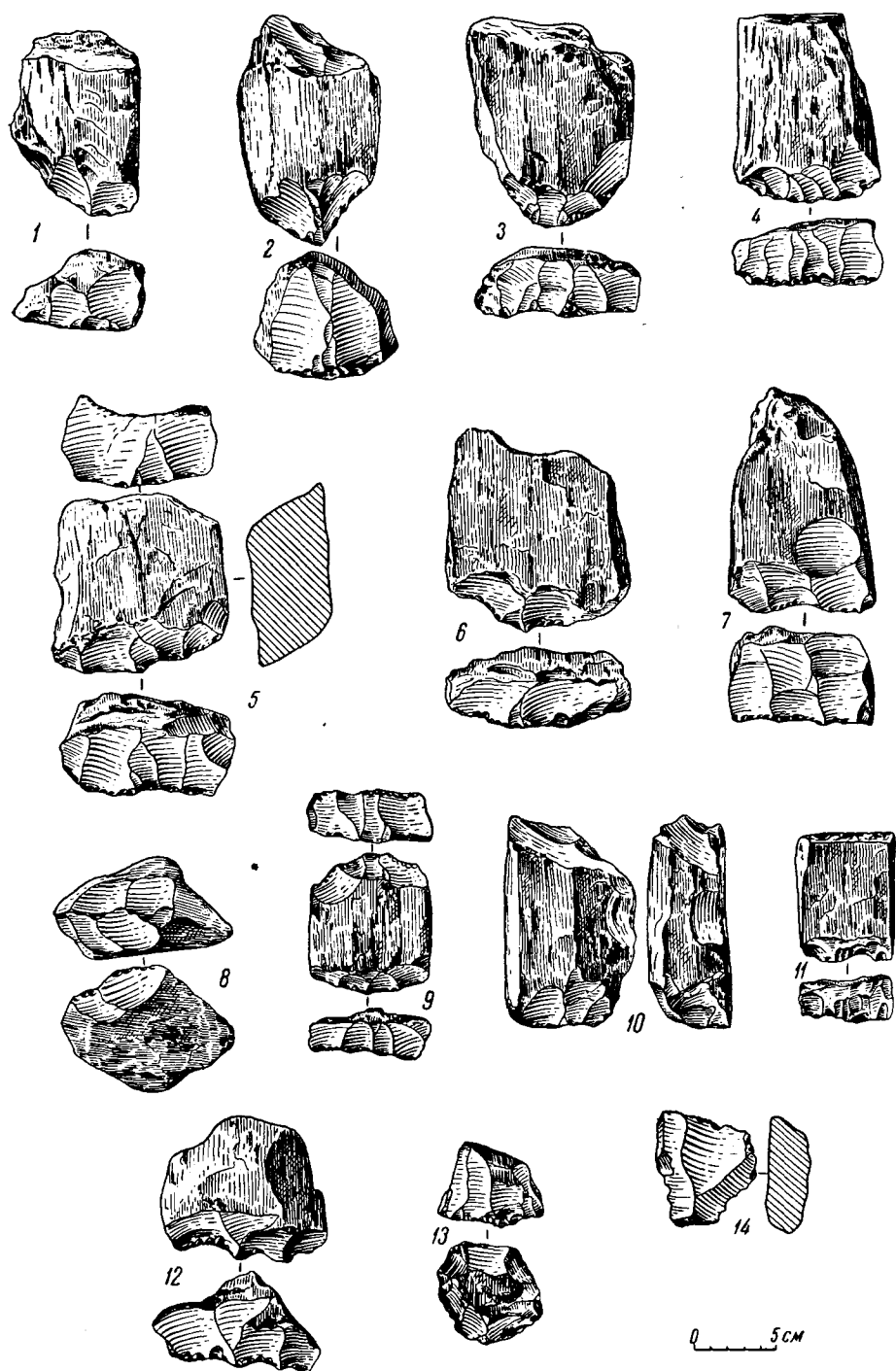

Рис. 2. Палеолитические орудия Бирмы из минерализованного дерева. Нижний палеолит (раннеаньятская культура): фаза I — № 1—2, фаза II — № 3—5, фаза III — № 6—10; верхний палеолит (позднеаньятская культура): № 11—14

полученным в результате двусторонней оббивки. Этот тип изделий интересен тем, что он имеется в серии орудий из кремнистого туфа.

Орудия из кремнистого туфа (рис. 3) отличаются большей величиной и массивностью. Среди них количественно преобладают рубящие орудия, обработанные немногочисленными сколами с одной стороны (88 из 220). Технологические свойства кремнистого туфа позволяют производить сколы в любом направлении, чем, конечно, объясняется значительное разнообразие в оформлении рабочего края и что придает этим орудиям иной внешний облик в сравнении с орудиями из минерализованного дерева. Однако несомненно, что функциональное назначение тех и других было одинаковым. Очень важно подчеркнуть, что, несмотря на возможность вырубать из туфа орудия любых форм, значительная серия орудий из этого материала (15 из 88 указанных выше) полностью повторяет формы, характерные для орудий из минерализованного дерева (рис. 3, № 4 и 5). В этом обнаруживается тот знаменательный факт, что, будучи ограничен в смысле свободы обработки материала технологическими свойствами минерализованного дерева, человек все же, используя эти свойства, сумел создать ту форму орудия, которая соответствовала его хозяйственным нуждам. Только этим можно объяснить повторение форм орудий из минерализованного дерева в материале, предоставлявшем человеку значительно более широкие возможности.

Вполне понятно, однако, что человек использовал и возможности, предоставленные ему кремнистым туфом. Значительная серия орудий (41 из 220) имеет обработку рабочего края двусторонними сколами. Имеются изделия, производство которых из минерализованного дерева совершенно невозможно. Таковы, например, нуклеусы (рис. 3, № 7 и 10). Они имеют грубо подготовленную отбивную площадку, образованную отделением одного большого отщепы с поверхности гальки. Несмотря на то, что от этих нуклеусов отбивались отщепы, близкие к пластинам, обнаружить последние в местонахождениях, содержащих нуклеусы, не удалось. Подавляющее большинство туфовых орудий третьей фазы раннеаньятской культуры сделано из галек, однако известное количество (15%) выполнено на отщепах. Преобладают крупные отщепы, сохраняющие корку с одной стороны и с нефацетированной отбивной площадкой. Отщепы с подготовленной отбивной площадкой и без корки на «спинке» редки.

Как видим, нижнепалеолитическая каменная индустрия Верхней Бирмы имеет совершенно своеобразный облик, что, однако, никоим образом не подтверждает вывод Мовиуса об отсталости этой области уже на ранних ступенях человеческой истории.

Во избежание недоразумения мы находим необходимым сразу же высказать свою точку зрения. Мы не считаем представление о различных вариантах человеческой культуры на заре истории противоречащим основному положению советской исторической науки о единстве человеческой культуры. Мы считаем, что единство человеческой культуры заключается не в ее однообразии, не в ее происхождении от одних и тех же примитивных форм, а в том, что она является результатом деятельности всего человечества на пути его поступательного движения. Если, выступая как «сила природы», человечество во всех его звеньях проявляло свое основное качество — способность «своей собственной деятельностью опосредствовать, регулировать и контролировать обмен веществ между собой и природой», в чем и заключается основа единства человеческой культуры, то «вещество природы», которому отдельные группы человечества противостояли в своей деятельности, не могло везде проявляться в одном качестве, и в этом заключается основа наличия различных вариантов единой человеческой культуры. Само собой разумеется, что с расширением сферы деятельности человека в конкретной истории различных групп человечества различия в их культуре с течением

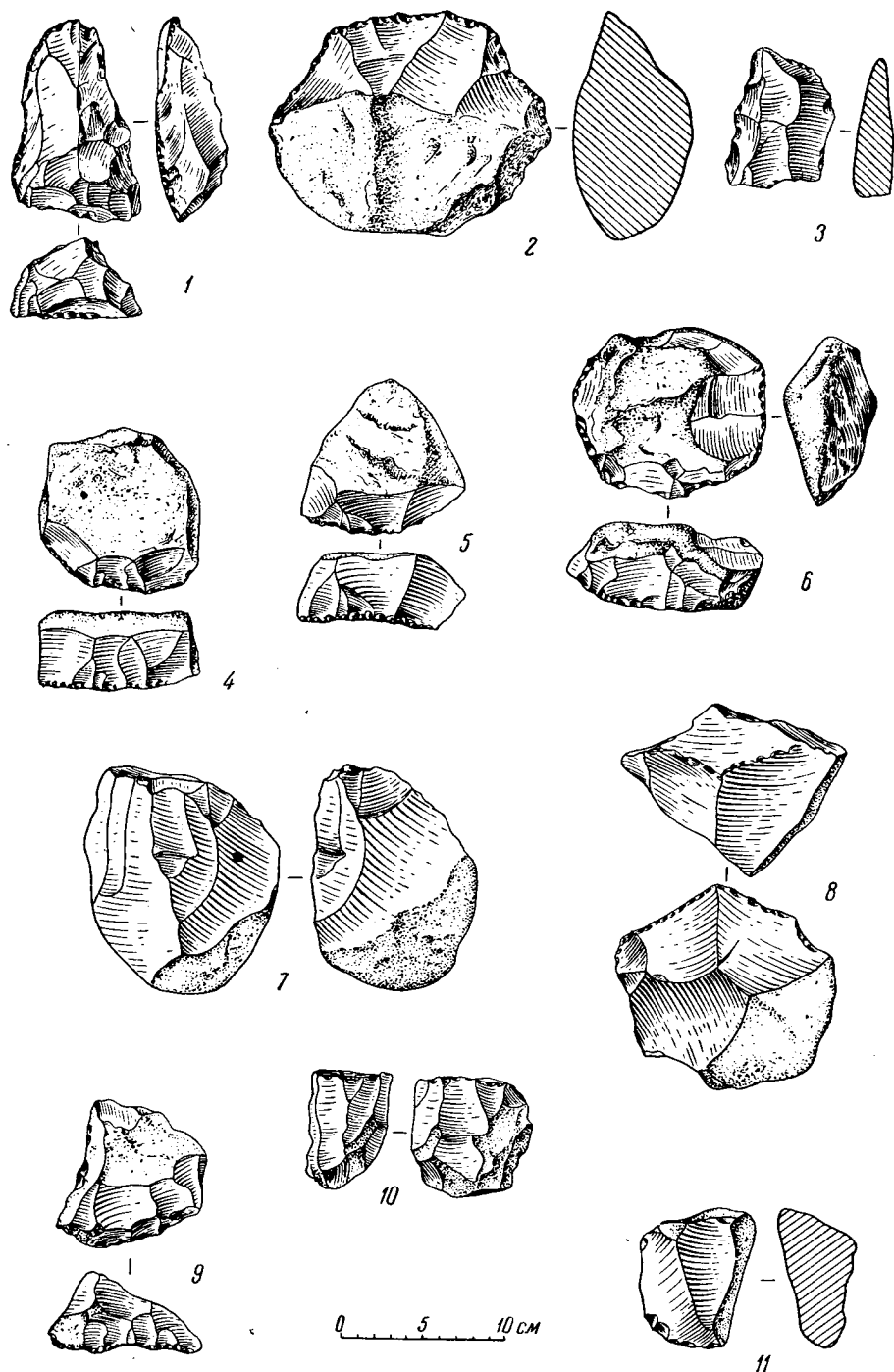

Рис. 3. Палеолитические орудия Бирмы из кремнистого туфа. Нижний палеолит (раннеаньятская культура)— № 1—8; верхний палеолит (позднеаньятская культура)— № 9—11

нем времени делались все более и более осязательными, все более и более наглядными. Но из этого никак не вытекает, что вначале этих различий не было.

Мовиус и ему подобные отрицают единство человеческой культуры, отрицая единство самого человечества. Поэтому для них всякое отступление от самими ими произвольно выбранного стандарта есть проявление отсталости, неспособности к развитию, неполноценности. Для нас единство человечества есть непреложная истина. Никто не может нам доказать, — ибо для этого нет никаких оснований, — что человечество существует или существовало в одном, двух или более вариантах. Но единство не есть однообразие. Признание единства человечества не отрицает, а, наоборот, предполагает многообразие проявлений его деятельности. Уже в самом начале своей истории человек в основном своим качестве, пусть находящемся еще в неразвитом, зародышевом состоянии, в качестве трудящегося общественного существа, проявлял свою деятельность в конкретных условиях окружающей его природной среды, которые не могли быть и не были повсеместно одинаковыми. Эти условия могли способствовать, могли препятствовать прогрессу. Задача историка выявить эти условия и показать их влияние на конкретную историю различных групп человечества. Ничего подобного Мовиус и другие буржуазные реакционеры от науки и не пытаются делать. Из живого контекста истории они вырывают один факт, сопоставляют его с другим, который заранее объявляется «высшим», и на этом основании делают заключение об отсталости, неразвитости, неполноценности тех или иных человеческих групп.

Материалы из Бирмы показывают, что определенный технический прогресс здесь безусловно имел место. На третьей фазе раннеаньятской культуры Мовиуса, которая, согласно взглядам последнего, является заключительной фазой нижнего палеолита Бирмы, появляются нуклеусы, от которых человек отделял пластины. Если Мовиусу не удалось найти этих пластин, то это его вина, ибо они должны быть, но во всяком случае появление на этой фазе призматического нуклеуса является фактом. Эта черта нижнего палеолита Бирмы при сравнении его с нижним палеолитом, скажем, Европы, отнюдь не говорит об отсталости первого. К сожалению, очень трудно судить о дальнейшем прогрессе техники в верхнем палеолите Бирмы (позднеаньятская культура Мовиуса). Первая фаза здесь представлена всего лишь 16 образцами орудий, а вторая, хотя и насчитывает их около 150, но все они, за исключением трех, сделаны из минерализованного дерева, т. е. из материала, возможности использования которого ограничены³². Любопытно, однако, что даже из этого материала человек изготавливал орудия на отщеплах, используя для этого куски дерева с высокой степенью минерализации.

Но несостоятельность концепции Мовиуса особенно ярко проявляется в том, что из Бирмы известен еще более поздний, неолитический материал, убедительно свидетельствующий, что люди, обитавшие здесь, самостоятельно, своим путем, достигли той же ступени развития производительных сил, что и обитатели других территорий. Материал этот фрагментарен и недостаточно изучен, но тем не менее полностью опровергает тезис об отсталости или неспособности к развитию древних обитателей Бирмы³³.

Неолит Бирмы, как он опубликован Мовиусом, представлен серией изделий человека, свидетельствующих, с одной стороны, о крупных культурных достижениях, а с другой, об автохтонных корнях этих достиже-

³² Мовиус, 1943, стр. 374.

³³ Характерно, что, формулируя свои реакционные выводы в монографиях 1944 и 1949 гг., Мовиус оперирует в них лишь нижнепалеолитическими материалами, умалчивая об опубликованных им же в 1943 г. данных по неолиту Бирмы. Выразительный образчик «кухни» современной буржуазной науки!

ний (рис. 4). В пользу первого говорит наличие шлифованных топоров, керамики, пряслиц и богатого ассортимента мелких орудий на отщепях и пластинках. Интересно, что, помимо чисто технических достижений, этот материал говорит и о высоком уровне развития общественных отношений. Хотя в неолите Бирмы используются новые, ранее не известные материалы, например, сланец и базальт для шлифованных топоров, однако и старые материалы не выходят из употребления. Так продолжает использоваться кремнистый туф. Однако, если ранее человек пользовался тем, что было ему доступно в месте его обитания, то теперь в связи с новыми, повышенными требованиями к сырью наблюдается разработка определенных месторождений кремнистого туфа, отличающегося высокими технологическими качествами. Такие месторождения белого или розового кремнистого туфа, по внешности и по структуре весьма похожего на кремень, известны в районе горы Попа и у железнодорожной станции Кауикрадаунг. Хотя этот материал не встречается ни в одном из исследованных неолитических местонахождений в долине р. Иравади между Магве и Ньяунгу, орудия из него найдены здесь в изобилии, особенно в местонахождении у Магве³⁴. Этот факт, несомненно, говорит об организованном добывании высококачественных материалов, о специальных экспедициях за ними или даже об обмене, что мы не можем не поставить в связь с довольно высоким уровнем общественного развития.

Что касается автохтонных корней бирманского неолита, то они несомненны ввиду наличия в неолитических материалах орудий из минерализованного дерева, имеющих все тот же древний облик. Мы не знаем какую производственную функцию в природных условиях Бирмы выполняли эти орудия. Но, несомненно, что их форма вполне отвечала их назначению, ибо иначе она не сохранилась бы в условиях развитой неолитической техники и новых общественных отношений.

Таким образом, бирманский материал показывает, с одной стороны, что нижнепалеолитическая культура имела здесь своеобразный и самостоятельный облик, и, с другой стороны, что это своеобразие не было проявлением отсталости. Этот единичный пример, взятый нами из-за его яркости и неоспоримости, дает полное основание утверждать, что ни о каком «монотонном однообразии» в культуре нижнего палеолита не может быть и речи.

Но какое имеет значение вопрос о локальных различиях в культуре нижнего палеолита? Он имеет очень большое значение. Если мы станем на точку зрения «монотонного однообразия» нижнепалеолитической культуры, мы должны отказаться от попыток проследить конкретные пути истории древнейших человеческих групп при помощи археологических данных. Все, что мы можем сделать, стоя на этой точке зрения, это констатировать постепенный прогресс человечества и расширение в ходе этого процесса древней эйкумены. Мы можем устанавливать эпохи, в которые заселялась та или иная территория, но заранее должны отказаться от попыток проследить пути расселения человека, если для этого нам в силу географических причин придется выбирать из двух или более вариантов. Так, например, обстоит дело с вопросом о заселении южнорусской равнины. Откуда появился здесь человек, с запада или с юга? Ответ на этот вопрос может быть дан только с учетом локальных различий в нижнепалеолитической культуре соседних областей, где несомненна большая древность человека.

Отказ от поисков локальных различий в культуре древнейшего человечества разоружает историка, превращает его в фиксатора различных стадий культурного прогресса безотносительно к отдельным группам его носителей. И, наоборот, установление локальных различий в культу-

³⁴ Мовиус, 1943, стр. 378.

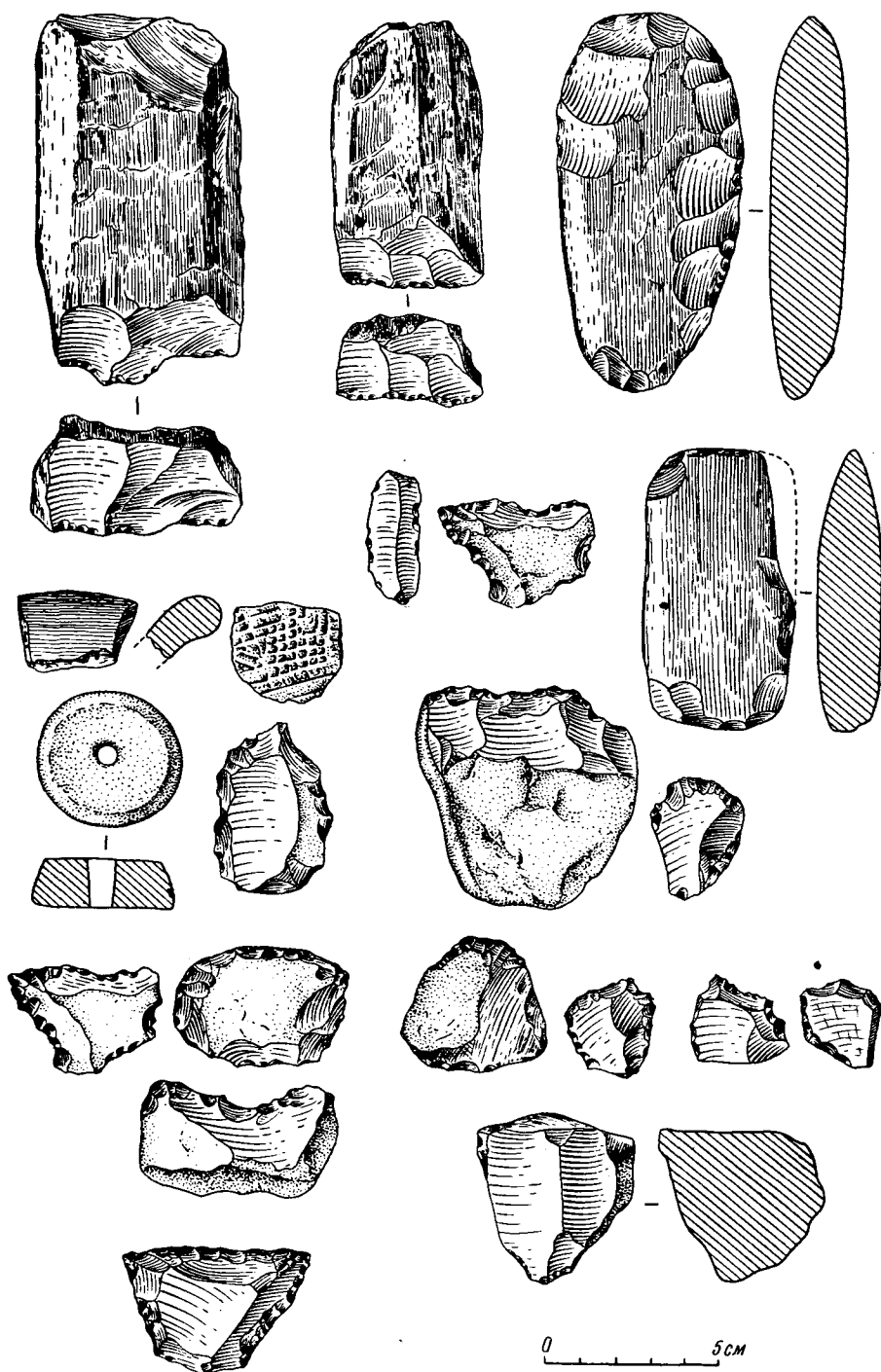

Рис. 4. Неолитические орудия и изделия Бирмы

нижнего палеолита, наряду с уточнением хронологии археологических памятников, даст со временем возможность проследить конкретный ход древнейшей истории, постепенное овладение отдельными группами человечества той обширной территорией, где мы в настоящее время обнаруживаем следы нижнепалеолитического человека. И вполне вероятно, что, прослеживая этот процесс в обратном направлении, именно археология, располагая несравненно более обильным материалом, чем палеантропология, укажет, наконец, ту область, в которой зародилось человечество.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

НАРОДЫ ПАТЕТ-ЛАО В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Апрель 1953 г. ознаменовался крупным наступлением народно-освободительной армии Патет-Лао¹, вытеснившей французские колониальные войска из провинции Сам-Неа (которая служила захватчикам базой для нападения на Вьетнам) и продвинувшейся к административному центру страны г. Вьен-Тьян и королевской резиденции г. Луан-Прабан.

Патет-Лао — одно из трех государств, составляющих восточный Индокитай, народы которого с конца XIX в. ведут непрерывную борьбу с французскими колонизаторами. С востока к Патет-Лао примыкает Демократическая республика Вьетнам, с юга — Страна Кхмер (Камбоджа). На севере Патет-Лао граничит с Китайской Народной республикой, на западе — с Бирмой и Таиландом (Сиамом). Северная, восточная и южная границы Патет-Лао проходят по горам. Западной границей почти на всем протяжении служит р. Меконг. Площадь Патет-Лао составляет 236, 8 тыс. км². Большую часть поверхности страны занимают горные хребты, изрезанные множеством ущелий, и высокогорные плато. К плоскогорьям и долине р. Меконг горы нисходят двумя-тремя уступами. Такой характер поверхности страны сказался на ее климате, экономике и размещении населения.

Средняя температура января в различных высотных зонах на севере колеблется от -5° до $+15^{\circ}$. В нижнем горном поясе на юге температура круглый год держится в пределах $+23$ $+28^{\circ}$. Среднегодовое количество осадков в горных зонах 2—3 тыс. мм; в предгорьях 1 тыс. мм.

Плотность населения, составляющая в среднем 14 человек на 1 кв. км, в высокогорных районах падает ниже 1 человека на 1 кв. км. Основная масса населения сосредоточена в долине р. Меконг и ее притоков. Общая численность населения около 3 млн. человек².

По языку коренное население Патет-Лао принадлежит к двум большим семьям — тибето-китайской и мон-кхмерской. В первой различают три ветви: тай-китайскую, вьетнамскую³ и тибето-бирманскую. На языках первой ветви говорят народы тай и китайцы. В число народов тай в Патет-Лао входят лао, тай фон, фуан (фуэн), фу тай, тай нуа, горные тай (красные, черные и белые — соответственно расцветке их костюма или

¹ Принятое в нашей прессе написание наименования страны не точно. Его звучание (в записи латинскими буквами Pathet Lao) следовало бы писать Патхет-Лао или Паттэт Лао. Предпочтительно первое.

² И. Подкопаев, К событиям в Патет-Лао. «Новое время», 1953, № 49, стр. 13.

³ Вьетнамский язык занимает различное место в различных лингвистических классификациях, в советской литературе он чаще всего считается особой ветвью тибето-китайской языковой семьи.

даже отдельных частей его: головного платка, штанов и т. п.), лу, юан, а также таи нои (сиамцы). Народы таи составляют более $\frac{2}{3}$ населения Патет-Лао.

На языках тибето-бирманской ветви говорят хо, кхо, хуни, составляющие незначительный процент населения Патет-Лао.

Ко второй языковой семье относятся мон-язычные народы: крупная группа собственно мон (мяо), а также яо, му, сен, бит, футэн, бо, со, ляо, (леу), каттан, тэо (тэу), лове. Вторую группу этой языковой семьи составляют народы, говорящие на кхмерских языках. Это преимущественно расселенные на юге страны небольшие этнические подразделения: алак, тахой, суэй, нгэ, боловен, кассэн, халан, а также кхмер (камбоджийцы).

Социальный строй народов Патет-Лао не одинаков. У лао после первой мировой войны значительное развитие получили капиталистические отношения (хотя крупная национальная буржуазия имеет, как правило, компрадорский, посреднический характер). Вместе с тем в деревне у лао преобладают пережитки феодализма. Развитые феодальные отношения господствуют у мяо, яо, фу таи, фуан, кассэн. У горных таи, юан, боловен, халан, ляо — весьма значительны пережитки родоплеменного строя. Процесс разложения родоплеменных отношений переживают мелкие этнические группы: алак, тахой, лове, сен, бит и другие, а также тибето-бирманоязычные хо, кхо, хуни. Следует отметить, что сведения разных авторов о населении горных зон Патет-Лао различны; как правило, буржуазные авторы единодушны лишь в стремлении представить всех горцев «дикарями», что, конечно, не соответствует действительности.

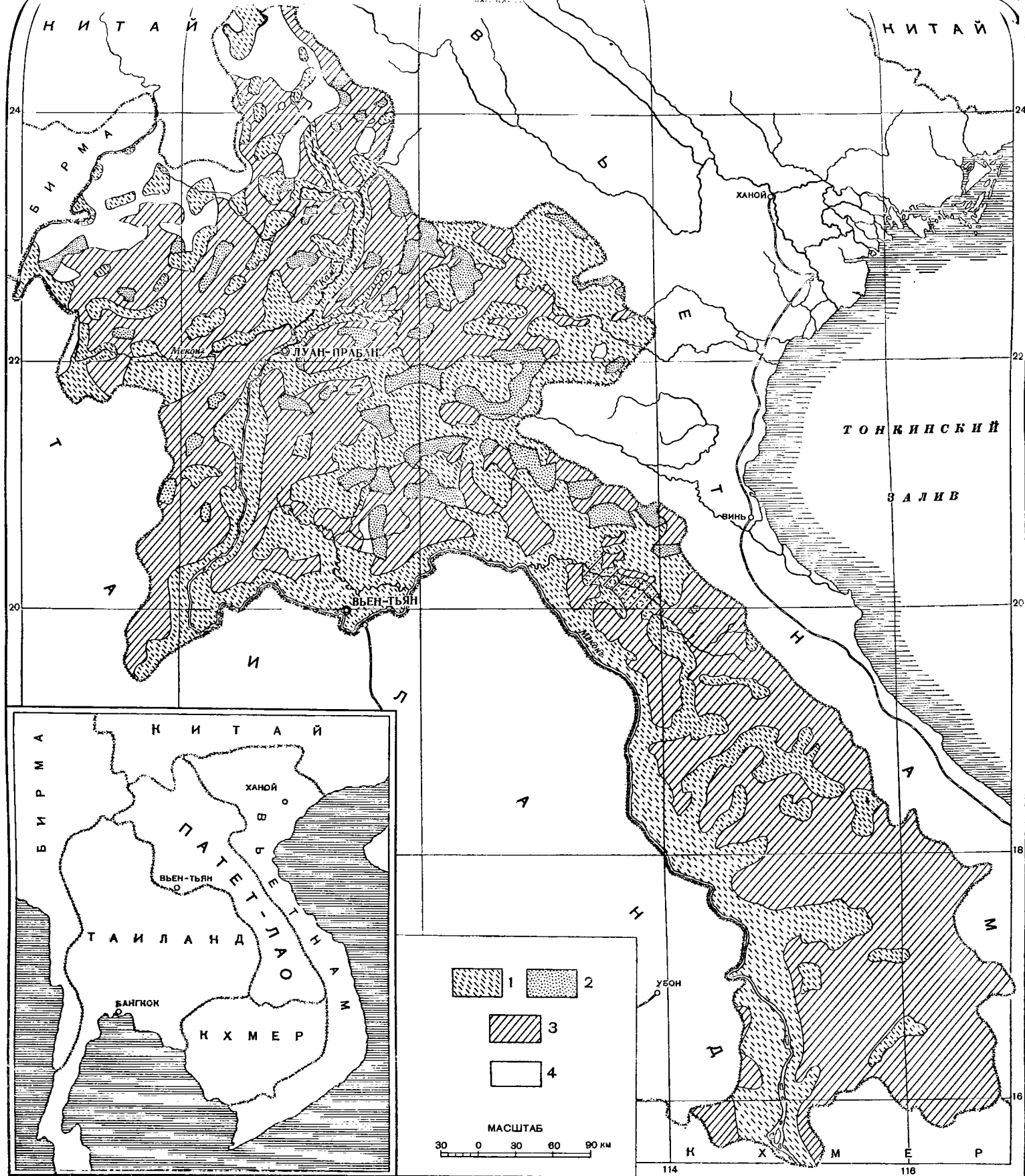
В антропологическом отношении население Патет-Лао относительно однородно, представляя варианты южномонголоидного типа.

Среди народов таи в Патет-Лао наиболее многочисленны лао. Общая численность лао в странах Индокитая превышает 3 млн. человек. Лао подразделяются на три (пережиточно соответствующие прежнему родоплеменному делению) группы: лао понгдам (в переводе означает — «чернобедерные», т. е. татуирующие среднюю часть тела от подмышек или от пояса до колен); лао кланг (срединные) и лао понг-као (чистые, т. е. не татуирующиеся). В Патет-Лао расселены лао понг-као. Лао понгдам расселены в северном Сиаме. Лао кланг, живущие на плоскогорье Корат в восточном Сиаме и занимающиеся скотоводством, экономически тесно связаны с городами Луан-Прабан, королевской резиденцией, и Вьен-Тьян, столицей Патет-Лао.

Основным занятием лао понг-као является поливное земледелие. В долине р. Меконг («матери вод», как ее именуют кхмеры) возращивается рис 20—25 сортов. Для местного потребления идет розовый клейкий рис, а для экспорта — белый рассыпчатый. Возращивают рис из рассады. Жнут вручную. Молотят в большинстве хозяйств ударами палки по снопу, склоненному на борт большого плетеного короба. В крупных хозяйствах молотят, гоня рабочий скот по снопам, разостланным на утрамбованной площадке тока. В районах, близких к городам, товарный характер носит огородничество. Выращивают лук, чеснок, редис, томаты, огурцы, тыкву, горох, бобы. Садоводство лишь изредка имеет товарный характер. В садах растут бананы, сахарный тростник, пальмы (сахарная и кокосовая), хлебное дерево, мапран, рамбутан, дуриан и др. Из технических культур выращивают табак, который занимает второе место после риса в товарном хозяйстве, а также тутовник и для нужд семьи хлопок. Животноводством лао-понг-као почти не занимаются. Разводят лишь свиней и домашнюю птицу (кур, уток).

В некоторых селениях, расположенных в долине р. Меконг, основным занятием лао является рыболовство. Женщины и дети, помимо участия в рыбной ловле, заготавливают рыбу впрок. Квашеная рыба (пастообразная масса «кярри») употребляется как приправа к пище.

Из ремесел у лао широко развито ткачество (в частности, шелкотка-

Лингвистическая карта Патет-Лао: 1 — группа тайязычных народов; 2 — группа мон (мяо); 3 — прочие народы, говорящие на мон-кхмерских языках; 4 — народы тибето-бирманской группы

чество). Ткани местного производства выдерживают конкуренцию с дешевыми импортными индийскими и японскими тканями. Хлопчатобумажные и шелковые ткани используются для одежды. Ткачеством занимаются женщины.

Из мужских ремесел развиты плетение циновок, поделка утвари из бамбука и ротана, производство лакированных изделий, ювелирное дело.

В промышленности лао заняты мало (в северной части страны на лесоразработках и в горнорудных предприятиях). Рабочий класс страны малочислен и слабо организован. Преобладающее большинство лао — крестьяне.

Национальный женский костюм состоит из «паоин» — куска ткани, оборачиваемой вокруг тела от подмышек до щиколоток и повязываемой на груди шарфом «пхакатном». Конец шарфа часто перекидывают через правое плечо на грудь. Иногда вместо шарфа надевают очень короткую прямозастежную кофту. Волосы женщины лао укладывают в сложную прическу с конусом на темени, украшенную множеством ювелирных изделий или живыми цветами. Мужской костюм составляют куртка и короткие штаны с галوشками прямого покроя. Обувью служат обычно сандалии или туфли на толстой подошве. Мужской национальный костюм начинает вытесняться военным или городским европейского покроя.

Селения лао обычно небольшие, состоящие из нескольких групп (кустов) домохозяйств близких родственников. В таком кусте усадьбы женатых сыновей расположены в непосредственной близости к усадьбе отца (или деда). Все хозяйства в кусте (10 и более усадеб) обычно связаны экономически; нередко они имеют общие амбары, общие орудия труда. Связаны они и обязательством взаимопомощи в полевых работах, строительстве дома, исполнении обрядов и т. д. Жилой дом принадлежит парной (обычно моногамной) семье. Как правило, это свайное (даже в высокогорных районах) прямоугольное строение в одну или 2—3 комнаты, с двухскатной крышей, коньковая балка которой имеет характерный седлообразный прогиб. Крыша кроется циновками, связками камыша и пальмовым листом. Бамбуковая решетка стен затягивается циновками, которыми устилают и пол.

Местом праздничных и иных сборов группы родственных семей служит дом главы куста (практически куст домохозяйств — это разобщенная большесемейная община). Носителем культа локального предка является старший сын главы куста (которому полагается и лучшая доля из наследства после отца). Лао понг-као считают себя буддистами (последователями учения северной школы — Махаяны). Но с официальной религией хорошо уживается культ предков. Широко распространены и анимистические верования — одухотворение природы, вера в злых и добрых духов. Из добрых духов-защитников наибольшим почитанием пользуются дух леса «пи прай» и дух — хозяин очага и жилища в целом «тхе вода». Из вредоносных духов наиболее страшными считаются «пи поб» и «пи лок» — властители миражей и ночных страхов человека, которые могут якобы навести на человека болезни, напасти, порчу. Злые духи требуют, по верованиям лао, постоянного задабривания через посредство... все тех же буддийских монахов, которые эксплуатируют суеверие и неграмотность подавляющего большинства лаосского крестьянства. Не удивительно, что в богатом и красочном поэтическом и музыкальном творчестве лао сильна антирелигиозная (точнее антимонашеская) струя, выражающая протест народных масс против эксплуатирующего их духовенства.

Ближние к лао по языку, обычаям, верованиям, а иногда и быту, другие народы группы тай, заселяющие средний и верхний горные пояса, резко отличаются от них по хозяйству. Основное их занятие богарное и мотыжное земледелие. Они выращивают суходольный рис, кукурузу, просо, ячмень. Значительно большую роль играет у них скотоводство (раз-

ведение мелкого рогатого скота) и птицеводство. Рыболовством они почти не занимаются. Подсобную роль играет охота. Широко распространены домашние ремесла, обеспечивающие семью необходимой одеждой, утварью, орудиями труда. Товарность хозяйства развита в меньшей степени, но все же классовое расслоение выражено довольно заметно.

По характеру экономики к горным тай близки собственно мон (мяо), расселенные в средней горной зоне, а также мон-язычные и кхмероязычные народы, заселяющие верхнюю горную зону. В их хозяйстве преобладает подсечно-переложное земледелие. Из сельскохозяйственных культур наиболее распространены ячмень, просо. Мяо, кроме того, возделывают пшеницу, суходольный рис, кукурузу и славятся как мастера выращивания мака. В районе мяо местами развито террасное земледелие. Яо, близкие к мяо, занимаются лесным промыслом (смолокурением, изготовлением древесного угля). Среди горных тай и мон-кхмеров развито кузнечное ремесло (с ограниченным сбытом изделий).

Жилище мон, как и других народов Патет-Лао, в преобладающем большинстве свайное. Жилой дом мон отличается открытой верандой по главному фасаду; уровень ее несколько ниже пола дома. На веранде семья принимает пищу.

Многие кхмероязычные группы южного Патет-Лао придерживаются в своих верованиях древнего индуизма (но без сопутствующей ему кастовой системы).

Население горных зон Патет-Лао (особенно его южной и восточной частей) этнографически изучено очень слабо. Отдельные, изолированно рассматриваемые черты его материальной культуры, хозяйства и верований нередко служили отправным пунктом «теорий» о их «вторичной дикости» и т. д.

Проблема энтогенеза народов Индокитая и раннего заселения его территории (в том числе и Патет-Лао), вызвавшая к жизни ряд теорий и гипотез, до сих пор является предметом дискуссионным. В советской научной литературе этот вопрос подвергся специальному рассмотрению в работах М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова⁴.

Ранняя история народов Патет-Лао представляется в следующем виде. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. в пределах центральной части южного Китая обитали народы тай и мон. Моны Китая, повидимому, уже в то время были связаны с населением мон-кхмерских владений западного и центрального Индокитая. В центральном Китае в Междуречье (между Хуанхэ и Янцзы-цзяном) в этот период завершалось формирование китайцев как народности. В ходе этого процесса китайцы (хань) значительно расширяли область своего обитания. Моны и народы тай (предки шань, лао и др.) были частично ассимилированы китайцами, частично оттеснены на юго-запад и на юг в пределы Индокитая. Уже к середине I тысячелетия н. э. владение Мау-шань — «Маун Мау», объединившее 10 областей с тайязычным населением, охватывало весь север Индокитая от Шаньского плоскогорья (в Бирме) до северного Вьетнама. Продвижение в Индокитай становится особо интенсивным в конце I тысячелетия до н. э. в связи с завершением государственной централизации Китая и созданием в III в. до н. э. мощной Ханьской империи, границы которой охватывали значительную часть территории современного Китая. В I в. до н. э. отдельные владения лао известны в северном Сиаме, а в III в. н. э. и на территории нынешнего Патет-Лао.

Продвигаясь к югу в пределы Индокитая, а затем на юго-запад к местам нынешнего обитания, народы тай (в частности лао) встречали противодействие со стороны мон-кхмеров, заселявших весь западный, центр

⁴ См. М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, Древнейшее расселение человека в восточной и юго-восточной Азии, Сб. «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XVI, М., 1951

ральный и половину восточного Индокитая. Централизованное государство Страна Кхмер (Камбоджа), в зависимости от которого находились отдельные владения мон в западном Индокитае, было, повидимому, рабовладельческим. Рабы играли значительную роль в хозяйстве мон и кхмеров. Для захвата рабов Страна Кхмер и подчиненные ей владения организовывали военные нападения на север, в область обитания лао и других народов таи. У самих лао рабовладение, повидимому, не было формой, а лишь укладом, сохранившимся вплоть до XIX в. Ряды рабов пополнялись за счет военнопленных, но преобладало у них долговое рабство. Междоусобная борьба между группами лао облегчала подчинение их соседними сильными государствами (Страна Кхмер, Сиам, Вьетнам) и резко тормозила процесс национальной консолидации.

В XV—XVI вв. лао понгдам и лао кланг признали сюзеренитет Сиам (фактически независимость их утрачена лишь в конце XIX в.). Восточные лао к XIV в. создали на территории нынешнего Патет-Лао феодальные владения, крупнейшими из которых были Луан-Прабан, Вьен-Тьян и Бассак. В борьбе за политическое преобладание в XIV в. одержало верх владение Луан-Прабан. Власть короля Луан-Прабана простиралась на всю территорию от границ Китая до Страны Кхмер. В горной восточной зоне и на севере страны сохранялись изолированные независимые владения мяо и других мон-язычных народов. Западная граница королевства, за которой были расположены области, также заселенные лао, оставалась неопределенной вплоть до конца XIX в. В XV в. столицей королевства стал г. Вьен-Тьян.

XIV—XVII вв. считаются периодом наивысшего расцвета культуры и искусства лао. Памятники этого времени — Ват Ксен-тон (храм 1651 г. в Луан-Прабане), Тат Ват-Тата (монументальное строение 1548 г. там же), субурганы (ступы-реликвари), меньшие по размерам здания хранилищ рукописей и др. — поражают богатством и разнообразием рельефных украшений. Культовая и светская скульптура богато ornamentирована. Тип лица, передаваемый скульптурой, подтверждает безусловную принадлежность ее лао. В собраниях рукописей, выполненных древним полуслоговым письмом, созданным в X в. на основе полуслоговой письменности народа талаин, жившего в Бирме, нередко встречаются связки, относящиеся к XIII—XIV вв. Искусство народов Патет-Лао еще недостаточно известно и мало изучено.

Государственная централизация и в этот период основывалась лишь на принципе «сильной руки» данного правителя. В конце XVII в. борьба за власть двух линий королевской династии приняла открытые формы. В 1707 г. королевство распалось на два самостоятельных — Луан-Прабан и Вьен-Тьян, от которых в свою очередь откололось несколько княжеств (Бассак и др.). Междоусобная борьба княжеств, то затухавшая, то возникавшая с новой силой, была использована Сиамом.

В начале XIX в. территория Патет-Лао дважды подвергалась военным нападениям со стороны Сиам. По навязанному Сиамом королевствам лао договору в 1811 г. к Сиаму отошло правобережье р. Меконг. В 1828 г. Сиам вновь нарушил границы Патет-Лао. Сиамские войска вторглись во Вьен-Тьян. Король Вьен-Тьяна был взят в плен и признал себя вассалом Сиам. Таким образом, номинально король Сиам становился сюзереном всей страны. Но короли Луан-Прабана и владетели северных княжеств состояли в давних договорных отношениях с королем Вьетнама и также номинально считались его вассалами. Попытка Сиам фактически подчинить север Патет-Лао в 1885 г. была использована Францией.

Утратив ряд колоний в Индии, Франция обратила особое внимание на Индокитай. После нескольких безуспешных попыток французским колонизаторам удалось закрепиться в южном Вьетнаме. В качестве компенсации за военную помощь в борьбе против крестьянского восстания

тайшонов король Вьетнама утвердил договор 1862 г., по которому три провинции южного Вьетнама были переданы Франции. Используя этот плацдарм, французские колонизаторы в 1863 г. в результате военной экспедиции заставили короля Страны Кхмер (Камбоджи) признать протекторат Франции. В 1867 г. уже весь юг Вьетнама был захвачен Францией. После окончания франко-китайской войны 1884—1885 гг. протекторат Франции был распространен на центральный Вьетнам.

С 1886 г. объектом колониальных устремлений Франции стал Патет-Лао. Первоначально Франция рассчитывала использовать Патет-Лао лишь как плацдарм для проникновения в Сиам. Однако «умиротворение», как именovala французская печать интервенцию в Патет-Лао, заняло 10 лет. Лишь в 1896 г. колонизаторы смогли заявить о том, что «покорение» в основном завершено. В 1897 г. был «завершен» колониальный захват Францией северного Вьетнама. Таким образом, весь восточный Индокитай стал колонией Франции.

Административным центром протектората Лаос (как стала именовать Патет-Лао французская администрация) был г. Вьен-Тьян. Формально в составе протектората сохранили «независимость» королевство Луан-Прабан и ряд княжеств (владения Муон-Син на севере, Бассак на юге и др.). Фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках французской администрации Вьен-Тьяна. Колонизаторы захватили лучшие земли в долине р. Меконг, монополизировали горнорудные разработки и лесоразработки. Системой «направленного финансирования» они намеренно тормозили развитие промышленности Патет-Лао, придавая ей однобокий сырьевой характер. Но и добывающая промышленность в стране развивалась слабо. Нарождавшаяся местная буржуазия полностью зависела от колонизаторов, имела компрадорский (посреднический) характер. Промышленный пролетариат в силу слабого развития промышленности и средств сообщения был крайне малочислен. Основной отряд его составляли горнорудные рабочие и рабочие мелких ремесленных предприятий (обычно включаемые буржуазной статистикой в число кустарей). Около 90% населения составляло крестьянство, нещадно эксплуатируемое местными помещиками и колонизаторами. Неразвитость путей сообщения и особая политика «закрытой колонии», проводившаяся французскими колонизаторами в странах восточного Индокитая, тормозила развитие национального рынка, способствовала сохранению натурального хозяйства.

Введение французской администрацией поборов в денежной форме при низкой товарности хозяйства тяжело отразилось на положении основной массы крестьянства Патет-Лао. Народы Патет-Лао вели неустанный борьбу с колонизаторами. В 1901 г. страна была охвачена крестьянским восстанием, во главе которого стоял патриот Фо-Ка-Дуот. К лао присоединились горные таи, фуан, фу таи и другие. Крупные движения крестьян, горнорудных рабочих и городских низов происходили в 1918 и 1929 гг., а также в период общего антифранцузского выступления народов восточного Индокитая (1935—1937 гг.). Выступления народов мон в 1900, 1907, 1917 и 1935 гг. были связаны с антиимпериалистической и антифеодальной борьбой народов южного Китая.

Большим событием в политической жизни народов Патет-Лао было создание в 1930 г. Всеиндокитайской компартии (имеется в виду восточный Индокитай), в состав которой входили и коммунисты из лао и мон. За этим последовало оформление профессиональных организаций Патет-Лао. С этого времени политическая борьба народов Патет-Лао стала более организованной и целеустремленной.

Значительным тормозом в развитии революционного движения в Патет-Лао было националистическое движение пантаизма, центром которого был Сиам. Это движение усиленно пропагандировала и поддерживала Япония, стремившаяся использовать его как средство для проник-

новения в восточный Индокитай, доступ в который согласно проводившейся французской администрацией политике, был закрыт для всех империалистических держав, кроме самой Франции. Поддерживаемые Японией националисты Сиам породили бредовую идею «великого государства Тай», в которое должны войти Сиам, северо-восток Бирмы, весь южный Китай, Патет-Лао, северный Вьетнам и вообще все территории, где живет хотя бы небольшой народ из группы таи. Каждый проповедник пантаизма был тем самым и агентом японского империализма. Япония приобретала в лице пантаистов также армию доверенных лиц, с помощью которых укреплялись в нужных точках японские резиденты под видом прачек, парикмахеров и т. д.

Позиции Японии в восточном Индокитае резко укрепились после поражения Франции гитлеровской Германией (июнь 1940 г.). Вишнейская Франция санкционировала уступку за уступкой, которые делала французская колониальная администрация все более наглевшей японской военщине. Японская оккупация затронула Патет-Лао в меньшей степени, чем Вьетнам. Однако народы Патет-Лао довольно скоро убедились, что лозунг японцев «Азия для азиатов» понимается оккупантами как свобода грабежа трудового населения оккупированной страны независимо от того, проводится ли этот грабеж руками японских солдат или осуществляется через марионеточных правителей.

В различных углах страны стали возникать партизанские отряды, наносившие оккупантам ощутимые удары. В марте 1945 г. японские оккупанты одновременным выступлением во всем восточном Индокитае ликвидировали фиктивную власть французских (вишнейских) резидентов. Французская администрация бежала в так называемые военные зоны — укрепленные районы, расположенные вдоль китайской границы. По указанию и при поддержке японских военных властей король Луан-Прабан и князя крупнейших владений создали «независимое» правительство. Столицей страны был вновь объявлен г. Луан-Прабан. Однако дни господства японцев и сотрудничавших с ними «правительств» были сочтены.

Весть о создании 2 сентября 1945 г. Демократической республики Вьетнам дошла до народов Патет-Лао в тот период, когда страна была охвачена крестьянскими волнениями. Выступления крестьян и городских трудящихся масс 10 октября 1945 г. переросли в восстание, охватившее город и всю провинцию Вьен-Тьян. 12 октября было создано временное правительство народного сопротивления, провозгласившее независимость страны. Правительство сопротивления было поддержано самыми широкими слоями населения страны. Его воинскую силу составляли отряды сопротивления, постепенно стягивающиеся к Вьен-Тьяну.

Дальнейшие шаги по пути демократизации страны и укрепления народной власти были сорваны военными действиями, начатыми против Патет-Лао французскими колонизаторами. В конце 1945 — начале 1946 г. французские империалисты решили при поддержке австралийских и англо-индийских войск вновь надеть ярмо колониального рабства на шею народов восточного Индокитая. Как и в середине XIX в., французские войска, базируясь на плацдарме в южном Вьетнаме, оккупировали Страну Кхмер и повели наступление на Патет-Лао. Началось оно с зверской бомбардировки мирного населения г. Тхакек и других населенных пунктов. Эти «методы» войны французское командование применяет и по сей день. Под натиском численно превосходящих и лучше вооруженных сил интервентов отряды народного сопротивления отошли в центральную часть страны, заселенную лао, и горные районы. Однако вскоре французские колонизаторы почувствовали силу нарастающего движения народно-го сопротивления.

В октябре 1946 г. под руководством Комитета народного сопротивления, возглавлявшегося Тхао-О, были проведены реорганизация партизан-

ских групп северо-востока страны и слияние их в народную армию, которая в январе 1947 г. начала действия против французских оккупантов в провинции Сам-Неа (северный Патет-Лао) и вдоль стратегической дороги № 7. В западной части страны в начале 1947 г. был создан военный комитет, который руководил в центральной и южной частях Патет-Лао деятельностью групп сопротивления, срывающих связь между французскими гарнизонами, нарушающих снабжение их продовольствием, боеприпасами и т. д. С конца 1946 до середины 1948 г. очаги сопротивления возникли во Вьен-Тьяне, в области Муон-Син, Борикан, Сам-Неа, в юго-западной части страны.

В борьбу за национальную независимость включились самые широкие слои населения Патет-Лао — крестьянство, рабочие, интеллигенция, средняя и мелкая национальная буржуазия. В 1948—1949 гг. возник ряд патриотических организаций и партий: Лига борьбы за независимость Патет-Лао, Ассоциация народного освобождения, Лига женщин и ассоциация молодежи Патет-Лао и др. В рядах этих организаций, а зачастую и в руководстве можно было встретить представителей духовенства, главным образом буддийского, и даже феодальной аристократии.

Размах движения показал французским колонизаторам, что прежние методы колониального угнетения неприемлемы в новых условиях. Не принесла существенных результатов и политика формального «отказа» от колониального господства. Еще в апреле 1947 г. французские власти объявили Лаос (Патет-Лао) конституционно-монархическим государством, состоящим под протекторатом Франции. Но полнота власти фактически попрежнему сохранилась за верховным комиссаром Франции в восточном Индокитае. Фиктивность этой «уступки» была ясна даже феодально-помещичьим кругам и крупной буржуазии. В середине 1949 г. французские колонизаторы предприняли новый маневр. По договору, заключенному 19 июля 1949 г. с марионеточным «правительством» Лаоса, Франция на словах признала Лаос «независимым» государством, с обязательством, однако, не выходить за рамки «Французского союза наций». Франция оставляла за собой «право» размещения воинских подразделений в укрепленных зонах и в других районах Патет-Лао, «где необходима охрана имущества и интересов» Франции. «В «независимом» Лаосе сохранялось обязательное хождение общей для всех оккупированных Францией территорий восточного Индокитая денежной единицы — так называемого индокитайского пиастра.

Отметим, что даже французская реакционная печать не смогла замолчать факта безудержной спекуляции этим колониальным пиастром, в результате которой его покупательная способность в мае 1953 г. была официально снижена вдвое. Весьма примечательно, что «независимые» правительства марионеточных государств, созданных Францией в восточном Индокитае, были уведомлены об этой девальвации лишь после принятия Францией соответствующего решения. Такова цена их «независимости».

Расплывчатость пунктов договора от 19 июля 1949 г. позволила французским колонизаторам не только сохранить их позиции в экономике и политической жизни страны, но по началу даже усилить их благодаря помощи со стороны США (финансовой и военно-технической — вооружением, кадрами военных инструкторов и т. д.)⁵.

Положение французских колонизаторов в Патет-Лао значительно укрепилось в тот период также в результате изменения политической ситуации в Сиаме. В 1947 г. в Сиаме вновь пришла к власти группировка, возглавляемая Пибулом Сонграмом. Продававшая прежде родину японцам клика Пибула Сонграма с такой же легкостью запрдала ее

⁵ Как известно, «помощь» Франции со стороны США фактически преследует цель вытеснить ее из восточного Индокитая.

птом США. Несмотря на частичные изменения в составе правительства в 1952 г., эта клика до настоящего времени стоит у кормила власти. В результате ее покорности заокеанским хозяевам Сиам стал плацдармом подготовки и осуществления актов агрессии против борющихся за национальную независимость народов Индокитая, а после ноября 1949 г. и против Китайской народной республики. Правительство Пибула Сонграма подвергло преследованиям вьетнамцев, живших в юго-восточном Сиаме. Полицейский режим был установлен в областях Сиамы, заселенных лао, особенно в так называемых «спорных» территориях правобережья Меконга. Сиамериканское правительство известило французских колонизаторов о своей готовности помогать им воинскими силами.

Новый маневр французских колонизаторов отколол от движения борьбы за национальную независимость феодально-помещичьи слои, значительную часть буржуазии и буржуазной интеллигенции. В своей политике внутри страны французские колонизаторы опираются на созданные и финансируемые ими «реформистскую», «демократическую», «монархическую» и другие предательские партии, выступающие в «тропическом единстве» против своего народа.

Однако некоторое размежевание сил не ослабило, а наоборот, укрепило кадры борцов за национальную независимость. В конце 1949 г. под давлением превосходящих по численности и технике вооружения сил американо-французских колонизаторов, воинские части которых в конце 1949 г. значительно пополнились за счет выброшенных за борт Народного Китая гоминдановцев, отряды народных войск были вынуждены отойти к северу и к востоку. Отход этот был проведен без потерь. В процессе отхода Народно-освободительная армия вытеснила колонизаторов из ряда районов, в которых стала действовать народная власть. В мае 1950 г. было создано Национальное собрание, которое избрало временное коалиционное правительство народного сопротивления, возглавляемое Суфанувоном. Было принято решение о создании Единого национального фронта борьбы за освобождение «Нео Лао Иссарак». Национальное собрание утвердило также флаг будущей республики: полотнище размером 2×1 м с белым солнцем на синем поле и двумя красными полосами по верху и по низу. Стране было возвращено ее прежнее название Патет-Лао вместо данного ей французскими колонизаторами наименования Лаос.

В результате военных действий Народно-освободительной армии, руководимой коммунистической партией, уже к началу 1951 г. было освобождено более $\frac{1}{3}$ территории страны.

В конце февраля — начале марта 1951 г. был создан Единый фронт народов Вьетнама, Патет-Лао и Страны Кхмер для совместной борьбы с французскими колонизаторами и их американскими вдохновителями и хозяевами. Создание Единого фронта народов трех стран имеет огромное значение. Наличие единого фронта открыло широчайшие возможности для координации действий Народно-освободительных армий трех стран и сорвало практиковавшееся колонизаторами использование камбоджийских (кхмерских) войск против Вьетнама и Патет-Лао, войск лао против Страны Кхмер и т. д.

Операция Народно-освободительной армии Патет-Лао против войск колонизаторов на протяжении зимне-весеннего периода 1952—1953 гг. завершилась стремительным броском к западу в конце апреля — начале мая 1953 г. Это наступление народно-освободительной армии Патет-Лао против войск колонизаторов вновь продемонстрировало, что народы Индокитая не хотят колониального ярма и никаким колонизаторам не удастся сломить их волю к победе.

М. В. РАЙТ

НАРОД КИКУЙО

Вот уже около года свирепствует дикий империалистический террор в английской колонии Кения. 20 октября 1952 г. по распоряжению английского правительства в Кении было введено чрезвычайное положение. Начались облавы и аресты; в облавах приняли непосредственное участие английские войска, переброшенные из зоны Суэцкого канала — из Уганды, Танганьики и даже из Англии, морские и воздушные силы, броневики, а также добровольческие отряды местных английских плантаторов. По заявлению министра колоний Литтлтона в палате общин, в Кении к концу апреля 1953 г. было арестовано 82 тысячи человек. В тюрьмы было брошено свыше 100 видных деятелей Союза африканцев Кении¹ — организации, возглавляющей антиимпериалистическое движение народов Кении. В числе арестованных — председатель Союза Джомо Кеньята, секретарь Союза Ричард Ачиенг Онеко и другие. В апреле 1953 г. закончился судебный процесс над руководителями Союза. Джомо Кеньята и пять других деятелей приговорены к семи годам каторжных работ каждый. Объявление приговора повлекло за собой усиление разгула полицейского произвола в Кении, объясняемого угрозой «восстания» против судебной расправы с руководителями Союза². Колониальные власти издали приказ о выселении кикуйю из городов и с принадлежащих английским колонизаторам ферм в и без того крайне перенаселенные резерваты.

17 апреля сотни полицейских и солдат ворвались в два селения на северо-восточной окраине города Найроби, административного центра Кении, и уничтожили поселки. Семь тысяч жителей под конвоем были отправлены в резерваты. В течение апреля и мая в Кению были доставлены новые английские войска; под руководством генерал-майора Хайнда был создан чрезвычайный комитет для проведения карательных мероприятий.

События в Кении привлекают внимание прогрессивных людей во всех странах мира. Мировая общественность с глубоким возмущением узнает о все новых преступлениях английских колонизаторов.

Чем же можно объяснить это неистовство колонизаторов в Кении?

Зажатые в железные тиски экономической зависимости от американского капитала, английские монополии ищут выхода из экономических трудностей в усилении эксплуатации населения своих колоний, в частности Кении. Империалисты направляют все силы на то, чтобы удушить национально-освободительное движение, сломить всякое сопротивление угнетенных народов, чтобы иметь возможность безнаказанно их эксплуатировать.

Восточноафриканская колония Кения — один из основных поставщиков сизаля и кофе. Особую ценность для английских империалистов пред-

¹ Kenya African Union. В ряде опубликованных на русском языке статей эту организацию ошибочно называют «Союз негров Кении».

² «Известия» от 19 апреля 1953 г.

ставляет сизаль, который направляется главным образом в США. Не случайно его называют «культурой, делающей доллары». Выращивают сизаль на крупных плантациях, куда для работ в принудительном порядке сгоняют местное население. За последние послевоенные годы в Кении стала развиваться горнодобывающая промышленность. Ведется добыча золота, дианита, асбеста, диатомита, графита и пирита. Особенно увеличилась добыча дианита (с 4 тыс. тонн в 1946 г. до 24 тыс. в 1950 г.). Дианит, как и сизаль, вывозится в США, тем самым частично покрывая долларовый дефицит Англии.

Империалисты проводят мероприятия по превращению Кении в военную базу: строятся военные склады в районах Найроби и Момбасы, новые аэродромы и посадочные площадки, расширяются старые порты в Найроби, Момбасе и Кисуму.

В послевоенные годы резко ухудшились условия существования местного африканского населения. Народы Кении не желают дольше терпеть колониальный гнет, не хотят войны, не хотят быть пушечным мясом.

После второй мировой войны в Кении стали создаваться профсоюзные и национальные организации: в 1945 г. был основан Союз африканцев Кении, насчитывавший к концу 1952 г. 100 000 членов и объединяющий в своих рядах 50 местных организаций; были созданы профсоюзные организации, объединившиеся в 1949 г. вместе с профсоюзами Уганды и Танганьики в Восточноафриканский конгресс профсоюзов. Конгресс объединил африканских и индийских рабочих — это бы первый шаг к их единству. Развернулось массовое забастовочное движение: неоднократно бастовали транспортники, горнорабочие, батраки, печатники и другие. Рабочие требовали повышения заработной платы, улучшения жилищных условий, улучшения охраны труда и т. д. Забастовочное движение возглавлял и направлял Восточноафриканский конгресс профсоюзов. Он же явился инициатором движения сторонников мира. В 1950 г. в Найроби состоялся пятитысячный митинг, резолюция которого гласила: «Рабочие хотят мира. Война не в их интересах. Митинг поддерживает все мероприятия в защиту мира во всем мире» Появились крестьянские организации, возглавившие сопротивление крестьянства грабительской политике английских монополий. Напуганные ростом демократических сил, английские колонизаторы, провозгласившие себя «руководителями отсталых народов», встали на путь кровавой расправы. Первый удар был нанесен по рабочему классу, как наиболее передовому и организованному отряду демократического движения. Английские колониальные власти Кении запретили деятельность Восточноафриканского конгресса профсоюзов, а затем приняли новый закон о порядке регистрации профсоюзов, который поставил их под полицейский контроль.

Вслед за разгромом профсоюзного движения империалисты поставили перед собой цель подавить и крестьянское движение. Поводом к этому послужила петиция, которую в апреле 1952 г. руководство Союза африканцев Кении подало в английский парламент. В ней были выдвинуты следующие требования: 1) африканцам должно быть предоставлено право владеть землей в любой части Кении; 2) африканцам должно быть разрешено немедленно занять все земли, которые объявлены английской собственностью, но не заняты; 3) дальнейшая иммиграция английских колонистов должна быть прекращена.

В то время как в парламенте обсуждалась петиция, по прямому приказу из Лондона началась расправа колониальных властей с мирным населением. Чтобы замаскировать это преступление против мирного народа, колониальные власти и вся английская буржуазная пресса подняли шум по поводу террористической деятельности тайного общества «Мау Мау». О существовании Мау-Мау было известно уже давно. Судя по полицейским донесениям прошлых лет, попадавшим на страницы колониальной прессы, это немногочисленная религиозная секта, преследующая дей-

ствительно антиимпериалистические цели. Но существование этой секты судя по тем же сообщениям, никогда не вызывало беспокойства колониальных властей. В отчете Министерства колоний за 1951 г. указывалось, что не замечено каких-либо проявлений деятельности Мау-Мау. И даже в сентябре 1952 г. главный комиссар по делам туземцев Кении Дэвис заявил в Лондоне, что сообщения о террористической деятельности Мау-Мау «сильно преувеличены»³. Ясно, что не для борьбы с этой религиозной сектой понадобилось ввести в Кению большое количество войск. Террористическая деятельность Мау-Мау вымышлена колонизаторами как предлог для кровавой расправы с народом, потребовавшим возвращения отнятой у него земли.

Основной удар империалисты направили против одного из народов Кении — кикуйю. Английская буржуазная пресса пытается представить дело так, что только кикуйю являются «мятежниками», что все другие народы Кении сохраняют спокойствие и даже помогают колониальным властям. Это также грубая фальсификация. В движении сопротивления колониальному произволу участвуют не только кикуйю, но и все другие народы Кении. Среди арестованных руководителей движения мы встречаем Ричардо Ачиенго Онеко из племени джалуо и Пауль Нгей из племени камба. Арестованы сотни человек, принадлежащих к племенам эмбу и лари.

Зачем понадобилась колонизаторам эта фальсификация?

Этнический состав африканского населения Кении довольно сложный, и колонизаторы пытаются использовать это обстоятельство в своих целях. Кения — это совершенно произвольно в годы империалистического раздела выкроенный кусок африканской территории. Ее границы не имеют никакого отношения к этническим границам. Южная часть Кении населена народами, говорящими на языках банту (кикуйю, камба, суахили); на языках банту говорит также все население соседней территории Танганьики. Северо-западная часть населена народами, говорящими на нилотских языках (джалуо, масаи, нанди); на языках этой группы говорит население южной части Восточного Судана. Северо-восточная часть населена народами, говорящими на кушитских языках (галла, сомали); родственные им народы населяют Эфиопию и итальянскую подопечную территорию Сомали.

Английским колонизаторам не раз удавалось в прошлом вызывать конфликты между разноязычными народами. Они и теперь пытаются использовать этот свой старый прием, чтобы натравить другие народы на кикуйю, изолировать кикуйю, которые составляют основное ядро демократических сил, борющихся против империалистического произвола.

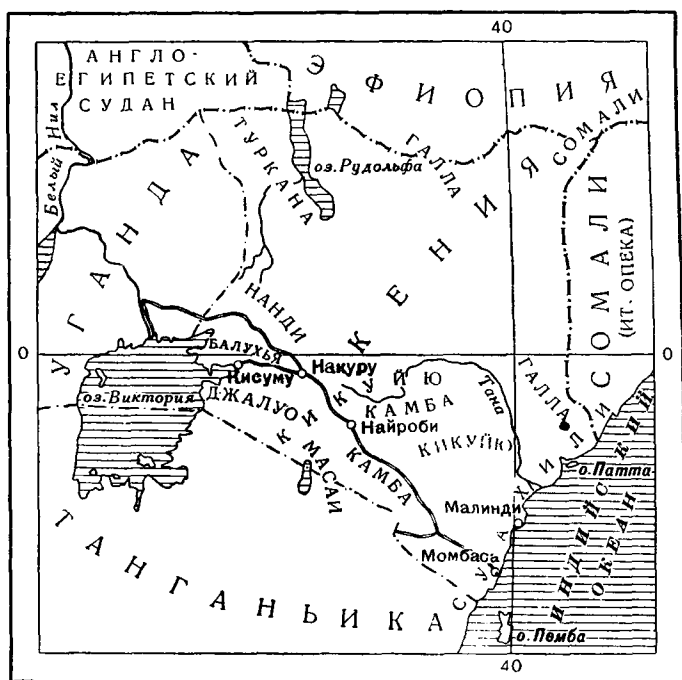
Кикуйю — наиболее многочисленная и наиболее развитая народность Кении. Буржуазные авторы упорно продолжают называть кикуйю племенем, стараясь подчеркнуть тем самым их отсталость. Но уже численность кикуйю — 1 250 000 человек — говорит о том, что это не племя. Кикуйю — основное население Центральной провинции; за ее пределами они живут на севере дистрикта Масаи и в западном районе Прибрежной провинции. Кикуйю составляют значительный процент среди африканского населения городов Кении; так, например, в городе Найроби 47% жителей кикуйю. Большое число рабочих кикуйю можно встретить в портовых городах Малинди и Момбаса. Кикуйю имеют уже большой опыт и традиции антиимпериалистического движения. Они первыми в Кении организованно выступили против английского империализма после первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Все народы Кении в равной мере подвергаются ограблению и бесчеловечной эксплуатации. Кения с первых же дней ее захвата рассматри-

³ «Manchester Guardian» от 15 сентября 1952 г.

валась английскими империалистами в качестве переселенческой колонии. Английские колонисты получали большие земельные участки на льготных условиях. В настоящее время в Кении проживает 29 660 европейцев, главным образом англичан (данные 1948 г.), что составляет немногим больше $\frac{1}{2}\%$ от всего населения. Это фермеры, плантаторы, колониальные чиновники и служащие иностранных фирм.

Для устройства белых поселенцев нужна была земля, ее отбирали у коренного населения. Сейчас 43 тыс. км² земли принадлежат европейцам. По отношению ко всей территории колонии это составляет меньше 10%,

Этнический состав населения Кении

и английские власти обычно указывают на это обстоятельство. Но надо иметь в виду, что три пятых территории Кении — весь север и северо-запад — представляют собой полупустыню или низменную малярийную местность. Лучшие земли — возвышенные районы западной части, так называемый хайленд. До появления англичан здесь концентрировалось три четверти всего населения. Хайленд почти целиком находится теперь в распоряжении колонизаторов. Большую часть африканского населения изгнали из этих районов в полупустынные резерваты, где земледелие без сложных ирригационных сооружений невозможно.

От земельной экспроприации пострадали главным образом масаи и кикуйю. К моменту установления английского господства в Кении и немецкого в Танганьике масаи занимали обширную территорию. Колониальная граница между Танганьикой и Кенией разрезала единый народ масаи на две части. С постройкой железной дороги Кения — Уганда территория масаи, населяющих южные окраины Кении, вновь была разрезана на две части: северный и южный резерват. В дальнейшем колониальные власти решили изгнать масаи из северного резервата, наиболее благоприятного для жизни, — в южный резерват — полупустынную сухую степь, непригодную для земледелия и мало пригодную для скотоводства, основного источника существования масаи. Отобранная у масаи земля была разделена между несколькими английскими землевладельцами.

В 1934—1935 гг. колониальные власти вновь начали теснить масаи, отбирая у них земли для европейских горных компаний. Неоднократно масаи поднимались на борьбу с целью вернуть земли. Наиболее сильное возмущение, вспыхнувшее в 1935 г., было потоплено в крови. В результате всех этих переселений не только была разрезана на части территория единого народа — масаи, но они оказались отделенными от этнически и лингвистически родственных им других народов Кении: нанди и туркана. Напуганное неоднократными волнениями масаи, колониальное правительство всевозможными способами старается не только изолировать их от других народов Кении, но и разжечь национальную рознь между масаи и их северными соседями: кикуйю и камба.

В особенно бедственном положении находятся кикуйю. Ко времени европейской колонизации территория их расселения простиралась от окрестностей Найроби до южных склонов горы Кения. Европейские колонизаторы захватили лучшие земли кикуйю, загнав их в резерваты. Земельное ограбление кикуйю продолжается. В 1942 г. часть кикуйю была поселена на севере дистрикта Масаи в Ол-Энгуон. Спустя 6 лет, в 1948 г., их выселили и из этого района. 11 800 кикуйю остались без крова. Жилища их сожгли, а скот — 1657 коров, 8836 овец и коз — и зерно конфисковали. По данным 1952 г., в районе Киамбу 40% кикуйю вообще лишено земли. Согнанные в перенаселенные резерваты кикуйю живут в ужаснейших условиях. Плотность населения превышает 400 человек на км².

Кикуйю — трудолюбивый земледельческий народ. Даже буржуазные авторы вынуждены признать, что земледельцы кикуйю, с которыми столкнулись первые европейские колонисты, тщательно обрабатывали свои поля, выращивая кукурузу, просо, маниок, различные виды гороха, бананы, сахарный тростник и табак. Они разводили также крупный рогатый скот, овец и коз. До захвата территории Кении империалистами кикуйю были одним из наиболее передовых ее народов. Уже в XIX в. у кикуйю начался распад родо-племенного строя и формирование народности. С приходом колонизаторов условия жизни кикуйю резко ухудшились, а культура пришла в упадок. Безземелье и высокие налоги, взимаемые с каждой хижины, приводят к тому, что большая часть мужского населения вынуждена уходить на заработки, оставляя хозяйство на женщин и детей. Большая часть отходников кикуйю — сельскохозяйственные рабочие плантаций. В Кении, по данным 1949 г., насчитывалось около 197 тысяч сельскохозяйственных рабочих, значительная часть их — кикуйю. Некоторые фермеры и плантаторы, чтобы обеспечить себя постоянной и дешевой силой, предоставляют крестьянам кикуйю небольшие участки земли. Официально 180 дней в году крестьянин со всей семьей работает на хозяина. Фактически число рабочих дней доходит до 270 и больше. Эти батраки с наделом в Кении называются «сквоттерами». Среди кикуйю их, по данным 1948 г., насчитывалось около 100 тысяч человек. Батраки получают крайне мизерную оплату — от 6 до 18 шиллингов в месяц. Отсутствует какое бы то ни было законодательство, охраняющее права рабочего: он находится полностью во власти дикого произвола современного рабовладельца-плантатора и его надсмотрщиков.

В перенаселенных резерватах царят голод и эпидемические заболевания. Каждый пятый житель болен малярией. Значительная часть населения страдает туберкулезом. Имеются довольно многочисленные очаги проказы. Антисанитарные условия существования, вызывающие распространение эпидемических заболеваний, объясняются в первую очередь исключительной скученностью населения, согнанного со своих земель. Сверх того, высокий налог на жилье вынуждает несколько семей (родителей с женатыми детьми) селиться в одном жилище, чтобы сократить размеры налога. Кикуйю, как и все другие африканские народы Кении, лишены медицинской помощи: в Кении приходится одна больничная койка на

1650 человек, да и то в городах. В сельских местностях больниц нет. Жители городов поставлены в условия расовой дискриминации: им разрешено селиться лишь в пригородных локациях; ходить по городу могут только те, кто имеет специальный пропуск, и т. д.

Колонизаторы лишили африканцев Кении права на образование. В школах, субсидируемых колониальной администрацией и религиозными миссиями, обучается лишь 18% детей школьного возраста. Из каждых 5000 детей, посещающих начальную школу, оканчивает ее лишь один ребенок. На каждого учащегося в школе для африканцев из колониального бюджета тратится лишь половина фунта стерлингов в год, тогда как на образование одного европейского ребенка ежегодно расходуется 110 фунтов стерлингов.

Но африканцы не желают больше оставаться в темноте и невежестве, на которые их обрекают империалисты. После второй мировой войны среди кикуйю началось массовое движение за образование. Они стали строить на свои собственные средства школы, независимые от колониальных властей. Из своих мизерных доходов они выкраивали деньги на содержание этих школ. В 1952 г. существовало 220 таких школ, в которых обучалось 27 000 детей кикуйю. Для подготовки учителей был создан специальный учительский колледж. Для руководства школьным делом была создана Ассоциация независимых школ кикуйю. Колонизаторы усмотрели в этом благородном начинании угрозу своему господству. Они закрыли все созданные с таким трудом школы, запретили Ассоциацию и посадили в тюрьму ее председателя Питера Гатабани.

Кикуйю, как и остальные африканские народы Кении, лишены элементарных политических прав. Власть в Кении принадлежит английскому губернатору. При нем имеется законодательный совет, который состоит из 18 английских чиновников и представителей колониальных компаний, 11 европейцев, избираемых европейской частью населения, 5 индийцев и араба, избираемых индийцами и арабами, 1 араба, назначаемого губернатором, и 4 африканцев, также назначаемых губернатором. Кикуйю лишены права даже на создание органов местного самоуправления.

Доведенные до предела нищеты и бесправия, кикуйю поднялись на борьбу против своих угнетателей. Никаким террором не сломить волю народа к свободе и независимости. В ответ на усиление террора растет сопротивление. Кикуйю и другие народы Кении знают, что они не одиноки в своей борьбе. Демократические организации Англии протестуют против этого произвола, проводят митинги солидарности с борющейся Кенией; в поддержку борьбы народов Кении выступают трудящиеся Уганды, Танганьики и Золотого Берега.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

В. Л. ВОРОНИНА

ЗАМЕТКИ ПО НАРОДНОМУ ЗОДЧЕСТВУ ТАДЖИКОВ БАССЕЙНА ЗЕРАВШАНА *

Оригинальные народные традиции, которыми отличались постройки жителей Зеравшанской долины, в настоящее время наиболее полно можно проследить лишь в верховьях Матчи, выше Мадрушката. Жилая постройка обычно состоит всего из одного прямоугольного, а часто и неправильного в плане помещения *хона*, в котором различаются две части — передняя и задняя. В передней расположен очаг *оштон* под большим колпаком *мури*; рядом с очагом выделено место для дров *хизум партои*. В задней чистой половине *руи боло* пол немного приподнят. Границу образует центральная колонна, несущая прогон, на который опираются балки плоской кровли. Пространство между балками забрано досками или жердями, поверх которых уложен мелкий хворост, покрытый засыпкой и глиносаманной смазкой. Стены в большинстве случаев из сырца на глине, окна отсутствуют. Дверь часто выходит прямо под открытое небо. В стенах устроены ниши *ток*, одна из них в нижней части имеет вид шкафчика с раздвижной досчатой стенкой. Близ очага в стене имеется серия ямок и углублений для ложек и других мелких предметов. Вдоль стен и поперек комнаты на *руи боло* расставлены *хамба* — глиняные закрома с каркасом из жердей, имеющие круглое отверстие в нижней части. В хамба хранят зерно. Размеры их варьируют от крупных ларей до миниатюрных коробочек. Передняя стенка надочажного колпака вырезана в виде треугольной арки. Очаг изготавливается отдельно в виде полуцилиндра, составленного из двух половинок. Глина тщательно полируется с поверхности. По верхнему краю спереди и сзади выступают зубцы, на которые ставится котел. К оштону полагается набор глиняных крышек *сарпу*, круглых, с небольшим бортиком и ручкой. После того как котел снимут с огня, очаг покрывают *сарпу*, чтобы тепло не уходило вверх, а распространялось по комнате.

На рис. 1 приведены план и разрез дома в кишлаке Похшив. Очаг расположен у передней стены комнаты, где находится и дверь. Между очагом и дверью — приподнятая площадка для сиденья *тахона*, под которой хранятся дрова. Рядом с *тахона* в проходе устроен водослив *чукура*. За колонной — *руи боло*, где с одной стороны шкафчик и ниши, а с другой три *хамба*, причем два из них отгораживают *руи боло* от двери. Постройка низкая — высота *руи боло* менее 2 м. В последнее время к комнате пристраивается передняя долон и приемная *михманхона*, освещаемая окошечком со ставнем. Направо от долона расположена *худжра*, как называется комната для приема посетителей или просто отдельное помещение; в ней устроен *сандали* — обычное для Средней Азии приспособление для обогрева.

В некоторых домах встречаются плафоны из горбылей, собранных в раму (какие иногда можно видеть и ниже по течению Зеравшана), и моделированные колонны. На рис. 2 показаны колонна и *хамба* одного из домов в селении Деминара. Колонна в своей нижней части и под капителью имеет шаровидную форму, причем дерево резалось комлем вверх. Закром украшен лепным орнаментом.

Вниз по течению Зеравшана специфические местные черты жилища все более стираются, а в устье долины совершенно видоизменяются. Еще в 1926 г. И. И. Зару-

* Материалы собраны в поездках с Верхнезеравшанским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ЛИИМК АН СССР, Тадж. ФАН и Государственного эрмитажа в 1946—1948 гг. Обмеры и зарисовки автора. Описание селений верхнего Зеравшана даны О. И. Смирновой в статье «Историческая топография верхнего Зеравшана» (см. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 15, М.—Л., 1951).

бин отметил, что в нижнем этаже дома не строятся по старому типу уже много десятков лет. Он писал, что в жилище нового типа четкое деление на женскую и мужскую половины было необязательным — та и другая располагались бок о бок в одном помещении. В качестве мужской половины использовался руи боло, выделяемый повышением пола, порогом, столбами. Напротив руи боло помещается камин, снабженный высоким дымоходом. Между руи боло и камином имеется проход *куча*, *акаби-дар*¹. Камин не всегда выделен идущими от пола стенками, и колпак его опирается иногда на стойки. Во всяком случае камин принято помещать посередине торцовой стены, причем по обе его стороны образуются глубокие ниши, из которых одна, а иногда и обе предназначены для хранения топлива.

Наши наблюдения над типом жилищ Зеравшана и нижней Матчи сводятся к следующему.

Дом состоит из одного-двух, редко более помещений. В двухкомнатном доме первое помещение — ашхона — служит кухней и передней, второе — собственно комната, хона. Дома в Захматабаде (Варзминор) преимущественно двухкомнатные. Эта

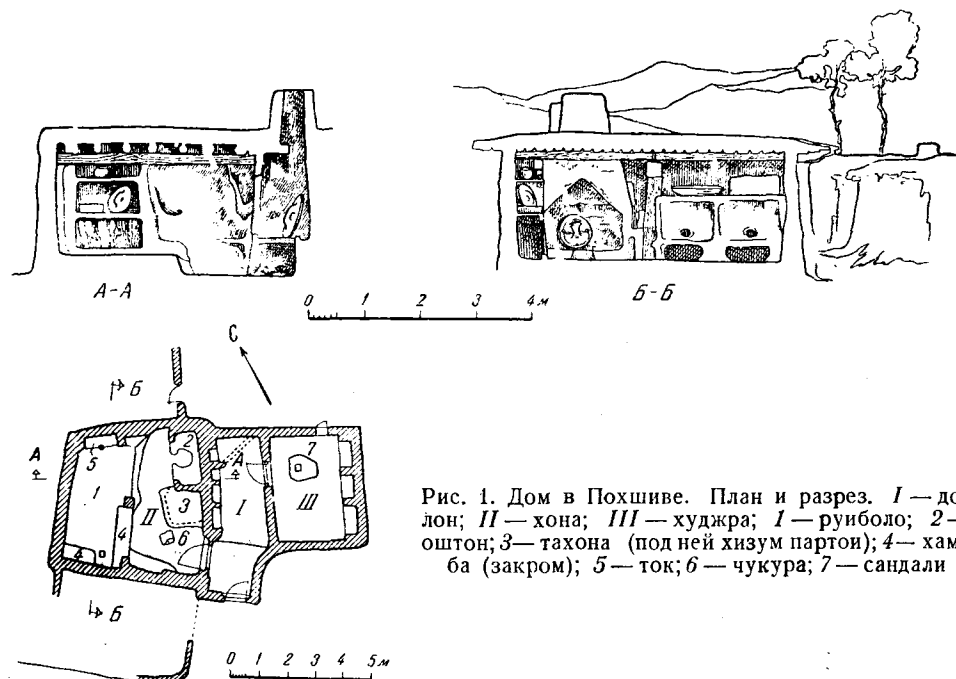

Рис. 1. Дом в Похшиве. План и разрез. I — долон; II — хона; III — худжра; 1 — руиболо; 2 — оштон; 3 — тахона (под ней хизум партои); 4 — хамба (закром); 5 — ток; 6 — чукура; 7 — сандали

группа помещений в некоторых домах повторяется. Иногда выделяется специальная михманхона, находящаяся нередко отдельно от жилой половины. Часто встречаются дома с айваном. Но в некоторых селениях, как правило, айванов не имеется (Варзминор). Наблюдаются следующие комбинации дома с айваном. От Рарза до Оббурдона почти во всех селениях айваны в одну колонну с помещениями по обе стороны. В Сангистоне, Зосуне, Ронче и некоторых других селениях очень распространены постройки с айваном в одну колонну и комнатой позади него. То же наблюдается в Урмитане (Лянгар). В больших домах встречаются вытянутые вдоль фасада айваны (пеш-айван) с несколькими колоннами, иногда с кайваном (повышение средней части перекрытия).

Иногда вход на участок оформляется как долон — крытый проход, аналогично бухарскому рахрау. Ориентация дома не соблюдается слишком точно, но преимущественно южная.

Строительным материалом повсеместно служит главным образом кирпич-сырец, обычно с примесью мелкого гравия. Кирпич, как правило, прямоугольной формы и очень крупный. Так, размеры кирпича, употребляемого в Искодаре $10 \times 23 \times 40$ см, в Хшикате — $8 \times 24 \times 45$, в Захматабаде — $8 \times 42 \times 42$, в Оббурдоне — $11 \times 24 \times 40$ см. Раствор глиняный, иногда с мелкой галькой. Стены кладут также и из камня, чаще рваного (Вешаб). Каркасная конструкция применяется сравнительно редко, главным образом в более монументальных постройках. Цоколь кладут из камня на глине. Ограды участков также строят из камня, который кладут на ребро в елочку. Полы

¹ И. И. Зарубин, Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г., «Известия АН СССР», 1927, № 5—7, стр. 351 и сл.

обычно земляные. Кровли земляные по балкам, поверх которых положены *васа*² или жерди и хворост. Большие световые проемы со ставнями встречаются редко, чаще световые проемы делают небольшими, с миниатюрными ставнями, иногда же ограничиваются отверстиями под крышей.

Штукатурка помещений глиносаманная, в некоторых домах — ганчевая. В крупных центрах — Рарзе и Варзиминоре — сохранились бывшие байские дома с ганче-

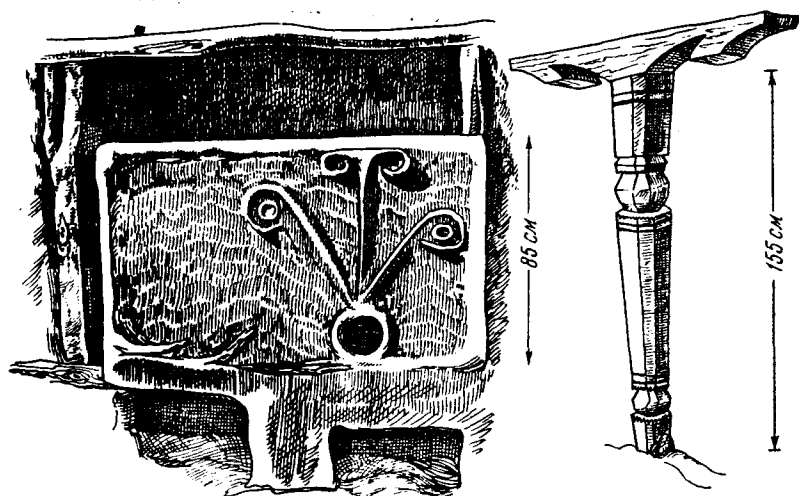

Рис. 2. Хамба и деревянная колонка одного из домов Деминора

выми фигурными нишками, резными панно и ставнями, тонкими решетками из ганча и дерева, расписными потолками. Приемы росписи, примыкающие к уратубинским, типичны для Таджикистана. То же можно сказать и о большинстве образцов резьбы по дереву, хотя нередко ее приемы близки технике Самарканда.

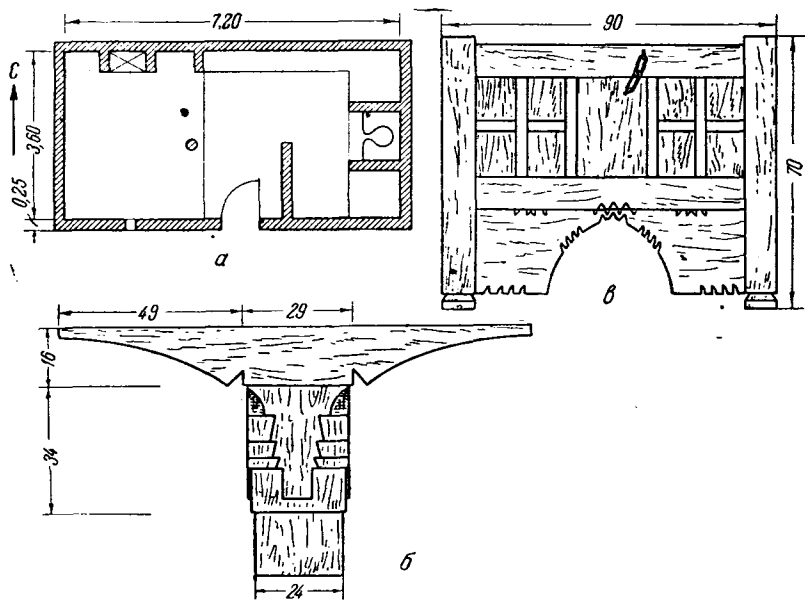

Рис. 3. Дом эмира Саида в Искодаре: а — план; б — капитель колонны; в — расписной деревянный ларь

В Искодаре сохранился дом фальгарского эмира. Этому дому (рис. 3), по слухам, около ста лет. Неприятельная постройка из камня на глине: налево — руи боло, направо — черная половина с камином, отделенная от двери не доходящей до верха стенок. В помещении лишь одно крошечное оконце под самой крышей. Любопытно

² Горбыльки округлостью вниз — прием, повсеместно принятый в Узбекистане.

детали — капитель колонны своеобразной формы и старинный расписной ларь для провизии, поставленный в средней нише руи боло за отсутствием там стенового шкафа.

Расположенный неподалеку от описанного дом Хамида Саидова относится, судя по деталям, ко второй половине или концу XIX в., но не имеет ничего общего со старой традицией (рис. 4). Поставленный на высокий каменный цоколь, он состоит из комнаты с айваном и прилежащего хозяйственного помещения *хазина-хона*, *кадон*. Стены каркасные с заполнением из сырца и гальки, пол из утрамбованного, залитого глиной щебня. Комната оштукатурена ганчем, с расписным фигурным потолком. На айван выходят резные ставни с деревянными решетками над ними. Формы колонны тоже не соответствуют местному типу, напоминая манеру южного Узбекистана (рис. 5). На участке разбит урюковый сад.

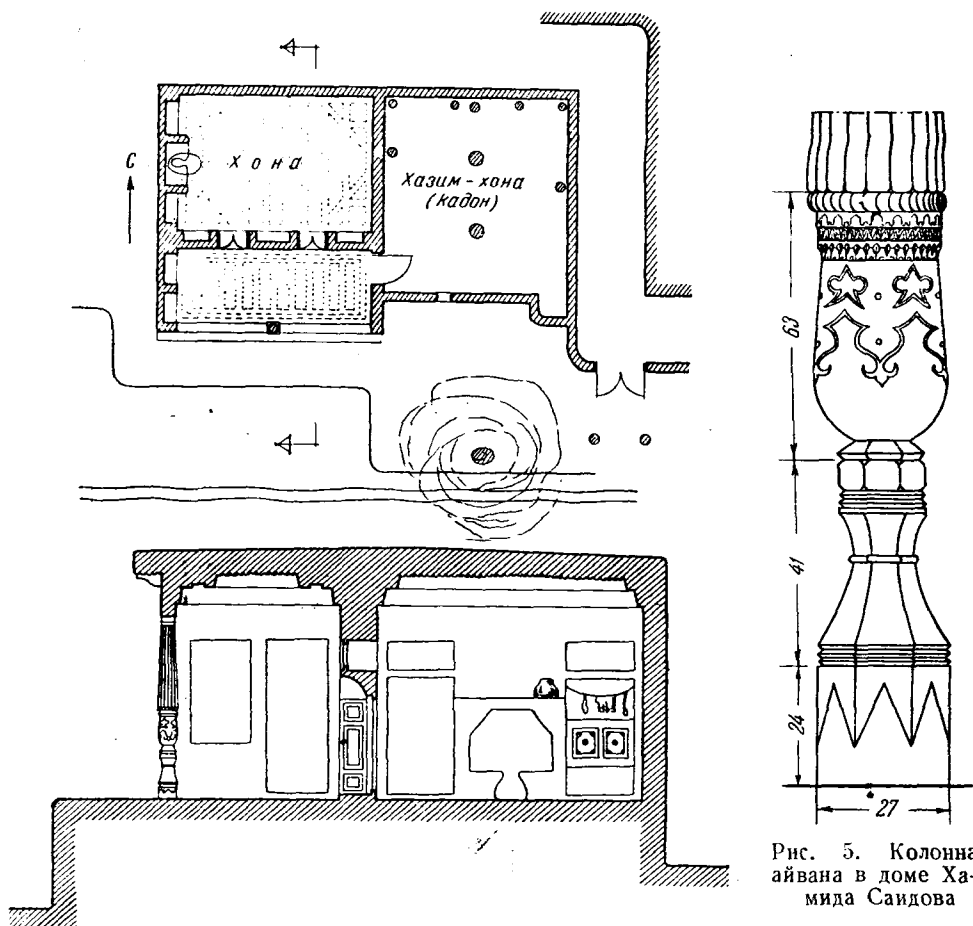

Рис. 5. Колонна айвана в доме Хамида Саидова

Рис. 4. Дом Хамида Саидова в Искодаре. План и разрез

Однако даже и в новых домах нередко отдельные помещения сохраняют прежнее устройство. Такова самая большая из комнат жилой половины дома колхозника Мунавварова в Куруте (рис. 6). Планировка дома и весь его облик очень уютны и живописны. Близ входа выделена только что отстроенная михманхона на высоком цоколе с небольшим айваном, с камином и нишами в каркасных стенах. Новый топольный потолок блестит неокрашенной древесиной, средняя приподнятая часть его обрамлена бордюром из васа (рис. 7). Такой тип плафона уже отмечен выше, но здесь он выполнен более совершенно. Его можно считать типичным зеравшанским.

Достаточно открыть маленькую дверцу, чтобы достать воды из бегущего рядом ручья, который, пройдя под стеной, падает каскадом в небольшой выложенный камнем водоем уже на жилой половине дома, а затем следует дальше подземным каналом. Дворик и отчасти кровля осеяны растущим на берегу ручья тутовым деревом, ствол которого замурован в стены. В глубине дворик покрыт навесом из виноградных лоз. На длинный айван выходят упомянутая выше большая комната, а также ашхона, хона и кладовая. У входа покрыты колпаком очаги. Эта часть дома построена лет на 10—15 раньше михманхоны. Все помещения дома оштукатурены глиной с саманом.

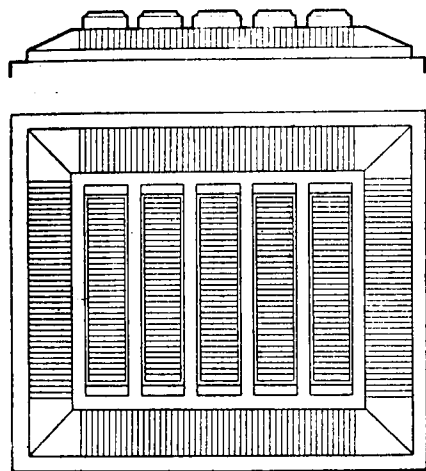

Рис. 7. Потолок михманхона в доме Мунавварова

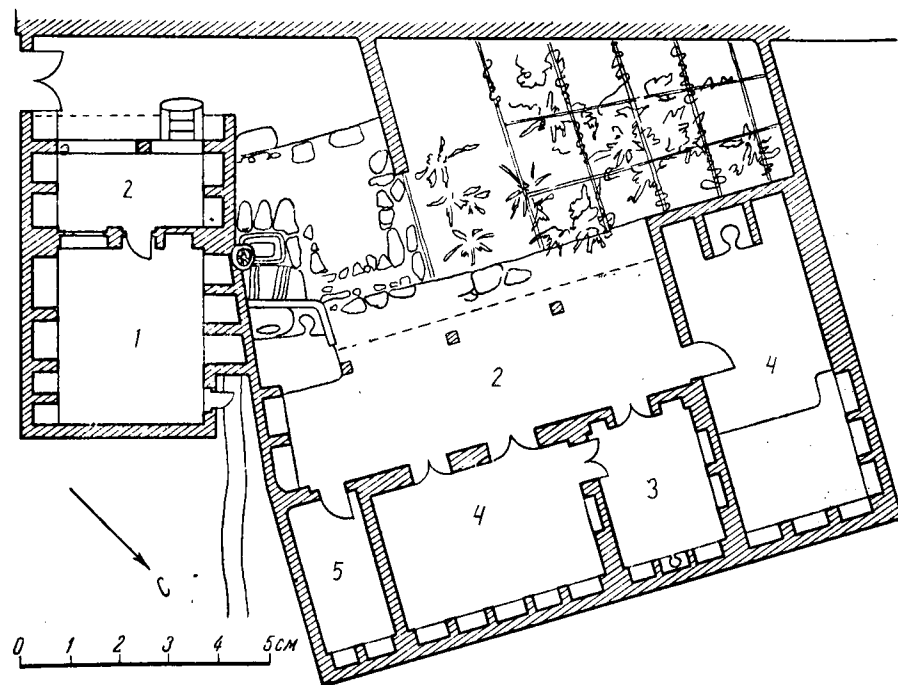

Рис. 6. Дом Мунавварова в Куруте: 1 — михманхона; 2 — айваны; 3 — дализ (передняя); 4 — жилые комнаты; 5 — казнок (кладовая)

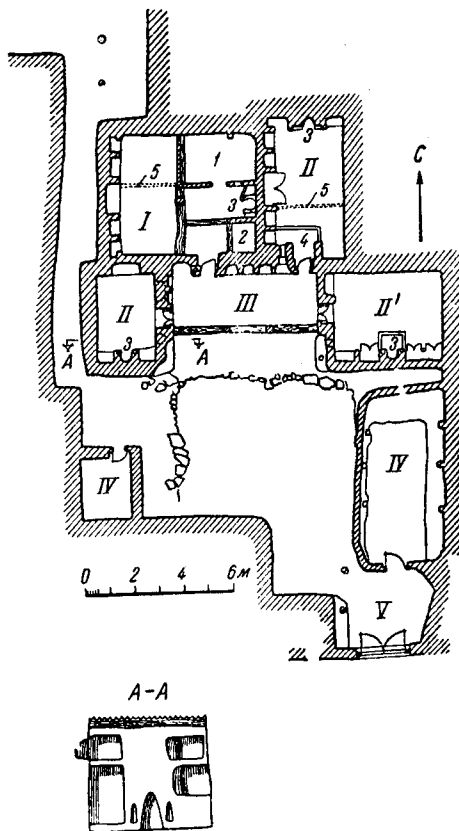

Рис. 9. Дом в Сарытаге. План и разрез худжры: I — хона; II — худжра; III — айван; IV — огул (помещение для овец); V — дарваза (крытые ворота); 1 — тахтахона; 2 — ташнаб; (водослив); 3 — оштон; 4 — кавш-каши, 5 — сим-каши

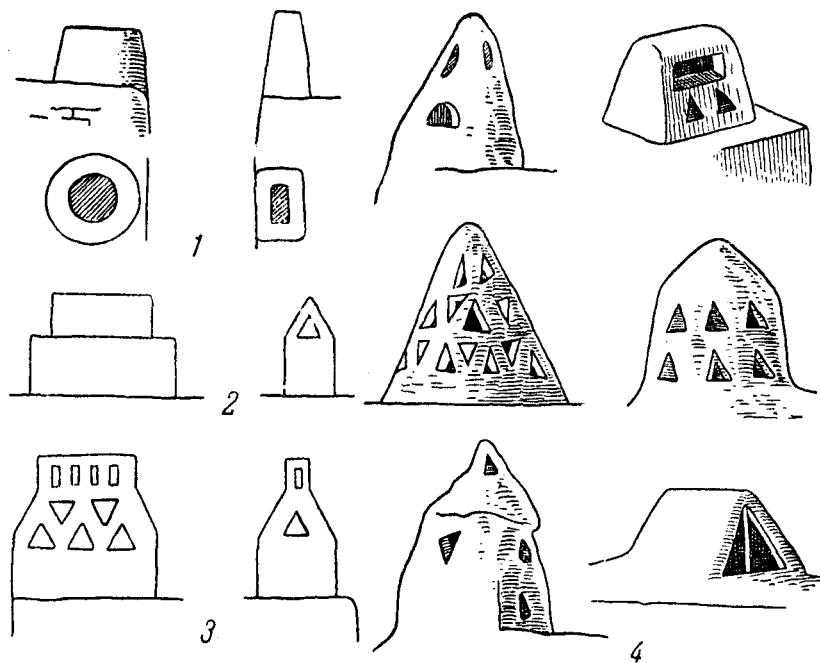

Рис. 8. Дымовые трубы: 1 и 2 — Захматабад; 3 — Сангистон; 4 — Вашан

Характерным внешним признаком зеравшанского жилища, по утверждению И. И. Зарубина, являются трубы. Они прямоугольного или квадратного сечения, прямые или суживаются кверху, в различных селениях варьируют по высоте и ширине, а кое-где принимают своеобразный вид, своей формой напоминая порой постройки термитов (рис. 8).

Дома нижнего Ягноба и его притоков по типу не отличаются от зеравшанских, но в них обычно больше помещений. Достаточно типичен дом в Сарытаге (рис. 9). Интересен композиционный прием центрального айвана с ризалитами (выступами боковых комнат), который отмечен также и в Такфоне. Кроме комнаты и айвана, в доме имеются еще три худжры. Просторная хона делится на две части порогом с центральной колонной (рис. 10). В ближней к двери торцовой стене помещается очаг, с одной стороны которого близ двери находится ниша для дров хизум-партзи, а с

Рис. 10. Внутренний вид дома в Сарытаге

другой стороны тахтахона — отделение, используемое в данном случае для приготовления пищи, хранения посуды и провизии. Противоположная стена — с нишами, из которых средняя в нижней части служит шкафом, а в верхней — местом для складывания на день одеял. Между загородкой и стеной с нишами протянута жердь *сим-каши*, на которой развешиваются платя. В смежной худжре также имеется *сим-каши*, а в полу у двери *кавиш-каши* — место для калош. В худжрах вместо очага — камин, снабженный изящной овальной арокочкой. По обе стороны камин в стене имеются подставки для чайников (рис. 9, внизу). Все перечисленные детали устройства дома очень характерны для данной местности. Во двор дома ведут крытые ворота, рядом конюшня, напротив нее помещение для овец и птичник, откуда через второй хозяйственный айван крытый проход ведет на соседний двор.

В складках северных отрогов Зеравшанского хребта, близ устья долины, по притокам Кштуту и Магиан-Дарье, жилища приобретают своеобразные локальные признаки. В Кштуте (Кулоли), а также выше по течению, в Порвине, очаги и надочажный колокол выделяются в виде особой круглой пристройки наподобие миниатюрной крепостной башни. Любопытна застройка самого селения Кштут. Для того чтобы высвободить под сады и посевы всю годную землю, дома строят по склонам крутого гребня таким образом, что дворами служат кровли нижележащих построек. Один из домов почти висит в воздухе, помещаясь на выступе скалы. В домах обычно комната расположена позади айвана в одну-две колонны (рис. 11), обращенного на юг и восток. Но айван имеется не везде. Дома строят из двухрядного каркаса с сырцовым заполнением.

В жилище Магиана комнаты вытянуты в линию и выходят на длинный айван с пятью колоннами (в одном случае отмечен айван в семь колонн). На одном конце айвана возвышается площадка для сидения — тахона, поэтому крайняя колонна получается укороченной. Такого же типа дома и в Муса-базаре (рис. 12). Это селение расположено уже не в бассейне Зеравшана, а на истоках Кашка-Дарьи. Здесь, на

стыке с Узбекистаном, большой процент узбекского населения. Такой же длинный многоколонный айван вдоль фасада с тахона на одном конце распространен и в узбекских пограничных селениях на Зеравшане.

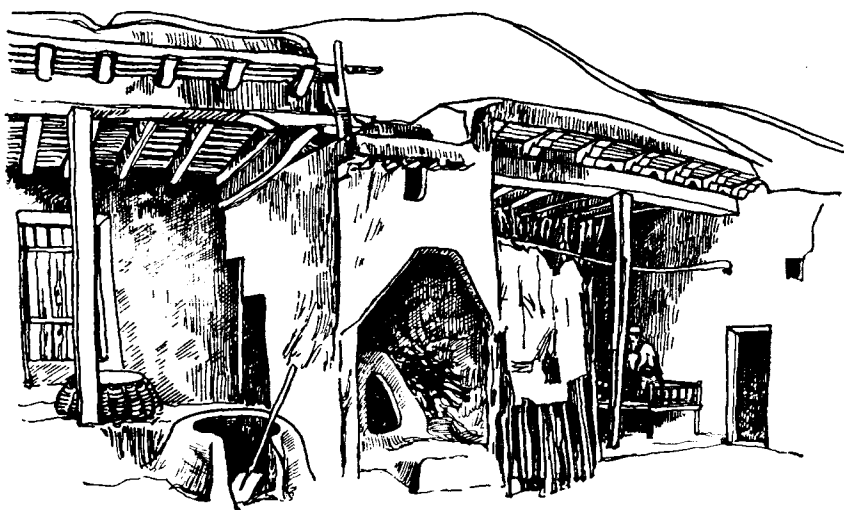

Рис. 11. Айваны и очаг с колпаком. Дом в Кшуте

Народное жилище Таджикистана, изрезанного высокими горными хребтами и разделенного в прошлом на ряд изолированных долин, исключительно многообразно. Жилище высокогорных областей вследствие суровости климатических условий и устойчивости местных традиций обладает особой спецификой, хотя и связано с равнинными типами рядом промежуточных форм. Если говорить лишь о высокогорных районах, не касаясь Ферганы, Гиссара и Куляба с его относительно мягким рельефом, классификация типов дома дает связный ряд, крайние точки которого занимают жилища Зеравшана и горного Бадахшана. Этот ряд представляется в следующем виде.

1. Дом долины Зеравшана характеризуется объединением всех функций в одном помещении хона, в котором выделена чистая половина руи боло путем небольшого повышения пола. В доме имеется очаг с колпаком — мури.

2. Дом верховьев Ягноба близок зеравшанскому, но имеет некоторые отличия. Он с плоской кровлей, снабженной дымовым отверстием *руча*. Окна из-за суровости климата не развиты, лишь иногда делаются маленькие оконца с деревянной ставней. Зимнее помещение *мур*, низенькое с повышенным полом, представляет собой сплошную лежанку. Печь *инкир* устраивается у самой двери и выходит в нее топком. Инкир закрывается крышкой. Муру предшествует *хиджра*, со входом из канна. В хиджре имеются *касаба* — очаг с трубой и сандали. Перед канна иногда пристраивается долун — айван с неполной передней стенкой³.

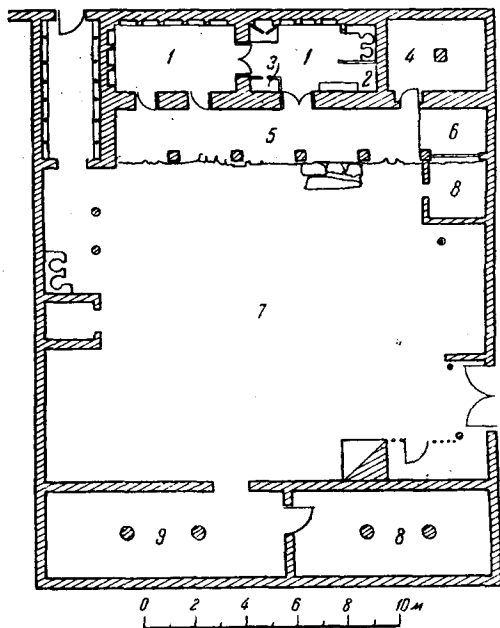

Рис. 12. Дом в Муса-базаре. План: 1 — хона; 2 — тохир хона; 3 — бугдай (амбар); 4 — утун-хона (место хранения дров); 5 — айван; 6 — тахона; 7 — ашхона; 8 — молхона (хлев); 9 — атхона (конюшня)

³ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940.

3. Жилище верховьев Варзоба некоторыми чертами тяготеет уже к горнобадахшанскому типу⁴. Внутри дома — лежанки с очагом *дегдон*, между которыми имеется проход *таи-пога*. Плоская кровля лежит на столбах.

4. Жилище Гарма, Каратегина и Дарваза представляет собой варианты высокогорного бадахшанского типа.

5. Жилища Горного Бадахшана и долины реки Хингоу отличаются своеобразной архитектурой. Близ входа два столба *сутуми саломча* и один или два — напротив; на столбах покоится брусчатый купол с отверстием в зените *рузан*. Отверстие служит окном и дымоходом⁵. Такое зимнее помещение называется в Ванче хона, в Вахане — *кхун*, в Бартанге — *код*. Жилой комнате предшествуют *долун* или *нешток* — полуоткрытое летнее помещение.

Горное жилище можно разбить по способу отопления на две группы: курное и с камином. Руководствуясь тем же признаком, но анализируя более детально развитие типа очага, мы пришли к следующему результату. Выше уже было отмечено

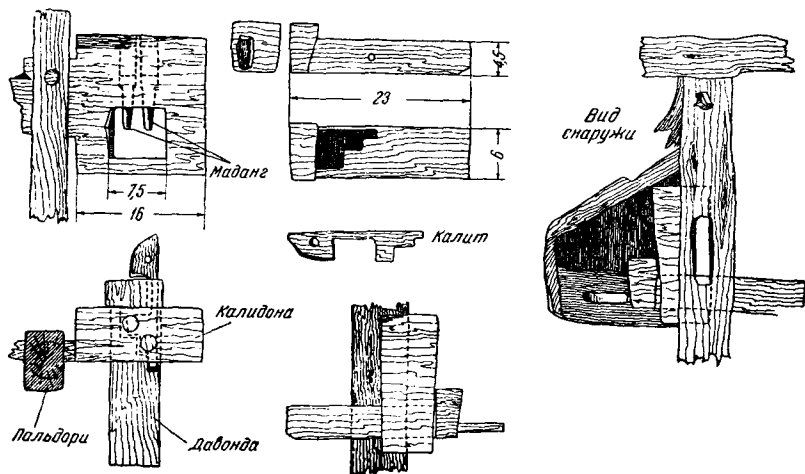

Рис. 13. Деревянный замок кундаи-калидона из Сарытага

увеличение размеров камина, вернее очага с колпаком, вверх по течению Зеравшана. Верхнеягнобский мур представляет собой наиболее развитый вид — колпак очага как бы вбирает под себя целиком все жилое помещение, сосредоточенное на площадке очага. В курном варзобском и бадахшанском доме можно усмотреть дальнейшую ступень трансформации жилища, но уже не по линии развития камина, которая исчерпана, а по линии расширения площади мур за счет снижения степени обогрева помещения. В самом деле, что такое бадахшанский код или кхун, как не развитый вишьр и в высоту мур с перенесенным внутрь очагом?

Таким образом, из приведенной характеристики вариантов горного жилища ясно выступают коренные различия между северным и южным типами горного таджикского дома.

В дополнение к описанию жилища необходимо сказать несколько слов о старинных деревянных запорах, употребляемых и теперь в верховьях Зеравшана и по его притокам. Этот запор действует по типу задвижки. Он состоит из двух частей (рис. 13). Первая — *калидона* — неподвижна и врезана шилом в косяк двери — *пальцери*. Вторая — *даводна* — представляет собой движок или челнок, который вставляется свободно в сквозной паз первой части и удерживает на месте дверное полотно. Движок закрепляется подвижными шпонками-жолудями *маданг*, вставленными в неподвижную часть и опускающимися сверху в углубление *даводна*. Чтобы отпереть замок, нужно вложить в него деревянный *калит*, приподнять им жолуды и выдвинуть движок. Бородки ключа *чоррак* соответствуют расположению жолудей, которых бывает от двух до пяти. В зависимости от числа и расположения жолудей получаются различные комбинации. Замок в целом носит название *кундаи-калидона*.

Такой замок применим только в одностворчатой двери, которая характерна для старинного типа жилища. Он всегда укрепляется с левой стороны проема. Для того чтобы отпереть замок, в стене рядом с проемом делается углубление.

Описанные замки применяются не только в бассейне Зеравшана, но широко распространены повсюду в горном Таджикистане. Они, например, встречаются в доли-

⁴ А. Н. Кондауров, Указ. раб.

⁵ В. Л. Воронина, Жилище Ванча и Язгулема, «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951.

нах Ванча и Язгулема, где иногда применяются костяные ключи. В этих районах такими замками запирают не только дома, но и амбары.

Форма замка с жолудями зародилась в глубокой древности и была известна в античной Греции⁶. В настоящее время, помимо Таджикистана, такие замки применяются и в Закавказье⁷. По описаниям жилища южной Аравии можно заключить, что они бытуют и на Ближнем Востоке⁸.

Мечети на Зеравшане состоят обычно из квадратного зимнего помещения с айваном. Наиболее часто встречается двусторонний айван, а в нижних селениях этот тип, характерный для Бухары и Самарканда, явно преобладает. В соборных мечетях зимнее помещение имеет иногда четыре колонны. Встречается мечеть в комплексе с мазаром.

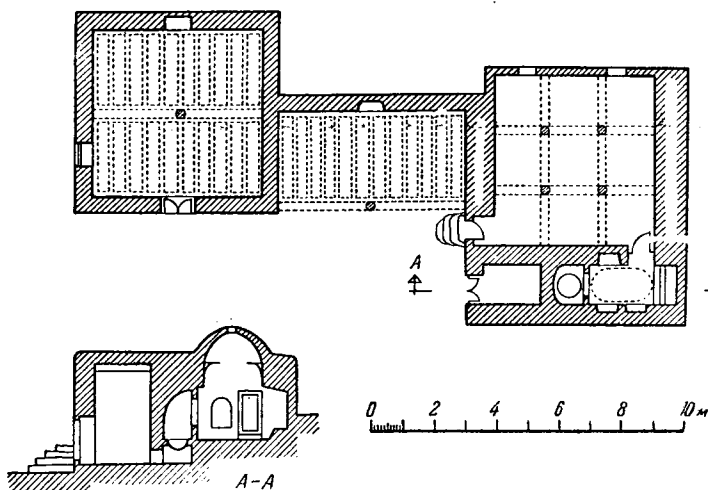

Рис. 14. Мечеть в Парзе. План и разрез

В некоторых селениях было в обычае строить при мечетях тахорат-хона⁹ с горячей водой. Это отмечено в Парзе, Зосуне и Сангистоне.

Отделка мечетей чаще скромная — глиносаманная штукатурка и некрашенный потолок. Но колонны почти всегда в той или иной мере украшены резьбой. В архитектурных и конструктивных деталях замечается ряд характерных особенностей, отличающих местную архитектуру не только от узбекской, но и от таджикской других областей.

В Парзе сохранилась мечеть постройки 1853—1854 гг. (1270 г. хиджры — по надписи на потолке) с боковым айваном и тахорат-хона (рис. 14). В мечети земляной пол на уровне грунта, глиносаманная штукатурка и некрашенный потолок. Здание украшает лишь изящная колонна айвана с оригинальной капителью. Для Фальгара характерна отделка карниза, промежутки между консолей которого заполнены набивным рельефом в виде фигурочных арок. Очертание арок повторяет профилировку консолей.

Как с архитектурной, так и с этнографической стороны очень интересна мечеть Коры Мир-Хусейна в Зосуне (рис. 15). Указанная в настенной надписи дата — 729 г. хиджры (1328—1329 г.), возобновляемая с каждым ремонтом, относится, видимо, к некогда стоявшему здесь первоначальному зданию. В современном виде мечеть едва ли старше начала XX в. Это — любопытный ансамбль, соединяющий в себе все постройки, когда-либо присоединявшиеся к мечети. В северной стене мечети маленькие двери трех *чилля-хона* (келья сорокадневных молитв). Близ входа на боковом айване мазар в виде скромной плиты. Здесь же вход в *мактаб-хона* (школу). Напротив расположена кафедра *мимбар* в виде открытого павильона. Позади мактаб-хоны лежит *тахорат-хона*, включающая общий зал, три кабины для омовений — *мустаб-хона* и отдельную совершенно темную комнату *гусль-хона*. У входа во двор, обнесенный низ-

⁶ Г. Дильс, Античная техника, М.—Л., 1934, стр. 41—55.

⁷ По сообщению изучающих архитектуру горной Грузии и Дагестана архитекторов Л. З. Сумбадзе и Г. Я. Мовчана.

⁸ В. А. Крачковская, Жилище в Хадрамауте, «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 173.

⁹ Помещение для ритуальных омовений.

кой оградой, находится помещение служителя. Кроме того, с востока к ансамблю примыкает баня, имеющая вход с улицы.

Необходимо отметить ряд любопытных строительных и декоративных приемов в здании мечети.

Пол мечети и айвана покрыт ганчевой обмазкой, разрезанной швами на длинные полосы. Подобную конструкцию имеет пол айвана в верхней рарзской мечети, но там полосы разделяются ганчевыми ребрами, более твердыми, чем получившиеся алебастровые плиты, которые сильнее стерты. У входа на айваны участки пола вымощены речной галькой с алебастровым раствором. Интересен пол мимбара, отделанный на-

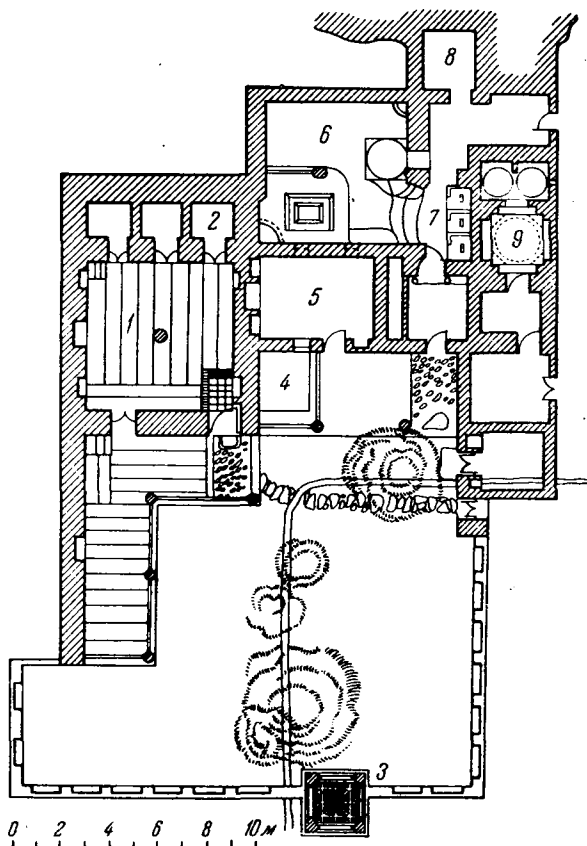

Рис. 15. Мечеть Кори Мир-Хусейна в Зосуне: 1 — мечеть; 2 — чилля-хона; 3 — мимбар; 4 — гробница; 5 — мактаб-хона; 6 — тахорат-хона; 7 — мустаб-хона; 8 — гусль-хона; 9 — баня

подобие мозаики (рис. 16). Он разбит на секторы алебастровыми ребрами и вымощен галькой, поставленной на ребро. Панель мечети покрыта глянцевой штукатуркой коричнево-красного оттенка, полированной и нарезанной швами под камень. По этой штукатурке вокруг михраба нанесен резной орнамент. В центре поднимается полированная массивная колонна орехового дерева, граненая, без капители, но с шаровидным основанием фуста, поставленная на плинт. Под потолком деревянный фриз с аппликацией, нарезанной тонкими пластинами и прибитой гвоздями. Карниз айвана такого же типа, как и в предыдущем случае.

Прогоны потолка часто кладут не крестом, как принято на территории Узбекистана, а параллельно, образуя продольные фрагменты потолка.

В Зеравшанской долине принят определенный тип мазара в виде открытого с одной стороны айвана с одной колонной. На айване помещается надгробие из сырца с глиносаманной обмазкой. Иногда мазар состоит из группы помещений с айваном.

Необходимо отметить, что часто единственным декоративным элементом дома, мечети и мазара в бассейне Зеравшана является колонна. Местный тип колонны отличается значительным своеобразием. При сопоставлении современных колонн с древними памятниками резного дерева долины обнаруживается преемственность традиций. Так,

отмечена тенденция ставить колонны комлем вверх. Особенно бросается в глаза эта черта у колонны айвана курутской мечети; ее стройный ствол довольно резко расширяется снизу вверх и плавно переходит в капитель (рис. 17).

Историческим прототипом колонны подобной конструкции является колонна из Урмитана (прежде Лянгар) ¹⁰. На равнинах Средней Азии примеры этого архаического типа немногочисленны (резные колонны из г. Туркестана XIV—XVI вв. ¹¹). Но в горном Таджикистане он кое-где сохраняется до сих пор, как например в долинах Зеравшана и Язгулема. Отмечен он и в Закавказье (древний тип жилища горной Грузии — дарбази). Этот прием известен в архитектуре Крита и Микен. Можно считать, что он свойственен примитивному зодчеству. Что же вызвало его к жизни? Очевидно, в первую очередь соображения практического порядка; на обработку колонны для получения более широкого верхнего среза, на который опирается прогон, и для выделки капители при использовании дерева комлем вверх затрачивалось меньше труда, так как не требовалось подтесывания ствола.

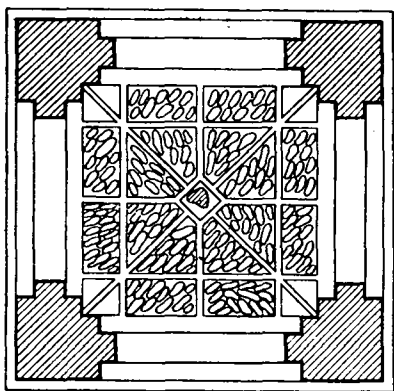

Рис. 16. Пол в мимбаре при мечети Кору Мир-Хусейна в Зосуне

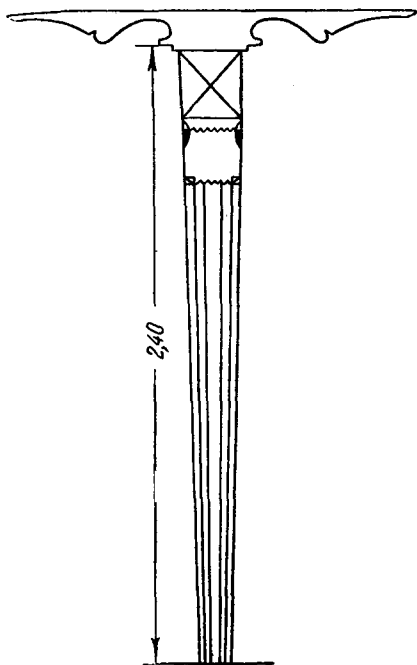

Рис. 17. Колонна айвана мечети в Куруте

С развитием техники и усилением декоративных тенденций капитель стали делать набивной и обработка комлем вверх утратила первоначальный смысл.

Излюбленная форма капители в бассейне Зеравшана — квадратного сечения, иногда слегка суживающаяся книзу. Ребра украшаются фигурными срезами. Иногда капитель как будто раздваивается с включением добавочной шаровидной формы. Зачаток такого членения намечен в капители курутской колонны, которая в общем может служить типичным образцом местных канонов. В качестве орнамента применяются полоски кружков и зубчиков (снизу).

Форма капители отражает древние традиции — двойственность и квадратное сечение верхней части отмечены и в урмистанской колонне.

Ствол колонны обычно граненый. Базис считался необязательным. Такова колонна в Парзе, стоящая в центре квадратного здания верхней мечети.

Посреди зала тахорат-хона мечети в Зосуне стоит колонна полированного дерева, принесенная сюда, как говорят, из мечети Курута. Действительно, капитель по форме и размерам почти не отличается от капители колонны, которая находится на айване курутской мечети в ряду других с ней сходных. Однако колонна, находящаяся в Зосуне, явно взята не с айвана курутской мечети; надо полагать, что она стояла в центре зимнего помещения на месте находящейся там в настоящее время известной древней резной колонны, которая была принесена сюда, повидимому, из Варзиминора ¹² (Захматабада). Колонны айвана курутской мечети так же, как и описанная зосунская колонна, могут быть датированы временем постройки мечети, т. е. насчитывают пять-шесть десятков лет.

¹⁰ В. Л. Воронина, Резное дерево Зеравшанской долины, «Материалы и исследования по истории и археологии СССР», М.—Л., 1951, № 15.

¹¹ Две из них хранятся в Музее истории Узбекистана.

¹² В. Л. Воронина, Резное дерево Зеравшанской долины, стр. 210.

Бани, Фальгара, отличающиеся примитивным устройством, сохранились в Зосуне и Похуде.

Баня состоит из более или менее просторного входного помещения, маленькой раздевалки, небольшой мыльни, цистерны для согревания воды и помещения, где находится топка. Цистерна для холодной воды отсутствует. Куполом покрывается только мыльня и цистерна с водой. Кроме этих двух помещений, штукатурка везде глиносаманная. Стены сложены из сырца, а купол — из камня — из глины с добавкой гача. Жаровые каналы выкладываются из камня.

План похудской бани довольно компактен (рис. 18). В раздевалке маленькое окошечко и приступка для светильника. Купол мыльни, сжатый в плане и вытянутый вверх, покоится непосредственно на стенах без всякой промежуточной конструкции — тропов или парусов. Купол увенчан световым фонарем. Цистерна отделена от мыльни стенкой с небольшим окошечком.

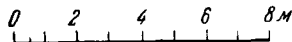
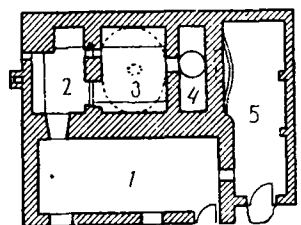
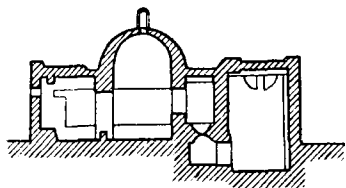

Рис. 18. Баня в Похуде:

1 — входное помещение; 2 — раздевалка; 3 — мыльня; 4 — цистерна; 5 — топка и помещение для топления

карнизы с модульонами и т. д. Тип колонны также отличен от узбекского: характерные ее формы — граненый ствол без базы; капитель квадратного сечения со срезами на углах. Сохранилась архаическая форма колонны кофлем вверх. Уже было отмечено своеобразие таджикского орнамента в росписи и резьбе.

В пограничных районах наблюдается смешение форм. В Фергану из Зеравшанской долины, повидимому, проникли некоторые формы колонн (без шаровидного основания кузаги, с квадратной капителью) — способ отделки потолка узеньким бордюром из васа, который использован в старинных постройках Маргелана. Совершенно очевидно таджикское происхождение распространенных в Андижане домиков из одной комнаты, разделенной порогом и стойками на переднее и жилое помещения.

Наконец, только таджикской традицией может быть объяснено наличие в Фергане каминов, которых нет в других областях Узбекистана.

¹³ Л. Мухелишвили. Раскопки в Дманиси. «Советская археология», кн. VI. 1940, стр. 170—176.

С. КЛЯШТОРНЫЙ

ЯКСАРТ — СЫР-ДАРЬЯ

Вопрос о происхождении современного названия Сыр-Дарьи и о соотношении его с древним именем той же реки «Яксарт», несмотря на весьма длительную историю, нельзя признать разрешенным¹. Выяснение достоверной этимологии слова «Яксарт» принадлежит И. Маркварту, обратившему внимание на то, что наименования этой реки, встречающиеся в древнетюркских источниках VIII в. «Йенчү — үгүз» — «Жемчужная река») и в китайских источниках того же периода («Чжень-чжу-хэ» — «река истинного жемчуга»), являются переводами местного названия реки, транскрибированного в китайских источниках как «jo-ša», «jok-šat» (Яксарт)². Это позволило Маркварту утверждать, что имя «Яксарт» этимологизируется на древнеиранском языковом материале как «ja ū ša-artā» — «истинный жемчуг»³. Нет, однако, оснований полагать, что этим именем обозначалось все течение Сыр-Дарьи. В самом деле, античными источниками название «Яксарт» относится первоначально к отрезку реки, где действовали отряды Александра Македонского, т. е. примерно к району между современными Ленинабадом и Ташкентом, и восходит к местной согдийско-ферганской литературной традиции. Китайские источники в описании событий VII—VIII вв. прямо указывают, что река «Jo-ša» (Яксарт) именно в пределах земель, подвластных Срединной империи (имеются в виду Фергана и Ташкентский оазис), называется «Жемчужной рекой»⁴. К этому же району относится древнетюркское название «Йенчү-үгүз»⁵. Наиболее позднее упоминание этого имени как бытующего названия реки встречается у ал-Масуди (X в.) — Яхшарт (Тахшарт) и ал-Бируни (X — XI вв.) — Хашарт (Хашарт) в контексте, подтверждающем изложенные выше соображения⁶.

Наименование «Сыр» в форме «Силис»⁷ впервые зарегистрировано Плинием: «flumine Jaxarte, quod Scythae Silim vocant, Alexander militesque eius Tanain putavere esse» («река Яксарт, которую скифы зовут Силисом, Александр и его воины приняли за Танаид»).

Это сообщение с важным для нас добавлением повторяет частично зависимый от Плиния автор III в. н. э. Гай Юлий Солин: «По всей этой земле (имеется в виду Бактрия, к которой автор относит и среднеазиатское междуречье. — С. К.) с той стороны прорезывает границы река Лаксат, которую, впрочем, называют Лаксатом одни только бактрийцы: ибо прочие скифы зовут ее Силисом (quem tamen Laxatem soli vocant Bactri: nam alii Scythae Silim nominant). Димодамант, вождь Селевка и Антиохи, писатель довольно достоверный, переправившись через эту реку, ... открыл

¹ Первую сводку мнений, посвященную этому вопросу, составил А. Левшин: «Описание киргиз-казачих... орд и степей», ч. I. Известия географические с приложением: Географическое и историческое рассуждение о р. Яксарт или Сыр-Дарье и землях к ней прилегающих, СПб., 1832, стр. 215—264. Подробно о всех названиях Сыр-Дарьи см. у В. В. Бартольда, «Encyclopaedia Islamica», «Sir-darja».

² I. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Lpz., 1898, стр. 5—6. О китайском названии см. Fr. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Töniukuk, «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», 2-я серия, СПб., 1899, стр. 81. Мы сохранили повсюду транскрипцию цитируемых авторов.

³ И. Маркварт, Указ. соч., стр. 5.

⁴ Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux, Труды Орхонской экспедиции, т. VI, СПб., 1903, стр. 9, 140.

⁵ С. Кляшторный, Кангуйская этно-топонимика в орхонских текстах, «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 59—60.

⁶ W. Tomaschek, Sogdiana, «Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil.-hist. Classe», т. CXVI, ч. II, стр. 50; В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 130.

⁷ Отождествление «Сыр — Силис» сомнений не вызывает (см. F. Justi, Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, Lpz., 1896, стр. 392; В. В. Бартольд, Sir-darja).

что эта иная река, чем Танаид...»⁸. Из сообщений Плиния и Солина явствует, что реку, именуемую местным населением в ее среднем течении «Яксарт», скифы (саки)-кочевники, населявшие нижнесырдарьинские и приаральские степи, именовали «Силис». Ввиду крайней скудости античных и средневековых источников относительно топонимики восточного Приаралья, вполне естественно отсутствие упоминаний названия «Сыр», имевшего узко локальное значение. В средневековой историко-географической литературе господствовал принцип обозначения реки по отдельным ее отрезкам именем крупнейшего города, расположенного на каждом из них (например, «река Шаша», «река Ходжента» и т. п.), в связи с чем местные имена реки в сочинениях мусульманских авторов исчезают, за указанными выше исключениями. Однако, слово «Сыр» как название района нижнего течения этой реки выступает не в XVI в., как это отмечал В. В. Бартольд⁹, а в XIII—XIV вв., в наименовании расположенной в районе Джэнды ставки сыновей и внуков Джучи «Сыр-Орда» (букв. «Сырская ставка «...ставка на Сыре»)¹⁰. Этимологически слово «сыр», как нам представляется, связано с бытующим во многих таджикских и узбекских говорах Средней Азии словосочетанием «сир об», употребляемом в смысле «полноводие, обилие воды»¹¹.

Можно полагать, что это же слово встречается в сакских и согдийских документах из Восточного Туркестана в форме «šigā», «šug» (прилагательное и наречие «хороший», «хорошо», «очень», «много», «многочисленный»)¹².

Таким образом: 1) название «Яксарт», впервые выступающее в источниках, описывающих события IV в. до н. э., относится к верхнему и среднему течению Сыр-Дарьи, этимологизируясь как «Jyša-artā» — «река истинного жемчуга»; исчезновение этого названия связывается с постепенной ассимиляцией местных иранских языков и говоров тюркскими языками; 2) название «Сыр» — древнее сакское имя реки, относившееся первоначально к ее нижнему течению. На протяжении более чем двух тысячелетий это название не только сохранилось, но вместе с завоеванием среднеазиатского междуречья узбекскими кочевыми племенами приаральских степей (XV—XVI вв.) распространилось на все течение реки.

⁸ Плиний, *Nat. Hist.*, кн. VI, § 49; Солин, кн. 49, § 5; название Яксарта подверглось искажению, возможно, по вине переписчика. Цитирую по изданию В. В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», ч. II, СПб., 1904—1906.

⁹ В. В. Бартольд, *Sir-darja*.

¹⁰ «Тарихи-Вассаф», пер. С. Л. Волина, Труды Семиреченской археологической экспедиции, Таласская долина, Алма-Ата, 1949 (сигнальный экземпляр), стр. 192. О местоположении ставки см. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 42.

¹¹ И. Г. Маллицкий, О некоторых географических сведениях, имеющих отношение к Средней Азии, «Изв. ВГО», т. 77, вып. 5, стр. 286. Ср. Д. Т. Таджиев, Слово «сб» (вода) в современном таджикском языке, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. I, 1952, стр. 133.

¹² E. Leumann, *Zur nordarischen Sprache und Literatur*, Strassburg, 1912, стр. 136; F. Rosenberg, *Un fragment sogdien boudique du Musée Asiatique*, «Известия Академии наук», VI сер., 1927, № 15—17, стр. 1395. Ср. сообщение Квинта Курция Руфа («История Александра Великого», кн. VII, § 20) о том, что большие вместительные сосуды назывались у среднеазиатских «варваров» — «сир».

Х Р О Н И К А

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР

24 февраля 1953 г. состоялось заседание Бюро Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященное обсуждению работы журнала «Советская этнография».

Выступивший с докладом заместитель редактора И. И. Потехин подчеркнул ответственную роль журнала «Советская этнография», который является единственным этнографическим журналом в Советском Союзе и имеет широкое распространение за рубежом, в частности, в странах народной демократии. В своей работе редколлегия журнала опирается на научный коллектив Института этнографии и местные этнографические учреждения. Круг неинститутских авторов за пятилетие расширился с одной трети до половины всех сотрудников журнала.

Работа журнала в послевоенный период тесно связана с перестройкой этнографической науки в свете постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Вскоре же после войны, в 1946—1947 гг., редакция «Советской этнографии» поставила вопрос о повороте этнографической науки к изучению современной культуры и современных форм быта народов. Этот поворот к современности и неразрывно связанное с ним оживление интереса к этнографической работе на местах редакция считает своим основным достижением. Приходится, однако, отметить, что перестройка значительно затянулась и редакция не сделала всего возможного для того, чтобы ее ускорить. В этом — один из крупных недостатков работы журнала.

С 1948 по 1952 г. было опубликовано свыше 20 статей, посвященных социалистическому переустройству культуры и быта колхозного крестьянства народов СССР. Многие из этих статей оказались теоретически слабыми, что заставило редакцию в 1952 г. открыть на страницах журнала дискуссию об этнографическом изучении колхозного крестьянства. Дискуссия дала некоторые положительные результаты, но прошла в целом на низком теоретическом уровне, и многие важнейшие вопросы этнографического изучения социалистической культуры и быта остались нерешенными.

Крайне недостаточно сделано для решения другой поставленной редакцией задачи — этнографического изучения рабочего класса как ведущего класса социалистической нации. Опубликованная в 1950 г. статья Н. Н. Чебоксарова была неудачной, так же как и ряд статей, поступивших в редакцию с мест. Опубликованная недавно ценная статья В. Ю. Крупянской о быте уральских рабочих посвящена, однако, лишь дореволюционному быту.

Очень мало пока публикует журнал статей по странам народной демократии. Объясняется это недостатком этнографического материала по перестройке культуры и быта в этих странах, где этнографы только что приступают к разработке данной темы. Успехи этнографии в странах народной демократии несомненно приведут к получению нужных материалов и статей. Редакция намерена также усилить публикацию рецензий и обзоров этнографической литературы, выходящей в странах народной демократии, что, по отзывам зарубежных товарищей, оказывает немалую помощь передовым этнографам этих стран.

Коренным образом перестроен в послевоенный период раздел этнографии колониальных народов. В настоящее время журнал публикует по преимуществу статьи о современном положении народов колоний. Однако раздел все еще страдает рядом существенных недостатков: отсутствуют статьи по народам Индокитая, Индонезии; недостаточна публикация работ, разоблачающих империалистический гнет американских монополий; не все статьи этого раздела в должной мере политически заострены. Некоторые из них все еще носят печать объективизма: такова, например, статья

Е. Э. Бломквист об прокезах. Весьма существенным недостатком отдела является отсутствие статей обобщающего характера, где было бы показано действие основного экономического закона современного капитализма в колониях, его влияние на жизнь народов колоний. Публикация таких статей, а равным образом серии статей по народам, стонущим под гнетом американских империалистов, намечена редакцией на 1953 и начало 1954 г.

В последние годы журнал печатает мало статей по вопросам первобытной истории. Объясняется это тем, что этнографы, переключившись на изучение современной культуры народов, забросили проблемы первобытной истории. В Институте этнографии ставится вопрос о создании специального сектора истории первобытного общества. Необходимо завести такой отдел и в журнале, что позволит активизировать работу в этой области. В 1952 г. журнал открыл дискуссию по вопросу о пересмотре периодизации истории первобытного общества, но обмен мнениями показал, что нельзя дать новую периодизацию без исследования развития базиса и надстройки в первобытном обществе, а этой проблемой до сих пор этнографы не занимались. Институтом намечена подготовка сборника «Базис и надстройка в первобытном обществе», что несомненно должно помочь в создании периодизации.

По вопросам этногенеза в 1951—1952 гг. опубликовано 14 статей, но серьезнейшим недостатком всего раздела является отсутствие исследований о происхождении русского, украинского, белорусского народов. Этими вопросами мало занимаются как этнографы, так и представители других исторических дисциплин, и редакции следовало проявить большую активность в привлечении внимания к этим вопросам. Значительной перестройки работы по этногенезу потребовал выход в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию. Однако в этом вопросе редколлегия оказалась не на высоте. Редакция допустила ошибку, поместив в качестве статьи, посвященной задачам этнографии на новом этапе, статью С. П. Толстова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии», дискуссионную из-за содержащейся в ней гипотезы первобытной лингвистической непрерывности. Включение этой гипотезы в статью увело автора от критики концепций Марра и его последователей по основным вопросам этногенеза, истории первобытного общества, изучения народной культуры, и в результате значительная часть основных вопросов этнографии оказалась вне поля зрения автора. После совещания по этногенезу в журнале опубликован ряд статей, посвященных критике прежних ошибок и содержащих положительное решение некоторых вопросов, но в целом статей, разоблачающих влияние порочных теорий Марра в этнографии, антропологии и фольклористике, было мало, они носили в значительной степени декларативный характер, а некоторые из них не были свободны от новых ошибок. Перед редакцией стоит задача продолжить и активизировать эту работу.

По разделу истории науки журнал поместил ряд статей, посвященных отдельным научным течениям и ученым дореволюционной эпохи. В качестве первого опыта периодизации науки опубликована статья С. А. Токарева, хотя она и не свободна от ряда недостатков. Подготовлена серия статей по истории отечественной этнографии.

Два года назад в журнале создан отдел «Дискуссии и обсуждения». Помимо названных выше дискуссий по этнографическому изучению колхозного крестьянства и периодизации первобытной истории, в этом разделе были помещены некоторые этнографические и антропологические статьи. Отсутствие широких откликов на поставленные журналом вопросы показывает, что редакция допустила много промахов, предоставив дело самотеку. Это была ошибка, которую необходимо исправить в ближайшее время. Метод творческих дискуссий еще не стал основным методом работы журнала.

Журнал систематически печатает критические обзоры и рецензии по американской и английской этнографической литературе. В направлении борьбы с реакционной буржуазной этнографией проделана немалая работа. В 1948—1950 гг. опубликован ряд обобщающих статей и обзоров: «Функциональная школа в этнографии на службе английского империализма», «Космополитизм в современной буржуазной этнографии», «Современная американская теоретическая этнография» и другие. За последние два года работа в этом направлении была несколько ослаблена. В 1951—1952 гг. таких обобщающих статей в журнале не было, и хотя Институт выпустил сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», это не освобождало редакцию журнала от обязанности продолжать публикацию статей, разоблачающих реакционную буржуазную этнографию.

Оценивая работу журнала в целом, И. И. Потехин отметил, что за последние годы журнал проделал известную работу по перестройке советской этнографической науки и разоблачению реакционной англо-американской этнографии. Однако в работе журнала имеются еще серьезнейшие недостатки: журнал слабо разрабатывает теоретические основы изучения социалистического переустройства культуры и быта народов СССР; не разоблачено до конца порочное влияние Марра в этнографии и антропологии; не разрабатываются проблемы этногенеза русских, украинцев, белорусов; неудовлетворительно поставлен отдел критики и библиографии; на страницах журнала нет критики работы Института этнографии и других этнографических учреждений.

Председатель комиссии по проверке работы журнала В. Т. Пашуто в своем выступлении отметил, что за последние годы журнал проделал некоторую работу, направленную к улучшению тематики этнографической науки, к разработке тем, связанных с проблемами формирования новых, социалистических наций в СССР, а также с национальным строительством в странах народной демократии. Журнал опубликовал ряд полезных статей, посвященных вопросам национальной консолидации и этнической истории, выявлению приоритета русских ученых в изучении ряда проблем этнографической науки, разоблачению расистских бредней буржуазной историографии. Вместе с тем работа журнала серьезно отстает от уровня требований современной науки.

Правильно наметив в качестве одной из основных задач изучение формирования у народов СССР социалистического быта и культуры в их национальной форме, журнал не сумел мобилизовать широкий круг ведущих этнографов на правильное решение методических вопросов, не обобщил теоретический опыт работы над этой проблемой. Авторы статей, описывая национальные особенности культуры того или иного народа, забывают о задачах борьбы против вредных обычаев, в частности, религиозных пережитков. Журнал не сумел ориентировать исследователей на изучение закономерностей, лежащих в основе процесса социалистического переустройства быта и культуры; не коснулась этих закономерностей и дискуссия об этнографическом изучении колхозного крестьянства, организованная журналом в 1952 г. В ходе дискуссии в статье члена редколлегии П. И. Кушнера допущена серьезная ошибка по вопросу об объективном характере экономических законов при социализме.

Публикуя ценные статьи, посвященные конкретным вопросам этнической истории, журнал не уделяет внимания этногенезу русского, украинского и белорусского народов, народов Прибалтики. Журнал не раскрывает роли русского народа и его благотворного влияния на культуру других народов нашей страны. Журнал слабо связан с местными этнографическими организациями, проходит мимо крупных недостатков в их работе. Заметно снижено качество исследования проблем истории первобытного общества, недопустимо затонула разработка проблемы периодизации первобытной истории. Журнал оказался не на высоте и в организации других дискуссий. Редакция склонна объявлять дискуссионными вопросы, выходящие за рамки простого описания; между тем некоторые коренные вопросы не вынесены на широкое обсуждение, как например выдвинутая С. П. Толстовым гипотеза первобытной лингвистической непрерывности, которая подверглась резкой критике на страницах научной и партийной печати. В журнале недостаточно развернута критика ошибок в этнографии, отражающих влияние порочных взглядов Марра и его последователей, а в некоторых статьях (С. П. Толстова, М. Г. Левина) имеется тенденция преуменьшить это влияние на этнографов и антропологов.

Журнал не ведет должной борьбы с космополитизмом, буржуазным объективизмом, а между тем объективистские ошибки обнаруживаются в ряде печатаемых статей (М. О. Косвен, Проблемы общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии; Из истории ранней русской этнографии). Существенные недостатки имеются в освещении вопросов этнографии народов капиталистического мира, колониальных и зависимых стран. В этом отношении особенно неудовлетворительна статья Е. Э. Бломквист «Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки», где ошибочно утверждается, например, что в индейских резервациях США уровень жизни выше, чем в резервациях Канады.

Журнал опубликовал значительный материал, касающийся критики и разоблачения современной буржуазной этнографии, но в целом отдел критики и библиографии поставлен неудовлетворительно. Нет критических обзоров тематически однородных книг советских авторов, рецензирование не ведется в достаточной мере систематически, некоторые рецензии написаны с объективистских позиций (например, Р. Кинжалова в № 2 за 1950 г.).

Серьезные недостатки присущи организационной работе журнала. Редколлегия совпадает с руководством Института этнографии, в ней не представлены работники с мест, специалисты по истории, археологии, языкознанию. Отсутствует план заказов. Штат аппарата редакции недостаточен, ставки гонорара ниже общепринятых в системе Издательства АН СССР.

И. Б. Астахов. Отчету редколлегии недостает критики и самокритики. В журнале имеется опасная тенденция преуменьшить марровское влияние в области этнографии, свести его к отдельным фактам. Марристские ошибки критикуются в общей форме, неконкретно. На страницах журнала продолжают печатать работы, воскрешающие по существу марровские взгляды. В статье проф. Окладникова в № 2 журнала за 1952 г. воскрешаются идеалистические взгляды на первоначальные формы искусства. Редакция предоставила проф. Окладникову возможность ответить М. С. Плисецкому, раскрывшему на страницах «Советской этнографии» идеалистический характер ошибок Окладникова. Редколлегия поступила беспринципно, отметив свое несогласие со взглядами А. П. Окладникова, но не указав, в чем состоит ее точка зрения. В статьях, касающихся культуры и быта колхозного крестьянства, имеются грубые теоретические ошибки. Такова статья Н. И. Воробьева, где содержится порочное, антимарксистское утверждение о том, что носителем нашей национальной культуры является крестьянство. В вопросе периодизации первобытной истории также допущены ошибки. Журнал

не проявил в этом вопросе последовательности: в 1946 г. в своих статьях, напечатанных на страницах «Советской этнографии», С. П. Толстов полностью стоит на позиции периодизации Моргана, в 1951 г. — называет периодизацию Моргана совершенно неприемлемой. Автор должен был объяснить причины такого поворота. В заключение И. Б. Астахов выразил пожелание, чтобы на страницах журнала были глубоко проанализированы марристские ошибки таких авторов, как Окладников, Ефименко, Равдоникас, и чтобы была развернута широкая критика космополитизма в работах некоторых советских авторов.

С. В. Киселев в своем выступлении указал, что в «Советской этнографии» крайне редко появляются теоретические статьи. Мало печатается передовых. Забвение вопросов теории имеет результатом те серьезные ошибки на страницах журнала, о которых говорили ранее выступавшие товарищи. Некоторые ошибки журнала — те же, что отмечались в области истории, например неправильное отношение к показу роли русского народа в братской семье народов СССР. Вопрос о роли русского народа освещается в журнале далеко недостаточно, мало работ посвящено этнографии русского народа. Такое положение необходимо исправить. Одним из главных недостатков «Советской этнографии» является забвение критики и самокритики. Примером может служить дискуссия о первобытной лингвистической непрерывности, во время которой журнал никак не реагировал на критику выдвинутой С. П. Толстовым гипотезы. Журнал замалчивает и грубые ошибки сотрудников Института этнографии, например буржуазно-националистические ошибки С. М. Абрамзона. В целях развития критики и самокритики нужно принять меры к тому, чтобы одни и те же лица не находились в редколлегии и в дирекции Института этнографии. Бюро Отделения должно порекомендовать ряд мероприятий для того, чтобы помочь в организации работы журнала. Журналу необходимо запроектировать развертывание теоретической работы в области этнографии, выбрать ряд теоретически острых тем для обсуждения. Нужно обратить большое внимание на борьбу с буржуазной этнографией и с теми извращениями, которые имеются в советской этнографии и антропологии — марровскими концепциями, буржуазным национализмом, объективизмом, субъективным идеализмом. Должно быть обращено самое пристальное внимание на изучение проблем первобытного общества, так как при существующей сейчас нечеткости встречаются построения, уходящие от марксистской линии представлений о первобытно-общинном строе. Так, в книге М. О. Косвена, выходящей в популярной серии, не дается периодизации, нет марксистско-ленинского понятия о первобытно-общинном строе. Всеми этими вопросами должен заняться журнал.

А. Л. Сидоров. Редколлегия пока не выработала конкретной программы перестройки журнала в соответствии с решениями XIX съезда КПСС. В выработке такой программы необходимо учесть опыт журнала «Вопросы истории», при обсуждении которого указывалось, что журналу должна принадлежать руководящая роль в работе Института, в критике и самокритике ошибок. Редакции журнала совместно с руководством Института этнографии нужно тоже уточнить самое содержание этнографической науки и четко определить направление работы журнала.

А. Ф. Окулов высказал мнение, что отчет плохо подготовлен с точки зрения критического анализа работы журнала и советской этнографической науки в целом. С. В. Киселев правильно поднял вопрос о редколлегии журнала: нужно конструировать редколлессию так, чтобы она не совпадала с дирекцией Института. Далее А. Ф. Окулов остановился на № 4 «Советской этнографии» за 1952 г., отметив, что передовая статья «XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы советской этнографии» не достигает поставленной цели. Сомнительна сформулированная здесь задача исследовать причины живучести старого в быту народа. Доказательством служит помещенная здесь же статья Н. И. Воробьева «Краткие итоги изучения материальной культуры чувашей», в которой не показываются огромные изменения в жизни народа в советскую эпоху. Для коренного улучшения работы журнала надо не только решить вопрос о редколлегии, но и наметить ряд мероприятий, которые оказали бы практическую помощь журналу.

Заклячая первое заседание, председательствующий П. Н. Третьяков заметил, что из прений выпал существенный вопрос. В то время как стержнем истории СССР является история русского народа, журнал уделяет русской этнографии наименьшее внимание. Советские этнографы должны в качестве главных рассматривать те же задачи, что и историки. Обязанность этнографов — исследовать не только социалистическую культуру и быт народов СССР и проблемы первобытной истории, о чем больше всего говорилось на заседании, но изучать также культуру народностей феодального периода и буржуазных наций. Эти вопросы должны войти в круг задач этнографии.

17 марта 1953 г. Бюро Отделения продолжало обсуждение работы журнала «Советской этнографии». Редактор журнала С. П. Толстов в своем выступлении отметил, что на протяжении последних семи лет журнал и советская этнография в целом имеют серьезные сдвиги. В центре внимания встало изучение современности, социалистического быта народов СССР, разоблачение деятельности англо-американских империалистов в колониях. За последние годы большое число статей посвящено разоблачению американского расизма, поставленного на вооружение поджигателей

ювой мировой войны. О том, что путь, на который встал журнал, является правильным, говорит и «критика» его реакционными американскими писателями, утверждающими, что этнография в СССР пришла в упадок и характеризуется «национализмом». Под этими подразумевают борьбу советских этнографов против космополитизма, за национальный суверенитет народов. Реакционные американские этнографы обвиняют нас в том, что мы поднимаем на щит замалчиваемых ими деятелей русской этнографии, в том, что мы вносим в этнографию исторический момент.

Однако по всем этим вопросам мы все еще сделали мало, и с этой точки зрения нельзя не согласиться с выводами комиссии. Мы сделали еще крайне мало в развертывании борьбы против пережитков марровских концепций, хотя нами и было напечатано около десятка статей, пытавшихся подвергнуть критике марристские влияния в этнографии. Но эти статьи, в том числе мои статьи, являются далеко недостаточными. Еще никем по настоящему не разоблачено влияние Марра в изучении первобытного общества, недостаточна критика наших ошибок в области этногенеза. Ошибкой редакции журнала и моей лично является то, что мы не довели до конца дискуссию о первобытной языковой непрерывности. Критика, которой была подвергнута эта гипотеза на совещании по этногенезу, меня не удовлетворила: во многом она явилась результатом непонимания, так как моя гипотеза не противоречит гипотезе языковых, если не отождествлять ее с «теорией праязыка». Но мое выступление по этому вопросу крайне затянулось, и вина в этом целиком падает на меня. Можно согласиться и с тем, что в некоторых наших статьях преуменьшается влияние Марра на этнографию, но несомненно то, что советская этнография в целом развивалась вопреки Марру, вне его порочного влияния.

Мы не сумели еще должным образом развернуть критику, обмен мнений, проведение широких дискуссий. Недостаточно ведется на страницах журнала за последние годы борьба с космополитизмом. Мы еще плохо боремся с проявлениями буржуазного объективизма.

Редакция должна принять серьезный упрек в плохой организации дискуссии по изучению культуры и быта колхозного крестьянства. Редакция принимает упрек и в недостаточном внимании к этнографическому изучению русского, украинского и белорусского народов (в особенности за последний год).

Обратившись к научно-организационной работе «Советской этнографии», С. П. Толстов указал, что журнал в значительной мере освещает деятельность местных этнографических учреждений, стремится укрепить с ними связь, для чего в 1951 г. было проведено Всесоюзное этнографическое совещание. Половина авторов журнала — работники с мест. Но в то же время влияние журнала на местных работников недостаточно. Журнал не освещает критически деятельность местных организаций — музеев и научных институтов, не руководит ими последовательно и целеустремленно. Большим недостатком является то, что журнал не ставил вопроса об этнографических кадрах. В Казанском университете кафедра этнографии закрыта, в Ленинградском — слита с кафедрой археологии, что ориентирует этнографов на изучение только первобытности, в Московском — свертывают подготовку этнографов — специалистов по зарубежным странам, что не может не ослабить борьбы с реакционной американской этнографией. Журнал должен был на своих страницах широко и принципиально поставить вопрос о подготовке этнографических кадров.

В заключение С. П. Толстов выразил удовлетворение тем обстоятельством, что, обсуждая работу журнала, Бюро Отделения встало на путь настоящей партийной критики, и высказал пожелание, чтобы голос такой критики был внесен в работу всех органов Отделения.

В своем решении о работе журнала «Советская этнография» Бюро Отделения, отметив проделанную журналом работу по улучшению тематики этнографических исследований, указало, что работа журнала все еще серьезно отстает от уровня требований современной науки. Журнал не сумел ориентировать исследователей на изучение закономерностей, лежащих в основе процесса социалистического переустройства культуры и быта народов СССР, слабо освещает вопросы национального строительства в странах народной демократии, неудовлетворительна постановка изучения вопросов этнографии и этнической истории славянских народов, снижено качество исследования проблем первобытной истории. На страницах журнала недостаточно развернута критика и самокритика, не ведется должной борьбы с космополитизмом, буржуазным национализмом, буржуазным объективизмом, недостаточна критика влияния Марра в этнографии, антропологии, фольклористике. Бюро Отделения постановило обязать редколлегию решительно поднять идейно-теоретический уровень журнала, поставив в центре внимания перестройку работы в направлении, определяемом решениями XIX съезда КПСС. В решении Бюро Отделения перед журналом поставлен ряд неотложных задач: улучшить планирование, предусмотрев в нем опубликование статей по коренным вопросам теории и организации науки, активизировать изучение ведущих закономерностей развития социалистической культуры, усилить этнографическое изучение русского народа и его прогрессивного влияния на культуру и быт братских народов СССР. Журнал должен публиковать этнографические материалы по современной культуре и быту народов стран народной демократии, привлекая к участию в журнале этногра-

фов этих стран. В области этнографии народов колониальных и зависимых стран центр внимания должен быть перенесен на освещение жизни народов, изнывающих под гнетом американского империализма. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о базисе и надстройке, журнал должен усилить разработку проблем первобытной истории, в особенности проблемы периодизации. Вся работа журнала должна быть проникнута духом коммунистической партийности и беспощадной борьбы против реакционной буржуазной науки и антимарксистских извращений в советской этнографии, антропологии и фольклористике.

В целях улучшения работы журнала Бюро Отделения признало необходимым укрепить редколлегия таким образом, чтобы она не совпадала персонально с дирекцией Института, пополнить аппарат редакции штатными работниками, ходатайствовать о повышении ставок гонорара за статьи, публикуемые в журнале, до уровня существующих в других журналах Издательства АН СССР.

А. Перищ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В МЕРКЕНСКИЙ РАЙОН ДЖАМБУЛСКОЙ ОБЛАСТИ

Экспедиция организована летом 1952 г. Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР¹. В задачу экспедиции входил сбор материалов, показывающих те изменения, которые произошли за последние 15—20 лет в материальной и духовной культуре, в общественных отношениях и семейном быту колхозников-казахов в связи с победой и укреплением колхозного строя.

Работа экспедиции проводилась в Меркенском районе Джамбулской области. Выбор этого района был не случаен. Район является одним из передовых в области. Преобладающее большинство его населения составляют казахи, живущие здесь с давних времен. Кроме них, там живут русские, узбеки и киргизы.

Работа экспедиции проводилась в четырех колхозах: им. Сталина, им. Кирова, им. Жданова и «Красный Октябрь». Эти колхозы были выбраны как различающиеся между собой по отдаленности от районного центра, основному направлению хозяйства и национальному составу населения. Так, например, колхоз им. Сталина, один из самых отдаленных от районного центра, преимущественно животноводческий; в колхозе им. Кирова большую роль играет земледелие, причем основные посевы производятся на поливных землях; колхоз им. Жданова — передовой в районе, находится в районном центре, его национальный состав смешанный, с преобладанием русского населения. Таким образом, работа в этих колхозах позволила экспедиции собрать достаточно полный и разносторонний материал.

Этнографические данные собирались по программам комплексного обследования культуры и быта колхозного крестьянства, опубликованным за последние годы на страницах журнала «Советская этнография» — органа Института этнографии Академии наук СССР. Данные собирались путем беседы с колхозниками и записи их сообщений. Эти сообщения потом проверялись переопросом других лиц, чтобы убедиться в их правильности. Такие беседы состоялись со специалистами сельского хозяйства (агрономы, ветеринарные врачи и др.), с руководителями работниками колхозов и сельских советов, с работниками школ, культурно-просветительных учреждений и др. Беседы с колхозниками и записи их сообщений дополнялись фотосъемкой отдельных объектов (общественные здания, хозяйственные постройки, колхозные дома) и отдельных моментов производственной жизни (работа на току, на свекловичных, на пастбищах). Производились также зарисовки предметов домашнего обихода, съемки планов жилищ, чертежей и выкроек национальных костюмов и др. Собранные материалы освещают вопросы экономики и хозяйства района, материальной и духовной культуры, общественных отношений и семейного быта населения.

Основное направление экономики района — сельское хозяйство с преобладанием животноводства. Крупную роль играют также зерновое хозяйство и посевы сахарной свеклы. Из промышленных предприятий имеются сахарный завод, масло-сырзавод и другие. В районе заканчивается работа по электрификации. Пущена в эксплуатацию Аспаринская ГЭС, обслуживающая пять колхозов, достраивается Меркенская ГЭС, которая будет обслуживать районный центр и шесть колхозов.

В районе насчитывается 3 совхоза (овцеводческий, свекловодческий и кормодобывающий) и 13 укрупненных колхозов. Лучшими в районе считаются колхозы им. Жданова, им. Джамбула и «Победа».

Укрупненные колхозы района представляют собой мощные, производственные единицы, ведущие хозяйство на больших площадях, с применением передовой сельскохозяйственной техники. Все они обладают земельными угодьями в десятки тысяч гектаров, тысячными стадами скота и ведут многоотраслевое хозяйство.

¹ В состав экспедиции входило три человека: заведующий отделом этнографии Н. Сабитов (начальник экспедиции), научный сотрудник И. Захарова, художник-фотограф Н. Гретьяков.

Основными отраслями хозяйства колхозов являются животноводство и полеводство. Животноводство ведется на основе отгонно-пастбищной системы. Пастбища делятся на три крупных участка: летние, весенне-осенние и зимние. Летние находятся в горах; весенние и осенние — неподалеку от колхозных поселков, где проводятся расплодная кампания, искусственное осеменение, санитарная обработка, стрижка овец, отбивка молодняка и формирование новых стад; зимние — частью в горах, частью в степи, простирающейся на северо-востоке района. На зимних пастбищах содержатся овцы, лошади и немолочный рогатый скот. Что же касается молочного рогатого скота, то его обычно содержат в стойлах, находящихся возле колхозных поселков.

Во всех колхозах разворачивается строительство помещений для скота. На центральных усадьбах колхозов строятся коровники и конюшни, на зимних пастбищах — кошары для овец. Колхозы заготавливают сено, силос и другие корма. Все это исключает опасность падежа скота в суровую зиму и способствует увеличению его поголовья. Ведется серьезная работа по улучшению породности скота. Особенно много сделано по овцеводству. Огромное большинство колхозных отар составляют метисы тонкорунных овец. Для улучшения породы крупного скота приобретены породистые производители.

Полеводство в колхозах района ведется по линии многопольного севооборота. Высевают пшеницу, ячмень, просо, овес, сахарную свеклу и др. Все основные работы по полеводству (пахота и сев, полив и подкормка свеклы, уборка урожая и т. д.) механизированы. Работающие в районе две машинно-тракторные станции полностью обеспечивают все колхозы тракторами и комбайнами. С электрификацией района будут механизированы колхозные тока и некоторые трудоемкие работы по животноводству. В колхозе им. Жданова уже с прошлого года введена электрострижка овец.

Благодаря применению высокой сельскохозяйственной техники, правильной организации труда в колхозах, растет урожайность колхозных полей. Так, в 1931 и 1932 гг. колхозы собирали пшеницы по 7—8 ц с гектара, а в 1952 г. средние ее урожаи в ряде колхозов достигали 20 ц.

Большую роль в получении высокого урожая с колхозных полей играют люди, овладевшие методами стахановского труда. Так, звеньевая колхоза «Красный Октябрь» Бибижан Тюлеманова в 1950 г. лично собрала 850 ц сахарной свеклы с гектара, а ее звено — 700 (в среднем). Таких людей, как Б. Тюлеманова, немало в колхозах. Они следят за правильностью вспашки и сева, своевременно проводят необходимые полевые работы (полив, рыхление, подкормка и др.).

Люди, работающие стахановскими методами труда, встречаются и в других отраслях колхозного производства. Например, чабан колхоза им. Сталина Бигасын Демесинов в 1952 г. вырастил от 100 овцематок 148 ягнят; табунщик колхоза им. Кирова Томбай Салиев вырастил от 22 кобыл 22 жеребенка.

Основная масса населения живет в колхозных поселках, по своим размерам варьирующих от 50 до 300 дворов.

Строительство колхозных поселков происходило в тесной связи с развитием и укреплением колхозного строя. Оно шло в первые годы коллективизации, когда казахи, объединившись в коллективные хозяйства, в массовом порядке переходили к обработке сельскохозяйственных культур, что способствовало получению больших денежных доходов, постройке новых домов вместо юрт и землянок. Так, в 1934 г. колхозники с. х. артели «Сурат» (ныне объединившейся с колхозом им. Кирова) вырастили богатый урожай сахарной свеклы и получили от сданной продукции большой доход. Благодаря этому колхозники в массовом порядке перешли к постройке новых домов, из которых образовался потом большой колхозный поселок. В центре поселка находятся сейчас семилетняя школа, правление колхоза и другие общественные здания, которые украшают весь поселок. Это служит яркой иллюстрацией высказывания Н. В. Сталина о том, что на месте старой деревни «...выступает новая деревня с её общественно-хозяйственными постройками, с её клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с её тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями»².

Господствующим типом жилища в обследованных колхозах является дом, построенный из сырцового кирпича с пологодвускатной крышей. Но встречаются дома со стропильной высокой кровлей, крытой связками камыша. Дома в основном состоят из двух жилых комнат: «тёр-уй» и «ауз-уй», а иногда из трех; в последнем случае третья комната («орта-уй»), находящаяся посередине, служит рабочей комнатой для разного рода домашних работ или кухней в зимнее время.

В архитектуре домов ярко прослеживается русское влияние. Нередко казахи для постройки дома приглашают русских мастеров, особенно для кладки печи.

Жилые комнаты довольно высокие и просторные, с двумя или тремя окнами. Окна и двери обычно выходят на юг. По словам жителей, ориентация на юг основана на том расчете, чтобы зимой использовать солнечное тепло. Стены и потолок комнат тщательно выбелены. Пол обычно глинобитный, в несколько сантиметров высоты. Иногда часть пола занимает глинобитное возвышение «котерме» типа узбекской супы.

Основное убранство дома сосредоточено в тёр-уй. В ней обычно стоит большая деревянная или металлическая кровать. У кровати висит сшитый из шерстяных домо-

² И. Сталин, Соч., т. 13, стр. 335.

тканых полос ковер «алаша» или вышитое настенное украшение «тускииз», а иногда покуной коврик. Сложенные в стопку на сундуке или специальной подставке кошмы, одеяла, подушки составляют «джук», специфический для казахов и киргизов.

Во многих домах имеются стальные зеркала, столы с расставленными на них различными предметами (самовар, чайная посуда, книги, патефоны, иногда радиоприемники).

В современном жилище колхозников-казахов обследованного района можно отметить некоторые черты, перенесенные из кочевого быта. Характерно, например, что все предметы обстановки размещают вдоль стен, оставляя середину комнаты совершенно свободной; продукты и некоторые мелкие вещи держат в сумках, развешанных на стенах дома.

Юрта сохраняет свое значение только в быту животноводов, которые вынуждены постоянно переходить со стадами с одного места на другое. Юрты предоставляются колхозом. Современная юрта отличается небольшими размерами, состоит всего из 4—5 решеток «керегез». Наряду с юртой животноводы имеют постоянные дома, находящиеся в поселках. Там обычно живет часть их семей.

В одежде колхозников-казахов обследованного района наблюдаются большие изменения по сравнению с дореволюционным временем. Мужчины часто носят одежду городского покроя (пиджаки, гимнастерки, брюки, шинели и др.). Традиционная национальная одежда: чапан, бешмет, тумак, бөрлик (круглая шапка), калмак (войлочная шляпа) и т. п. — встречаются у пожилых людей и нередко используются животноводами (чабанами, табунщиками), находящимися на отгоне. Женщины шьют платья по городским образцам, сохраняя некоторые черты традиционных форм (отрезная юбка, длинные рукава, застежка спереди, закрытый ворот и т. д.). Поверх платья и молодые и пожилые женщины носят «желетке» (безрукавка), жакеты (бумажные, шерстяные, бархатные) и пальто с широким отложным воротником. Наиболее распространенными головными уборами женщин являются: в летнее время платок, чаще белый, который повязывают узлом на затылке, в зимнее время — шаль. Пожилые женщины носят характерный для казахской головной убор «кимешек», а сверху иногда обматывают его куском белой материи — «кундук» или «жаулык».

Обувью как мужчин, так и женщин служат сапоги. Мужчины носят также ботинки, а женщины — туфли. Некоторые старики и старухи носят мягкие сапожки «маси» с калошами.

Изменения наблюдаются и в питании колхозников-казахов. Состав продуктов питания стал гораздо разнообразнее, чем был раньше, что является прежде всего результатом развития у казахов новых отраслей хозяйства: зерноводства, огородничества, садоводства и т. п. Основным продуктом питания является хлеб, который пекут в виде лепешек. Из мяса готовят бешбармак, лагман, манты, пельмени, куырдак, кеспе. Часто эти блюда приправляют луком и картофелем, чего раньше не делали. Наблюдаются сезонные различия в питании: летом больше всего питаются чаем с лепешкой и молочными продуктами (кумыс, айран, курт и др.). Начиная с осени, в рацион питания вводят много мясных блюд.

Большая часть посуды в казахских домах — современная. В обиходе железные и фарфоровые чайники, фарфоровая посуда, металлические ведра, тазики и миски, не говоря уже о самоваре, который встречается в каждом доме. Из старинной утвари сохранили свое значение казаны (котлы), в которых готовят все блюда (бешбармак, куырдак и др.). Прочно держатся в быту некоторые виды кожаной посуды: «саба» для сбивания кумыса и «торсык» для хранения кумыса и айрана.

Огромные изменения наблюдаются в духовной культуре колхозников-казахов обследованного района, как и других районов Казахстана. Учебой охвачены почти все дети. Во всех, за небольшим исключением, колхозах имеются школы-семилетки, при некоторых из них — интернаты для детей животноводов, постоянно находящихся с семьями на отгоне.

Школа в колхозе играет большую роль в воспитании трудовых и общественных навыков. Летом в свободное от учебы время школьники оказывают колхозу значительную помощь. Школа прививает детям бытовые навыки, является проводником городской культуры в колхозном ауле. Учителя держат систематическую связь с родителями школьников, проводят беседы о домашнем воспитании детей, о вреде старых пережитков, оказывая немалое влияние на быт колхозников-казахов.

У колхозников-казахов большое стремление дать детям среднее образование. Нередко окончившие семилетку поступают в десятилетку, а затем в высшие учебные заведения. В колхозах обследованного района участники экспедиции встретили много приехавших на летние каникулы студентов.

Широкое распространение имеют в колхозах газеты, выписываемые большей частью самими колхозниками. Так, в колхозе им. Кирова выписывают газеты 268 человек, в колхозе «Красный Октябрь» — 275 человек, в колхозе им. Жданова подпиской на газеты охвачены почти все хозяйства.

В колхозах обследованного района имеется много красных уголков, изб-читален, библиотек, клубов. Через эти учреждения ведется вся культурно-просветительная работа среди населения: доклады, лекции, читка газет, распространение литературы и др. В клубах показывают кинокартины, ставятся концерты — чаще всего силами учителей и школьников, при участии колхозников-комсомольцев, а иногда — приез-

жающими артистами. Участники экспедиции наблюдали, как на концерты приезжали даже с дальних джайлау (пастбищ). Это показывает довольно высокий уровень культурных запросов колхозников-казахов.

Культурно-просветительную работу среди животноводов, находящихся на отгонах, ведут красные юрты («кзыл-отау»), которых в Меркенском районе имеется пять. Они получают книги, журналы и газеты, организуют их читку для животноводов, выпускают «Боевые листки» и стенные газеты.

Однако в работе культурно-просветительных учреждений аула имеется много недостатков, она отстает от все растущих культурных запросов населения.

Тематика устного народного творчества коренным образом изменилась. Старых песен, связанных с кочевым и полукочевым бытом, уже не услышишь. Колхозники поют песни, отражающие жизнь колхозов, общественное производство, призывающие колхозников к самоотверженному труду, а также песни о Великой Октябрьской социалистической революции, о Великой Отечественной войне. Авторы песен в большинстве рядовые колхозники и колхозницы, трактористы, комбайнеры, учителя и др.

Основным музыкальным инструментом колхозников-казахов обследованного района является домбра. На ней играют популярные казахские юны, аккомпанемент к песням. Из русских музыкальных инструментов встречаются мандолины и скрипки, ими пользуется главным образом молодежь.

В области общественных отношений наблюдается такое явление: раньше «почетными» людьми считались бии и баи, теперь ими являются Герои Социалистического Труда, передовики сельского хозяйства. Именно такие люди, пользующиеся авторитетом среди колхозников, выдвигаются на руководящие должности в колхозах, в сельских и районных советах.

Колхозники имеют свою интеллигенцию из учителей, агрономов, зоотехников, вышедших из колхозной среды. Это нового типа интеллигенция, созданная за годы Советской власти и служащая народу.

В казахском ауле обследованного района родовое деление. Родовая принадлежность сохраняется только в сознании стариков и не имеет никакого значения ни в общественной, ни в производственной жизни аула. При встрече колхозники спрашивают теперь, не к какому роду принадлежит тот или иной человек, а из какого он колхоза. Сознание родовой принадлежности сменилось сознанием принадлежности к производственному коллективу — колхозу.

В семейном быту изжит целый ряд старых обычаев, ущемлявших право женщины. Изжит, например, калым (плата за невесту). Современный брак заключается по обоюдному согласию сторон.

При родах женщины обращаются к помощи врача или акушерки. Без врачебной помощи обходятся только тогда, когда врач или акушерка по тем или иным причинам не может присутствовать. В таких случаях роженицам помогают родственники или соседки, причем старые обряды, имевшие место при родах, почти не соблюдаются. В случае трудных родов женщин отправляют в родильный дом. Постоянная медицинская помощь при родах резко уменьшила заболзания женщин, связанные с родами, как и заболеваемость и смертность новорожденных. Это важный фактор в жизни казахского колхозного аула.

Собранный материал и личное наблюдение участников экспедиции показывают, однако, что некоторые старые семейные обычаи все еще сохраняются. Нередко женщины не называют по имени своего мужа и старших его родственников и родственников, а называют их какими-нибудь условными именами (например, «жыл-кышы-кайнага», «кара-шешей» и т. п.). Зато изживаются многие унизительные обычаи, обязательные раньше для молодой женщины в отношениях ее с родственниками мужа. Исчезла неполноправность в семье молодой женщины-невестки. В былые времена свекровь была полной хозяйкой над своей невесткой. Без ее разрешения невестка не смела даже выйти из дому. Теперь, приходя в дом мужа, женщина сразу становится полноправным членом семьи.

Из семейных торжеств сохранились «бесик-той» (пиршество на пятый день рождения ребенка, когда его кладут в колыбель и дают ему имя); «шилде-хана» (пиршество в сороковой день рождения, когда ребенку снимают волосы). Но эти обычаи соблюдаются далеко не всеми, а лишь в тех семьях, где имеются старухи, придерживающиеся древних традиций.

В сознании многих людей аула еще держатся пережитки религиозных воззрений. Так, например, совершается ас (поминки), молага-тунеу (посещение могил с целью получения «помощи» от покойника), бата-оку (посещение дома умершего, обычно сопровождающееся чтением корана) и некоторые другие. Сохранение таких пережитков, связанных с религией, объясняется в значительной мере тем, что научно-атеистическая пропаганда среди населения ведется недостаточно.

Народными праздниками колхозников-казахов являются годовщина Великой Октябрьской социалистической революции и Первое мая. В эти дни после торжественных заседаний собираются по несколько семей и в складчину устраивают угощение, играют, поют.

Приведенные факты дают нам основание говорить о том, что облик казахского аула коренным образом изменился: нищета и бескультурие ушли в прошлое. На месте

старого (кочевого) аула выросли благоустроенные колхозные поселки со школами, клубами, избами-читальнями, библиотеками и т. д. Книги, радио, кино прочно вошли в жизнь аула. В этом новом ауле растет новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Н. Сабитов

ЗАДАЧИ И ДОСТИЖЕНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЯ ПРИ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В связи с переустройством Болгарской Академии наук после 9 сентября 1944 г. 1 октября 1947 г. был открыт Институт по изучению народного быта, перед которым была поставлена задача охватить всю проблематику болгарской этнографии путем исследования народного быта, отраженного в его материальной и духовной культуре.

В 1949 г. Народный этнографический музей в Софии был присоединен к Болгарской Академии наук. Он был слит с Институтом по изучению народного быта, и таким образом был создан Институт этнографии с Музеем при Болгарской Академии наук.

В Институте этнографии ведется научно-исследовательская работа, результаты которой публикуются, а в Музее собираются, систематизируются, хранятся и экспонируются материалы по быту и культуре народа.

В Институте этнографии имеется три секции: секция этногенеза, секция материальной культуры и секция общественного быта, духовной культуры и фольклора; Музей имеет четыре отдела: отдел материальной культуры, отдел одежды, тканей и украшений, отдел ремесел и промыслов и отдел народного искусства и архитектуры.

В связи с подъемом творческих сил трудящихся города и деревни, направленных на восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства и на решительное улучшение благосостояния народа, Институт и Музей ставят задачу пропаганды ростков социализма и укрепления социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народно-демократической Болгарии.

Из основной задачи Института этнографии вытекают и другие: собрание материалов и изучение вопросов, связанных с происхождением и развитием болгарского народа, отраженных в народном творчестве; собрание и изучение материалов, связанных с развитием производительных сил и общественных отношений болгарского народа; раскрытие и обоснование закономерностей и тенденций развития общественного быта, материальной и духовной культуры болгар; изучение форм семейного быта и форм общественного и культурного развития болгарского народа в тесной связи с общественным и культурным развитием других славянских и соседних нам балканских народов; систематическое собрание, изучение и популяризация данных материальной, общественной и духовной культуры болгарского народа с целью содействия развитию прогрессивных элементов культуры в современном социалистическом строительстве в Болгарии; плановое и систематическое изучение изменений в быту и культуре болгар, происходящих в переходный период от капитализма к социализму, с целью помощи в преодолении пережитков капитализма и содействия переходу к полному социализму, к коммунизму.

Одной из первоочередных задач при слиянии Института этнографии с Этнографическим музеем в 1949 г. было продолжение и расширение работы по собиранию материалов по быту и фольклору партизан.

В связи с этой задачей были охвачены следующие районы партизанского движения: околии Старозагорская, Новозагорская, Сливенская, Казанлыкская, Панагюришская, Пазарджикская, Пловдивская, Пештерская, Разложская, Плевенская, Ловечская, Габровская, Горнооряховская и Сталинская. В названных околиях был собран значительный материал. В настоящее время подготовлен к печати труд «К вопросу об изучении болгарского партизанского быта и фольклора (по материалам, собранным в районе городов Плевны и Ловеча)». Аналогичный труд готовится и по материалам, собранным в районе городов Пештеры, Пазарджика и Пловдива.

По плану 1950 г. было начато исследование изменений в быту и фольклоре сел, в которых созданы трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства. В селах Златар, Смядово и Драгоево, Преславской околии, в селе Слатина, Ловечской околии, и в селах Иваново, Славяново и Бисер, Харманлийской околии, были собраны значительные материалы.

Были совершены научные командировки по изучению быта и фольклора турецкого населения в Кутратский и Кырджалийский околиях; собраны материалы по быту и фольклору каракачан в Карловской, Казанлыкской, Сливенской, Ямбольской, Котленской, Пазарджикской, Михайловградской и Берковской околиях. Продолжается собрание материалов по быту и фольклору сел, которые в будущем будут затоплены водохранилищами: «Сталин» и «Тополница», сел: Горный Пасарел, Шишманово и Калково, Самоковской околии, и сел Мухово, Поибрене, Панагюришской околии.

По инициативе директора Института академика Ст. Романского было налажено систематическое плановое приобретение экспонатов для Музея в разных областях Болгарии. Эта работа проводилась бригадами научных сотрудников. Результаты коллективной поездки в Пиринский край в июне 1952 г. были показаны на выставке, устроенной в ма-

лом зале Болгарской Академии наук. Плановым приобретением экспонатов бригадами научных сотрудников, командированных в разные области страны, был положен конец ранее существовавшей в Музее практике покупок экспонатов у случайных лиц, среди которых имелись даже специальные «музейные» старьевщики.

Наряду с командировками бригад по сбору этнографических материалов в Институте ведется систематическая работа по составлению подробной картотеки мелодий народных песен, иллюстрированной картотеки музейных материалов. Подготовлен и ряд научных трудов. Секция материальной культуры выпустила одну книгу трудов Института «Болгарский орнамент вышивки. Из истории народного орнамента», автор Иван Коев. Готовы к печати труды: «Котленская одежда» М. Велевой; «Гончарное ремесло в г. Трояне и Троянской околии» Петра Хаджиева; «Обработка козьей шерсти в Болгарии» В. Венедикова; «Производство медной посуды в Родопской области» Ан. Примовского; «Металлодобывающая промышленность в Мырвакском округе (гора Али Ботуш и соседние горы)» проф. Георгия К. Георгиева; «Рудничное предприятие в Македонии с рабочими-болгарами в 1547 г.» проф. Вс. Николаева; альбом болгарской народной одежды часть I: «Северная Болгария», составленный М. Велевой и Евг. Илиевым; ряд альбомов бытовой архитектуры, убранства и украшения болгарского жилища, подготовленных художниками — научно-техническими сотрудниками Института Захарием Дмитриевым и Борисом Шаровым (Родопские селения, Салюков, Трявна, Дряново, Елена, Котел, Смолян, Казанлык, Карлово, Тетевен, Мухово из Панагюришской околии), архитекторами Г. Данчевым и В. Евтимовым (село Боженцы Тревненской околии), Арием Калычевым (селения в районе Росстроа — строительства гидростанции «Росица»), Захарием Димитровым (г. Свинтов; дом Русия чорбаджи в Жеравне), В. Евтимовым (с. Студена Софийской околии; дом Ария в Самокове). Кроме того, подготовлены альбомы: Арием Калычевым и В. Евтимовым — масок кукерей и А. Калычевым — рисунков на писанках (пасхальных яйцах).

Секция общественного быта, духовной культуры и фольклора выпустила две книги сборника народного творчества («Сборник за нардни умотворения и народопис»); книгу XLIV с материалами, собранными Георгием Поп-Ивановым в Софийской и Ботевградской околиях, и книгу XLV с материалами, собранными Йорданом Захариевым в Кюстендилской околии. В настоящее время находится в печати книга XLVI с материалами, собранными Эл. Цицелковой-Божковой в Копривщинской околии и Лило Ралевым в Карловской околии.

Готовы к печати также книга XLVII этого «Сборника» с материалами из Провадийской и Разградской околий и книга XLVIII с материалами из Банской околии. Подготовлены к печати и труды: «Народный певец дед Вичо Бончев из села Спасово Чирпанской околии» Г. Керемидчиева и «Дед Мано — народный певец и автор из Софийской околии» — доктора Цв. Вранской. В секции этногенеза подготовлен к печати труд В. Маринова «Происхождение населения в турецких и гагаузских селах».

За последние годы развернулась работа по внедрению элементов народного традиционного творчества в современную болгарскую промышленность и ремесло. В этой области удалось достигнуть значительных успехов. Результаты работ частично были продемонстрированы на подготовленной для Советского Союза и стран народной демократии выставке «Болгарское народное творчество». В Москве эта выставка имела большой успех. Однако в данной области надо еще много работать. Было бы очень целесообразно провести совещание с ответственными лицами от заинтересованных учреждений и предприятий — Министерства легкой промышленности, текстильных фабрик, коопераций — «Болгарское народное творчество», «Болгарская вышивка» и др.

Кроме работы, о которой говорилось выше, Институт этнографии и Музей оказали необходимое содействие болгарской кинематографии при съемке фильмов «Под игом», «Новая земля», «Песня о человеке», «Без межи» и др.

Институт этнографии и Музей ведут значительную работу. Современные условия жизни налагают на них большие обязательства. Сотрудники Института и Музея вполне сознают свою ответственность в борьбе за культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме. Они приложат все усилия к тому, чтобы решить стоящие перед ними задачи.

Иван Коев

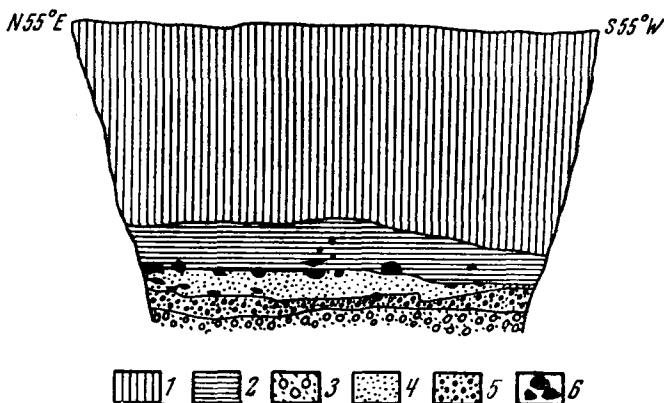
НАХОДКА ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА В ЮЖНОМ КИТАЕ

Во время строительства железной дороги в провинции Сычуань рабочие неоднократно находили предметы старины. Заинтересовавшись этим, власти Чунцина — центра юго-западного Китая — сочли необходимым снарядить специальную разведывательную партию для осмотра мест находок. Партия работала свыше 40 дней (февраль — апрель 1951 г.) и обнаружила в числе других находок человеческий череп. Понимая всю важность этого и необходимость проведения тщательных раскопок, разведывательная партия сообщила о своей находке Геологическому обществу. Последнее организовало экспедицию, которую возглавил крупный китайский ученый Пэй Вэнь-чжун, известный советскому читателю своими работами о синантропе. Он же является авто-

ром предварительного сообщения о находке, послужившей материалом для этой заметки¹. Экспедиция, в которой приняли участие представители от различных научных учреждений Китая, в течение месяца (с 27 сентября по 30 октября 1952 г.) производила раскопки в месте находки черепа. Это место находится примерно в 2 км к западу от уездного города Цзянь у моста через р. Хуаншаньцзы, впадающую в р. То, которая в свою очередь является притоком р. Янцзы. Было выбрано два участка: к востоку и к западу от моста, которые и были раскопаны. Площадь раскопок $15 \times 7,1$ м восточнее места и $13,7 \times 7,3$ м западнее его.

Стратиграфия памятника следующая.

Верхний, т. е. первый слой, толщиной в 6 м, состоит из оранжевого суглинка. Второй слой состоит из темносерого суглинка толщиной в 1 м. Ничего интересного в этих слоях не обнаружено. Третий слой состоит из песка и мелкой гальки, причем в верхнем горизонте этого слоя обнаружено много окаменелых стволов деревьев, лежащих вершинами на юго-восток, кости млекопитающих и, наконец, череп. В нижнем горизонте этого же слоя окаменевших деревьев нет, но еще встречаются кости млекопитающих, правда в небольшом количестве и плохой сохранности. Четвертый слой состоит из крупной гальки, и никаких находок в нем не сделано. Следует отметить, что слои разграничиваются нечетко, что указывает на сравнительно плавный ход геологических процессов.

Разрез по восточной стене участка восточнее моста:
1—оранжевый суглинок; 2—серый суглинок; 3—песок и мелкая галька; 4—крупная галька; 5—песок с глиной и окаменелыми растениями; 6—песок с галькой и окаменелыми костями

Находки, относящиеся непосредственно к древнейшему человеку, состоят из черепа и верхней челюсти с прилегающей к ней частью. Неизвестно, принадлежали ли череп и челюсть одному и тому же человеку, или нет. Окаменение этих костей полное. Непрочность швов на черепе, выпяченность теменной кости, сравнительно небольшие размеры черепа (длина 167,2 мм, ширина 117,5 мм), а также форма зубов позволили Пяю предположить, что это череп ребенка лет десяти, девочки, судя по особой гладкости тех частей черепа, где прикрепляются мускулы.

Помимо того, обнаружены части рогов и зубы оленя (*Rusa*), кости и зубы быка, зубы и фаланги свиньи, осколки зубов носорога и лошади, а также зубы *Stegodon orientalis* и мамонта (*Elephas primigenius* Blumenbach), челюсть тигра, фаланги гиены, зубы различных грызунов.

Однако известно, что *Stegodon* жил в бассейне р. Янцзы в эпоху раннего и среднего плейстоцена, а мамонт — он в этом районе найден впервые — жил в позднем плейстоцене (в Северном Китае). Здесь же кости обоих животных оказались в одном слое. Вполне логично, что это обстоятельство обратило на себя внимание Пяя, который видит здесь переотложение.

Деревья еще не определены. Известно только, что среди них встречаются грецкий орех (*Juglans*) и *Quercus*.

На этом первом этапе изучения памятника Пэй Вэнь-чжун приходит к следующим выводам.

¹ Пэй Вэнь-чжун, Сычуань Цзянь Хуаншаньцзы жэньлэй цзи цита бужу дуну куаши фацзюе цзяньбао (Раскопки окаменелостей человека и млекопитающих у р. Хуаншаньцзы в уезде Цзянь в провинции Сычуань), «Кэсюэ тунбао», т. III, № 10, Пекин, 1952, стр. 709—713.

1. В начале или середине плейстоцена в этом районе жили *Stegodon orientalis*, носорог и олень.

2. В следующий период река изменила свое русло и приняла вид, близкий к современному. Течение было очень быстрое, и образовался четвертый слой.

3. Течение становилось все медленнее и образовался нижний горизонт третьего слоя. Именно в это время, по предположению Пэй Вэнь-чжуна, кости *Stegodon orientalis* и носорога могли попасть сюда из отложения на берегу реки. Во время образования верхнего горизонта здесь уже была суша, росли деревья и жили мамонт и человек. Это был поздний плейстоцен. Это категорическое замечание Пэй Вэнь-чжуна, несомненно, имеет большое значение для датировки остатков человека, обнаруженных в этом горизонте. Очевидно, что и человек тоже может считаться позднплейстоценовым, т. е. ископаемым.

4. Во время наводнений и разливов образовался второй слой, раньше являвшийся заболоченным местом. Затем поверхность просохла и образовался первый слой. Этот последний этап длится очень долго и доходит до наших дней.

Вызывает некоторое удивление несоответствие в датировке черепа, которую предлагает Пэй Вэнь-чжун, с одной стороны, на основе первоначального изучения черепа, а с другой — на основе стратиграфических данных. В одном случае он говорит: «Если рассмотреть череп и верхнюю челюсть, то человек из Хуаншаньци в уезде Цзян не имеет каких-либо первобытных черт, которые бы с очевидностью отличали его от современного человека; следовательно, это *Homo sapiens*»². Но немного далее он говорит: «Их (костей окаменевшего человека. — М. В.) хронология не может быть позднее хронологии третьего слоя; это совершенно несомненно»³. Последнюю мысль он подтверждает не раз. Очевидно, что в позднем плейстоцене не мог жить современный человек, да и значительная степень окаменелости костей говорит против этого. Если же это все-таки *Homo sapiens*, тогда неверна датировка слоев. Но последний вариант менее вероятен, хотя и возможен, особенно если учесть, что это только первая находка этого рода в Южном Китае и что сообщение Пэй Вэнь-чжуна является только предварительным. О более детальной датировке и характеристике черепа говорить пока не приходится. Следует согласиться с Пэй Вэнь-чжуном, который, основываясь на недостаточном и еще плохо изученном материале, не делает заключения о принадлежности обладателя этого черепа к «кроманьонской расе», к «культуре верхнего грота» и т. п.

Эта первая находка ископаемого человека в новом Китае. Пэй Вэнь-чжун справедливо отмечает, что новая методология, которой пользуется сейчас китайская наука, в частности археология, а также глубокий интерес и новое отношение народа к памятникам древней культуры, безусловно должны вызвать подъем в археологии.

М. В. Воробьев

² Пэй Вэнь-чжун, Указ. соч., стр. 710.

³ Там же, стр. 711.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПРОФ. А. С. ЧИКОБАВА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» *

Научная классификация языков имеет огромное значение для этнографии: она является основой (или одной из важнейших основ) этнической классификации. Этнограф обязан считаться с той классификацией языков — прежде всего «генеалогической», т. е. по историческому родству, — которую вырабатывает лингвистическая наука. Понятно поэтому, с каким большим интересом раскроет советский этнограф вышедшее в свет учебное пособие проф. А. С. Чикобава «Введение в языкознание». Его ожидает, однако, горькое разочарование.

Автор уделяет классификации языков немалое место — всю четвертую главу книги, т. е. около 60 страниц¹. Он сам пишет в предисловии, что «классификация языков (особенно генеалогическая) изложена более подробно, чем это принято обычно» (стр. 8). Генеалогическая классификация занимает около 35 страниц. Однако мало-мальски сведущий читатель найдет в этой «классификации» такое количество ошибок, неточностей, пропусков и различных недоразумений, что пользоваться излагаемым в книге материалом чрезвычайно затруднительно. Здесь не только нет сводки новейших, строго проверенных научных данных о языках мира, их группировках и родстве, но и старые, давно известные данные во многих случаях искажены и перепутаны.

Как это ни странно, даже группировку языков индоевропейской семьи автор излагает с серьезными ошибками. Индийскую ветвь этих языков он напрасно называет «индийскими» языками (ибо в Индии есть также языки дравидские и мунда), вместо того чтобы называть их, как обычно принято, индо-арийскими или североиндийскими. Весьма странно утверждение, что древнейшая из Вед, Риг-веда, «записана около XV в. до нашей эры» (стр. 200). Известно, что самые ранние памятники индийского письма не древнее III в. до н. э. (надписи царя Ашоки). Веды же, передававшиеся в течение тысячелетий устно, записаны были вообще очень поздно. Автор, вероятно, хотел сказать о возможном времени составления Риг-веды.

Иранские языки проф. Чикобава перечисляет без всякой системы, вымершие попеременно с живыми, без учета их взаимного родства и происхождения (стр. 202—203). О происхождении таджикского и осетинского языков не сказано ни слова. Не упомянуто о вымерших языках скифов, сарматов, алан, об их исторической связи с осетинским. Не сказано о существовании таджикской письменности и литературы. О курдском языке говорится категорически: «письменности не имеет» (стр. 203), хотя всем известно, что в советскую эпоху создана курдская письменность (с 1927 г. латинизированная; с 1929 г. в Ереване выходит курдская газета). О татском и талышском языках сказано, что они «являются в сущности диалектами новоперсидского языка» (стр. 203), хотя на стр. 233 говорится о «языках талышском и татском» как о самостоятельных.

Говоря о славянских языках, проф. Чикобава допускает еще больше ошибок. Едва ли можно считать «древнейшим датированным памятником русского² языка»,

* Проф. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, часть I, М., 1952.

¹ Мы не касаемся в настоящей рецензии содержания всех остальных глав книги проф. А. С. Чикобава. Оценку этой книги в целом дадут, вероятно, языковеды.

² Разрядка здесь и дальше в цитатах моя. — С. Т.

Остромирово евангелие (1056—1057) (стр. 204); ведь это евангелие, как и другие церковные книги, написано на старославянском (староболгарском) языке, и русский переписчик только местами случайно заменил болгарские формы русскими. Язык лужицких сербов автор обозначает как «лужицкий (называвшийся немцами вендским, или сербским)» (стр. 205). Здесь по меньшей мере три ошибки: во-первых, не немцы, а сам народ называл и называет себя «сербями», а свой язык «сербским», и другого самоназвания не имеет («лужичанами» называют их по имени древнего племени поляки и русские); во-вторых, немцы звали их прежде действительно «вендами», теперь зовут «сорбами» (Sorben); в-третьих, автор забывает сказать, что у лужицких сербов есть не один, а два разных языка: верхнесербский (верхнелужицкий) и нижнесербский (нижнелужицкий). Сообщая далее некоторые сведения о тех же лужицких сербах, проф. Чикобава делает еще несколько ошибок. По его словам, «лужицкий язык сохранился в Саксонии и (?) по верхнему течению реки Шпрее» (стр. 205); но верхнее течение р. Шпрее как раз и приходится на Саксонию! На самом деле надо сказать, что лужицкие сербы живут по верхнему течению Шпрее (в Саксонии) и по среднему ее течению (в Бранденбурге). «С 1948 года» лужичане создали «свою национально-культурную организацию «Домовина»...», — в действительности «Домовина» существовала еще до первой мировой войны (с 1912 г.), при Гитлере она была закрыта, в 1945 г. восстановлена. Учительский институт у лужичан находится не в Будишине, как пишет автор, а в Радиборе (с 1946 г.). На «лужицком» языке издается не только газета «Нова Доба», но и семь других периодических изданий, печатается много книг, в том числе переводы русских классиков.

О кашубском языке проф. Чикобава говорит почему-то не там, где о польском, а разделяя эти два близко родственных языка чешским, словацким и лужицко-сербским. Трудно понять, чем определяется такой порядок изложения.

Полабский язык автор помещает «по среднему (?) течению реки Эльбы» (стр. 205). Когда-то языки этой группы действительно охватывали бассейн и средней и нижней Эльбы, но в новейшее время остатки их сохранялись только на нижней Эльбе (около Люхов).

О языках Югославии у проф. Чикобава очень странное представление. В этой стране он находит всего два языка: «сербский и (!) хорватский», рассматривая их при этом как два отдельных языка (стр. 205—206). Но ведь общеизвестно, что это один и тот же язык, хотя сербы и хорваты пользуются разной письменностью: сербы кириллицей, а хорваты латиницей. Язык делится, правда, на диалекты (штокавский, чакавский, кайкавский), но это деление никак не связано с этническим делением — сербы и хорваты. Словенский язык, по мнению А. С. Чикобава, «распространен в Крайне», причем «одна часть Крайны принадлежит Югославии, а другая — Италии» (стр. 206). Но, во-первых, страны под названием «Крайна» нет: это старое немецкое название центральной Словении, входящей ныне целиком в Югославию; во-вторых, говоря о принадлежности части «Крайны» Италии, автор смешал эту «Крайну» с Юлийской Крайной, отдельные части которой действительно принадлежат Югославии, Италии и — автор опять забывает — Свободной Территории Триест; в-третьих, на словенском языке говорят также в Каринтии (Корушне), принадлежащей Австрии. Наконец, последний из южнославянских языков — македонский — проф. Чикобава вообще не считает нужным упоминать.

Существенные пропуски и неточности сопровождают и дальнейшее изложение. Упомянутая рето-романский язык (один из романских) (стр. 208), автор говорит о двух районах его распространения: Тироле и Швейцария, и упускает третий, самый главный: область Фриули в северо-восточной Италии (фриулов или фурланов насчитывается около 500 тысяч, тогда как в Тироле и в Швейцарии вместе — не более 100 тысяч рето-романцев). О румынском языке следовало бы сказать, что он распространен не только в Румынии, но диалекты его имеются в Македонии (аромуны, меглениты) и в Истории (истро-румыны).

Кстати, очень трудно согласиться с автором, когда он все современные романские языки зачисляет в группу «италийских» (стр. 207—208).

Множество ошибок и пропусков допущено автором в связи с языками «угро-финской семьи», хотя этой семье автор посвящает всего полторы страницы (216—217). Во-первых, он игнорирует общепринятую группировку языков этой семьи, деление ее на ветви — финскую и угорскую и подразделение каждой из них, перечисляя отдельные языки под одной порядковой нумерацией. Во-вторых, он почему-то причисляет к этой же семье (продолжая ту же нумерацию) самоедские языки, которых ни один лингвист к ней никогда не причислял, хотя близость самоедских языков к угро-финским отрицать нельзя. Далее, целый ряд финских языков проф. Чикобава почему-то пропускает: языки венсов, ливов, ижорцев, вымерший язык кривингов. Язык коми он называет «коми-зырянским», забывая, что на нем говорят и коми-пермяки. Затем он упоминает несуществующий «мордовский» язык; в действительности существуют два отдельных языка: мокшанский и эрзянский, на которых говорят соответственно две группы мордовского населения. Неупоминание двух диалектов в марийском языке более простительно, ибо горномарийский диалект в настоящее время утрачивает прежнее значение и дело идет к языковой унификации марийского населения. Несколько странное впечатление производит именование лопарского (саамского) языка «ляпландским». Кстати, область распространения этого языка обозначена до-

вольно оригинально: «в Финляндии и в северной части Скандинавского полуострова, в Швеции» (стр. 216), — а почему не упомянута Норвегия, где живет 70% всех лопарей?

В следующем параграфе книги, посвященном алтайским языкам, путаницы и ошибок еще больше. Начать с того, что для названия «алтайская» семья проф. Чикобава вводит чрезвычайно странный синоним «туранско-монгольская» (стр. 217). Термин «туранские» языки действительно когда-то употреблялся, хотя в совсем ином, более широком значении, но давно оставлен. В данном случае А. С. Чикобава, видимо, понимает его в смысле «тюркские» языки. Другим синонимом термина «алтайские» языки он считает термин «тюрко-татарские» (стр. 199), хотя это то же самое, что тюркские языки, и монгольские языки сюда, конечно, не входят. Из этих «туранских» (тюркских) языков он перечисляет под отдельными номерами десять, а под одиннадцатым номером, т. е. наравне с отдельными тюркскими языками, приводит «монгольские языки» все вместе (стр. 218). Последние автор сводит, кстати, всего к трем языкам: это «халха-монгольский», «бурят-монгольский» (надо: бурятский. — С. Т.) и «язык (надо: языки) основного населения Внутренней Монголии». О западномонгольских (ойратских) диалектах, составляющих самостоятельную ветвь монгольских языков, а равно о баргу-бурятском, дагурском, монгорском наречиях и пр. автор совсем умалчивает. В другом месте (стр. 233) он называет бурятский язык просто «монгольским».

Еще более непонятна приводимая в книге группировка собственно тюркских («туранских», по автору) языков. Перечислив под номерами, но без всякой системы, десять из них, он затем пишет: «В этот же круг (??) входят языки...» и перечисляет, уже без нумерации и опять без всякой системы, еще шесть тюркских языков. При этом алтайский язык он называет «ойротским» (хотя это неправильное название давно всеми отброшено), в другом месте он называет его «горно-алтайским» (стр. 233), шорский язык помещает «в Красноярском крае» (на самом деле — в Кемеровской области), а ряд тюркских языков — таких, как уйгурский, ногайский, гагаузский, караимский и пр., — совсем не считает нужным упоминать. Не упоминает он и вымершие тюркские языки — кипчакский (куманский), печенежский, джагатайский.

Тунгусо-маньчжурские языки проф. Чикобава почему-то считает особой семьей и никак не связывает их, вопреки общепризнанному мнению, с тюркскими и монгольскими. Поэтому алтайская семья языков у него состоит только из двух, а не из трех, как на самом деле, ветвей.

Параграф, посвященный «маньчжурско-тунгусской семье» (§ 74, стр. 218—219), способен лишь запутать читателя, ибо в этом же параграфе автор включил сведения и о корейском языке, который, по его словам, «считается (?) близко стоящим к маньчжурско-тунгусским языкам», далее о японском языке и о «палеоазиатских» (т. е. палеоазиатских) языках. Какое отношение эти языки имеют к «маньчжурско-тунгусской семье», об этом читателю предстоит выяснить лишь догадываться.

Кстати, и в отношении палеоазиатских языков допущен ряд неточностей: чукотский и корякский языки автор обозначает научно неверными и уже давно отброшенными названиями «луораветланский» и «нымыланский», кетский язык превратил в «кетский», по поводу эскимосского языка дает странное указание: «распространен (?) на Аляске» (в действительности эскимосский язык распространен в Гренландии, Канаде, на Аляске и на северо-восточной оконечности Азии с прилегающими островами). О языке айнов автор вообще нигде не упоминает.

По поводу палеоазиатских языков в целом, их происхождения, отношений с другими языками автор ограничивается ничего не говорящей фразой: «В лингвистическом отношении (?) палеоазиатские языки представляют большой интерес. Генетическая связь их требует доработки (!)» (стр. 219). Читатель мог бы ответить автору по этому поводу, что любой язык представляет интерес, и именно в лингвистическом (а не в археологическом, например) отношении. «Доработать» же «генетическую связь» языков довольно трудно, ибо эта связь создается исторически, помимо всякой «доработки» со стороны ученых.

Чрезвычайно путано изложен параграф о «языках дравидской семьи» (§ 78). Внутреннее расчленение этой семьи остается совершенно неясным, ибо автор и здесь, как и в других местах, избегает всякой системы и порядка. Указав, что «дравидские языки образуют три группы» (стр. 230), и поставив затем двоеточие, он перечисляет под цифрами четыре группы, да еще, кроме того, без цифр несколько языков. Языки канарский и малайали он почему-то причисляет к тамильской группе. А для того чтобы «пояснить», что такое тамильский язык, он приводит следующую мало вразумительную тарабарщину: «тамила|дамила, давина|давида, драмида|дравида» (там же).

По поводу дравидских языков автор делает общее предположение, что прежде они были распространены шире, — предположение, конечно, правильное, но «доказывает» он его более чем странно: на языке гонди, оказывается, говорило в 1891 г. 1,3 млн. человек, а в 1911 г. только 1 млн. (стр. 230). Вот и все «доказательство».

В этом же параграфе несколько раз упоминаются языки (либо язык) мунда. Но о том, что существует особая семья языков мунда, проф. Чикобава не говорит. Кстати, чрезвычайно трудно понять указание автора, что дравидоязычные народы «встречаются в виде островков среди индийского (?) населения (и народа мунда)». К этому

месту автор, правда, делает примечание (стр. 229), но оно способно еще более запутать читателя, ибо там перечисляются подряд «языки»: «мунда, сантал, корку, монхмер и др.» Что «монхмер» это вовсе не язык, а опять-таки целая большая семья языков, и что к Индии она прямого отношения не имеет, — это читателю придется узнавать из другого источника.

Совершенно недопустимую путаницу находим мы в параграфе 79 об «индонезийских языках». По поводу малайского языка — общегосударственного языка Индонезийской республики с ее 70-миллионным населением — автор говорит, что это «один из распространенных» языков на Борнео и Малайском полуострове и что на нем говорит 3 млн. человек (стр. 231). О тагальском и других языках Филиппинских островов проф. Чикобава не упоминает ни словом. Затем следует совершенно неверное утверждение: «Рядом с индонезийскими языками обычно (!) перечисляют полинезийские, микронезийские и меланезийские языки, что следует рассматривать как чисто географическую, а не генеалогическую (историческую) классификацию» (стр. 231). В действительности дело обстоит как раз наоборот: именно в географическом отношении малайско-полинезийские языки (автор избегает употреблять даже это общепринятое название) не представляют собой никакого единства, ибо территория их простирается от Мадагаскара на западе до острова Пасхи на востоке, т. е. более чем на половину земной окружности и эта территория отнюдь не сплошная. По «чисто географическому» признаку следовало бы сблизить с индонезийскими языками прежде всего папуасские языки Новой Гвинеи, которые проф. Чикобава, кстати, вообще игнорирует, но их никто и никогда к данной языковой семье не причислял. Напротив, чисто языковое (генеалогическое, т. е. историческое) родство между языками малайско-полинезийской семьи, несмотря на их полную географическую разобщенность, не подлежит никакому сомнению: этот факт — один из наиболее твердо установленных в языкознании.

Весьма неудачно классифицирует автор языки народов Африки, но здесь в извинение ему можно сказать, что он опирается, хотя и на устаревшее, но на существующее мнение. Он делит языки Африки на «три большие группы»: суданские, банту и бушменские с готтентотскими. Однако называть языки бушменов и готтентотов «большой группой» несколько странно. «Языки суданских негров» никто уже не считает сейчас единой группой. О семито-хамитских языках автор в связи с языками Африки вообще не упоминает.

В том же параграфе (80) говорится о языках Америки. Автор перечисляет по нескольку языковых групп в Северной, Центральной и Южной Америке. Почему одни группы и языки попали в это перечисление, другие нет, — трудно догадаться. Тут мы находим такие «основные группы», как, например, «языки отоми» и «языки сапотеки» (?), но не находим языков группы кечуа, хотя кечуанский язык сейчас наиболее распространенный из индейских языков всей Америки: на нем говорит не менее 3,5 млн. человек, а возможно, что значительно больше. Не упомянуты также языки аймара, арауканские и ряд других. Приведя далее неверные сведения о численности индейцев в современной Америке, проф. Чикобава говорит о достижениях ацтеками и инками «значительного развития» еще в доевропейскую эпоху и иллюстрирует это «пиктографическо-идеографическим письмом» ацтеков (стр. 232). Но инки, как известно, представляли собой не народ, а лишь господствующий класс; что же касается письма, то автору следовало бы в первую очередь упомянуть чисто иероглифическую письменность майя, в настоящее время расшифрованную советским ученым Ю. В. Кнорозовым, а также другие достижения культуры народа майя — наиболее высокой культуры в доколумбовой Америке.

Вообще надо сказать, что те сведения, которые проф. Чикобава сообщает по поводу тех или иных языков и языковых групп, страдают полной бессистемностью, не говоря уже о многочисленных ошибках и неточностях. По поводу одних языков приводятся данные о их численности — и данные, в большинстве неточные или просто неверные, либо устаревшие; о других языках — таких данных вообще не приводится. По поводу одних языков говорится о наличии письменности, о других этих сведений не дается. Одни языки автор характеризует со стороны морфологической структуры, других с этой стороны не касается. Самый стиль изложения чрезвычайно неоднороден и не выдержан: в одних параграфах читателю даются лишь элементарные сведения (притом, как мы видели, зачастую искаженные), в других — автор пускается в не особенно нужные подробности.

Так, например, по вопросу о древних языках Передней Азии (§ 76) проф. Чикобава, являясь в этой области специалистом, вдается в чисто специальную, рядовому читателю непонятную полемику (неизвестно, с кем) о взаимоотношениях между хеттским и неситским языками и пр.

Все сказанное делает весьма сомнительной пользу от чтения данной главы учебного пособия проф. Чикобава. Вред же от той путаницы, которую она вносит в вопрос о классификации языков, достаточно очевиден.

Ко всему сказанному надо добавить неряшливую корректуру книги, где искажены многие названия и имена: «аварско-индийско-дидайская» подгруппа языков Дагестана (стр. 222), вместо аваро-индийско-дидайской; «ленча» (стр. 229) вместо лепча; «си-хия» (там же) вместо си-ся; «кеттский» язык (стр. 219) вместо кетский. Известный немецкий гуманист Рейхлин получил еврейскую фамилию «Ройхлин» (стр. 214).

Книга проф. Чикобава издана Учпедгизом тиражом в 75 тысяч экземпляров и Министерством высшего образования СССР допущена в качестве учебного пособия для университетов и педагогических институтов. Можно лишь подивиться той безответственности, с которой оба эти авторитетных учреждения отнеслись к столь важному делу издания учебного пособия по общему языкознанию — делу, серьезность которого очевидна хотя бы уже потому, что это первое такое пособие, выпускаемое после лингвистической дискуссии 1950 г. на страницах «Правды» и после появления замечательных трудов И. В. Сталина по языкознанию, положивших конец долголетнему засилью антинаучного марризма. Выпускать книгу в столь неряшливом виде, без консультации компетентных научных учреждений и отдельных специалистов, — не к чести издательства.

Автор, правда, выражает в своем предисловии благодарность ряду выдающихся лингвистов за сделанные ими замечания (стр. 9), однако надо думать, что либо данную главу он им не послал на отзыв, либо не счел нужным воспользоваться полученными замечаниями.

С. А. Токарев

ЭТНОГРАФИЯ ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Современное состояние этнографии Франции представляет интерес, выходящий за пределы изучения культуры и быта населения одной страны. Оно знаменательно потому, что речь идет об одном из крупнейших народов капиталистической Европы в нашу эпоху. Оно отражает влияние общего кризиса империализма на буржуазную науку. В то же время на примере французской этнографии интересно проследить борьбу прогрессивных ученых с апологетами империализма и реакции.

Современная французская буржуазная этнография находится в состоянии кризиса, это признают даже представители тех научных кругов, которые поставили себя на службу империализму. Поэтому поучительно начать обзор нынешнего состояния с краткой характеристики прошлого.

Этнография Франции и близкая к ней область — фольклористика¹ развивались в русле буржуазной науки и имели относительные успехи в конце XIX в. Фольклор Франции был впервые собран и опубликован значительно позже, чем это имело место в России²; научное общество, организовавшее сбор этнографических наблюдений, во Франции образовалось 40 лет спустя после основания в 1845 г. Российского Географического общества с его этнографическим отделом³. Хотя и отставая от развития этнографии в России и в Германии, французская этнография с 80-х годов прошлого века вплоть до второй мировой войны занимала значительное место в ряду других наук. Организация собирательской работы и издание работ, посвященных этнографии отдельных областей Франции, работы по вопросам методологии этнографии, истории культуры, истории религии, монографии по отдельным народам французских колоний, этнографические журналы и музеи — все это свидетельствовало о большом интересе к этнографическому исследованию в научных кругах и среди интеллигенции Франции.

Годы второй мировой войны и фашистская оккупация прервали развитие французской этнографии. Был закрыт ведущий этнографический журнал⁴, заглохла организационная деятельность фольклористического общества в Париже. Все же продолжали издаваться отдельные книги. После войны их стало больше. В начале 1947 г. вновь организовалось французское этнографическое общество, оно стало выпускать свой журнал⁵.

Каковы же основные характерные черты современной французской этнографии?

В настоящем очерке мы ограничиваем свою задачу обзором наиболее крупных работ, исследующих только французский народ.

¹ Во французской науке этнографией называется главным образом исследование отсталых народов колониальных стран; описание культуры и быта французов большей частью именуется «фольклором».

² Обобщающий труд А. Афанасьева «Песенные воззрения славян на природу» вышел в 1865—1869 гг. (Еще до него вышли публикации произведений народного творчества, изданные Сахаровым, Снегиревым, Далем, Терещенко). Аналогичный обобщающий труд Поля Себильо «Фольклор Франции» вышел в 1904—1907 гг.

³ Общество любителей народных традиций при Музее этнографии Трокадеро в Париже (Société des Traditions Populaires au Musée d'Ethnographie du Trocadéro) было учреждено в 1885 г.

⁴ «Revue de Folklore Français et de Folklore Colonial».

⁵ «Le Mois d'ethnographie Française», Bulletin de la Société d'Ethnographie Française, Paris.

Наиболее значительной фигурой среди французских этнографов является Арнольд Ван-Геннеп, известный буржуазный ученый, работающий в области этнографии и фольклора почти полвека⁶. Он возглавляет целое направление в французской этнографической науке. В частности, работа Ван-Геннепа «Переходные обряды»⁷ по своей методологии остается до сих пор руководящей для французских буржуазных этнографов.

Арнольд Ван-Геннеп и в настоящее время продолжает начатый им в 30-х годах труд по собиранию и публикации современного фольклора Франции. Термин «фольклор» имеет во французской науке свой особый смысл: французские исследователи включают в него представления народа о природе, верования, обряды, обычаи, песни, сказания — в общем весь комплекс духовной культуры. Ван-Геннеп ограничивает свои исследования только духовной культурой. С одной стороны, Ван-Геннеп издает работы, посвященные отдельным областям страны⁸, с другой стороны, обобщил публикуемый в них материал в большом труде, призванном дать полную картину современного фольклора Франции⁹.

Задача, поставленная Ван-Геннепом, сама по себе весьма почетна и вполне своевременна. В свое время такая задача наметилась в трудах Поля Себильо. Он впервые обобщил фольклор Франции, но дал весьма несовершенную сводку народных представлений, поверий и связанных с ними обрядов, относящихся к природе¹⁰. Последний, четвертый том, называющийся «Народ и история», представляет пестрое собрание преданий, главным образом феодальной эпохи, и не отвечает своему заглавию. Духовная культура Франции в работах Себильо оказалась оторванной от ее создателя и носителя — народа, фольклор оказался обезличенным, оторванным от почвы, на которой он возник.

Ван-Геннеп подошел к своей задаче иначе.

Во-первых, Ван-Геннеп располагает явления духовной культуры вокруг определенной оси — жизненного цикла человека («от колыбели до могилы»). Он считает, что основным содержанием этнографического исследования должны быть «переходные обряды», т. е. «церемонии, которые имеют магической целью закрепить изменение в состоянии или переход от одной магическо-религиозной или светской группы в другую»¹¹.

Во-вторых, Ван-Геннеп ведет исследование и располагает материал по отдельным областям Франции, публикуя материал, собранный им «в поле» в течение десятилетий.

Можно было бы ожидать, что эти предпосылки обеспечат основательность, весомость публикаций Ван-Геннепа, что в результате его огромного труда действительно будет обрисована хотя бы одна сторона духовной культуры современной Франции. Однако этого не получилось. При ознакомлении с последними работами Ван-Геннепа, от которых естественно ожидать больше всего, читателя охватывает разочарование.

Ярким примером может служить одна из последних монографий Ван-Геннепа — «Фольклор Оверни и Велея», вышедшая в годы мировой войны. Автор описывает обычаи и обряды, поверия и сказания, регистрируя их в типично позитивистском духе, как бы «предоставляя фактам говорить самим за себя». Но обычаи и обряды совершенно оторваны от материальной жизни, от производства и экономики, от социальной среды, от конкретной исторической обстановки и даже от повседневного быта данной провинции. Поэтому описанные факты остаются неисторичными. Такой характер исследования обусловлен теоретическими взглядами автора на предмет фольклора и этнографии, высказанными им еще в 1924 г. Ван-Геннеп утверждает, что этнография «сливается с коллективной психологией, которая находит свое выражение в сельской жизни совсем иначе, чем в жизни индустриальных или городских масс. В сельской жизни она выражается в разного рода обычаях, часто очень древних, иногда поэтических, иногда грубых, которые, вследствие того, что их продолжают выполнять широкие массы, представляют подлинные звенья традиционной цепи, образующей постоянный непреходящий элемент национальной жизни, взятой в целом»¹².

Автор подчеркивает, что этнографы интересуют «обычаи, бытующие в настоящее время, на наших глазах, и порождающие их сложные, в первую очередь, психологические причины»¹³.

Такой откровенно идеалистический подход к духовной культуре сближает Ван-Геннепа с так называемой «социологической» школой Эмilia Дюркгейма и его еще более известного исследователя Люсьена Леви-Брюля. Хотя Ван-Геннеп не называет основного понятия, которым оперируют Дюркгейм и Леви-Брюль, — «коллективные представления», но, несомненно, он вкладывает то же содержание в свою «коллективную психо-

⁶ Первая работа Ван-Геннепа «Табу и тотемизм на Мадагаскаре» вышла в 1904 г. (Arnold Van-Gennep, *Tabou et totémisme à Madagascar*, P., 1904).

⁷ Arnold Van-Gennep, *Les rites de passage*, Paris, 1909.

⁸ Arnold Van-Gennep, *Le Folklore du Dauphiné*, Paris, 1932—1933; *Le folklore de la Bourgogne*, Côte d'Or, Paris, 1943; *Le folklore de la Flandre et du Hainaut*, Paris, 1935; *Le folklore de l'Auvergne et du Velay*, Paris, 1942.

⁹ Arnold Van-Gennep, *Manuel de Folklore français contemporain*, 1931—1934.

¹⁰ Paul Sebillot, *Le Folklore de France*, vol. I—IV, Paris, 1904—1907.

¹¹ Arnold Van-Gennep, *Les rites de passage*, стр. 3.

¹² Arnold Van-Gennep, *Le Folklore*, Paris, 1924, стр. 28, 29.

¹³ Там же, стр. 28.

логию». Как и у Дюркгейма и Леви-Брюля, у Ван-Геннепа «коллективная психология» не обусловлена материальной жизнью, общественной практикой коллектива, как и у них, коллектив берется как абстрактное понятие. «Сельскую жизнь», быт крестьянства Ван-Геннеп описывает в общей форме, не принимая во внимание ни имущественного, ни социального расслоения.

Ван-Геннеп никак не объясняет обусловленность «коллективной психологии» ни определенным социально-экономическим базисом, ни исторической обстановкой, он ограничивается выводом, что фольклор и этнография должны заниматься «специально крестьянами и сельской жизнью и тем, что остается от последней в городской, индустриальной среде»¹⁴. Ван-Геннеп, таким образом, лишает культуру французских рабочих национальной специфики, обезличивает их с точки зрения этнически-национальной — этим он льет воду на мельницу апологетов космополитизма, взятого на вооружение воинствующим империализмом.

Хотя Ван-Геннеп говорит, что «общественная жизнь изменяется непрестанно и поэтому этнографическое исследование должно вестись постоянно, не должно прекращаться»¹⁵, но сам Ван-Геннеп фиксирует только пережиточные обычаи и представления, изредка отмечая некоторые изменения, без объяснения их причин.

Последние книги Ван-Геннепа представляют даже не показ, а просто опись пережитков, раритетов и курьезов. Составленное с бухгалтерской скрупулезностью, это описание лишено жизни; совершенно не видно французского народа с его яркой красочной культурой и характерными особенностями быта. К тому же, такое описание теряет смысл с научной стороны, потому что факты исторически не обусловлены, не анализированы и не обобщены.

Для методологии Ван-Геннепа и его отношения к исторической действительности весьма характерно предисловие, преподанное им в книге «Фольклор Оверни и Велея». Он сообщает, что, живя в зоне оккупации, не может продолжать исследование, начатое в 1912 г. и уже прерванное однажды первой мировой войной. Поэтому собранные в выпускаемой книге сведения не настолько исчерпывающие, чтобы сделать обобщения, но показывают, как много осталось еще зафиксировать локальных вариантов описываемых обрядов»¹⁶. Ван-Геннеп даже не считает нужным отметить, как трагические для Франции события двух мировых войн повлияли на жизнь народа, в том числе и на его быт, обычаи. Он заперся в башне из слоновой кости и спускается с нее только для того, чтобы бесстрастно регистрировать сохранившиеся пережитки прошлого.

Следуя Ван-Геннепу, и многие другие французские этнографы (большей частью провинциальные) выпускают работы, содержащие собранные ими материалы, к сожалению, в значительной мере обесцененные порочной методологией¹⁷.

Во Франции выходят и этнографические работы несколько иного типа, хотя, как мы увидим дальше, проникнутые в общем теми же теоретическими установками.

Книга видного французского буржуазного ученого, фольклориста, лингвиста и этнографа Альбера Доза «Деревня и крестьянин Франции»¹⁸ представляет собой подробное описание французской деревни. Описаны локальные типы поселений и жилища, утвари и мебели, одежды, сельскохозяйственных орудий, средств транспорта, типы севооборота и формы землепользования во Франции; дана история отдельных сельскохозяйственных культур во Франции, очерки виноделия и изготовления сидра. Описаны обычаи и обряды жизненного цикла, праздники, игры и развлечения, танцы, музыка, наконец, диалекты и местные говоры.

Доза — большой знаток описываемых фактов. Его работы содержат интересный и ценный для науки материал. Он дал, например, подробный очерк форм жилища с многочисленными локальными типами, детальное описание сохи и плуга во многих вариантах с указанием распространения их, с историей введения этих орудий во Франции, их связей с итальянскими типами, — все это описано исчерпывающе, с приведением конкретных примеров, с иллюстрациями и чертежами. К сожалению, А. Доза не увязывает описываемые им материалы с реальной жизнью народа. Он не задается вопросом и не останавливается на том, какую роль играли описываемые им предметы в жизни крестьян: каково было жить и, в особенности, каково жить сейчас в домах старых типов, чем обусловлено сохранение сохи и плуга и отсталых методов севооборота у большей части крестьян современной Франции. Он любовно описывает старые формы материальной и духовной культуры, не видя, что они устарели, что сохранение их обусловлено кризисом сельского хозяйства Франции. Фактически, Доза, может быть, сам того не желая, отрывает этнографические документы от действительности, ставит науку вне жизни и происходящей борьбы. Он забывает, что в любой области культуры, быта, труда народа сказалось бедственное положение, в которое поставили французского крестьянина предательская клика, правящая капиталистической Францией, и американские монополисты, фактически превратившие Францию в полуколонию.

¹⁴ Arnold Van-Gennep, *Le Folklore*, стр. 29.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Arnold Van-Gennep, *Le Folklore de l'Auvergne et du Velay*.

¹⁷ См. рецензию Е. Фонберг о книге Ж.-М. Руже, «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 228.

¹⁸ Albert Dauzat, *Le village et le paysan de France*, Gallimar, 1941.

Доза, давший ценные этнографические описания, не смог их раскрыть. Он оказался в плену методологии теории аристократического происхождения культуры, отрицавшей творческую деятельность народа,—теории, усиленно пропагандируемой апологетами воинствующего империализма. Следование этой теории (без раздумья о том, чьи политические взгляды и интересы она выражает и как она фальсифицирует факты), очевидно уже в начале главы об одежде: «Как и в области искусства или фольклора, деревня не создала ничего: все идет из города — одежда, обычаи, песни»¹⁹. И дальше: «Одежда крестьян XIX в. в целом заимствует одежду знати предшествующих веков... Крестьяне озаменовали свое освобождение после Революции подражанием внешнему облику своих прежних господ»²⁰. Косынки крестьянок напоминают автору косынку Марии-Антуанетты и ее придворных дам, «только фижмы, как неудобные для крестьянок, были упрощены»²¹.

Подобно одежде, Доза выводит и народные танцы из придворных: «Танец бурре был введен впервые королевой Маргаритой Валуа в 1565 г.— он сохранился до наших дней в Берри и Бурбонне»²².

Так постепенно в работе Доза, внимательно и любовно описывающего народную культуру, исчезает трудовой народ как единственный создатель всех художественных и культурных ценностей. Доза не видит, что он фактически клеветает на французского крестьянина, говоря, что крестьянин «не может понять задач научного исследования, которое не приносит немедленной выгоды, и для него закрыты художественные эмоции»²³. (Можно себе представить, как возмутился бы подобной клеветой Кола Брюньон, в котором Ромэн Роллан воплотил прекрасный образ талантливого сына французского народа!).

Теории аристократического происхождения культуры, в плену у которой оказался Альбер Доза, следуют и многие другие этнографы. Среди них можно назвать, например, автора монографического очерка этнографии Прованса и Венэсенского графства — Фернана Бенуа, одного из представителей консервативного направления науки²⁴.

После исторического очерка области и ее населения Бенуа дает подробное описание жилища, мебели, утвари, посуды, пищи, средств передвижения, хозяйства, искусства, фольклора и других сторон культуры и быта жителей Прованса.

Переходя к описанию одежды, Бенуа утверждает ту же реакционную теорию «сниженной культуры». Он рассматривает крестьянскую одежду только под углом зрения подражания помещичьим и городским модам и частные факты возводит в общий закон²⁵.

Обрисовав в живых красках яркую самобытную культуру крестьян Прованса — песни, музыку, танцы, игры и развлечения, празднества, Бенуа, наперекор логике, опять пытается навязать читателю теорию деградации искусства, заимствования ее крестьянством от аристократии. Совершенно неправомочно Бенуа считает, что «Прованс живет приобретенными в последние века (до XVIII в.), с высшей точки расцвета в XVIII в., т. е. перед промышленным переворотом и развитием городской цивилизации»²⁶. И тут же Бенуа претенциозно и клеветнически провозглашает «парадокс»: «В период, когда искусство было народным, правительство как раз не было народным... Гибель народного искусства совпала с приходом к власти демократии»²⁷. Здесь не место доказывать очевидную истину, что в капиталистической Франции истинная демократия повержена в прах. Но что трудовой народ Прованса продолжает развивать свое творчество, это ясно даже из книги самого Бенуа. В качестве прекрасной иллюстрации, запечатлевшей народное творчество провансальцев; можно сослаться также на очерк советского писателя В. Полторацкого, описавшего в одном из рассказов своей удостоенной Сталинской премии книги праздник в Арле по поводу присвоения площади в этом городе имени Иосифа Сталина²⁸.

Более прогрессивна по своей методологии по сравнению с предыдущими книгами работа двух авторов — Менона и Лекоте «Деревня Франции. Традиционный быт крестьян»²⁹.

Авторы дают живые, конкретные описания и в то же время обобщают в лаконичной форме этнографический материал сельской Франции: селение и жилище, мебель и утварь, керамику, одежду, пищу, хозяйство, культуру виноградной лозы и виноделие, обряды жизненного цикла и праздничные, музыку, танцы и песни, верования и обряды, связанные с ними. Книга умело иллюстрирована фотографиями, таблицами, чертежами. Например, применен остроумный способ фиксации танцев расположением тепе-

¹⁹ Albert Dauzat, Указ. соч., стр. 130.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 131.

²² Там же, стр. 164.

²³ Там же, стр. 192.

²⁴ Fernand Benoit, La Provence et le comtat Venaissin, Gallimar, 1949.

²⁵ Там же, стр. 114.

²⁶ Там же, стр. 353.

²⁷ Там же, стр. 370.

²⁸ В. В. Полторацкий, В дороге и дома. Очерк «Поездка в Прованс», М., 1950.

²⁹ P. L. Menon et K. Lecotté, Au village de France. La vie traditionnelle des paysans, Paris, 1945.

чатков ступней танцоров; интересно показано, в виде последовательных кадров, как завязываются ленты головного убора и делается прическа.

Авторы не дают глубокого анализа описываемых явлений; тенденция книги выступает довольно явственно: запечатлеть живо и красочно патриархальную деревню Франции. Излишнее любование стариной, особое внимание к преданиям и поверьям до некоторой степени сближают Менона и Лекоте с Доза. В книге есть даже отзвуки сентиментального отношения к национальной старине. Таково, например, обращение к флюгерному петуху на колокольне, как к хранителю исконных национальных традиций: «Славный галльский петушок, национальный тотем, брат флюгерных петухов всех колоколен Франции! ...Своими круглыми глазами ты наблюдаешь жизнь пяти или шести поколений крестьян...» и т. д.³⁰. Отметим, что книга вышла в 1945 г., сразу после освобождения Франции от гитлеровской оккупации, когда возвращение к национальным традициям связывалось с борьбой французов за независимость родины.

Совсем иным тоном проникнута книга, носящая громкое название: «Франция и ее культура»³¹. Книга издана в 1943 г. в Нью-Йорке. Это настораживает читателя, и недаром. Работа профессора Гоклера, который преподает французский язык в США, представляет путеводитель повышенного типа, написанный в беллетризированной форме, специально для американцев, как об этом прямо говорит автор.

Понятие культуры у автора, с одной стороны, довольно широкое: в книгу входит описание праздничных обрядов, национальных костюмов, некоторые сказки Перро, песня про Анну Бретонскую и в то же время описание устройства оконных рам, типов гребок для постели, наименование этажей домов и, конечно! — французская кухня. Пожалуй, наивысшим достижением французской культуры Гоклер склонен считать шаг из гусиной печенки. Однако описание носит чрезвычайно поверхностный характер, нет ни малейшей попытки не только дать анализ, но даже привести исторические данные. Поэтому книга не оправдывает своего названия. Но ее тенденция выступает очень четко. Свое подлинное лицо автор показывает в приложенном к книге словарики, где французские термины и понятия объяснены применительно к восприятию Франции американскими оккупантами. Не случайно и такое объяснение слова «Париж»: «Столица Франции. Была взята несколько раз, в последний раз немцами в 1940 г.»

Книга, написанная профессором, преподающим французский язык американским буржуа, направляющимся во Францию, вызывает недоумение и возмущение. К сожалению, очевидно, эта книга — не единственное издание подобного рода.

Рассмотрев некоторые работы французских этнографов, характерные для последних лет, обратимся к этнографическим журналам.

В течение тридцати с лишним лет журнал «Обозрение народных традиций» (*Revue des Traditions Populaires*) был центром этнографической науки во Франции. Правда, его содержание было пестрым и неравноценным. Наряду с обстоятельными описаниями локальных форм жилища или одежды здесь публиковались и меню ресторанов на карнавальную неделю, со включением традиционных блинов и оладий, и местные курьезы, вроде, например, таких «пережитков матриархата»: в одном маленьком городке существует обычай именовать мужчин «господин такой-то, супруг госпожи такой-то, урожденной мадемуазель такой-то». Журнал имел ярко выраженную мелкобуржуазную физиономию, его аполитизм имел определенную направленность: на его страницах, углубляясь в пережитки патриархальной старины, мелкобуржуазная интеллигенция уходила от бурь современности, от разгорающейся классовой борьбы. Но все же журнал имел широко разветвленную сеть корреспондентов, главным образом из среды провинциальной интеллигенции — учителей, врачей, аптекарей, агрономов, а также мелких землевладельцев и рантье. Устраивались съезды и конференции, велась повседневная переписка с редакцией.

Наследник этого журнала — «Обозрение этнографии и народных традиций»³² просуществовал с 1920 по 1929 г. и возобновился в 1936 г. под названием «Обозрение французского и колониального фольклора»³³. Он прекратил свое существование во время второй мировой войны. Эти журналы утратили связь с широкими читательскими кругами сельской интеллигенции и связали себя с интересами колонизаторов. После войны возник новый журнал основанного в 1947 г. общества «Этнографический ежемесячник»³⁴. В первых номерах этого скромного стеклоглазированного издания помещались небольшие публикации и рецензии. Ныне «Этнографический ежемесячник» выродился лишь в библиографический бюллетень. В настоящее время центрального этнографического журнала Франция не имеет.

К сказанному следует добавить, что на местах, в особенности в провинциях, где развито движение за сохранение областных диалектов и локальных особенностей культуры и быта, — в Провансе, в Бретани имеются общества, издаются бюллетени. Но члены этих обществ большей частью научной работы не ведут и собираются лишь с целью поддержания отдельных элементов местной национальной культуры и искусства. На собрания члены общества приходят одетыми в национальные костюмы, говорят на

³⁰ P. L. Menon et K. Lecotté, Указ. раб., стр. 7.

³¹ Yassu Gaucière, La France et sa Culture, N. Y., 1943.

³² «Revue d'Ethnographie et des Traditions populaires», Paris, 1920—1929.

³³ «Revue de Folklore français et de Folklore Colonial», Paris, 1936—1939.

³⁴ См. нашу рецензию в журнале «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 214.

местных диалектах, играют на национальных инструментах, поют народные песни, пляшут народные танцы³⁵.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Этнография Франции обладает значительным собранием этнографического и фольклорного материала, подробными, подчас очень обстоятельными описаниями. Но работы крупнейших буржуазных исследователей — Арнольда Ван-Геннепа, Альбера Доза и других представляют лишь публикации этнографических фактов, нередко ложно осмысленных с позиций реакционной теории «сниженной культуры».

Буржуазные этнографы допускают глубоко ошибочные суждения о жизни, деятельности, мировоззрении французского крестьянина. В опровержение их взглядов можно привести, например, слова французского прогрессивного географа Поля Жоржа: «Глубокое потрясения, испытанные Францией за последнее десятилетие, сильно разрушили те перегородки и порозали те пути, которые можно было считать еще прочными. Взрыв национальных чувств против врага и его приспешников, выявивший наследие наиболее чистых традиций французского крестьянства, не только запечатлел одну из прекраснейших страниц истории Франции: он обнаружил сознательность крестьянства в важных вопросах экономики и всей жизни страны. В связях, создавшихся в бою, в решающих размышлениях, от которых зависел выбор действия в час опасности, выковалось сознательное стремление крестьянства к техническому, экономическому и социальному прогрессу»³⁶.

Прогрессивная этнография Франции будет развиваться не по пути либерально-буржуазных теорий, которым идет сейчас к упадку наука. Французская этнография имеет и другие, прогрессивные традиции, которым принадлежит будущее. Она имеет традиции марксизма. В связи с этим надо напомнить, например, имя Поля Лафарга. Хотя Поля Лафарга нельзя причислить к ученым, занимавшимся специальными этнографическими исследованиями, все же он в своих работах «Естественные причины идеи бога у диких», «Развитие идеи бога», «Экономические причины веры в бога у буржуа», «Свадебные песни и обычаи» оперирует данными этнографии. Лафарг первый из французских авторов подошел к интерпретации этнографических фактов с марксистских позиций. Несмотря на некоторые отклонения от марксистской методологии, эти статьи Лафарга, как и его блестящие антирелигиозные памфлеты, составляют значительный вклад во французскую историю культуры.

Эту линию уже в наше время продолжали писатели-коммунисты. В книге «Детство» (L'Enfance) Поль Вайян-Кутюрье дает прекрасный очерк быта французской провинции, характеризует представления и быт мелкой буржуазии и крестьянства одной из провинций юга Франции. Особый интерес представляют работы ученого-патриота Шарля Эншлэна, павшего в рядах борцов за независимость Франции в 1944 г. Вступивший еще юношей, одним из первых, во Французскую коммунистическую партию в 1920 г., Эншлэн всю свою недолгую жизнь совмещал обязанности партийца-активиста с научными занятиями. С скромный преподаватель истории сначала в Нанси, затем в Тьере, Эншлэн имел широкий круг интересов: он изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, античную философию и историю французской революции, историю религии и этнографию. В капиталистической Франции преподаватель учебного заведения, выступивший как писатель-марксист, был бы снят с должности. Поэтому Эншлэн при жизни писал под псевдонимами³⁷. Лишь посмертное издание его труда «Происхождение религии»³⁸ вышло под настоящей фамилией автора. Хотя этнографические проблемы подняты лишь в первой части книги, работа Эншлэна представляет значительный вклад в марксистскую историю первобытного общества и этнографию. Особую ценность имеет историографическая глава — развернутый обзор теорий происхождения религии, впервые обстоятельно осветивший эту проблему с позиций марксизма-ленинизма.

Но и кроме специальных работ верное освещение народного быта находит себе место на страницах коммунистической печати. В своей книге «Сын народа» Морис Торез прекрасно обрисовал быт шахтеров на севере Франции — изнуряющий труд, нужду, унылые поселки с лачугами, редкие развлечения на ярмарках и народных гуляниях. Не менее ярко запечатлена и тяжелая жизнь рабочих мануфактурных фабрик в долине Соммы, а также быт батраков на фермах департамента Крез.

Во французской буржуазной этнографии, как и вообще в буржуазной науке, господствует положение, будто объектом этнографического исследования может быть только деревья и крестьяне, что рабочие и вообще горожане теряют черты национальной культуры. Это положение неправильно вообще, и по отношению к французскому народу в частности. Морис Торез доказывает это своими описаниями быта французских рабочих. В частности, он рисует прекрасный образ типичного французского ра-

³⁵ Например, в Провансе: *Escolo mistralenco* (langue, costume, chants danses). Lou Felibrige, bulletin mensuel de la Société (Propagande mistralienne, régionalisme).

³⁶ П. Жорж, Франция, Изд-во иностр. литературы, М., 1951, стр. 119.

³⁷ Lucien Henry, *Les origines de la religion*, Paris, 1935; Lucien Henry, *Sur la Religion. Textes choisis, Traduits et présentés; H. Chassagne, Coblence (1789—1792). Des Français au service de l'étranger*, Paris, 1939.

³⁸ Charles Hainchelin, *Les origines de la Religion*. Nouvelle édition revue et corrigée, conforme au manuscrit laissé par l'auteur, Paris, 1950.

бочего в лице своего деда-шахтера, с его энергией, стойкостью, крепким здравым смыслом.

Созданный несколько лет назад прогрессивной французской кинематографией фильм «Рассвет», в котором показан послевоенный быт французского шахтерского поселка, также может служить доказательством, что быт французских рабочих имеет свою национальную специфику, как и быт крестьян, что и рабочие развивают свою национальную культуру.

В романах и рассказах Андре Стиля, в особенности в его удостоенной Сталинской премии книге «Первый удар», прекрасно отображен быт докеров современной Франции, борющихся под руководством Коммунистической партии против американских оккупантов и их пособников — французской крупной буржуазии. В особенности ценно, что Андре Стиль ярко и проникновенно обрисовал положение безработных, быт докеров и рабочих, лишенных возможности трудиться вследствие предательской политики стоящей у власти продажной клики. Андре Стиль художественными средствами выполняет задачу, поставленную товарищем Сталиным в его последнем труде: «Я думаю поэтому, что три характеристики материального положения рабочего класса в капиталистических странах следовало бы принять в расчёт также положение резервной армии безработных рабочих»³⁹.

Национальную специфику имеет и быт горожан вообще. В этом отношении весьма показательны фотоиллюстрации и коротенькие заметки и очерки, которые газета «Юманите» посвящает национальным и традиционным праздникам: народные гуляния и карнавалы в День памяти взятия Бастилии 14 июля, а также 1 мая, выборы «королев» — красивейших девушек в профессиональных союзах, угощение молодым вином, почитание «могилы неизвестного солдата» с возложением венков депутатами профессиональных союзов — все эти современные обычаи парижан, которые также имеют национальную окраску, как и обычаи старой деревни. Но помимо этих частности, национальная культура всего французского народа развивается и растет вместе с ее творцом и носителем.

Ни космополитическая проповедь представителей деградирующей буржуазной науки и литературы Франции, ни предательская политика реакционного правительства, ни происки агентов монополистического капитала США не могут преградить пути развития французской культуры. «Не так-то просто лишить французам их национальных черт», пишет журналист-коммунист Андре Вюрмсер⁴⁰. Поведение американских империалистов, третирующих Францию и ее культуру, позволяющих себе называть проституткой одну из культурнейших стран мира — родину народа, который совершил три революции и героически боролся против гитлеровских захватчиков, вызывает все больший отпор. «Национальное чувство французов все больше восстает против «денационализации, против отказа от национальной независимости»⁴¹.

Буржуазная этнография Франции в тупике. Французские этнографы-специалисты не дают подлинной картины современной народной культуры Франции. Понять и запечатлеть ее могут лишь прогрессивные ученые, борющиеся за независимость и национальный суверенитет Франции, без которых не может жить и развиваться культура народа. В науке, как и во всей жизни народа, осуществляется положение, с такой силой и ясностью сформулированное гениальным вождем народов И. В. Сталиным: «Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять»⁴².

Б. Шаревская

ЖУРНАЛ «AMERICAN ANTHROPOLOGIST»

В 1952 ГОДУ

«American Anthropologist» — ведущий журнал американских этнографов. Он издается Американской антропологической ассоциацией, объединяющей всех этнографов и многих антропологов, археологов и фольклористов Соединенных Штатов. Он является старейшим этнографическим журналом США — издается с 1888 г. Его эволюция отражает эволюцию всей американской этнографии.

³⁹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 44.

⁴⁰ Андре Вюрмсер, Французы не откажутся от Франции! «Правда» от 1 марта 1953 г.

⁴¹ Там же.

⁴² И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 12—13.

Будучи органом Американской антропологической ассоциации, журнал ставит себе задачей отражать на своих страницах все, что происходит в области американской «антропологии», т. е. собственно антропологии, этнографии, археологии и «этнолингвистики». Но на деле он является журналом по преимуществу этнографическим. Крэбер подсчитал, что из 160 статей, помещенных в 1940—1944 гг., по «этнолингвистике» было только 14 статей, по археологии — 12 и по «физической антропологии» — 6. Все остальные статьи (128) были этнографическими¹. Примерно так же обстояло дело и в последующие годы.

Журнал имеет три основных раздела: статьи, рецензии, краткие заметки и сообщения.

Для «*American Anthropologist*» в прошлом характерно было то, что статьи, помещаемые в нем, трактовали отдельные частные вопросы и носили, как правило, описательный характер; подавляющее большинство статей посвящалось индейцам Северной Америки. Такой профиль журнала сложился еще в конце прошлого века и отражал общее состояние американской этнографии того времени. Господствовала так называемая «историческая» школа Боаса, которая вела атаку против теории Моргана, против эволюционизма, под лозунгом отказа от широких теоретических обобщений. Автор одной из статей, помещенных в журнале в 1952 г., Коул, слушавший в бытность свою студентом лекции Боаса, приводит следующее интересное место из своих записей его лекций: «Теорий у нас достаточно, нам нужны факты» (стр. 161).

Этот процесс идейного вырождения буржуазной американской этнографии сопровождался, однако, до поры до времени накоплением обширных новых материалов. «Работы американской «школы Боаса», — отмечает С. П. Толстов, — при всем ее краеведческом провинциализме, являлись важным собранием этнографических документов», которые, при должной критической проверке, могли быть использованы для подлинно научных исследований и обобщений².

Однако этот период остался далеко позади. В годы второй мировой войны положение в американской этнографии резко изменилось в худшую сторону. «Кризис буржуазной этнографии», — указывает С. П. Толстов, — вступил в новую фазу³. На первое место вышли новые школы: школа «современных общин» во главе с Уорнером, психорасистская школа во главе с Кардинером и Линтоном, школа «аккультурации» во главе с Герсковичем.

Следует отметить, что появление новых школ менее всего является результатом внутреннего развития американской этнографии. О развитии вообще говорить не приходится. Идет процесс дальнейшего загнивания, дальнейшего идейного вырождения американской этнографии. В основе этого процесса, нашедшего свое выражение и в изменении профиля журнала, лежит поворот правящих кругов Соединенных Штатов к агрессивному курсу в международной политике. Новые школы в американской этнографии для того и возникли, чтобы теоретически оправдать и обосновать «необходимость» завоевания Соединенными Штатами мирового господства.

«*American Anthropologist*» утратил те признаки, которые были характерны для него в прошлом. Если раньше он страдал от недостатка широких теоретических обобщений, то теперь он страдает от недостатка новых фактических данных. Статьи, помещаемые в нем, носят по преимуществу абстрактный, «теоретизирующий» характер. Конкретный фактический материал привлекается лишь в качестве иллюстраций каких-либо общих положений, имеющих отношение не столько к этнографии, сколько, чаще всего, к психологии и психиатрии. Вопросам этнографии индейцев Северной Америки уделяется все меньше внимания. Все большее число статей посвящается странам Азии и Океании. Если, например, в 1928 г. индейцам Северной Америки было посвящено 23 статьи, а народам Азии и Океании — 1, то в 1952 г. первым посвящено всего 7 статей, а последним — 5. В 1952 г. большее число статей (5) посвящено общим вопросам. Один из выпусков (№ 3) почти целиком посвящен вопросам преподавания разных отраслей «антропологии».

Между тем огромное научное наследство, оставленное учеными XIX и начала XX вв., — вопросы истории и этнографии индейцев Северной Америки не разрабатываются. Фентон в статье «Обучение исторических этнологов в Америке» (1952, № 3) напоминает, что только в архиве Бюро американской этнологии хранится около 4 тысяч неопубликованных рукописей Пуэлла, Хьюитта, Муни, Дорси и других, в библиотеке Американского философского общества хранятся неопубликованные рукописи Боаса и Слека в других местах — огромное число фотографий, фонозаписей. В университетской библиотеке в Мичигане хранятся донесения суперинтенданта по делам индейцев Джона Стюарта (1717—1779), в которые не заглядывал ни один американский этнограф. Материалов так много, что можно проследить историю почти каждой племенной группы на протяжении 100—150 лет. Об этом же пишет Тувер в статье «Архивные материалы для антрополога в национальных архивах» (1941, № 4).

¹ См. «*American Anthropologist*», 1946, № 2, стр. 298.

² С. П. Толстов, Кризис буржуазной этнографии, сборн. «Англо-американская этнография на службе империализма», «Труды Ин-та этнографии», т. XII, М., 1951, стр. 15.

³ Там же

Но эти материалы никем не изучаются, не используются. Американские этнографы, выполняя заказ американских монополий, заняты навешиванием клеветнических психорасистских ярлыков на все народы мира и в первую очередь на независимые народы, стоящие на страже мира и демократии; они изучают «современные общины», т. е. участвуют в деле эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения своей страны; они изучают процесс «аккультурации», т. е. участвуют в деле закабаления и систематического ограбления американскими монополиями народов других стран, особенно остальных стран.

Содержание журнала за 1952 г. показывает, как далеко зашел процесс разложения и гниения реакционной американской этнографии. Мы не найдем здесь статей, посвященных описанию поселений, жилищ, одежды, утвари, орудий труда, хозяйственной деятельности тех или иных народов. Вместо этого журнал предлагает нам статьи об убийствах среди индейцев, о сновидениях индейцев, об охоте за головами у папуасов, о колдовстве у африканцев, о вере в духов у микронезийцев, о необходимости мифов для американцев и т. п.

Коллинс в статье «Интерпретация внутригруппового конфликта у индейцев скажит при помощи теории аккультурации» отмечает, что среди индейцев штата Вашингтон имеются случаи убийств родственников, между тем как до прихода «белых» таких случаев не было. Как же автор объясняет это явление? Оказывается, к убийствам будто бы ведут те «психические напряжения», которые существовали «до белых». Автор рассуждает следующим образом. Дело, видите ли, в том, что убивают обычно родственников определенной степени, а такое родство существовало и до «белых» (стр. 348). А раз такое родство существовало, то, полагает автор, и «психические напряжения» существовали будто бы испокон веков. Однако до «белых» они никак не проявлялись, ибо этому препятствовали древние обычаи. Пришли «белые», разрушили древние обычаи, и «психические напряжения» стали вызывать убийства.

Если бы автор задался вопросом о том, сколько индейцев штата Вашингтон убито «белыми», как современные «белые» угнетают и разоряют индейцев, морят их голодом, сводят преждевременно в могилу, он бы понял, вероятно, и те немногочисленные факты, когда один индеец убивает другого индейца. Дело здесь не в родстве, и не в «психическом напряжении», а в невыносимых условиях жизни, созданных для индейцев американским правительством.

Статья Доротти Эгган «Содержание снов, призыв к социальной науке» трактует вопросы психорасизма. Этнографка, пишет она, изучала раньше только культуру, а теперь произошло «соединение понятий культуры и личности». Автор признает, что «результат этого соединения выглядит довольно безобразно», но утешает себя своеобразным доводом: «наука имеет ракообразную форму движения» (стр. 469). Автор настаивает на необходимости изучения сновидений индейцев, ибо это «полезно» для определения расистского понятия «основной личности» (стр. 484). Она «изучила» 254 сновидения одного индейца племени хопи (записывала сны с 1939 г.) и утверждает, что, хотя образ жизни, хозяйство, одежда хопи изменились, но их «основная личность», судя по сновидениям, осталась та же. Что касается самих снов, то автор трактует их конечно по Фрейдю и его американским последователям. Вся статья не имеет никакого отношения к этнографии и вообще к науке.

Юстус Кроф пишет об охоте за головами на южном берегу Новой Гвинеи. С внешней стороны это вполне «научная» статья, а на деле это наглая клевета на папуасов. Автор утверждает, что 15 тыс. папуасов маринд-аним за четверть века убили будто бы 15 тыс. папуасов внутренних районов; жители двух небольших деревень за три года «добыли» будто бы около 100 голов (стр. 224). Все это — наглая ложь. Этот обычай никогда не имел столь широкого распространения (и не мог иметь, иначе папуасы давно исчезли бы с лица земли), а в настоящее время почти исчез. Он исчез бы совершенно, если бы колонизаторы, в том числе и на южном берегу Новой Гвинеи, не пытались его законсервировать так же, как они пытаются, например, законсервировать веру в духов на атолле Ифалук (о чем ниже).

Голландская администрация, читаем мы в одном из сборников, «приспособила» папуасский обычай охоты за головами для своих целей. Она купила все черепа, которые хранились папуасами в своих хижинах, и стала выдавать их напрокат папуасам, получая от этого немалую выгоду. «Это приспособление, — читаем мы далее, — было основано на маленькой детали, интересной не только для этнографа (но и для правительства-ростовщика, — Н. Б.); а именно: хотя головы необходимы для брака и ни один мужчина не может без них жениться, но народ считает главным не добывание голов, а обладание ими»⁴. Автор статьи об охоте за головами, голландец по происхождению, должен был бы знать, что сейчас на южном берегу Новой Гвинеи «добывают» головы чиновники голландского правительства, а не папуасы.

Народам Африки посвящена статья австралийского этнографа Наделя «Колдовство в четырех африканских обществах». Он сравнивает колдовство у племен нупе и гвари (Северная Нигерия) и у племен коронго и месакин (Центральный Судан). Автор задался целью проверить «столь часто обсуждаемую гипотезу, предположив, что опыты

⁴ См. «The North American Indian to-day», Toronto, 1943, стр. 253.

раннего детства представляют собой решающую детерминанту культуры» (стр. 18). У племен нупе и гвари сын будто бы ненавидит отца. Правда, факты, как признает автор, этого не подтверждают (стр. 21), но... тем хуже для фактов. Эта мнимая ненависть подавляется и т. д., а потом она «проецирует» себя в колдовстве. У племен месакин колдовство иное, чем у нупе и гвари, а у коронго его вообще нет. Между тем, замечает автор, практика кормления грудных детей у всех четырех племен одинакова (стр. 23). В итоге автор приходит к выводу, что надо учитывать не только опыт раннего детства, но и опыт взрослых. Он считает, что колдовство, конечно, необходимо для африканцев, так как направляет «враждебные импульсы по сравнительно безобидным путям» (стр. 28).

Спиро пишет о вере в духов среди микронезийцев маленького атолла Ифалук. Население этого атолла составляет всего 250 человек, занимается рыболовством и мотыжным земледелием, управляется пятью наследственными вождями и, между прочим, верит в существование духов. Зачем им нужна вера в духов? — спрашивает автор. Оказывается, затем, чтобы дать выход проявлениям все той же мнимой «агрессивной природы человека». Если не дать выхода, то будет, пугает автор, «дезинтеграция личности, если не разрушение организма» (стр. 499). Чтобы этого не произошло, микронезийцы и придумали будто бы веру в духов и обращают всю свою «агрессию» против них. Они создали «социально приемлемый канал для выражения агрессии» (там же). Значит, заявляет автор, вера в духов необходима, ее надо сохранить. «Исчезновение этой веры... было бы гибелью для общества Ифалук» (стр. 502).

Готеский в статье «Природа мифа и общество» заявляет, что сейчас — «атомный век мировых войн, революций и тоталитарных мировых обществ» (стр. 523). В такое время, говорит он, мифы необходимы, они помогают «укреплять и охранять (буржуазную) культуру от разрыва и разрушения» (стр. 530). Автор, как видно, понимает, что подлинно научное мышление ослабляет, уничтожает капитализм, поэтому он проповедует отказ от науки, ругает за мистику.

Э. Биглхол в своей рецензии расхваливает книгу Джозефа и Мэррея об острове Сайпан (Микронезия), в которой речь идет о «структуре личности» коренного населения, даются «полезные» для администраторов советы. Симпсон (№ 4) дает положительную оценку книге Рубина о системе «касты и класса» в южных штатах, оправдывающей, подобно однотипным книгам Дэвиса и Гарднеров, Доллада, Поулдермека и других, жестокую расовую дискриминацию негров в США. Кора дю Буа (№ 3) и М. Мид (№ 3) рецензируют книги по психологии и психиатрии, обнаруживая полную беспомощность в этих вопросах, а последняя, кроме того, повышенную склонность к порнографии.

Хонигман пишет о «культурных» взаимоотношениях между эскимосами, индейцами и канадцами на восточном берегу Гудзонова залива (Great Whale River). В небольшом районе насчитывается 193 эскимоса, 171 индеец и 4 или 5 «белых» канадцев. Эскимосы и индейцы охотятся за пушным зверем. Канадцы, служащие торговой компании, скупают у охотников за бесценок меха, продают втридорога необходимые им товары, бесовестно обманывают и обсытывают коренных жителей. Эскимосы и индейцы часто голодают. Например, зимой 1950 г. среди них был голод, но служащие торговой компании ни в чем им не помогли (стр. 521). По словам автора, служащие торговой компании считают себя «высшей расой» (стр. 520), они избегают сношений с эскимосами и индейцами.

К сожалению, автор изучает только «культурные» взаимоотношения, т. е. вопросы заимствования отдельных культурных явлений индейцами у эскимосов, эскимосами у индейцев, теми и другими у канадцев и т. п. Но даже при такой поверхностной точке зрения он не может не заметить быющих в глаза фактов преступно-несправедливого отношения канадцев к индейцам и эскимосам. В небольшом районе как в капле воды отразилась система беспощадной эксплуатации и расовой дискриминации коренного населения Северной Америки.

Эрасмус в статье «Вождь против традиции; изучение конкретного случая» пишет о восстании индейцев небольшого района в штате Сонора (Мексика). Население здесь живет в деревнях, с числом жителей от 50 до нескольких сотен, и состоит из индейцев, метисов и «белых» мексиканцев. Последние жестоко эксплуатируют коренных жителей, отнимают у них общинные земли. Они строят свои дома на общинной земле близ деревни Тенья, на берегу Калифорнийского залива. Они рубят общинные леса, лишают индейцев топлива.

В 1945 г. индеец по имени Гиобила организовал движение сопротивления. Главным пунктом его программы была защита общинных земель. Предполагалось сжечь дома «белых» мексиканцев, построенные на общинных землях, изгнать «белых» лесорубов и т. д. В городке Масиака состоялась демонстрация — члены организации прошли по городу с флагами. Гиобила был арестован, движение временно подавлено.

Автор, как и полагается буржуазному ученому, приписывает этому движению «националистический» и даже «фашистский» характер. На деле это было освободительное движение, охватившее значительную часть угнетенного населения данного района, направленное против эксплуататоров.

Почти весь третий выпуск журнала за 1952 г. посвящен вопросам преподавания разных отраслей «антропологии». Маккоун говорит о важности генетики для физического антрополога. Чеппл пишет о широких «прикладных» задачах американской

этнографии. М. Мид заявляет о том, что этнограф должен быть знаком с приемами психоанализа. Вот по каким «путям» идет сейчас американская «антропология»: генетика, психоанализ.

Вопросы преподавания этнографии в США ставились журналом и раньше. В 1949 г. в № 3 была помещена статья Герсковица на эту тему, в 1950 г. в № 3 статья Фогелин «Антропология в американских университетах». Постановка этих вопросов связана с появлением новых школ в американской этнографии и новых задач, выдвигаемых империализмом США перед американскими этнографами.

Джон Эмбри открыто признает, что внутри США этнограф помогает монополиям угнетать рабочих, а за пределами США — помогает тем же монополиям грабить остальные народы (1950, № 3, стр. 431). В задачи этнографа входит восхваление пресловутого «американского образа жизни».

Одной из позорных страниц в истории американской этнографии является выступление ряда американских этнографов с «обоснованием» необходимости установления в Микронезии американской военной администрации. Они отвергли мысль о самоопределении микронезийцев, они отвергали даже мысль о гражданской администрации. Они утверждали, что для «счастья» микронезийцев необходима именно военная администрация США. То же американские этнографы делали и в отношении Японии. Д. Беннет (1952, № 1), рецензируя книгу Рейшауера «Соединенные Штаты и Япония», дает о ней положительный отзыв. В книге говорится, что Япония без «помощи» американских империалистов будто бы погибнет. Глава «Японский характер», отмечает с одобрением рецензент, написана целиком по расистской книге Р. Бенедикт «Хризантема и меч».

Еще более позорной страницей в истории американской этнографии является разведывательная, шпионская деятельность американских этнографов во многих странах мира, особенно в странах Юго-Восточной Азии. Так, Джон Эмбри в 1948 г. был в Сиаме и Индокитае в качестве «культурного атташе». Он открыто пишет о своих задачах: «информировать Вашингтон о происходящем», пропагандировать «американский образ жизни», короче говоря, «проводить американскую внешнюю политику» (1949, № 1, стр. 186). В 1950 г. Эмбри поместил в журнале клеветническую статью о сиамах (№ 2).

Индийская газета «Нейшнл Геральд» писала в мае 1953 г., что «американские профессора — физиологи, антропологи, социологи — во время последней мировой войны были мобилизованы для внешнеполитической разведки, и они зарекомендовали себя наиболее успешными разведчиками». Газета отмечала, что ряд фактов подобного рода уже известен из практики американского научно-исследовательского центра в Лакнау. Газета отмечала далее, что «цель многочисленных американских исследовательских центров, создаваемых в Индии, не может быть понята изолированно от американской внешней политики»⁵.

Выполняя заказ агрессивного американского империализма, «American Anthropologist» выступает с клеветой на советскую этнографическую науку, помещая лживую, безграмотную статью «Морган и советская этнографическая мысль». Автор этой статьи П. Толстой, если я знал когда-либо русский язык, то успел основательно его забыть. Название статьи С. А. Токарева «К постановке проблемы этногенеза» он пишет, по неграмотности, так: «К постановлению проблемы этногенеза» (стр. 17). Плохо зная русский язык, не имея никакого представления о том, что происходит в советской науке, он претендует тем не менее на то, чтобы дать очерк истории советской этнографии.

Советские этнографы всегда относились к Моргану с большим уважением, ибо Морган, как это отмечено еще Энгельсом, впервые ввел известный порядок в пред- историю человечества и сделал это на основе стихийно открытого им (через 40 лет после Маркса) материалистического понимания истории. Эта глубокая оценка исторического значения трудов Моргана была и остается правильной и в настоящее время. Вместе с тем советские этнографы всегда отмечали наличие у Моргана элементов эволюционизма, не ставя этого Моргану в вину (ибо в его время эволюционизм был прогрессивным течением), но одновременно указывая, что в настоящее время эволюционизм Моргана устарел и не может быть принят.

Эта диалектическая оценка Моргана осталась, разумеется, непонятной для П. Толстого. Одну часть этой оценки (эволюционизм Моргана был в то время прогрессивным) он приписал одному «периоду» в истории советской этнографии, а другую часть (сейчас эволюционизм устарел) другому «периоду». Тезис автора о наличии двух «периодов» в истории советской этнографии не выдерживает, конечно, никакой критики. Автор обвиняет советских этнографов в «национализме». Это значит или не понимать смысла этого термина, или потерять всякое чувство меры и приличия. Что такое национализм? Это политика порабощения слабых наций, политика эксплуатации и угнетения народов колоний и зависимых стран; это идеология превосходства одних наций над другими. Где, в каких трудах советских этнографов автор нашел что-либо подобное? Почему он не привел ни одной цитаты, которая подтверждала бы его обвинение? Потому, что нет таких трудов и цитат. Значит, это обвинение не может быть понято иначе, как клевета.

⁵ См. газ. «Правда» от 11 мая 1953 г.

В СССР господствует политика равноправия больших и малых наций, политика дружбы народов и идеология, соответствующая этой политике. Советские этнографы прилагают свои усилия к тому, чтобы и дальше развивать и укреплять дружбу народов, эту движущую силу советского общества, исходя из того, что «разница в цвете кожи или в языке, культурном уроне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие»⁶.

Но это не означает, конечно, чтобы советской этнографии свойственен был национальный нигилизм. Ни один народ не страдает пренебрежительным отношением к своим национальным особенностям. Каждый народ гордится своим вкладом в сокровищницу мировой культуры. Вполне понятно поэтому, что советские этнографы, служа своему народу, стремятся исправить ту историческую несправедливость, которая выразилась в пренебрежительном отношении зарубежных ученых к русской науке, в частности к этнографии. До сих пор достижения русской этнографии замалчиваются, скажем, в США. Роберт Лоуи ухитрился написать книгу по истории этнографии, не упомянув ни одного русского имени. Стивен Рид ухитрился изложить историю изучения папуасов Новой Гвинеи, не упомянув имени Миклухо-Маклая. Что же удивительного в том, если советские этнографы, сохраняющие и развивающие славное наследство передовой русской науки, ставят по-новому вопрос о роли русских ученых? Кто может упрекнуть нас в том, что мы по праву гордимся своими великими предшественниками? «Каждый, в том числе и русские, — говорил М. И. Калинин, — гордится своей национальностью, да и не может не гордиться: ведь он же сын своего народа!»⁷.

Конечно, к автору статьи, П. Толстому, это не относится. Он давно потерял право считать себя сыном своего народа. Он позволяет себе пренебрежительно отнестись к вопросу о приоритете русских ученых в разных областях этнографии и даже самую постановку этого вопроса характеризует как проявление «национализма». Это вполне понятно для человека, утратившего чувство родины, ставшего «беспаспортным бродягой в человечестве». Но было бы совершенно непонятно, если бы советские этнографы вели себя столь же недостойным образом.

Политическое лицо автора становится совершенно ясным, когда он начинает выражать недовольство по поводу того, что за последние годы в журнале «Советская этнография» появился ряд статей, разоблачающих антинаучный, расистский характер реакционной американской этнографии и антропологии. Этим он срывает с себя окончательно маску учености, «объективности» и показывает свое подлинное лицо агента американского расизма и мракобесия.

Мы охарактеризовали содержание почти всех этнографических статей, помещенных в журнале в 1952 г., и некоторых рецензий⁸. Из приведенных материалов видно, что журнал «American Anthropologist» утратил свой научный облик. Он стал органом американских монополий, мечтающих о мировом господстве.

В современной американской этнографии сложилось своеобразное положение. Представителей «модных» школ численно не так уж много, но они господствуют, навязывают своими статьями все журналы. Противников этих школ, по всей вероятности, больше, чем их сторонников, но они отнесены на задний план. Такова «свобода» мысли в американской этнографии, так выглядит «демократия» по-американски.

Это своеобразное положение нашло свое отражение и в журнале. Редакция журнала вынуждена печатать такие статьи, которые отражают протест прогрессивных слоев американского общества против «модных» антинаучных школ и концепций. Но она оттирает эти статьи на задний план, в раздел рецензий, кратких заметок и сообщений.

Генри и Винокур (№ 3) в рецензии на сборник «Психоанализ и культура» высмеивают попытки авторов статей, помещенных в сборнике, применить психоанализ к трактовке социальных явлений. Авторы статей, пишут рецензенты, не знают тех фактов, о которых они говорят, и ничем не подкрепляют свои выводы, «просто не приводят никаких данных» (стр. 413). Джон Гольден (№ 1), рецензируя клеветнические книги М. Мид о «советском характере» и Горера и Рикмана о «русском характере», отмечает бездоказательность утверждений авторов, их безграмотность.

Кеннард (№ 4) в рецензии на книгу Л. Томпсон «Личность и управление, выводы и рекомендации», «Исследования индейской администрации» пишет, что ничего нового в рекомендациях автора, кроме терминологии, нет (стр. 560). Тем самым рецензент констатирует полный провал всего «проекта» исследования индейской администрации.

Надо сказать, что в свое время этот «проект», или «программа» (Indian Personality and Administration Research Program) рекламировался с большим шумом. Соответствующий комитет был создан по инициативе «комиссионера» по делам индейцев Джона Кольера и председателя чикагского «комитета человеческого развития» Ллойда Уорнера. «Координатором» была назначена Лаура Томпсон. В комитет вошло много этнографов, социологов, психологов, психиатров, лингвистов, педагогов, врачей

⁶ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

⁷ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, 1947, стр. 179.

⁸ Статьи по вопросам археологии (3), антропологии (2) и этнолингвистики (2) из сборника исключены.

чиновников из «Управления по делам индейцев». Все они прошли специальную подготовку по методике «социопсихологического» анализа. Был создан также «консультативный комитет», куда вошли: М. Мид, Р. Бенедикт, Дж. Доллад, Хэллоуэл, Ключкоун, Мэкил, Оплер, Ф. Эгган, Клопфер (директор института Роршаха) и другие. Намечено было изучить методами «социопсихологического» анализа около 1000 детей в возрасте от шести лет из племен хопи, сиу, навахо, папаго, суньи. Полевые исследования были начаты в 1941 г. Примерно с этого времени статьи членов комитета начали появляться в самых различных журналах. Затем начали выходить монографии: 1) L. Thompson and A. Joseph. *The Hopi way*, 1944; 2) G. Macgregor. *Warriors without weapons* (о сиу), 1946; 3) C. Kluckhohn and D. Leighton. *Children of the people* (о навахо), 1948, и т. д. Недавно вышла книга о папаго. Материалы о суньи еще находятся в печати. Комитет продолжает свою работу.

В предисловии к книге Макгрегора об индейцах сиу В. Битти писал: «Почему в это время (в годы второй мировой войны.— Н. Б.) должны мы заниматься анализом того, что происходило и происходит в жизни нескольких тысяч индейцев сиу?» И отвечал: «Это изучение может помочь найти путь к более разумным и лучшим отношениям между народами».

Таким образом, перед нами далеко рассчитанная «программа» закабаления и систематического ограбления американским империализмом народов других стран по индейскому «образцу».

Ключкоун и Лейтон в книге о навахо заявляют, что они говорят не только о навахо. США и Англия, пишут они, должны признать свою «ответственность во всех частях мира по отношению ко всем видам «примитивных» или частично индустриализованных народов». В книге о навахо излагаются, видите ли, «многие из самых центральных дилемм мирового общества, видимых в микрокосме»⁹. По мнению авторов, «Navaho Service слишком много занималось материальными вещами». Нужно заняться «неосознаваемыми факторами».

Маннерс в статье «Этнография и культура в состоянии кризиса», напечатанной в разделе кратких заметок и сообщений (№ 1) пишет о книге Л. Томпсон «Культура в состоянии кризиса. Изучение индейцев хопи». После каждой монографии об отдельном племени предполагалось выпускать приложение к ней, в котором трактовались бы вопросы администрации в применении к данному племени. Книга Л. Томпсон является первым из таких приложений. Маннерс приводит интересные данные: среди хопи (30 тыс. человек) одновременно работало свыше 50 этнографов, психологов, психиатров, лингвистов, экономистов, педагогов, администраторов. Они изучали «структуру личности». Их выводы, по словам Томпсон, имеют «планетарное значение». Главный вывод — хопи нужна не материальная помощь, а «психическая». Надо «помочь» сохранить им прежний образ жизни, соответствующий их «структуре личности».

Маннерс отвергает этот вывод. Он справедливо указывает, что прежний образ жизни хопи ушел в прошлое, они ведут теперь товарное хозяйство, связаны с рынком. Их нельзя изолировать. Им нужна именно материальная помощь. «Смерть людей от голода сильнее дезинтегрирует их личность, чем потеря ритуала», — иронизирует Маннерс (стр. 131). Главное — это экономика, а не идеология (стр. 128). Он удивляется тому, как можно считать производство, добывание пищи второстепенным делом (стр. 131).

Затем Маннерс начинает говорить о современной американской этнографии вообще. Он не возражает против введения новых методов исследования, против нарушения старых традиций. «Но работы многих «модных» этнографов, — пишет он, — нарушают не столько традицию, сколько научность и научный метод. На это жалуются многие ныне «непопулярные» (американские) этнографы» (стр. 134).

Возможно, что такие школы, как психорасизм, школа аккультурации, школа современных общин, будут еще некоторое время господствовать в американской этнографии. Но их ждет бесславный конец. Рано или поздно эта позорная страница в истории американской этнографической науки будет закрыта. Силы мира и демократии, силы прогресса, в том числе и научного прогресса, одержат в США победу.

Н. Бутинов

⁹ C. Kluckhohn and D. Leighton, *The Navaho*, N. Y., 1948, стр. XVI.

НАРОДЫ СССР

ВОПРОСЫ ТУРКМЕНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В ЛИТЕРАТУРЕ 1950—1952 гг.

(На русском языке)

Опубликованные в рассматриваемый период работы, посвященные этнографическому изучению туркмен, принадлежат в основном сотрудникам Института этнографии Академии Наук СССР. В республиканских изданиях вопросы этнографии туркмен затрагивались в работах специалистов смежных дисциплин — историков, археологов, антропологов.

Так, на страницах журнала «Известия Академии наук Туркменской ССР»¹ было опубликовано несколько исторических статей, содержащих некоторые этнографические данные или затрагивающих вопросы этногенеза туркменского народа.

Среди этих работ наибольший интерес для этнографов представляют статьи историка А. А. Рослякова «К вопросу об этногенезе туркмен» (1950, № 5), «К вопросу о государственной организации туркмен в средние века» (1951, № 1), «Основные черты военной системы азиатских степняков» (1951, № 2) и «Первые сельджукиды» (1951, № 3); два сообщения (I и II) А. И. Акатовой «Туркменские племена накануне присоединения к России» (1950, № 5 и 6); работа В. А. Лезипой «Жилище туркмен эрсари Керкинского района» (1952, № 3) и статья Л. В. Ошанина «Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен» (1952, № 4).

В изданиях Института этнографии АН СССР непосредственно этнографии туркмен посвящены статьи Я. Р. Винникова «Новый быт туркменских колхозов Марыйской области»², «Современное жилище колхозников-туркмен Марыйской области»³, «Туркмены Джиликкульского района Таджикской ССР»⁴ и А. Н. Бернштама «Некоторые данные к этногенезу туркмен»⁵.

В «Трудах Хорезмской экспедиции»⁶ статьей «Итоги работ туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.», принадлежащей автору настоящей заметки, начата публикация материалов о туркменах Хорезмского оазиса.

Перечень работ, вышедших в 1950—1952 гг. и содержащих некоторый материал по этнографии туркмен, был бы неполным, если бы мы не упомянули о небольшой книге О. М. Джумаева «К истории орошаемого земледелия в Туркменистане» (Ашхабад, 1951), а также о двух авторефератах диссертаций — Н. Кулиева «Пережитки прошлого в сознании людей в условиях Советского Туркменистана» (М., 1952) и А. И. Акатовой «Туркменистан в составе Российской империи» (М., 1951).

Рассмотрим некоторые из перечисленных работ.

Статья А. А. Рослякова «К вопросу об этногенезе туркмен»⁷ посвящена рассмотрению условий формирования туркменской народности на протяжении III—XI вв. н. э. Присоединяясь к мнению С. П. Толстова о том, что древнейшими предками современных туркмен были фрако-киммерийские, скифо-сарматские и отчасти восточно-иранские племена, автор устанавливает два пути, которыми шел процесс сложения туркменской народности. В предгорьях и речных долинах южного Туркменистана рано развились земледелие и ремесла и возникли связи с Ираном. В этих районах местная, видимо, сакская, этническая среда восприняла иранский язык. В степных районах севера и юга Туркменистана развилось скотоводство. Пришедшие сюда тюркоязычные племена смешались с жившими здесь ранее среднеазиатскими племенами, которые усвоили тюркский язык. Несмотря на языковые и другие различия, жители этих двух областей, как потомки сакских и массагетских племен, сохранили множество общих черт, что способствовало в дальнейшем их слиянию в единую туркменскую народность.

Важным этапом в этногенезе туркменской народности был период создания на территории северного Туркменистана и юго-западного Казахстана огузских политических объединений. Огузы не были едины ни по языку, ни в социальном отношении, что не могло не отразиться на специфике формирования туркменской народности. Но А. А. Росляков справедливо отмечает, что огузы не были единственными предками этого народа, как ошибочно утверждали буржуазные авторы. Завершение процесса образования туркменской народности А. А. Росляков правильно связывает с сельджукским движением первой половины XI в. Последствием этого массового движения туркмен-огузов под предводительством сельджуков в западные и южные районы Туркменистана было слияние их с местным населением и вытеснение иранского и арабского языков туркменским на всей территории Туркменистана.

¹ До 1951 г. это издание называлось «Известия Туркменского филиала АН СССР».

² «Советская этнография», 1950, № 1.

³ Там же, № 2.

⁴ «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XVI, 1952.

⁵ «Советская этнография», 1951, № 4.

⁶ «Труды Хорезмской экспедиции», т. 1, М., 1952.

⁷ «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1950, № 5, стр. 13—19.

В тот же период (XI—XII вв.) в районах с оседлым населением (оазисы южного Туркменистана) местами происходит частичное восстановление родо-племенной организации под влиянием пришлых сельджукских кочевых элементов. Оседлое население некоторых районов, давно утратившее родо-племенную организацию, классово неоднородное, снова начинает выступать как отдельный род или племя. Это предположение А. А. Рослякова подтверждается конкретным материалом. Так, в недавнем прошлом у туркмен-нохурли четыре рода, считавшиеся древними насельниками Нохурской долины, носили названия Мелик (князь), Эрвап (старшина), Денджик (простофиля) и Сыгыр (корова).

Весьма вероятно, что до прихода огузов население нохурской долины было уже классово неоднородным и, как показывает название родов-аборигенов, составляло отдельные группы, или принадлежащие к господствующему классу (мелик, эрвап), или эксплуатируемые, носившие презрительные прозвища «денджик» и «сыгыр». С появлением сельджукских элементов и восстановлением родо-племенной организации каждая из названных групп стала рассматриваться как особый род. Этот определенный регресс в развитии общества не означал восстановления первобытно-общинного строя: родо-племенная организация продолжала сохраняться в классовом обществе. Роды Мелик и Эрвап сохраняли свое привилегированное положение и до присоединения к России входили в состав совета старейшин племени. Исследования родового состава и этногенеза других туркменских племен, вероятно, также подтвердят это предположение.

Однако, несмотря на многие интересные положения, содержащиеся в статье А. А. Рослякова, ее нельзя не признать порочной. В этой статье не получили никакого отражения гениальные мысли И. В. Сталина, высказанные им в работе «Отноительно марксизма в языкознании». Между тем номер журнала, в котором помещена статья, подписан к печати в январе 1951 г., т. е. почти семь месяцев спустя после выхода в свет работы И. В. Сталина.

А. А. Росляков пользуется антинаучной марристской терминологией. Так, он говорит, например, о «дотюркской стадии глоттогенеза» древнейших племен Средней Азии⁸. Больше того, он продолжает поддерживать проникнутое марристской концепцией положение А. Н. Бернштама о том, что «там, где, начиная с эпохи бронзы шел процесс формирования кочевого общества, там конечным результатом процесса является тюркский этногенез»⁹. Эти порочные положения сводят на нет научную ценность статьи А. А. Рослякова.

В двух других названных нами статьях, посвященных вопросу этногенеза туркменского народа, рассматриваются более ранние периоды этого процесса.

Одна из этих работ — статья археолога А. Н. Бернштама «Некоторые данные к этногенезу туркмен» в значительной мере несет на себе отпечаток прежних марристских ошибок автора, резко осужденных в печати выступавшими с критикой его другой работы «Очерк истории гуннов»¹⁰.

А. Н. Бернштам штытается «уточнить ранее выдвинутые гипотезы о происхождении туркмен в том смысле, что тюркизация среднеазиатских племен, от которых произошли огузы-туркмены, ведет свое начало от гуннов Центральной Азии»¹¹. Для подтверждения своей точки зрения о том, что древние местные массагето-аланские элементы в этническом составе туркмен были связаны с восточными пришлыми элементами огузского происхождения, автор ссылается на ряд ученых, якобы придерживающихся той же точки зрения. Среди этих ученых он называет, например, С. П. Толстова, хотя последний в этом вопросе стоит на прямо противоположной точке зрения, считая, что огузы (в более древней форме — аугасии) — племена местного массагетского происхождения и что на Восток термин «огуз» проник вместе с экспансией эфталтов в начале VI в. н. э.¹²

Для доказательства своего положения о том, что термин «огуз» появляется в истории вместе с гуннами в Монголии в первых веках до н. э., а в Средней Азии в первых веках н. э., А. Н. Бернштам приводит ряд доводов. Он повторяет и в этой

⁸ А. А. Росляков, Указ. раб., стр. 14.

⁹ А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947. Цит. по указанной статье А. А. Рослякова, стр. 14.

¹⁰ См., например, рецензии: А. Х. Рафикова, «Вопросы истории», 1952, № 5; Л. Р. Кызласова и Н. Я. Мерперта, «Вестник древней истории», 1952, № 1; З. Удалцовой, Против идеализации гуннских завоеваний, «Большевик», 1952, № 11; С. Шетинина, Порочная позиция профессора Бернштама, «Известия» от 29 марта 1953 г.

¹¹ А. Н. Бернштам, Некоторые данные к этногенезу туркмен, «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 201.

¹² С. П. Толстов, Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 50.

См. также цитируемую А. Н. Бернштамом статью С. П. Толстова, Города гузов (Историко-этнографические этюды), «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 82, прим. 93.

своей статье мысль о том, что две найденные в шестом Ноин-Уинском кургане серебряные бляхи со стилизованным изображением быка являются тотемом знатного гуннского рода Хоянь¹³. Затем на основании марровского метода превращения одних терминов в другие согласно «нормам» стадийного развития языков А. Н. Бернштам утверждает, что имя «Хоянь» может читаться как «бык»¹⁴ (тюркск.—огуз) и, таким образом, получается, что «хоянь» и «огуз» — одно и то же. Это его положение правильно было раскритиковано в рецензии А. Х. Рафикова, который отметил несостоятельность и другого довода А. Н. Бернштама в пользу прямой преемственности огузов от гуннов — идентификации личности основателя гуннского племенного союза Модэ Шаньюя с легендарным Огуз-каганом. Кстати сказать, впервые это мнение было высказано Иакинфом Бичуриным, а А. Н. Бернштам, некритично воспринявший его, лишь пытался доказать тождественность этих двух лиц¹⁵.

Наконец, важным доказательством родства туркмен через огузов с центральноазиатскими гуннами и их потомками — уйгурами А. Н. Бернштам, присоединяясь к мнению некоторых антропологов, считает ослабленную монголоидность (долихоцефалию) туркмен, утверждая, что она является результатом искусственной деформации черепа новорожденных. Такой же антропологический признак, по мнению А. Н. Бернштама, свойственен уйгурам, потомкам тех гуннов, которые оставались на месте их коренного обитания. Для сохранения этого антропологического признака потомки центральноазиатских гуннов, выселившиеся в Среднюю Азию, а за ними и туркмены ввели обычай кольцевой деформации черепа новорожденных.

Совершенно противоположной точки зрения на причины долихоцефальности туркмен придерживается известный ташкентский антрополог Л. В. Ошанин, автор второй из рассматриваемых статей «Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен». Л. В. Ошанин считает, что долихоцефалия туркмен является расовым признаком, а не результатом искусственной деформации черепа. В палеантропологических материалах экспедиции Массона, относящихся к концу II и I тыс. до н. э., автор находит подтверждение ранее высказанной им гипотезы о скифо-сарматском происхождении туркмен, унаследовавших от своих предков европеоидный долихоцефальный, в дальнейшем значительно монголизированный тип. На основании тех же находок, по мнению Л. В. Ошанина, можно считать доказанным, что часть скифо-сарматских племен входила в состав парфян, также принявших участие в этногенезе туркмен. Долихоцефальный европеоидный тип, заключает автор, был характерен для древнейшего местного населения Закаспия. Наложение повязки новорожденным, наблюдавшееся антропологами (М. Г. Левин, Л. В. Ошанин) у текинцев Мары и Ашхабада, по мнению Л. В. Ошанина, не оказывает большого влияния на форму черепа.

Статья Я. Р. Винникова «Новый быт туркменских колхозов Марыйской области» посвящена интересной, актуальной, но почти совершенно неразработанной и на туркменском материале пока еще очень мало освещенной теме. Это чуть ли не первая статья по данному вопросу.

Современный быт туркмен, как и других народов, существенно отличный от старого, дореволюционного быта, развивается в особых формах, свойственных каждому отдельному народу. Задача этнографа именно и заключается в показе этого нового, социалистического быта в его национальных формах. Подобного рода статьи можно только приветствовать. Однако Я. Р. Винников, имеющий в своем распоряжении богатый материал, иллюстрирующий новый быт туркменских колхозников, не показал его в своей обобщающей статье. Фактически нового быта мы не видим в статье. Подобное описание, за исключением очень немногих строк, применимо к любому народу любой советской республики. После обширной общей части, которая занимает половину статьи и могла быть без ущерба для дела сокращена, автор в нескольких словах говорит о новом жилище туркменских колхозников, характеризуя его как жилище городского типа. Читателю предстоит самому делать выводы, в чем же характерные черты этого нового жилища городского типа и чем, например, оно отличается от русского, украинского или казахского жилища.

Ни слова не говорится о внутреннем убранстве дома, где непременно проявляются национальные черты.

Непонятно, почему из всех разделов материального быта в статье отдается предпочтение жилищу. Характеризуя новые общественные и семейные отношения, автор отмечает только изменение в положении женщины. Сведения, которые, по мнению автора, должны служить ярким показателем роста культуры, аналитически не раскрыты. Приводя, например, данные о количестве выписываемых населением газет и журналов, Я. Р. Винников не сообщает, сколько же человек в колхозе. Совершенно

¹³ Эта гипотеза была высказана А. Н. Бернштамом в статье «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение» (Известия АН СССР, Отделение обществ. наук, 1937, № 4) и затем повторена в ряде других работ.

¹⁴ Подробнее об этом см. рецензию А. Х. Рафикова в журн. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 130.

¹⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М., 1951, стр. 56—57, 255 и др.

не приводятся данные о распространении национальной литературы, о любви к национальным песням и музыке.

Во второй статье Я. Р. Винникова «Туркмены Джиликкульского района Таджикской ССР» дается описание в основном материального быта туркмен эрсари, выселившихся в конце XIX в. в Курган-Тюбинское бекство Бухары, где они попали в тяжелые экономические условия, усугублявшиеся еще враждебным отношением местных узбекских племен. Автор подробно описывает современное хозяйство и жилище туркмен Джиликкульского района и кратко характеризует пищу, одежду и семейный быт. Материал, интересный сам по себе, важен и тем, что это одно из немногих описаний быта туркмен, живущих на территории других республик. Крайне досадно, что автор не поставил перед собой задачи выявить, в каких формах происходит развитие культуры этой компактной национальной группы в новой для нее этнической среде. Судя по материалам статьи, во внешнем быту туркмен-эрсари Таджикистана наблюдается некоторая консервация старых национальных форм, в частности жилища. Это, как нам кажется, можно объяснить тем, что туркмены-эрсари, попав в инонациональное окружение, в условия тяжелого социального и национального гнета, особенно стойко держались своих традиционных форм культуры.

Описанию быта туркменских племен накануне присоединения Туркмении к России посвящены два дополняющих друг друга сообщения А. И. Акатовой. В первом из них дано описание расселения туркменских племен во второй половине XIX в. и указано соотношение кочевого и оседлого населения. Автор совершенно справедливо отмечает, что препятствия к прочному оседанию племен «вольной» Туркмении, т. е. территории, не подвластной ни одному из окружавших ее государств, служили недостаточная база для земледелия и неблагоприятные внешнеполитические условия. Последняя причина и обуславливала в основном сохранение туркменами родо-племенной организации. А. И. Акатова показывает, что жизнь туркменских племен проходила в непрерывной борьбе за свою независимость с иранскими шахами и феодалами.

Второе сообщение посвящено описанию хозяйства и общественного устройства племен «вольной» Туркмении. Хозяйство туркмен в этот период было очень примитивно. Скотоводство считалось занятием более зажиточной части населения и преобладало над земледелием. В большинстве же районов отсутствовала строгая специализация, а земледелие и скотоводство строго не отделялись одно от другого. У туркменских племен были развиты также домашние ремесла.

Классовое расслоение туркменского общества достигло значительных размеров, происходил процесс феодализации. Крупные родовые вожди и ханы использовали родо-племенные институты для усиления своего могущества. Власть отдельных родо-племенных ханов постепенно приобретала черты аппарата насилия (постоянные вооруженные отряды, подати с населения).

А. И. Акатова, отмечая политическую раздробленность племен, в то же время показывает, что к 1880-м годам, когда началось особенно активное продвижение русских в Среднюю Азию, среди текинцев Мерва и Ахала усилилась тенденция к объединению. Однако попытки такого рода не могли привести к созданию единого государства. Причину этого автор видит в том, что внутри общества для этого еще не назрели экономические предпосылки.

Ограничиваясь таким объяснением, А. И. Акатова забывает об одной из основных причин, исключавшей возможность создания туркменского государства во второй половине XIX в. — о внешней обстановке того времени, при которой туркменские племена уже не могли сохранить своей самостоятельности и должны были быть или поработаны отсталыми феодальными государствами, за спиной которых стояла империалистическая Англия, или присоединиться к России. Борьба туркмен и персов в пограничных районах изображена в рассматриваемой статье с националистических позиций. Автор, идеализируя туркменское общество того времени, указывает на «звериную экспансию» «агрессивного Ирана», на «подлые методы нападения» иранских феодалов, создававших в пограничных с Туркменистаном районах «разбойничьи орды». Аламань истолковываются, как проявление «законного гнева и ненависти»¹⁶ туркмен. Автор забывает, что туркменские родовые вожди превращали аламань в средство наживы для себя. От набегов туркмен страдали пограничные иранские села, жителей которых они уводили в плен и продавали в рабство на рынках Хивы и Бухары.

О существовании в этих феодальных государствах рабов, которых поставляли туркмены до самого присоединения Туркмении к России, как известно, сообщают многие авторы.

Остановимся еще на двух работах, посвященных описанию современного жилища туркмен юго-восточной Туркмении.

Статья Я. Р. Винникова «Современное жилище колхозников-туркмен Марыйской области», как и разобранная выше его работа о быте туркмен того же района, представляет собой часть того большого и интересного материала, который накоплен автором в течение длительной работы в Туркмении. В статье на конкретных примерах дано описание наиболее типичных видов жилища, бытующих в настоящее время в колхозных

¹⁶ А. И. Акатова, Туркменские племена накануне присоединения к России, «Известия Туркм. филиала АН СССР», 1950, № 5, стр. 23.

поселках Марыйской области. Ценность статьи, несмотря на описательный характер, заключается в том, что это одна из первых работ, посвященных современному жилищу туркмен¹⁷. К сожалению, автор неудачно расположил материал. Он описал типы жилища, бытующие в современных колхозных поселках, в хронологической последовательности, а не по степени их распространения в настоящее время. Таким образом, наиболее распространенное теперь в колхозных аулах жилище городского типа, как называет его автор, охарактеризовано в последнюю очередь, хотя упоминается оно несколько раз ранее.

Вторая из рассматриваемых статей «Жилище туркмен-эрсари Керкинского района» написана археологом В. А. Левиной. В отличие от статьи Я. Р. Винникова, в которой рассматривается жилище туркмен-текинцев, перешедших к оседлости уже в наши дни, статья В. А. Левиной посвящена жилищу, имеющему длительное развитие.

В. А. Левина правильно отмечает, что многие туркмены и среди них анаули, али-эли, нохурли, мукры и эрсари имеют давние строительные традиции и свои собственные кадры строителей. Рассматривая конкретные формы жилища колхозных поселков Керкинского района, автор приходит к выводу, что сложившаяся к настоящему времени форма «ховлы» впитала опыт многих поколений туркмен-эрсари. Народные мастера учитывают при строительстве климатические и сейсмические условия района и местные строительные материалы. В. А. Левина характеризует жилище главным образом со стороны его архитектурных особенностей и совершенно не освещает вопросов бытового использования помещений, что, с нашей точки зрения, значительно снижает ценность исследования.

* * *

Обзор литературы по этнографии туркмен, вышедшей за последние три года, позволяет констатировать крайне недостаточное этнографическое изучение туркменского народа. Этнографические публикации по туркменам сосредоточены исключительно в изданиях Института этнографии АН СССР. В работах, публикуемых в республиканских изданиях, этнографические материалы привлекаются недостаточно. Исследованию подвергались лишь отдельные стороны истории и материальной культуры туркменского народа. Из поля зрения этнографов и историков-туркменоведов выпало исследование хозяйства, ремесла, социальной организации, народного костюма, фольклора и других сторон столь богатой материальной и духовной культуры народа. Более того, разобранные нами выше работы, посвященные исследованию материальной культуры, ограничены территориально, они касаются главным образом туркмен юго-восточной Туркмении.

В то же время нельзя не отметить, что в литературе последних лет начали появляться совершенно новые актуальные темы туркменской этнографии — показ «стелных» сторон социалистической культуры и быта туркменского народа. Эти темы требуют дальнейшего углубленного исследования и широкой публикации.

Г. П. Васильева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«КАКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МЫ ВИДИМ НА ЛУНЕ?»

(Об Атласе немецкого народоведения)

С большим запозданием в наши руки попал объемистый «Атлас немецкого народоведения»¹, и хотя он издан в 1937—1939 гг. и потому не может больше считаться новинкой, существует причина, почему все-таки следует дать этому Атласу научную оценку на страницах нашего журнала. Эта причина заключается в том, что Атласом продолжают в Германии пользоваться как одним из основных пособий по этнографии немецкого народа, между тем как этот Атлас является псевдонаучным изданием, не только не помогающим понять быт народа, но, наоборот, дающим неправильное представление о немецкой культуре и быте, дискредитирующим немецкую этнографию как науку.

¹⁷ Можно указать еще только на две статьи П. Иванова: «Основные типы жилища туркмен в переходный период» и «Хозяйственные приспособления туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора», помещенные в журн. «Туркменоведение» № 11—12 за 1930 г., в которых, кстати сказать, автор описывает развитие туркменского оседлого жилища в тех же районах Марыйской области.

¹ «Atlas der deutschen Volkskunde», Herausgegeben mit Unterstützung der Deutschen Forschungsgemeinschaft von H. Harmjanz und E. Röhr, Leipzig, 1937—1939.

Атлас состоит из 120 основных и 6 дополнительных карт большого формата (75 × 75 см) и из алфавитного указателя терминов и явлений. Авторы поставили своей целью картографировать территориальное распределение отдельных явлений духовной и отчасти материальной культуры немецкого народа. К Атласу не приложено никакого специального пояснительного текста, не сделано никаких методологических пояснений. Но содержание карт показывает, что основным методом их составления был тот, который применяется всеми представителями так называемой финской школы — метод формалистический. Авторы Атласа не пожелали также указать в своем издании, кто являлся корреспондентами, от которых были получены необходимые для составления карт сведения. Видимо, составители даже не ставили перед собой вопроса о том, какое влияние на содержание этих сведений может оказать социальное положение корреспондентов, их культурный уровень, их профессия и возраст. Отсутствие этих данных в Атласе заставляет думать, что корреспондентами подбирались «средние немцы» — в меру интеллигентные, в меру культурные обыватели. Атлас составлялся обывателями, и это обстоятельство наложило свою печать на содержание карт.

При первом же, предварительном, ознакомлении с Атласом советский читатель приходит в смущение. В самом деле, что иное может вызвать такой перечень названий карт: «Понедельник как счастливый и несчастливый день», «Вторник как счастливый и несчастливый день» (так обо всех днях недели!), «Какое изображение видит народ на луне?», «Кто, по мнению детей, приносит новорожденных?», «Откуда, по мнению детей, приносят новорожденных — из земли, из воды, из-под кочка капусты и пр.?» И если после этих карт читатель находит действительно этнографические карты, но расположенные без всякой системы и связи («Ярмарка и храмовый праздник», «Стрелковый праздник», «Обычай зажигать огни», «Масляница», «Формы прощанья», «Вещие птицы», «Формы установки снопов», «Названия музыкальных инструментов танцевальной капеллы» и т. д.), все же у него остается недоверие к методологии составителей Атласа.

Атлас разбит чисто механически на 6 выпусков (примерно по 20 карт в каждом выпуске). Тематической группировки выпусков составители Атласа не придерживаются. Одноименные темы содержатся в различных выпусках и перебиваются другими темами. Тема «Какое изображение видит народ на луне?» представлена двумя картами в первом выпуске и со значительным разрывом во втором выпуске (№ 15, 16 и 22, 23). Тема «Кто, по мнению детей, приносит новорожденных?» оторвана от темы «Откуда, по мнению детей, приносят новорожденных?» (№ 18, 19, 20, 21 и 71, 72, 73, 74). Терминология праздника жатвы картографирована в четвертом выпуске, а обрядности при жатве — в пятом. В том же пятом выпуске помещены совершенно не относящиеся к сельскому хозяйству и связанным с ними обычаям и обрядам такие темы, как «Подарки школьникам при поступлении в школу» и «Формы прощанья в 1930 г.». Шестой выпуск открывается картами «Дни смены работы батраками и подмастерьями», за которыми идут «Вещие птицы», «Заговоры от болезней», «Формы ветряных мельниц» и «Музыкальные инструменты», в то время как «Шумовые инструменты» нашли себе место в третьем выпуске среди обычаев, связанных с днем Мартина и святками...

Вряд ли можно такую бессистемность объяснить какими-либо техническими причинами. Отсутствие стройности в Атласе объясняется не этим, а методологической беспомощностью составителей, если исключить возможность сознательного запутывания читателя для того, чтобы дезориентировать его, увести от основных научных проблем.

Среди 120 карт Атласа 21 карта отведена совсем пустяковым темам. У нас нет оснований возлагать ответственность за это на корреспондентов, дававших материал для карт, — корреспонденты отвечали лишь на вопросы, заданные составителями. Вопросы же были очень глубокомысленны: «Считаете ли вы понедельник счастливым или несчастливим днем? Если он счастлив, то для каких мероприятий? В каких отношениях он считается несчастливим днем?» и т. д. «Какое изображение видит народ на луне?» спрашивают составители и при этом уточняют: «Виден ли на луне мужчина или женщина или оба вместе? или только человеческое лицо? или лицо Христа? если видны люди, то в спокойном состоянии или в драке?».

Целая серия карт отвечает на вопросы, сформулированные так: «Кто, по мнению детей, приносит новорожденных?» и т. п. Ответы должны выражать, по мнению составителей, мнение детей. Составители при этом лицемерно уверяют читателя Атласа, будто они картографируют именно мнения детей, а не взрослых, которые, прекрасно зная, откуда появляются новорожденные, подсказывают своим малышам явно неправильные объяснения. Какое познавательное значение имеют такие карты? Что они иллюстрируют — районы распространения различных форм лицемерия? Таких карт в Атласе очень много — свыше 20% общего количества.

При детальном ознакомлении с Атласом читателю (правда, не без труда) удастся разбить карты по их содержанию на несколько групп, связанных общей тематикой. Эти группы следующие: 1) народные праздники и связанные с ними обычаи (50 карт), 2) распространение различных поверий (30 карт), 3) обычаи при уборке урожая (24 карты), 4) музыкальные инструменты (7 карт), 5) народные подвижные игры (4 карты) и несколько не связанных общей тематикой карт о формах ветряных

мельниц, подарках при поступлении в школу, формах прощанья и пр. Но тематика эта подается по-разному — распространение самих обычаев занимает гораздо меньшее место, чем терминология их; поэтому содержание этнографическое отходит на второй план по сравнению с простым названием явления (без раскрытия его содержания).

Карты Атласа охватывают не только территорию Германии в границах 1935 г., но также часть Чехословакии (Судетскую область) и Австрию. По мнению составителей, это, очевидно, и есть этническая территория немцев. Гитлеровцы, как известно, понимали национальную территорию немцев гораздо шире, включая в нее все области, где слышится (в той или иной мере) немецкая речь. Составители Атласа, таким образом, несколько сузили по сравнению с нацистскими представлениями границы немецкой территории; однако включение в ее состав Австрии показывает, что идеи аншлюсса (присоединения) властвовали и над авторами и составителями Атласа. Материал Атласа должен был бы подтвердить правильность принципиальных положений составителей — для этого же и определяется заранее картографируемая территория, ее рамки. Но помещенный в Атласе материал, хотя и подобранный в определенном направлении, все же расходится с принципиальной установкой составителей: он не подтверждает единства культуры немцев Германии с культурой австрийцев. Австрийцы, как это обнаруживается из анализа ряда карт Атласа, имеют собственные национальные обычаи, иногда сходные с обычаями немцев Германии, но гораздо чаще отличные от них. Черты же сходства или общности выявляются в сравнительно небольших, пограничных германо-австрийских областях, свидетельствуя не о единстве культуры этих двух народов, а о тех заимствованиях и взаимных влияниях, которые неизбежно должны были возникнуть у народов-соседей, близких по языку.

Карта № 10, имеющая общий с несколькими другими картами заголовок «Какие мировые праздники празднуются?», называется так: Kirmes, Kirchweih, Kirchtag (храмовой праздник, день освящения, престольный праздник). Судя по материалам этой карты, немцы северной территории Германии вовсе не празднуют этот «мировой» праздник. В средней полосе — от Силезии через Саксонию, Тюрингию вплоть до западной границы — празднуется *кирмес*. Южнее линии Брух — Кобург — Висбаден в Южной Германии, Баварии и в некоторых пограничных юго-западных районах Австрии празднуется *кирхвей*. По всей остальной Австрии празднуют *кирхтаг*. Если сопоставить эти данные с диалектами немецкого языка, то получится близкое совпадение границ распространения различных названий одного и того же праздника с границами распространения диалектов. Но это совпадение не дает нам ничего нового, потому что указанные три термина взяты действительно из разных диалектов. Выяснить же по карте, чем отличаются Kirmes, Kirchweih и Kirchtag по самому характеру празднования, что было бы важно именно в этнографическом отношении, по карте нельзя. Получается толчае воды в ступе. Но зато карта убедительно доказывает, что австрийцы празднуют кирхтаг, а не кирмес или кирхвей, т. е. что они имеют отличные от немцев Германии праздники.

Тот же вывод получается и при анализе карты № 12 из той же серии «мировых праздников». Карта эта называется «Канун великого поста». Составители Атласа различают три формы названия праздника (за этими различными названиями, надо полагать, скрывается и различное содержание): Fastnacht (ночь накануне поста), Fastelabend (канун поста) и Fasching (масляница). На карте видно, что население Северной Германии и Северо-Восточной Германии (бывш. Восточной и Западной Пруссии), за весьма редким исключением, не знало этого «мирового» праздника. В Северо-Западной Германии (Киль, Гамбург, Бремен, Ганновер, Брауншвейг) немцы праздновали ночь перед великим постом (фастнахт). В Саксонии к Нижней Силезии немецкое население праздновало канун поста (фастельбенд). Что же касается судетских немцев и австрийцев, то они праздновали масляницу (фашинг). Так как масляница является общеславянским праздником, празднование его немцами, жившими в Судетах, и австрийцами свидетельствует о славянском влиянии на обычаи этих народов. И в то же время оно обнаруживает различие обычаев немцев Германии и австрийцев.

Немецкая народная культура очень богата, и поэтому, несмотря на совершенно порочные методы составления Атласа, это этнографическое богатство выявляется то той, то другой своей стороной в отдельных картах. Но составители приложили много старания, чтобы обединить содержание карт, сделать их трудночитаемыми. Условные обозначения на картах нарочито дробны; почти тождественные или во всяком случае близкие явления показаны совершенно различными значками. Для примера можно привести четыре карты (№ 24, 25, 26 и 27) об обычае зажигать огни. Первые две карты дают распространение терминов и говорят о датах зажигания огней, третья карта сообщает о частоте этого обычая (в течение года) в разных местностях и только четвертая — об обычаях, сопровождающих зажигание огней. На первой карте приведен 21 случай зажигания огней и, в соответствии с этим, на карту нанесено 21 различное обозначение, между тем число этих обозначений можно было бы сократить в 4—5 раз. Так, вместо 12 различных обозначений, относящихся к зажиганию огней 21 июня (летний солнцеворот) и 24 июня (Иванов день), можно было бы дать лишь 2 таких обозначения.

В приведенных картах (и вообще во всех картах Атласа) имеется один общий недостаток — сгущение значков условных обозначений в местах наибольшей плотности населения. Получается впечатление, будто именно в этих местах и находятся основные очаги изучаемых явлений, между тем как это не всегда правильно. На картах же о зажигании огней, кроме того, очень неудачно распределены и цвета условных обозначений. В особенности неудачно сделано это на карте № 27, где все значки делятся на красные и зеленые, причем и тех и других (разной формы) одинаковое число — 12. Красных значков на карте оказалось много, зеленые же группируются лишь в отдельных местах; в результате получается невольное противопоставление явлений, между тем как они отличаются лишь деталями.

Рождеству и связанным с ним обычаям в Атласе отведено 13 карт; если к ним присоединить и тему о св. Николае, то всех карт окажется 18. Этот народный праздник отличается богатством обрядов, в которых сохраняются дохристианские верования, поэтому этнографическое изучение такого праздника приподнимает завесу над многими древними обычаями. Как же справились составители Атласа с этой темой?

Надо прямо сказать, — справились плохо, причем причина неудачи заключается вовсе не в недостатке материала, а в отсутствии методологии, в формальном методе картографирования явлений.

На карте № 37, называющейся «Кто приносит, по мнению детей, подарки в Рождественскую ночь?», показано, несмотря на 35 различных условных обозначений, только три основные легенды: 1) подарки приносит рождественский дед (дед Мороз), 2) подарки приносит младенец Иисус и 3) подарки приносит работник Рупрехт. В некоторых пограничных местностях на западе Германии небольшое место в легенде занимает и св. Николай. Во всех протестантских районах Германии детей одаряет дед Мороз; в католических — младенец Иисус. В горнопромышленных же районах Саксонии* и Тюрингии легенда говорит о работнике Рупрехте. Таким образом, легенды дают возможность не только вскрыть бытовые отличия протестантского и католического населения Германии, но и выделить из всей массы сельского населения страны горнопромышленные районы, где крестьянин с давних времен был связан с работой в рудниках.

Разделение населения по религиозному признаку еще резче подчеркнуто на карте № 38 («Название рождественской елки»). Протестантская Германия называет рождественскую елку просто «елкой» или «рождественским деревом»; католическая же — «христовым деревом».

Обрядовая сторона праздника Рождества картографирована в трех картах (№ 51, 54 и 55), из которых последние две карты отведены обрядовой кулинарии в канун Рождества (24 декабря) и Сильверстова дня (31 декабря). К сожалению, обе карты перечисляют лишь основные продукты, употребляемые в эти дни, но ничего не говорят о самой кулинарии и поэтому вовсе не вскрывают обрядовой стороны праздника. Карты, как признают в примечании и сами составители, не отвечают на поставленные вопросы о том, чем отличается рождественский и новогодний ужин от обычного праздничного и как изменяется специфика рождественской кулинарии по местностям.

Не лучше обстоит дело с другими картами рождественского цикла. Четыре карты (№ 62, 63, 64 и 65), посвященные различным персонажам Рождества, являются простым перечислением этих персонажей, необычайно загружены условными обозначениями (на карте № 64 имеется 70 различных обозначений) и представляют собой скорее ребус, чем этнографическую карту. В способе показа нет ничего картографического — в простом тексте или таблице читатель разобрался бы гораздо легче.

Все карты, отведенные темам духовной культуры, перегружены подробностями, но не вскрывают сущности явлений, показывают главным образом географическое распространение терминологии и поэтому не дают возможности судить об этнографических особенностях населения разных областей Германии. Формальный метод обесценивает даже хороший материал. Если же к формализму прибавить отсутствие ясно выраженной научной цели, то вполне понятны будут и результаты составительской работы — они ничтожны. Что, собственно говоря, хотели дать авторы Атласа в своем издании: представление о духовном облике немецкого народа? О его культурном уровне или о его суевериях? О народных праздниках или их названиях? Какие карты, какое целевое назначение имеют? На эти вопросы читатель не получает ответа из карт Атласа, и чем больше знакомится он с содержанием карт, тем большее неудовлетворение им овладевает.

Несколько лучше обстоит дело с картографированием явлений материальной культуры («материальной») условно, потому что в Атласе картографированы обычаи, связанные с этой культурой, но не сама культура).

В Атласе имеется 23 карты, посвященные уборке урожая и обычаям, с этим связанным. Из этих карт 14 отведены терминологии (названиям жатвы, снопа и пр.) и только 9 — формам установки снопов и обычаям при окончании жатвы.

Из карты № 81 (установка снопов) видно, что в северной части Германии снопы ставятся в ряды, в южной — в копны. Различия вызваны, вероятно, климатическими условиями. На карте № 82 видно, что в некоторых местностях Германии снопы не ставятся, а кладутся, однако такой способ имеет весьма ограниченное распространение. Что же касается Австрии, то там повсеместно распространено или нанизывание снопов на вертикальный шест, или (в Линце) раскладывание их на особой подставке.

Эти способы резко отличаются от всех употребляемых в Германии. Четыре карты отведены распространению различной терминологии, одна (№ 86 — сводная) всем приемам уборки. Карты необычайно перегружены условными обозначениями, причем составителями не сделано никакой попытки генерализации и сведения воедино тождественных названий, отличающихся друг от друга лишь орфографией (например, мандель, мандль, мантиль, маннелль и т. д.).

Представляют известный интерес карты о распространении обычая оставлять в поле полосу несжатого хлеба. Карта № 89 указывает «целевое назначение этого обычая» (для кого именно предназначается несжатый хлеб). Карта № 92 отведена обычаям, сопровождающим жатву последних колосьев; на карте № 96 приведены обычаи при свозе с поля последнего воза со снопами. Несколько карт (5) посвящены терминологии. В легендах к картам имеются текстовые отрывки фольклорного характера. Но и на этих картах лежит та же печать формализма, что и на остальных. Условные обозначения крайне размельчены, потому что составители картографируют не типы, а отдельные вариации. Никакой попытки свести вариации в типы авторы Атласа не делают — они сознательно избегают всякой типологии, т. е. отказываются от обобщений. Весь Атлас — сплошная эмпирика. И в этом проявляется в полной мере порочность формалистического метода Атласа.

Составители Атласа сделали все возможное, чтобы затруднить для читателя понимание сущности этнографических явлений, их типичность для определенного социального слоя населения, для данной местности. Они придали хаотический беспорядок картографируемому материалу, размельчили его, утопили в вариациях, чтобы затруднить обобщения и предотвратить установление существующих закономерностей. Они постарались увести читателя от злободневных и острых вопросов общественной жизни, от проблем культуры и быта — на луну или к аистам и зайцам, приносящим новорожденных, или к «проблеме» счастливых и несчастливых дней. Они обезличили этнографический материал, выхватив его из социальной среды, приписав все обычаи и поверья «среднему немцу», т. е. сделав попытку представить немецкую нацию единой и социально-монологичной бесклассовой общностью. Они придали своей работе наукообразную форму. И тем самым нанесли немецкой этнографической науке большой вред.

Советский читатель видит воочию, как ничтожны в научном отношении методы, отрицающие закономерность общественных явлений. Наглядный пример этого Атласа, картографировавшего отдельные частности этнографических явлений, пренебрегая их сущностью и общей формой, может предостеречь составителей будущих этнографических атласов от ряда грубых ошибок. Недостаточно собрать материал для картографирования — нужно его методологически обработать, научно обобщить. Нужно отделить основное от частных. А для всего этого недостаточно владеть техникой картографирования (которой, кстати, составители Атласа владеют очень плохо), нужно овладеть научной методологией, передовой, наиболее прогрессивной методологией, которая называется марксистской. Без этой методологии любой материал может превратиться в крошку. Так и получилось у составителей Атласа немецкого народоведения.

Крайне неряшливо внешнее оформление Атласа, а титульный лист-обложка — с широкой черной траурной каймой — всем своим видом напоминает надгробную плиту. Этой плитой составители Атласа хотели придавать немецкую этнографическую науку.

«Атлас немецкого народоведения» был издан в самую мрачную пору исторического развития Германии, когда озверелый фашизм душил всякую прогрессивную мысль, мешал развитию науки. Не только содержание Атласа, но и его внешний вид свидетельствуют об идеологическом гнете и культурном маразме фашизма. Будем надеяться, что теперь прогрессивные немецкие ученые, получившие в Германской Демократической Республике все возможности для своей исследовательской работы, сделают все для быстрого возрождения этнографической науки и подготовят новый, подлинно научный атлас немецкого народоведения.

П. И. Кушнер

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ КИТАЯ

(По работе проф. Фань Вэнь-ланя)

Проф. Фань Вэнь-лань — один из ведущих историков нового Китая. В настоящее время он занимает пост директора Института истории Китайской академии наук. Являясь автором двухтомного труда «Новая история Китая», редактором-составителем многотомного труда «Всеобщая история Китая» и целого ряда других работ,

Фань Вэнь-лань широко привлекает произведения классиков марксизма-ленинизма, стремится, исходя из марксистской методологии, трактовать вопросы истории Китая. Крупный ученый и общественный деятель, он всю свою сознательную жизнь находится в демократическом лагере, который возглавляет Коммунистическая партия Китая и ее вождь Мао Цзэ-дун. В своих работах проф. Фань Вэнь-лань широко использует богатейшие письменные источники, археологические и этнографические материалы.

В многонациональном Китае вопрос о положении различных народностей и национальных групп, их национальном самоопределении играет чрезвычайно важную роль. Впервые за свою историю ранее угнетенные народы, которых американские, английские, французские и прочие империалисты через своих агентов — миссионеров — пытались оторвать от Китая, воспряли и вместе с китайцами строят новую жизнь. Для ознакомления китайской общественности с национальной политикой Народного правительства была опубликована в общественно-теоретическом журнале «Обучение» статья Фань Вэнь-ланя «Развитие народов Китая»¹. Учитывая тот большой интерес, какой вызвала эта статья в Китае, мы даем ее краткое изложение.

Некоторые вопросы истории народов Китая

Отметив, что «450 тыс. лет тому назад Китай уже населяли так называемые синантропы (бэйцзиньжэнь)», автор ведет этногенез с эпохи неолита. Он пишет: «повсюду найденные неолитические орудия свидетельствуют о том, что несколько тысячелетий до нашей эры на всей территории страны жили люди, которые трудились, накапливали опыт, размножались и в борьбе с природой создавали свою культуру. Согласно местам расположения найденных культурных остатков можно утверждать, что неолитические люди явились предками каждого последующего народа Китая, или, иначе говоря, они были общими предками китайских народов» (стр. 45).

Не останавливаясь на том, считает он или нет целую группу южных народов также ведущими свою генеалогию от неолитических людей, населявших Китай, автор указывает, что народы развивались не обособленно, а в тесном контакте друг с другом. На основе изучения древних письменных памятников Фань Вэнь-лань дает широкую картину первоначального заселения различных территорий Китая. Так, по его мнению, собственно китайские племена раньше всех обосновались в районе течения Хуанхэ в пределах современных провинций Шэньси, Ганьсу и на Центральной равнине. Говоря о племенах мяо, ли и тайваньских горцах, автор дает подробные границы районов первоначального заселения: мяо — район течения рек Янцзы, Чжуцзян и Миньцзян, ли — остров Хайнань, а горцы — остров Тайвань. Для других юго-западных народов (в том числе ицзу), а также племен, обозначаемых в хрониках собирательно дунху, Фань Вэнь-лань указывает более общие районы — юго-запад и северо-восток. Для племен дун-и указаны приморские районы. Древние тибетцы населяли современные провинции Цинхай и Тибет. Говорится также о местах, заселенных монгольскими, дунганскими, уйгурскими племенами и о ряде других районов, населенных в древности ныне сошедшими с исторической арены племенами и народами. В течение столетий на обширной территории Китая происходили передвижения народов, шел процесс ассимиляции, ряд племен оттеснялся с равнин в горы. Подчеркивая эти факты, автор заостряет внимание на правильном изучении вопросов этногенеза, на том, что характер этногенетических процессов постоянно менялся в соответствии с изменением условий места и времени.

Мнение автора о расселении народов юго-запада: «племена мяо (ранее называемые племена «мань» и «минь», на самом деле части племен мяо.— *Прим. автора*) раньше всех появились в районе течения рек Янцзы, Чжуцзян и Миньцзян... племена и другие народы юго-запада — в юго-западных районах Китая» (стр. 45) — является бесспорным, однако остается неясным, считает ли он их автохтонным населением или же некоторая часть из них — пришельцы с других материков или частей континента. Задача столь подробного анализа вряд ли могла стоять перед автором статьи не специального журнала. Долг этнографов и антропологов, используя те материалы, которые приводит, в частности, Фань Вэнь-лань, дать ясную картину процессов этногенеза народов Китая. Указания же автора о расселении юго-западных народов были поддержаны известным этнографом китайским ученым проф. Фэй Сяо-тунем, который в своей работе о национальных меньшинствах провинции Гуйчжоу разделяет точку зрения Фань Вэнь-ланя².

Фань Вэнь-лань, описывая расселение племен дунху, указывает, что под этим общим названием фигурируют племена сунхэнь, ухуань, сяньбки, чжурчженей, киданей, маньчжуров (стр. 45). Такое раскрытие общего наименования по сведениям других китайских ученых неправомерно, ибо предки маньчжуров, чжурчженей и сунхэнь относились к тунгусским племенам известных в литературе под именем дун-и.

¹ Фань Вэнь-лань, Чжунхуа миньцзуды фачжань, «Сюэси», т. 3, № 1, 1950, стр. 45—47.

² Fei Hsiao-Tung, The minority people in Kweichow, «China monthly Review», vol. 121, № 6, Shanghai, 1951, стр. 290—291.

Как формировалась китайская народность

Во второй главе, носящей такое название, автор показывает, что благодаря быстрому подъему уровня производительных сил у китайцев они обогнали в своем развитии другие народы страны. На протяжении столетий китайские племена вступали в различные союзы с дун-и против мяо и дунху, с мяо против дун-и и т. д. Постоянное общение с другими народами вело к консолидации китайских племен и к ассимиляции ими, полностью или частично, других племен. На этой базе закладывались основы будущего формирования китайской народности. Фань Вэнь-лань пишет: «До династии Ся (III тысячелетие до н. э.—Р. И.) было объединено племя хуанди с племенами яньди и дун-и. Именно в процессе взаимной ассимиляции этих трех племен, с добавлением части ассимилированных племен ли и мяо, образовался фундамент будущей китайской народности» (стр. 45).

В своих трудах проф. Фань исходит из признания того положения, что феодализм в Китае существует с династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.), поэтому, по его мнению, рабовладельческими были династии Ся и Шан-инь. Учитывая, что вопросы древней истории Китая и, в частности, периодизация ее еще недостаточно разработаны, приведем точку зрения, высказанную проф. Го Мо-жо. Он считает, что название Ся относится не к династии, а к союзу племен или крупному племени, что династия Шан-инь была рабовладельческой и феодализм устанавливается в Китае в период Чуньшо (V в. до н. э.). Высказывая на стр. 46 мысль о прогрессивном характере общества Чжоу в период, когда они завоевали Инь, Фань Вэнь-лань расходится с мнением других китайских ученых, считающих, что в отличие от Инь, племена Чжоу еще находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому завоевание чжоусцами рабовладельческого общества Инь на первом этапе несколько затормозило развитие Китая.

Своей трактовкой этапов и путей формирования китайской народности Фань Вэнь-лань наносит сокрушительный удар буржуазно-националистическим теориям великодержавных шовинистов, стремившихся доказать, «чистоту китайской расы», принадлежность к «истинным китайцам» только тех, которые являются прямыми потомками хуанди. Охарактеризовав ту основу, которая была заложена в начале формирования китайской народности, автор отмечает, что в период Инь-Чжоу поглощение китайскими племенами других племен и слияние с ними происходили постоянно. Затем он пишет, что в период Чжань-го (V—IV вв. до н. э.) происходили смешения китайцев с племенами ди и цян (древнее название тибетских племен), в районе современной провинции Сычуань — с племенами ба и ляо, на территории Юньнани с племенами и, в долине Ляохэ с рядом племен дунху. В ходе этих смешений победителями неизменно оставались китайские племена, их основа, в которую вносили некоторые изменения ассимилированные племена.

В период между VI и III вв. до н. э. территория центрального Китая была раздроблена на ряд удельных княжеств, которые боролись между собой за господство. Автор указывает, что, когда в ходе междоусобной войны победителем вышло княжество Цинь и образовалась Циньская империя, происходит централизация государственной власти, укрепляются границы, создается китайское государство. Тем самым завершается процесс формирования китайской народности и начинается процесс «формирования великого Китая и великой китайской нации» (стр. 46)³. В периоды ранней и поздней Хань (II в. до н. э.—II в. н. э.) многие народы, такие, как южные мяо, яо, ли, и, тибетцы и другие, вошли в состав Китая в качестве национальных меньшинств. «А такие, как южные сюнну, ухуань, часть сяньби, ди, ба, очень быстро были ассимилированы китайцами» (стр. 46), причем если на севере страны чаще шла насильственная ассимиляция, то на юге ассимиляция ряда горных народов проходила путем культурного проникновения и влияния китайцев.

Несмотря на то, что в разное время чжурчжени, монголы, маньчжуры и другие завоевывали Китай, говорит автор, они в конце концов ассимилировались, так как культура китайцев была выше культуры завоевателей. Заканчивая главу, Фань Вэнь-лань пишет: «...важными причинами превращения китайской народности в основную народность были: во-первых, непрерывный (хотя и медленный) рост производительных сил и увеличение населения; во-вторых, непрекращающееся расширение культурного влияния на слабо развитые народы внутри страны, часть из которых поэтому ассимилировалась» (стр. 46). Давая отпор теории «прямых потомков хуанди», Фань Вэнь-лань восклицает: «Кто может осмелиться, подняв бокал с водой Хуанхэ, сказать: «это капли такого-то небесного потока? Никто! Так и никто не смеет указывая на китайца, говорить, что он законный, прямой потомок хунди и яньди» (стр. 46).

Каждый народ Китая имеет свою славную историю

Коммунистическая партия Китая и ее вождь товарищ Мао Цзэ-дун поставила перед всеми учеными страны задачу — вести непримиримую борьбу со всякого рода проявлениями буржуазного национализма. Столетиями маньчжурские императоры и

³ В Китайской литературе термины «народность» и «нация» обозначаются одними и теми же иероглифами (минь-цзу), что создает известную путаницу.

чиновники, а затем гоминдановские реакционеры и милитаристы усиленно разжигали межнациональную вражду и ненависть, проповедывали идеи великодержавного шовинизма. Наряду с теорией «чистоты расы» идеологи панханизма (от «хань» — самоназвания собственно китайцев) утверждали, что в Китае «нет других народов, кроме хань, а все прочие суть ответвления великого древа его». Проводя жестокую ассимиляторскую политику, прежние правители стремились вытравить из сознания малых народов чувство национального достоинства, отрицали наличие у них своей культуры, истории и т. п.

Борясь с подобными проявлениями буржуазного национализма, Фань Вэнь-лянь применяет несколько необычную классификацию, выделяя народы по их исторической роли в судьбах Китая: «1) особенно активно сопротивлявшиеся порабощению — такие, как дунгане; 2) игравшие в истории Китая важную роль — такие, как монголы, маньчжуры и другие; 3) находившиеся с древних времен в постоянном общении с китайцами — такие, как тибетцы, мао, и, ли и другие» (стр. 46). У этих народов, замечает автор, разная культура, различная численность населения, но у всех своя славная история, все они внесли свой вклад в общую историю Китая. Беда историков, пишет Фань Вэнь-лянь, что они еще очень мало знают об этих народах, между тем как история Китая это не только история китайцев, но и всех народов, населяющих его просторы.

Автор излагает далее ряд исторических сведений о революционной борьбе народов. Так, он отмечает участие дунган в крестьянском восстании Ли Цзы-чэна (XVII в.). Когда маньчжуры вторглись в Китай, дунгане района современных провинций Шэньси — Ганьсу участвовали вместе с китайцами в борьбе с завоевателями. Под влиянием Тайпинского восстания на национально-освободительную борьбу поднимаются мусульманские народы в Ганьсу и Юньнани. «Перед революцией 1911 г. монгольский народ вместе с китайцами активно выступал в борьбе против маньчжуров. В период Великой революции (1924—1927 гг. — Р. И.) революционное движение среди монголов растет, они организуют двенадцать революционных полков и военно-политическую школу» (стр. 46). На борьбу с гоминдановцами и милитаристами в период народной революции поднимается тибетский народ. В 1932 г. в провинции Сикач тибетцы поднимают вооруженное восстание, а в 1934 г. в районе Бода организуют революционное правительство. В революционной борьбе участвовали народы мяо, яо, ли, уйгуры и многие другие.

Опираясь на ленинско-сталинское учение по национальному вопросу, Коммунистическая партия Китая сумела преодолеть вековую вражду народов и объединить их в общей борьбе за новый Китай. Годы маньчжурского господства, господства милитаристов и чанкайшистской клики ушли в прошлое, перед всеми народами Китая открыт путь к счастливому будущему. В последней главе Фань Вэнь-лянь говорит о том, как беспрепятственно будет идти развитие всех национальностей, руководимых ведущей китайской нацией. Автор призывает историков, этнографов, лингвистов и литературоведов выполнить интернациональный долг каждого китайца — оказать искреннюю помощь братьям народам. Он призывает всех ученых страны помочь малым народам поднять развитие экономики, уровень культуры, национальной по форме, массовой и демократической по содержанию.

Р. Итс

НАРОДЫ АФРИКИ

И. П. Ястребова, *Южно-Африканский Союз после второй мировой войны*, Издательство Академии наук СССР, М., 1952.

Советский читатель с большим интересом ждет новых книг, посвященных африканским проблемам, и интерес этот не случаен. Вторая мировая война положила начало второму этапу общего кризиса капитализма, одной из характерных черт которого является распад колониальной системы империализма. Одни страны Азии, сбросив иго империализма, уже вошли в лагерь мира и демократии, в других — развертывается могучее национально-освободительное движение, красноречиво свидетельствующее о том, что «народы колоний не желают больше жить по-старому»¹. Возможности вывоза капиталов и сбыта товаров в азиатские страны, возможности обогащения империалистических монополий за счет эксплуатации народов Азии резко сократились.

¹ А. А. Жданов. О международном положении. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Госполитиздат, 1948, стр. 17.

«Наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и её хозяйственных последствий,—пишет И. В. Сталин,—нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка». Образовалось два параллельных мировых рынка. «Но из этого следует, что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка»².

Вот почему все больше и больше внимания империалисты уделяют Африке, которая до сих пор остается единственным и последним континентом колониальных и зависимых стран. Здесь они ищут опоры шатающимся устоям колониальной системы. Недаром в 1946—1947 гг. английская печать столько внимания уделяла вопросу о расширении британских владений в Африке, вопросу о создании обширной «Африканской колониальной империи». Африке отводится огромная роль в планах подготовки новой мировой войны. В Африке ищет приложения капитал английских, американских, французских, бельгийских и прочих монополий. Именно в Африку устремляются африканские империалисты, вытесняя оттуда старых монополистов по эксплуатации населения и природных богатств континента. Именно в Африке завязываются новые узлы противоречий между странами империалистического лагеря.

В то же время события послевоенных лет с неопровержимой ясностью показывают, что в эти планы империалистов вмешивается новая сила — воля народов Африки, их стремление к свободе, к независимости. Стачки и забастовки первых послевоенных лет в Южно-Африканском Союзе, Кении, Уганде, Бельгийском Конго, Французской Западной Африке; спровоцированное колонизаторами и потопленное в крови восстание на Мадагаскаре в 1947 г.; волнения на Золотом Берегу в 1948 г.; забастовка горняков Энугу в 1949 г.; народное движение в Египте, начавшееся в 1950 г.; из года в год крепнущее и не прекращающееся ни на один день национально-освободительное движение в Северной Африке; аграрное движение 1952—1953 гг. в Кении; наконец, кампания неповиновения расистским законам в Южно-Африканском Союзе — даже этот короткий перечень, ни в какой мере не охватывающий всей совокупности событий и не дающий представления о глубине и размахе национально-освободительного движения в Африке, говорит о том, что Африка «сбросила цепи сна»³. Национально-освободительное движение народов африканского континента широкой рекой вливается в демократическое движение народов всего мира.

Из всех африканских стран послевоенная история Южно-Африканского Союза является, пожалуй, наиболее показательной. Ему английские буржуазные политические деятели отводят особую роль в планах укрепления Британской империи. Здесь же наиболее остро сказываются англо-американские противоречия. Именно в Южно-Африканском Союзе порабощение коренного населения облечено в форму откровенной фашистско-расистской диктатуры. И нигде в Африке (кроме стран Магриба) народное сопротивление империалистическому рабству не достигло такой степени организованности, как в Южно-Африканском Союзе.

Недаром эта страна привлекает в последние годы такое внимание мировой прогрессивной общественности. Фашистский режим расовой дискриминации африканцев и индийцев служил не раз предметом обсуждения в Организации Объединенных Наций и был неоднократно осужден. Книга И. П. Ястребовой отвечает возросшим интересам наших читателей к этой стране. И в этом прежде всего значение выхода в свет рецензируемой книги. На большом фактическом материале автор показал, что чудовищная система расовой дискриминации создана и поддерживается британскими монополиями, что она служит им средством извлечения максимальных прибылей.

Первая глава книги — «Экономическое закабаление Южно-Африканского Союза английским и американским империализмом» — показывает читателю, как кучка английских монополистов в союзе с представителями местного капитала хозяйничает во всех отраслях хозяйства, направляет внешнюю и внутреннюю политику страны. «Подлинным правительством Южно-Африканского Союза является Комитет производителей золота, состоящий из представителей крупнейших золотодобывающих монополий. Эта верхушка монополистического капитала определяет всю политику правительства Южно-Африканского Союза, которое ревностно охраняет интересы золотодобывающих монополий», — пишет автор (стр. 23). В главе хорошо показан односторонний, колониальный характер экономики Южно-Африканского Союза цифрами, фактами развеян миф об экономическом «процветании» страны. Очень интересны

² И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 31—32.

³ Из стихотворения Эмэ Сезэр (поэт из Французской Западной Африки):

История! Слушай рассказ

Об Африке, сбросившей цепи сна,

О людях Дэмбокро, о людях Ямуссукро...

(«Литературная газета» от 15 марта 1950 г.)

материалы о проникновении в экономику Южно-Африканского Союза американского капитала, стремящегося закрепиться в важнейших отраслях промышленности, особенно в государственно-монополистических предприятиях, в золотодобывающей и военной промышленности. Обострилась и борьба за южноафриканский рынок. Автор показывает, как «в годы второй мировой войны США превратились в одного из ведущих поставщиков ЮАС и крупного потребителя южноафриканского экспорта» (стр. 17). И хотя господствующее положение в экономике Южно-Африканского Союза занимает Англия, позиции ее уже несколько поколеблены (стр. 20).

Во второй главе — «Неевропейское население Южно-Африканского Союза и политика расовой дискриминации» — автор пишет о бесправном положении народных масс Южно-Африканского Союза, о простых людях, чьим трудом создаются богатства монополий. Огромное большинство населения — банту, цветные и индийцы — являются объектом тяжелой эксплуатации и жесточайшего национального угнетения, принимающего формы расовой дискриминации.

Автор всесторонне показывает сложный механизм закабаления коренного населения: экспроприация земель и насильственное сселение коренного населения в отведенные ему резерваты; налоговое обложение; система контрактации — одна из форм принудительного труда и т. д. Потрясающую картину деградации представляет собой сельское хозяйство резерватов, а население их влечит жалкое существование. Мужское население резерватов вынуждено уходить на заработки на предприятия добывающей промышленности, где главным образом и применяется труд рабочих-отходников. Автор пишет о сельскохозяйственных рабочих, о рабочих обрабатывающей промышленности, о тяжелой участи всех групп трудового населения, о полуголодном существовании, о каторжном труде, о широком распространении туберкулеза и других заболеваний. В глазах империалистов наиболее «верным» средством получить почти даровую рабочую силу является политика расовой дискриминации. Разоблачая эту политику, автор показывает, как она претворяется в жизнь по отношению ко всем группам неевропейского населения, в любой области — в трудовом законодательстве, в оплате труда, в налоговой политике, в народном образовании, в медицинском обслуживании и т. д. Помогая господствовать над многонациональными угнетенными народными массами, обеспечивая предпринимателей дешевой рабочей силой, эта политика, с одной стороны, губительно отражается на некоторых группах белого населения, создавая застойную безработицу среди так называемых «белых бедняков», с другой стороны — увековечивает отсталость страны, «является серьезным препятствием на пути развития ее производительных сил», — пишет автор (стр. 49).

В третьей главе автор дает характеристику реакционных сил Южно-Африканского Союза. Приход к власти правительства Маланга, опирающегося на фашистскую националистическую партию и связанного с монополистическими кругами, ознаменовался резким усилением реакции как внутри страны, так и во внешней политике.

Четвертая и заключительная глава посвящена демократическим силам Южно-Африканского Союза и борьбе их против реакции и фашизма. История деятельности демократических и прогрессивных организаций — профсоюзов, Африканского национального конгресса, коммунистической партии, а также история демократического движения в послевоенный период — таково содержание этой главы. Большое внимание уделено вопросу о ведущей роли в антиимпериалистической борьбе пролетариата, вокруг которого группируются все наиболее демократические и прогрессивные элементы страны, вопросу о роли крестьянства, буржуазии и интеллигенции в движении. В борьбу против разгула фашистской реакции втягиваются все более и более широкие слои населения, борьба приобретает все более и более массовый характер, а размах движения таков, что «...ставит под угрозу господство империалистов, которые уже не могут хозяйничать в стране по-старому», — таков вывод автора книги.

Подводя итог сказанному выше, мы можем с удовлетворением отметить, что Издательство АН СССР выпустило интересную, полезную и нужную книгу.

Книга принадлежит перу экономиста, и это определило ее содержание. Однако и от экономиста, специалиста по Южно-Африканскому Союзу, следует ожидать большего внимания к характеристике порабощенного империалистами коренного населения. У автора оно от первой и до последней страницы книги фигурирует под наименованием «африканцы», и не знакомый со страной читатель даже не догадывается, что под этим собирательным названием подразумевается не одна, а несколько народностей, разных по языку и численности, по историческому прошлому (зулу, коса, басуто и др.). Это обстоятельство непозволительно игнорировать, так как оно сказывается и сейчас в ходе борьбы с империализмом и с еще большей силой скажется завтра после победы над империализмом. Нельзя требовать, чтобы экономист занимался специальными исследованиями этнического состава коренного населения, но дать общие сведения об этом должен и экономист. И. П. Ястребова не сделала этого, и в этом существенный недостаток ее книги.

С еще большим основанием читатель может потребовать от автора более обстоятельного анализа классового состава угнетенного и борющегося с империализмом населения. Автор правильно указывает на немногочисленность, слабость национальной буржуазии. Он говорит и о вождях племен, о феодальных и полуфеодальных элементах, служащих империалистическому правительству социальной опорой. Но эти

последние даны чрезвычайно абстрактно, без какой-либо характеристики их особенностей. Нельзя в связи с этим не вспомнить требование В. И. Ленина: «ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босака, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы»⁴.

Разобраться в вопросе, что собой представляют феодальные и полуфеодальные элементы у зулусов или коса особенно важно. Они отличаются большим своеобразием, они еще не оторвались окончательно по крайней мере формально, от искусственно поддерживаемой империалистами родо-племенной организации, они еще прикрываются старинными традициями и т. п. Автор правильно отмечает слабость крестьянского движения, но эту слабость невозможно понять и объяснить без анализа социально-политической природы этой полуфеодальной верхушки. Автор не сделал этого, и это второй существенный недостаток книги.

Следует отметить и некоторую литературную недоработанность книги — обилие неоправданных повторений и неудачных литературных оборотов.

А. Орлова

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

А. Элькин. *Коренное население Австралии*. Сокращенный перевод с английского Л. Я. Бровика и В. П. Михайлова. Предисловие и редакция профессора С. А. Токарева. Издательство иностранной литературы, М., 1952. (A. P. Elkin, *The Australian aborigines. How to understand them*. Sydney — London, 1948).

Книга «Коренное население Австралии» австралийского исследователя Элькина представляет собой одну из наиболее полных систематизаций этнографических данных о коренных жителях Австралии. Она принадлежит перу человека, который в течение многих лет жил среди австралийских аборигенов, хорошо изучил их языки, обычаи, верования, искусство, различные стороны быта. В книге исследована австралийская система родства, дана характеристика группировок внутри племени и обзор племенных подразделений, рассмотрены обычаи родства и брака. В книге основательно разработан сложный вопрос о тотемизме и его формах. Автор дает подробные сведения о тайной жизни аборигенов, различных обрядах, исследует мировоззрение и верования австралийцев.

Ценно то, что Элькин оперирует главным образом своими полевыми материалами. Он имел также широкую возможность получить многочисленные сведения об аборигенах от различных лиц из колониальной администрации, миссионеров, белых предпринимателей и т. д. Книга Элькина представляет собой, таким образом, основанное на новейших и наиболее полных данных исследование поставленного уже давно, до сих пор не вполне ясного и живо интересующего ученых вопроса об австралийских аборигенах.

Но давая богатый и весьма интересный фактический материал, чрезвычайно ценный для всякого, кто хочет составить себе правильное представление о жизни австралийских аборигенов — и в этом смысл издания книги у нас, — эта книга представляет собой творчество буржуазного автора и несет в себе все пороки так называемой «чистой науки», все нелепости идеалистических концепций в этнографии.

В самом деле.

Прогрессивные деятели и Австралии и других стран мира неоднократно выступали с осуждением той политики, которую ведут в отношении коренного населения Австралии ее правители. Политика откровенной расовой дискриминации, более того — физического уничтожения коренного населения, является традиционной политикой всех правительств Австралии, невзирая на то, какая партия там находится у власти — либеральная, аграрная или лейбористская. Недаром глава советской делегации в Организации Объединенных Наций А. Я. Вышинский назвал Австралию в числе тех стран, где «поруваны все человеческие права и свободы»¹.

Коренное население Австралии лишено самых основных прав — как гражданских, так и политических. Австралийские аборигены эксплуатируются самым жесточайшим образом. Условия их работы мало чем отличаются от рабских; оплата их труда значительно ниже, чем оплата труда белых рабочих. Но и мизерной своей зарплатой абориген не вправе распорядиться самостоятельно. К аборигенам отно-

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 383.

¹ На пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 21. X. 1949 г., «Правда» от 24 октября 1949 г.

сятся, как к животным: белые не останавливаются перед тем, чтобы извлечь выгоду из их врожденного инстинкта охотников, используя их «в полиции для выслеживания преступников вместо собак-ищеек»². На коренных жителей страны не распространяется законодательство о социальном обеспечении. Аборигены полностью бесправны и политически. Они не пользуются избирательным правом и даже вообще не считаются гражданами своей страны. «При подсчете численности населения в Союзе или в штатах... туземцы данных мест не будут учитываться» — гласит ст. 127 конституции Австралийского Союза.

Условия жизни австралийских аборигенов ужасны. Священник англиканской церкви Рендэлл из города Кунембл (на западе штата Новый Южный Уэльс) рассказывал на страницах газеты «Санди Геральд»: «В лачугах, вблизи Кунембл, живет около 100 туземцев. Им приходится питаться отбросами, которые они отыскивают в мусорных ямах. В их грязных лачугах с земляными полами, где нет даже постелей, турами летают мухи. Многие дети одеты в лохмотья, кишащие паразитами. Среди взрослых и детей свирепствуют болезни... Нет никаких, даже самых элементарных санитарных удобств..., негде стирать и мыться»³.

Не лучше положение австралийских аборигенов и в поселениях при миссиях, фермах, в резервациях.

Как же мог пройти мимо всех этих вопиющих фактов жизни аборигенов автор книги «Австралийские аборигены», имеющей претенциозный подзаголовок (не помещенный в русское переводе): «Как их понимать?» Эти факты остались вне поля его зрения потому, что он считает их безразличными для той «чистой науки», с позиций которой он пытается рассмотреть животрепещущий вопрос о коренных австралийцах. Но если подобные факты игнорировать, изучая лишь мифы, верования, обряды и т. п., то нечего и пытаться достичь «понимания» австралийских аборигенов.

Отсутствие интереса к материальной жизни аборигенов — характерная черта книги Элькина, один из основных ее пороков. Правда, в ряде мест книги он декларирует необходимость при изучении какого-либо вопроса связывать его с социальными и экономическими моментами, например, говоря о системе земледелия (стр. 31) или о понимании мифологии австралийских племен (стр. 187). Но сам он чрезвычайно мало места уделяет рассмотрению материальной культуры аборигенов — беглое и совершенно неполное описание отдельных элементов материального быта (на шести страницах), сопровождаемое неутешительным, но исполненным обещанием больше «не останавливаться на внешнем облике австралийца, его пище или способах ее добычания», почти ничего не дает читателю.

Ничего не говорится в книге об экономических отношениях внутри племени (или группы) и между племенами (группами), о системе собственности, внутриплеменного управления. Ложно представляя аборигенов как существ, не интересующихся ничем материальным, Элькин неравномерно обедняет и ограничивает и идейный мир аборигенов. Трудно поверить, что все их представления концентрируются вокруг обрядов, колдовства и т. п., что у них нет никаких понятий о собственности, об обмене, о власти, о справедливости и т. д.

В игнорировании материальной стороны жизни аборигенов проявляется идеализм Элькина — им пронизана вся его работа. Поэтому естественно, что, пытаясь дать определение основных движущих сил аборигенного общества, Элькин видит их не в экономике, не в необходимости поддерживать жизнь иногда в очень суровых условиях, а в религии, культе. «...Самый важный аспект локальной группы, — пишет он на стр. 54, — ее религиозное значение». Точно так же и связь между племенами Элькин объясняет лишь с позиций религии, культа, мифов, хотя сам же рассказывает о том, что зачастую представители одного племени отправляются на территорию другого (с согласия последнего) за нужными им материалами (стр. 144). Это, конечно, отношения, лежащие в сфере экономики, а никак не религии. Но, идя против очевидности, Элькин с достойной удивления настойчивостью твердит все одно и то же: «Группы и племена связаны между собой культом» (стр. 144).

Также с позиций идеализма подходит Элькин и к искусству австралийских аборигенов. Он не видит в художественных изображениях на бумерангах, щитах, в пещерах, в отделке обрядовых украшений ничего, что было бы связано с окружающей аборигенов действительностью, с восприятием ими реальной жизни. Происхождение этих изображений, их строй и тематику ищет он исключительно в мифах, обрядах, заклинаниях.

Будучи не в силах скрыть тот факт, что миссии и правительственные учреждения, осуществляющие «заботу» об аборигенах, глубоко им чужды, вызывают у них враждебность и недоверие, Элькин и это явление пытается объяснить со своих идейно порочных позиций. Рассматривая вопрос о возможности перехода аборигенов к оседлому образу жизни, в частности к земледелию, он признается: «Если земледелие ассоциируется у аборигена с миссией или правительственным поселением, то оно становится чуждым ему» (стр. 31). И тут же, верный своей идеалистической концепции, он объясняет это вполне законное и понятное недоверие коренных австралийцев ко всем учреждениям белых, не исходя из их жизненного опыта, а тем, что «в пред-

² «The Pacific world», Ed. by F. Osborn, London, 1945, c. 108. Copyright in USA.

³ См. «Правду» от 18 октября 1949 г.

ставлении аборигена получение урожая достигается в этом случае благодаря магической силе, свойственной только данному миссионерскому или правительственному учреждению».

Нет никакой необходимости, конечно, прибегать к какой бы то ни было «магической силе» для того, чтобы объяснить причины недоверия и враждебности аборигенов к поселениям при миссиях или правительственных учреждениях. Аборигенов загоняют в эти поселения то насилем, то обманом. Иногда у них отнимают детей, после чего родители селятся вблизи барачных миссий (впрочем, Элькин, извращая факты, утверждает, что родители сами «оставляют своих детей в миссиях», стр. 155). Жизнь аборигенов в этих поселениях протекает в ужасных условиях. Элькин сам мимоходом замечает, что помещения, отводимые для аборигенов, «тесны и редко соответствуют климату и привычкам аборигенов» (стр. 35). Расшифровать это туманное заявление нам помогает приведенное выше свидетельство священника Рендэлла. Нищета, бесправие, тирания — вот удел живущих в поселениях аборигенов. Естественно, что все мысли и желания коренного австралийца, попавшего в такое поселение, направлены к тому, чтобы возвратиться в свои родные места хотя бы перед смертью⁴. Но и эту, естественную в каждом человеке, любовь к родине изображает Элькин как какое-то мистическое чувство; он утверждает, что тяга на родину⁵ (а аборигенов загоняют в поселения, часто очень отдаленные от их родных мест) — это стремление «побывать вблизи обители душ и повидать места, освященные мифологической „историей“» (стр. 55, 56).

Чрезвычайно выпячивая все, что касается тайной жизни аборигенов, их верований и т. п., Элькин не замечает вместе с тем того, как здоровое материалистическое начало пробивает брешь в его идеалистических конструкциях. Он утверждает во многих местах своей книги, что территория племени (или группы) важна для него не «сама по себе», а лишь как место деятельности мифологических предков и обители человеческих душ. Но сам же Элькин пишет, что в случае необходимости переменить территорию «устанавливаются новые мифологические связи или мифологические предания» (стр. 42). Значит, и здесь основной момент, определяющий необходимость переселения, — соответствие данной территории потребностям и нуждам племени, а вторичный, производный момент — создание мифов, представлений об обители душ и т. д.

К числу коренных недостатков книги, вернее к порокам научных воззрений автора, следует отнести антиисторизм. Он проявляется в книге ярко и многократно. Произвольные, совершенно ненаучные сопоставления различных явлений жизни аборигенов (первобытно-общинный строй) и белых людей (капиталистическая формация) могут вызвать лишь недоумение. Можно ли всерьез сравнивать, как это, повидимому, делает Элькин, подразделение австралийских племен, локальные, тотемические группы с масонскими ложами, существовавшими в странах Европы в XVIII—XX вв. (стр. 136, 142 и др.)? (Отсюда, вероятно, и его сопоставление перламутровой раковины, заменяющей «кисточку стыдливости», с масонским фартуком, стр. 35).

Элькин проявляет самое элементарное непонимание хода исторического процесса, в частности возникновения семьи, которое он считает, повидимому, предшествовавшим возникновению племени (стр. 60).

Особый, апологетический смысл имеет утверждение автора книги о том, что «культуры белых и аборигенов, хотя и различные в некоторых отношениях, все же имеют много общего» (стр. 245). В устах Элькина это утверждение имеет реакционный смысл, преследует одну цель — оставить культуру аборигенов на том уровне, на каком она находится сейчас. Действительно, совершенно излишни попытки прогрессивных деятелей Австралии изменить, улучшить положение коренного населения страны, если и без того «как аборигены Австралии, так и белые люди — прежде всего общественные личности» (стр. 245). Нечего сказать, хороша «общественная личность», не имеющая ровно никаких гражданских прав, лишенная права голоса и даже не принимаемая во внимание при подсчете населения страны! Дальше некуда идти буржуазному ученому в своем стремлении оправдать существующий порядок вещей.

Стремление сохранить существующий порядок, в частности строй жизни австралийского племени, характерно для Элькина, как несомненного представителя функциональной школы в этнографии, сторонника так называемого «нового курса» в колониальной политике, курса на полную изоляцию коренного населения. Законсервировать, увековечить обряды, культурную жизнь аборигенов, правила и обычаи их племенного быта, даже самые отсталые — вот на что направлены усилия автора книги. С этих-то позиций он призывает белых сохранить изолированность австралийской общины, если нужно, лишь несколько изменив обряды, с тем чтобы выполняемые ими функции поддержания единства племени остались неприкосновенны. Элькин потому так ратует за сохранение всех, в том числе отсталых и вредных установлений племенной жизни, что видит возможность при их помощи более легко приспособить

⁴ Характерно, что, как сообщала коммунистическая печать Австралии, одним из требований бастовавших в 1951 г. аборигенов из поселений на Северной территории было требование разрешить им посещение родных мест. (см. газ. «Tribune», от 18 января 1951 г.).

коренных австралийцев к предназначенной им белыми колонизаторами роли — быть резервом дешевой рабочей силы для скотоводов и предпринимателей. Элькин настойчиво и откровенно призывает не нарушать тайной жизни племени, а использовать ее для «цивилизаторской и миссионерской работы» (стр. 163). Элькин пытается привлечь на службу своим планам все человечество. Он высокопарно восклицает, что «такие способы (совершение культовых обрядов.— И. В.) поддержания социальных санкций и идеалов и укрепления общественных связей необходимы не только для австралийских аборигенов, но и для всего человечества» (стр. 147). Но какая может быть необходимость и для самих аборигенов и тем более для «всего человечества» в том, например, чтобы во время обрядовых песнопений певцы начинали прыгать и наносить себе раны (стр. 146), или в том, чтобы совершались такие мучительные ритуальные телесные испытания, как вырывание ногтей, выбивание зуба, обрезание и т. д.? Есть, надо думать, у человечества более насущные задачи в отношении отсталых народностей — и это, конечно, не любованье их вредными обычаями и обрядами, а предоставление им возможностей для всестороннего развития.

Также с функционалистской точки зрения подходит Элькин и к рассмотрению того порядка оплаты труда аборигенов, при котором им выдают на руки лишь часть заработка, якобы из опасения, что аборигены раздадут деньги своим родственникам по племенам (остальная сумма вносится на особый счет в банке, а затем по частям выдается аборигену на «целесообразные» расходы с одобрения специального органа). Только в кавычках следовало бы Элькину употребить здесь выражение «забота об аборигене» со стороны белых нанимателей. На самом деле — это издевательская «опека» над аборигенами, как людьми неполноценными, неспособными понимать свою пользу, это порядок, унижающий их человеческое достоинство. Но буржуазного исследователя этот издевательский порядок не возмущает.

Не интересуясь по существу тем, что нового происходит в жизни австралийских аборигенов, Элькин исследует ее в статичном, а не в динамичном состоянии — он и не может показать читателю, какая же тенденция господствует в аборигенном обществе. На стр. 154 он отмечает как характерное явление «чувство превосходства подрастающего поколения по отношению к старым обычаям», «неуважение и презрение» к старой племенной культуре, а на стр. 155, не замечая явного противоречия, говорит о стремлении «следовать по пути, проложенному мудрыми старцами».

К недостаткам книги следует отнести и то, что в ней отсутствует описание жизни отдельной семьи, отдельных лиц. У Элькина аборигены — безликая, однородная масса. Напрашивается сопоставление такого метода исследования жизни народа с тем, который был применен нашим великим ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем. Из его описаний как живой вырисовывается облик его друзей-папуасов.

Правда, в книге можно почерпнуть отдельные сведения, относящиеся к характеристике австралийского аборигена как личности. Элькин свидетельствует, что аборигены — «миролюбивые и обходительные люди» (стр. 47). И другие исследователи Австралии также писали о том, что коренное население материка встретило белых колонизаторов мирно и даже дружелюбно (дорогой же ценой пришлось им заплатить за это доверие!). Хочет того или нет, Элькин показывает, что аборигены бескорыстны и вовсе не падали на копейные бездельюшки, как это утверждают белые. Говоря о переселениях австралийских племен, Элькин вынужден признать, что не стремление приобщиться к «благам цивилизации», не «притягательная сила белого человека с его товарами», не эти «вожделенные объекты» служат целью таких передвижений (стр. 41). Автор как будто даже несколько недоумевает по этому поводу, считая такое явление странным. В представлении буржуазного этнографа «притягательная сила» жалких подачек коренным жителям должна быть более велика, чем их нежелание сделаться жертвами эксплуатации со стороны белых.

Невольным признанием полной несостоятельности политики белых колонизаторов, их неспособности принести какую-либо пользу коренному населению Австралии звучат слова Элькина о том, что белые австралийцы в большинстве случаев ничем не могут заменить или улучшить «цикл жизни коренного населения» (стр. 244). Эта мысль характерна для Элькина, как функционалиста, — он не просто проговаривается о том, что колонизаторская политика абсолютно ничего не дала аборигенам, но он хотел бы оставить их навсегда в их первобытном состоянии.

Такова эта книга, полезная своим обильным, интересным и новым фактическим материалом, но чуждая нам по своим идеологическим исходным позициям.

Переводчики и редакторы много поработали над книгой. Она снабжена многочисленными редакционными примечаниями, которые ориентируют читателя, помогая ему правильно оценивать написанное автором. Следует отметить, впрочем, что количество пояснений, указаний, замечаний, отсылок излишне велико, содержание их зачастую повторяется. Такая несколько утомительная опека над читателем тем более излишня, что книге предпослано содержательное, интересное и подробное предисловие профессора С. А. Токарева.

СОДЕРЖАНИЕ

За тесное сотрудничество этнографов и историков	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Б. И. Шаревская (Москва). Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии	9
М. В. Витов (Москва). О классификации поселений	27
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
С. М. Абрамзон (Ленинград). Опыт монографического изучения киргизского колхоза	38
Л. Н. Чижикова (Москва). Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей	61
С. Ш. Гаджиева (Махачкала). Народное жилище каякентских кумыков	77
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Н. А. Кисляков (Ленинград). Персы (Этнографический очерк)	92
И. И. Потехин (Москва). Этнический и классовый состав населения Золотого берега	112
Дискуссии и обсуждения	
А. Нечаев, Н. Рыбакова (Москва). О некоторых проблемах фольклористики (По поводу статьи В. С. Бахтина)	134
Э. Померанцева (Москва). Некоторые вопросы изучения народного творчества современности	142
В. С. Сорокин (Ленинград). О локальных различиях в культуре нижнего палеолита	145
Народы мира (Информационные материалы)	
Г. Г. Стратанович (Ленинград). Народы Патет-Лао в борьбе за национальную независимость	161
М. В. Райт (Москва). Народ кикую (Кения)	170
Заметки. Сообщения. Рефераты	
В. Л. Воронина (Москва). Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана	176
С. Кляшторный (Ленинград). Яксарт — Сыр-Дарья	189
Хроника	
Обсуждение работы журнала «Советская этнография» в Бюро Отделения истории и философии АН СССР	191
Н. Сабитов (Алма-Ата). Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области	196
Иван Коев (София). Задачи и достижения Института этнографии и Музея при Болгарской Академии наук	200
М. В. Воробьев (Ленинград). Находка ископаемого человека в Южном Китае	201
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
С. А. Токарев. О классификации языков в учебном пособии проф. А. С. Чикобава «Введение в языкознание»	204
Б. Шаревская (Москва). Этнография Франции в период второй мировой войны и в послевоенные годы	208
Н. Бутинов (Ленинград). Журнал «American Anthropologist» в 1952 году	214

Народы СССР

- Г. П. Васильева (Москва). Вопросы туркменской этнографии в литературе 1950—1952 гг. 221

Народы зарубежной Европы

- П. И. Кушнер (Москва). «Какое изображение мы видим на луне?» (Об Атласе немецкого народоведения) 225

Народы зарубежной Азии

- Р. Итс (Ленинград). К вопросу об этнической истории народов Китая (По работе проф. Фань Вэнь-лая) 229

Народы Африки

- А. Орлова (Москва), И. П. Ястребова. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны 232

Народы Австралии

- Ир. Вайль (Москва). А. Элькин., Коренное население Австралии 235

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**